

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М.ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е.А. Степанова

**ИГИЛ И ФЕНОМЕН ИНОСТРАННЫХ
БОЕВИКОВ-ТЕРРОРИСТОВ В СИРИИ И ИРАКЕ**

Москва
ИМЭМО РАН
2020

УДК 327+343.342(5-011)+(4)+(470)
ББК 66.4(0)(5)(61)(4)
Степ 794

Рекомендовано к печати
НИС Ученого совета ИМЭМО

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.А. Кузнецов
доктор исторических наук А.В. Малашенко
кандидат философских наук В.А. Надеин-Раевский

Степ 794

Степанова Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов
в Сирии и Ираке. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 198 с.

ISBN 978-5-9535-0583-3

DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3

В книге изучается взаимосвязь между ИГИЛ и притоком десятков тысяч иностранных боевиков-террористов в Сирию и Ирак в контексте роли и места ИГИЛ в более широком движении «глобального джихада». Дана оценка основных количественных и качественных параметров феномена иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке, анализируются истоки этой волны ИБТ, ее особенности по сравнению с предыдущими джихадистскими мобилизациями, показаны тенденции в ее развитии и трансформации как на стадии формирования и подъема, так и на этапе ослабления и распада территориального ядра ИГИЛ. Впервые исследуются потоки ИБТ из трех основных регионов их происхождения – Ближнего Востока, Европы и Евразии – и проводится их сравнительный анализ. Особое внимание уделено специфике вызовов и угроз, связанных с феноменом ИБТ в Сирии и Ираке, для России и Евразии и российским подходам к решению проблемы ИБТ. Для специалистов в области безопасности, конфликтологов, экспертов-международников.

Stepanova E. ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq. – Moscow, IMEMO, 2020. – 198 p.

ISBN 978-5-9535-0583-3

DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3

The book explores the interrelationship between ISIS and the flows of tens of thousands of foreign terrorist fighters to Syria and Iraq in the context of the ISIS's role and place in the broader “global jihad” movement. It assesses main quantitative and qualitative parameters of the FTF phenomenon in Syria and Iraq, analyses the origins and drivers of this FTF wave, highlights its specifics as compared to previous jihadist mobilizations, and shows key trends in its evolution and transformation at the stage of the formation and rise of ISIS, during its decline, and following the demise of its territorial core. The book is the first one in Russia to present a comparative analysis of FTF flows from all three main regions of their origin – Middle East, Europe and Eurasia. Special attention is paid to the specifics of threats and challenges posed by the FTF phenomenon in Syria and Iraq to Russia and Eurasia and to Russia's approaches to the FTF problem. For security experts and practitioners, conflict and international affairs analysts.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0583-3

© ИМЭМО РАН, 2020
© Степанова Е.А., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	8
1. Введение	9
2. ИГИЛ в контексте движения «глобального джихада»	19
2.1. Иностраные боевики-террористы и транснациональный джихадизм до ИГИЛ	21
2.1.1. Идеологическая база	22
2.1.2. Основные джихадистские мобилизации и «фронты» до ИГИЛ	25
2.2. ИГИЛ в контексте транснационального терроризма начала XXI века	32
2.3. Регионализация: факторы формирования ИГИЛ на Ближнем Востоке	36
2.3.1. Микрорегиональный уровень	38
2.3.2. Макрорегиональный уровень	41
2.4. Провозглашение «исламского халифата»: от регионального уровня к глобальному джихаду	44
2.4.1. «Халифат» здесь и сейчас	44
2.4.2. Транснациональные аспекты	47
2.5. Выводы	53
3. Феномен ИБТ в условиях подъема и распада ИГИЛ	56
3.1. Общие тенденции	56
3.1.1. «Халифат» как катализатор притока ИБТ	57
3.1.2. Возвращение и релокация ИБТ: переходящая угроза?	64
3.2. ИБТ из Европы	70
3.3. ИБТ с Ближнего Востока и из Северной Африки	81
3.3.1. Северная Африка	85
3.3.2. Левант и Персидский залив	91
3.3.3. Турция	95
3.4. ИБТ из других регионов	100
3.5. Выводы	106
4. Россия и Евразия: ИБТ и транснационализация терроризма	111
4.1. Спад исламистско-сепаратистского терроризма в России	111
4.2. Транснационализация традиционных террористических угроз	114

4.3. Новый терроризм внутренне-транснационализованного типа.....	115
4.4. Транснациональные риски и феномен ИБТ: основные тенденции.....	117
4.4.1. Исход боевиков-террористов в Сирию и Ирак и проблемы оценки численности ИБТ.....	119
4.4.2. Замедление оттока ИБТ.....	125
4.4.3. Возвращение ИБТ.....	126
4.4.4. Релокация ИБТ в третьи страны.....	128
4.5. Угрозы, связанные с ИБТ.....	129
4.5.1. Угрозы со стороны ИБТ внутри России.....	129
4.5.2. Угрозы со стороны ИБТ в третьих странах.....	131
4.5.3. ИБТ и фактор ИГИЛ на севере Афганистана.....	132
4.5.4. Россия как место релокации для ИБТ из других стран Евразии?.....	147
4.6. Уголовное преследование, репатриация, реабилитация и реинтеграция ИБТ: российский опыт.....	150
4.6.1. Уголовное преследование боевиков-террористов российского происхождения.....	150
4.6.2. Подход России к проблеме реинтеграции боевиков.....	153
4.6.3. Репатриация, социальная реабилитация и реинтеграция членов семей ИБТ.....	158
4.7. Выводы.....	167
5. Заключение.....	171
6. Библиография.....	183
Об авторе.....	198

Перечень рисунков

Рис. 1. Терракты (по регионам мира), 2000–2018 гг.	33
Рис. 2. Число убитых в терактах (по вооруженным группировкам), 2015 г.	35
Рис. 3. Страны исхода наибольшего числа ИБТ, 2015 г.	60
Рис. 4. Число ИБТ на 1 млн населения (по странам), 2015 г.	60
Рис. 5. Число ИБТ на 1 млн мусульманского населения (по странам), 2015 г.	61
Рис. 6. Судьба европейских ИБТ (% от числа ИБТ из стран ЕС, уехавших в Сирию и Ирак), июль 2019 г.	76
Рис. 7. ИБТ из стран Ближнего Востока и Северной Африки, октябрь 2017 г.	83
Рис. 8. Число ИБТ из ряда стран Северной Африки в Сирии/Ираке, в Ливии и число ИБТ, вернувшихся на родину, 2013 г. – октябрь 2017 г.	86
Рис. 9. Терракты в России с числом убитых более 10 человек, 1994–2018 годы.	112
Рис. 10. Сравнительный рейтинг ряда стран в Глобальном индексе терроризма.	112
Рис. 11. Число ИБТ, выехавших из России в Сирию и Ирак и вернувшихся в Россию, 2013–2019 годы.	123

Перечень таблиц

Табл. 1. Основные мобилизации ИБТ джихадистского толка до ИГИЛ.	26
Табл. 2. Первая десятка стран с наиболее высоким уровнем террористической активности.	34

CONTENTS

List of Abbreviations	8
1. Introduction	9
2. ISIS in the context of the “global jihad” movement	19
2.1. Foreign terrorist fighters and transnational jihadism before ISIS.....	21
2.1.1. Ideological basis.....	22
2.1.2. Main jihadist mobilizations and “fronts” before ISIS.....	25
2.2. ISIS in the context of transnational terrorism in the early 21st century.....	32
2.3. Regionalization: factors of ISIS formation in the Middle East.....	36
2.3.1. Microregional level.....	38
2.3.2. Macroregional level.....	41
2.4. Declaration of the “Islamic caliphate”: from regional level to global jihad.....	44
2.4.1. “Caliphate” here and now.....	44
2.4.2. Transnational aspects.....	47
2.5. Conclusions.....	53
3. The FTF phenomenon during the rise and fall of ISIS	56
3.1. General trends.....	56
3.1.1. “Caliphate” as the catalyst for FTF inflow.....	57
3.1.2. FTF return and relocation: a moving threat?.....	64
3.2. FTFs from Europe.....	70
3.3. FTFs from the Middle East and North Africa.....	81
3.3.1. North Africa.....	85
3.3.2. Levant and the Persian Gulf.....	91
3.3.3. Turkey.....	95
3.4. FTFs from other regions.....	100
3.5. Conclusions.....	106
4. Russia and Eurasia: FTFs and transnationalization of terrorism	111
4.1. Decline of Islamist-separatist terrorism in Russia.....	111
4.2. Transnationalization of pre-existing terrorist threats.....	114
4.3. New terrorism of homegrown transnationalized type.....	115
4.4. Transnational risks and the FTF phenomenon: trends and patterns.....	117

4.4.1. Outflow of FTFs to Syria and Iraq and the problem of estimating the FTF numbers	119
4.4.2. Slow-down of FTF outflow	125
4.4.3. FTF return	126
4.4.4. FTF relocation to third countries	128
4.5. Threats linked to FTFs	129
4.5.1. Threats posed by FTFs inside Russia	129
4.5.2. Threats by FTFs in third countries	131
4.5.3. FTFs and the ISIS factor in northern Afghanistan	132
4.5.4. Russia as a relocation space for FTFs from other Eurasian countries?	147
4.6. Prosecution, repatriation, rehabilitation and reintegration of FTFs: Russia's experience	150
4.6.1. Criminal prosecution of FTFs of the Russian origin	150
4.6.2. Russia's approach to reintegration of ex-militants	153
4.6.3. Repatriation, social rehabilitation and reintegration of the FTF family members	158
4.7. Conclusions	167
5. Conclusion	171
6. Bibliography	183
About the author	198

List of Figures

Figure 1. Terrorist attacks (by region), 2000–2018	33
Figure 2. Terrorism-related deaths (by militant-terrorist actor), 2015	35
Figure 3. Lead states of origin of foreign terrorist fighters, 2015	60
Figure 4. Foreign terrorist fighters, per 1 million of total population (by country), 2015	60
Figure 5. Foreign terrorist fighters, per 1 million of Muslim population (by country), 2015	61
Figure 6. The fate of European FTFs (% out of total FTFs from the EU states in Syria and Iraq), July 2019	76
Figure 7. FTFs from the Middle East and North Africa, October 2017	83
Figure 8. FTFs from select North African states in Syria/Iraq, Libya and FTF returnees, 2013 – October 2017	86
Figure 9. Terrorist attacks in Russia with over 10 fatalities, 1994–2018	112
Figure 10. States ranked by Global Terrorism Index	112
Figure 11. FTFs who left Russia for Syria and Iraq and FTF returnees to Russia, 2013–2019	123

List of Tables

Table 1. Main jihadist FTF mobilizations before ISIS	26
Table 2. Top 10 states, by level of terrorist activity (GTI 2012–2019)	34

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДАИШ	«ад-Дауля аль-Исламия фи аль-Ирак ва аш-Шам» (аббревиатура «Исламское движение в Ираке и Леванте» на арабском языке)
Европол	Европейское полицейское ведомство
ЕС	Европейский Союз
ИБТ	иностранные боевики-террористы
ИГ	Исламское государство
ИГИЛ	Исламское государство в Ираке и Леванте
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
Интерпол	Международная организация уголовной полиции
КТК	Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН
МВД	министерство внутренних дел
МИД	министерство иностранных дел
НАК	Национальный антитеррористический комитет
НАТО	Организация Североатлантического договора
НПО	неправительственная организация
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
СБ ООН	Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
СМИ	средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств
СПИН	сегментированная полицентричная интегрированная сеть
УК	уголовный кодекс
УНП	Управление по наркотикам и преступности ООН
ФСБ	Федеральная служба безопасности
ГТИ	Global Terrorism Index (Глобальный индекс терроризма)

1. Введение

Лишь к началу третьего десятилетия XXI века в отношении «Исламского государства в Ираке и Леванте» (в 2014–2019 годах также известного под самоназванием «Исламское государство»)¹ – самой крупной, идеологически амбициозной, смертоносной и транснационализированной террористической организации и вооруженного религиозно-экстремистского движения 2010-х годов – мало-помалу стал рассеиваться «туман войны».² По убеждению автора этой книги, по совсем «свежим», горячим следам пишутся только журналистские репортажи и блогерские заметки. Это тем более касается ИГИЛ. Популярная характеристика его информационно-пропагандистской войны как «цифрового джихада»,³ повышенное внимание к ИГИЛ со стороны большинства разведок мира и его военный разгром должны были бы облегчить доступ к материалам о его структуре и активности. Однако по ИГИЛ до сих пор отсутствует систематическая эмпирическая база, практически не было полевых исследований и мало достоверных статистических и иных данных. Да и в начале нового десятилетия плотный «туман войны» вокруг ИГИЛ рассеялся не до конца, а по ряду аспектов его деятельности – вообще вряд ли рассеется в ближайшие годы или когда-либо. Это, впрочем, не мешает повсеместному распространению и обилию стереотипов, спекулятивных медийных оценок и псевдотеоретических построений по поводу ИГИЛ, слабо опирающихся на фактологическую базу.

Беспрецедентному медийно-информационному шуму вокруг этой темы во многом способствовало то, что подчеркнуто транснациональный характер ИГИЛ проявился не только и не столько в абстрактно-идеологическом смысле, сколько в конкретном, физическом, материальном выражении и сравнительно массовом *человеческом измерении*. Он в той или иной мере затронул не только две основные страны непосредственного базирования ядра ИГИЛ (Ирак и Сирию), но и многие другие страны и регионы мира. На этот раз речь шла не просто о локальном или региональном джихадистском «фронте» (вроде Афганистана, Боснии, Чечни или Сомали) и не об экстерриториальной «аль-Каиде»,⁴ мутировавшей за первые десятилетия XXI века, скорее, в идеологическую сеть франшизного типа, чем в реальную, оперативную террористическую и боевую силу. В отличие от них, ИГИЛ – вооруженное радикально-исламистское движение, завоевавшее и сформировавшее устойчивую территориальную базу сразу в двух странах региона своего происхождения и сумевшее выйти на глобальный уровень. При этом ИГИЛ не только сохранило эту региональную базу, пусть и на относительно короткий период вплоть до военного разгрома своего ядра, но и сделало ее эпицентром и катализатором притока десятков тысяч иностранных боевиков-террористов (ИБТ) и иных лиц из других стран и регионов мира, среди которых лидировали Ближний Восток, Европа и Евразия. При этом ИБТ из разных стран мира не просто оставались пассивными объектами воздействия, пропаганды и

¹ «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте», (ИГ / ИГИЛ) – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступившим в силу 13.02.2015 (далее – везде).

² «Туман войны», или «туман неизвестности», – введенный Карлом фон Клаузевицем в трактате «О войне» (1832 г.) термин, обозначающий неизбежные проблемы с достоверностью данных о ситуации на поле боя, в гуще вооруженного конфликта.

³ Atwan A.B. *Islamic State: the Digital Caliphate*. – L.: Saqi Books, 2015.

⁴ «Аль-Каида» – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003 (далее – везде).

мобилизации ИГИЛ, но и стали его активными солдатами и строителями, и более того – одним из обязательных условий обретения самопровозглашенным «Исламским государством» поистине транснационального характера, его живой, «ходячей» привязкой к движению «глобального джихада». Говоря языком эпохи пандемий, если рассматривать ИГИЛ как инфекцию, то связанные с ИГИЛ иностранные боевики-террористы – это не просто «заразившиеся» или «больные», а активные переносчики и вредоносные носители.

Феномен иностранных боевиков-террористов далеко не нов и не сводится лишь к ИБТ религиозно-экстремистской и, в частности, радикально-исламистской ориентации. Даже применительно к широкому иракско-сирийскому конфликтному ареалу, сложившемуся с начала 2010-х годов, среди иностранных боевиков-террористов были не только религиозные экстремисты, но и, например, относительно светские элементы (хотя и несравнимые по численности с ИБТ из числа радикальных исламистов): от представителей сирийских диаспор за рубежом, имевших иностранное гражданство, но вернувшихся в Сирию воевать на стороне оппозиции режиму Башара аль-Асада, турецких националистов в рядах вооруженных формирований сирийских туркоманов или нескольких сотен палестинцев до некоторого числа иностранных боевиков, примкнувших к силам самообороны сирийских курдов. Кроме того, часть иностранных боевиков в Сирии, которых можно охарактеризовать как радикальных исламистов, но шиитского толка – членов ливанского движения «Хизбулла» и других шиитских милиций, состоявших из выходцев из Ирака, Ирана и даже Афганистана – воевала на стороне сирийских правительственных сил в поддержку алавитского миноритарного режима Асада, хотя они также значительно уступали по численности, степени и широте транснационализации иностранным боевикам-террористам из числа исламистов-суннитов.

В книге речь пойдет не обо всех ИБТ в Сирии и Ираке, а об иностранных боевиках-террористах салафитско-джихадистского толка, прежде всего, связанных с ИГИЛ, в контексте движения «глобального джихада». Подчеркнем, что это движение – как в историческом контексте, так и в современных ИГИЛ условиях – шире, чем ИГИЛ. Оно зародилось задолго до ИГИЛ и переживет его. Непосредственно в сирийско-иракском конфликтном ареале в 2010-е годы вооруженные группировки джихадистского типа, в т. ч. трансграничные, не сводились лишь к ИГИЛ, далеко не все влились в его состав, а некоторые и активно враждовали с ним. ИБТ из других стран и регионов также приезжали, воевали и участвовали в террористической активности не только в рядах ИГИЛ.

Тем не менее центральный фокус этой книги – именно на волне иностранных боевиков-террористов, связанных с ИГИЛ. До формирования ИГИЛ присутствие ИБТ как в сирийском контексте с начала 2010-х годов, так и в иракском контексте с середины 2000-х годов постепенно росло, но количественно не превышало, а качественно – мало чем отличалось от контингентов ИБТ на предыдущих джихадистских «фронтах» конца XX – начала XXI века. Именно с ИГИЛ были связаны не только резкий численный рост и качественные изменения новой волны ИБТ, но и ее специфическая роль в качестве составного элемента и условия идеологически-пропагандистского посыла и формирования структуры ИГИЛ как самопровозглашенного всемирного «исламского халифата» с центром в Сирии и Ираке. Именно на ИГИЛ в 2010-е годы пришлось более 80% всех ИБТ, достигших территории Сирии и Ирака.⁵ Общее число ИБТ в рядах ИГИЛ на протяжении всего периода существования его территориального ядра в Сирии и Ираке могло достигать и даже

⁵ Schmid A.P. Foreign (Terrorist) Fighter Estimates: Conceptual and Data Issues. International Centre for Counterterrorism (ICCT) Policy Brief. – The Hague: ICCT, 2015. P. 2.

несколько превышать 40000 человек,⁶ а их доля в рядах ИГИЛ была самой высокой в истории транснационального джихадистского движения. При этом речь в книге пойдет не только о притоке иностранных боевиков-террористов в ряды ИГИЛ, но и, по возможности, о полном цикле жизни этой волны, включая последующий отток ИБТ из Сирии и Ирака, их возвращение на родину или релокацию в третьи страны, т. е. о транснациональном круговороте этой очередной исторической волны ИБТ.

Вопросы, связанные с ИБТ в Сирии и Ираке, вызвали повышенный медийно-политический и общественный интерес, особенно в странах и регионах их исхода (происхождения), что стимулировало запрос на экспертную аналитику и исследования этих проблем. Однако бóльшую часть этой аналитики отличают слабые эмпирическая база и знание фактуры и зачастую преимущественная ориентированность на раскрученность в СМИ и/или излишняя политизированность. Для значительной части научной литературы характерна слабость к абстрактным теоретическим построениям при нежелании авторов утруждать себя скрупулезным фактологическим анализом, что для данной темы обесценивает любые теоретические построения, нередко основанные на спекулятивных предположениях и оценках. Неудивительно, что все это, наряду с объективным недостатком данных, ведет к обилию путаницы, стереотипов и перекосов.

Это в полной мере относится к анализу как транснационализации терроризма в начале XXI века в целом и в разных локально-региональных контекстах, так и различных аспектов деятельности ИГИЛ, в частности. Важно, например, вписать феномен ИБТ в контекст, структуру и идеологию ИГИЛ, но при этом адекватно оценивать роль и место этого аспекта и не путать его с иной активностью и присутствием ИГИЛ в разных регионах мира, а само ИГИЛ – не вырывать из более широкого контекста современного транснационального терроризма. Заикливание на ИГИЛ в медийной сфере, аналитике и международной политике в сфере безопасности во второй половине 2010-х годов было сродни доминировавшей в медийно-экспертном и политическом дискурсе первого десятилетия XXI века повальной «алькайдаизации» всего и вся в радикально-исламистской среде – вместо необходимого для эффективного противодействия исламистскому терроризму пристального внимания к его разным типам и уровням от локального до транснационального в разных контекстах и сложной системе их связей, а также взаимосвязи между ними и исламским экстремизмом в более широком смысле слова.

Среди наиболее явных и удручающих примеров стереотипных, упрощенных интерпретаций проблемы ИБТ – сведение основных причин беспрецедентного по масштабу и нового по качественному составу и целеполаганию притока ИБТ в ИГИЛ чуть ли не целиком к возросшей транспортно-логистической доступности конфликтных зон и новейших средств информации и коммуникации. При этом сильно недооцениваются религиозно-идеологические составляющая, специфика, императивы и категории (например, значение для ИГИЛ категории и феномена «исламского халифата»). Бытуют неадекватные представления о численности, соотношении и распределении иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке по странам и регионам их происхождения и исхода. Они связаны не только с объективным недостатком данных (что понятно), но и с приоритетом абсолютных, а не относительных оценок (что вызывает вопросы, в т. ч. относительно их возможной (гео)политической ангажированности). В анализе проблемы иностранных боевиков-

⁶ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. Док. ООН S/2019/612. 31 июля 2019 г. п. 3. С. 4; Global Terrorism Index 2018: Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2018. P. 5.

террористов на стадии ослабления и распада ИГИЛ наблюдается переоценка краткосрочных угроз от ИБТ, но недооценка иных, в т. ч. более долгосрочных вызовов. В конце 2010-х годов еще были распространены ожидания и опасения по поводу скорого и массового возврата ИБТ в страны своего происхождения (гражданства), при совершенно недостаточном внимании к проблеме релокации ИБТ в третьи страны и/или их международной циркуляции между странами и регионами мира (круговорота джихадистов). Такой упор на проблему возврата значительной части боевиков-террористов из Сирии и Ирака на родину в значительной мере продиктован западными реалиями: европейские страны к началу 2020-х годов лидировали по доле ИБТ, вернувшихся домой из Сирии и Ирака (а в отдельных случаях, например, в британском, на родину вообще вернулось большинство джихадистов). Однако эта картина не обязательно отражает ситуацию в других региональных контекстах.

Вообще одна из основных проблем в существующей аналитике и литературе по ИБТ в ИГИЛ – ее сильная западоцентричность. Ее основным ракурсом остается дихотомия «Ближний Восток (Левант) – Запад», или «Запад – Ближний Восток», что отчасти неизбежно в условиях сохраняющегося доминирования западной аналитики и научной литературы по этой проблеме. Этот западный крен и перекося наблюдаются в анализе проблемы ИБТ как на стадии их активного притока в Сирию и Ирак, так и на этапе ослабления и распада ИГИЛ и оттока ИБТ. При этом гораздо меньшее или менее профессиональное внимание уделяется двум другим из трех основных регионов происхождения ИБТ, доехавших до Сирии и Ирака, – Большому Ближнему Востоку и постсоветской Евразии. Вектор смещения террористической угрозы с ослаблением ИГИЛ и особенно после распада его ядра в Сирии и Ираке зачастую тенденциозно сводился к проблеме возвращения ИБТ в страны Европы. Однако в конце 2010-х – начале 2020-х годов смещение этого вектора шло преимущественно не в форме релокации ИБТ и в основном не туда (и вообще не в страны и регионы происхождения большинства ИБТ), а в Западную и Центральную Африку, Южную и Юго-Восточную Азию. Наконец, не может не подвергаться сомнению «святая вера» в «превосходство», почти по умолчанию, западных, прежде всего, европейских, моделей реагирования на вызовы и угрозы, связанные с ИБТ, несмотря на то, что они не только малоприменимы к реалиям за пределами западного мира, но и далеко не оптимальны и не обязательно являются наиболее продвинутыми и эффективными, в т. ч. по сравнению с отдельными национальными моделями, практикуемыми незападными странами (например, Марокко).

Иными словами, проблема ИБТ, связанных с ИГИЛ, требует глобального подхода, более сбалансированного в региональном отношении. С одной стороны, необходимость преодолеть западоцентричный крен диктует более пристальное контекстное внимание к другим, незападным странам и регионам – прежде всего, к таким крупным регионам происхождения ИБТ, отправившихся в Сирию и Ирак, как Ближний Восток и Северная Африка, а также Евразия. С другой стороны, узким экспертам-регионалистам обычно непросто выйти за рамки своего региона, а в данном случае необходимо соблюсти баланс между региональным фокусом и глобальным измерением. Оба имеют центральное значение для изучения феномена ИБТ в контексте ИГИЛ, который носил как минимум трансрегиональный, а как максимум – глобальный характер. Оба важны и для исследования проблемы ИГИЛ в целом, главным отличием которого как от других крупных вооруженных движений радикально-исламистского толка, имеющих региональную базу, так и от экстерриториальной глобалистской «аль-Каиды» было именно взаимодополнение и взаимное усиление регионального и глобального начал.

Необходимость соблюсти баланс между региональным фокусом и глобальным измерением определила *круг источников и методологию* книги. В ней, среди прочего, впервые в отечественный научный оборот введен массив материалов ООН по противодействию ИГИЛ в целом и по проблеме ИБТ, в частности. В данном случае использование материалов ООН дает три преимущества. Во-первых, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 2178 (24 сентября 2014 г.),⁷ государства-члены обязаны предоставлять ООН информацию о ситуации с ИБТ и прогрессе в этой сфере и не могут уклониться от этой обязанности. Во-вторых, в документах ООН преобладают консервативные оценки масштаба проблемы и, в частности, численности ИБТ, сформированные специалистами и адресованные специалистам, что создает позитивный контраст с медийным «хайпом» и хаосом в этой сфере. В-третьих, материалы ООН по этой проблеме гораздо более диверсифицированы в национально-географическом и региональном отношении. Конечно, и данные ООН носят далеко не полный характер: не все страны, идентифицированные ООН как наиболее сильно затронутые проблемой ИБТ (67 стран в 2015 г.), проявляли большую готовность предоставлять необходимую информацию, у многих ограничены возможности ее сбора и анализа, а проверить ее точность, подкрепив и сравнив ее с другими источниками, не всегда возможно. Тем не менее, если в первом обязательном докладе по теме ИБТ Контртеррористическому комитету ООН (май 2015 г.) удалось представить первичные данные лишь о 21 стране из 67, то к концу года базовая информация имела уже по всем наиболее затронутым проблемой ИБТ странам. Подспорьем в работе с материалами ООН стало участие автора этой книги в подготовке и экспертном обсуждении материалов для аналитического подразделения Исполнительного директората Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН (КТК СБ ООН) в качестве координатора Глобальной исследовательской сети при КТК СБ ООН в ИМЭМО РАН.⁸ Еще одним блоком источников, позволяющим выявить именно глобальные тенденции и посмотреть на проблему в глобальном срезе, не ограничиваясь дихотомией «Запад – Ближний Восток», а сравнить показатели и тенденции по разным регионам, стал массив статистических данных (Глобальной базы данных по терроризму, Глобального индекса терроризма, ряда баз данных Уппсальской программы данных о конфликтах и другой статистики). В работе с «большими данными» помог многолетний опыт автора в разработке методологии и анализе материалов соответствующих баз данных, в т. ч. в качестве соавтора методологии Глобального индекса терроризма (Институт экономики и мира, Сидней, Австралия).⁹ Наконец, в книге уделено внимание и пока ограниченному кругу аналитических и научных работ западных авторов по этой теме. Эта проблема в полной мере касается и России, и евразийского региона в целом, открытые источники по которым также пока в основном ограничены официальной документацией и политико-пропагандистской публицистикой. Если в России и у ее евразийских соседей сбор и доступ к данным по ИБТ в основном ограничен специальным характером соответствующей тематики и жесткостью соответствующего законодательства, то, например, в западной литературе по ИБТ российского и евразийского происхождения – в основном слабым знанием

⁷ Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года. Док. ООН S/RES/2178 (2014). 24 сентября 2014 г.

⁸ Осуществление резолюции 2178 (2014) государствами, затронутыми деятельностью иностранных боевиков-террористов. Приложение к Письму Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1373 (2001) о борьбе с терроризмом, от 13 мая 2015 года на имя Председателя Совета Безопасности. Док. ООН S/2015/338. 14 мая 2015 г.

⁹ Global Terrorism Index. 2012–2019. – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2013–2019.

региональных реалий и сильной идеологизацией и политизацией проблемы применительно к российскому контексту.

В книге используется широкий круг исследовательских методов, включая сравнительно-политологический подход, методы кейс-анализа и типологических обобщений, критического анализа религиозно-идеологического дискурса и статистических («больших») данных и т. п. Исследование носит преимущественно научно-прикладной, а не теоретико-методологический характер, но в нем используются элементы теорий организационных и социальных сетей и других теоретических подходов. Но главное: в изучении любых аспектов проблематики, связанной с терроризмом и террористическими акторами, должны особенно щепетильно соблюдаться требования не только научной, но и *общегражданской этики*. Так, в соответствии с принципом «Не навреди», детальная информация о конкретных средствах и методах борьбы с терроризмом не подлежит широкому оглашению, так как это может отрицательно сказаться на ее эффективности. Хотя исследование в сфере общественных наук, в т. ч. политологическое, не может вестись без обращения к первоисточникам, использование необходимых при работе с такой специальной тематикой, как эта, источников и литературы, в т. ч. материалов самих организаций, применяющих террористические методы, и их идеологов, должно вестись предельно аккуратно – так, чтобы в ходе решения поставленных исследовательских задач ненароком не создать дополнительной рекламы террористам. Большинство упомянутых в тексте книги террористических организаций – либо запрещено в Российской Федерации,¹⁰ либо внесено в соответствующие списки ООН, других международных организаций и отдельных стран. Поэтому цитирование из соответствующих первоисточников сведено к необходимому для анализа минимуму, в книге сознательно не используются ссылки на их русскоязычные версии, а ряд международных научно-экспертных архивов материалов ИГИЛ и иных радикально-исламистских террористических организаций, необходимых для нужд специалистов, специально не указаны.

Большинство *терминов и понятий*, используемых в книге и нуждающихся в уточнении или разъяснении, пояснены в соответствующих разделах текста. Однако уже во введении есть смысл остановиться на трех ключевых терминах.

Во-первых, в книге используется определение «*иностранных боевиков-террористов*», данное в резолюции СБ ООН № 2178 (2014 г.). Она определяет их как «...лиц, отправляющихся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооруженным конфликтом».¹¹ Это определение выбрано как оптимальное, несмотря на его критику, в т. ч. со стороны отдельных видных международных экспертов в этой области.¹² В качестве недостатка данного определения указывают, например, на отсутствие окончательно согласованного ООН международно-правового определения «терроризма». Не вдаваясь в бесконечные дискуссии по этому поводу, отметим, что в данном случае вполне можно руководствоваться определением, еще в 2004 г. согласованным Группой экспертов высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам, специально работавшей над

¹⁰ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Федеральная служба безопасности. 31.08.2020.

¹¹ Резолюция 2178 (2014). Док. ООН S/RES/2178 (2014). С. 2.

¹² Schmid A.P. Op. cit.

ним,¹³ даже несмотря на то, что оно пока не принято Генеральной ассамблеей ООН. Оно не противоречит и академическому определению терроризма, разработанному автором этой книги еще в 2008 г. и уточненному с тех пор, согласно которому терроризм – это преднамеренное насилие или угроза насилия со стороны негосударственных акторов против гражданских лиц и иных некомбатантов для достижения политических (идеологических, религиозных) целей путем давления на государство и общество.¹⁴

Порой звучит и критика по поводу объединения в одном и том же термине ООН «боевиков» и «террористов». Она подразумевает, что в принципе не все боевики – террористы и что среди ИБТ в Сирии и Ираке могли быть и те, кто участвовал исключительно в боевых действиях против вооруженных сил и сил безопасности Сирии, Ирака или иностранных государств, а также против боевиков других неправительственных вооруженных формирований и не был причастен к насилию против некомбатантов. Однако в условиях такого ожесточенного и обширного трансграничного конфликта, как ирако-сирийский конфликтный ареал на протяжении большей части 2010-х годов, прямая взаимосвязь интенсивности боестолкновений и уровня террористической активности со стороны вооруженных негосударственных игроков, особенно джихадистского типа, была особенно тесной, а статистическая корреляция между людскими потерями убитыми в ходе военных действий и в результате терактов, особенно в Ираке, одной из самых высоких в мире.¹⁵ С учетом крайне высокого уровня террористической активности ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке (мирового лидера по числу убитых в терактах в 2015–2017 годах), а также однозначной и универсальной квалификации этого вооруженного джихадистского движения как террористической организации на всех уровнях (от ООН до ее индивидуальных стран-членов), такое разграничение применительно к ИГИЛ не только было вряд ли возможно на практике, но и представляется несущественным.

Если какая-либо оговорка и заслуживает внимания, то она связана с присутствием в рядах исламистов и их сторонников, отправившихся в Сирию и Ирак на территорию, контролируемую джихадистами, прежде всего, ИГИЛ, значительного числа членов семей боевиков (женщин и детей) и иных гражданских лиц. Эта важная специфика волны транснациональной джихадистской мобилизации, связанной с ИГИЛ, подробно отражена в книге.

Во-вторых, учитывая, что книга посвящена *религиозным экстремистам*, не лишним будет подчеркнуть, что в ее фокусе – не религия сама по себе, а сочетание и синтез религии и радикальной идеологии. Такой религиозно-идеологический синтез понимается именно как политическая категория. Это отличает его одновременно от двух крайностей: (а) от жесткого противопоставления идеологии как политической и

¹³ Согласно этому определению, терроризм – это «любое деяние, в дополнение к деяниям, уже указанным в существующих конвенциях по различным аспектам терроризма, Женевских конвенциях и резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов или причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния, в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Док. ООН А/59/565. 2 декабря 2004 г. С. 61. Россию в Группе экспертов высокого уровня представлял академик Е.М.Примаков.

¹⁴ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. – Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 11–14; Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23–32; Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. ИМЭМО РАН. – М.: Научная книга, 2010. С. 29.

¹⁵ Global Terrorism Index 2018. P. 12–13, 41–42.

политологической категории и религии как категории духовной, культурной и этической¹⁶ и (б) от веберовского тождества религии и идеологии и деполитизованного понимания религии как идеологии, которая в основном сведена к этической системе, воздействующей на социальное поведение людей.¹⁷ В данном случае речь идет не об уподоблении религии идеологии (т. е., например, не об исламе как идеологии), а об их синтезе в форме остро политизированных религиозно-идеологических течений. Таким течением является, в частности, салафизм джихадистского толка, который исповедует не только ИГИЛ, но и ряд других радикально-исламистских организаций от «аль-Каиды» до «Джабхат ан-Нусры».

Также, следуя российской и в целом континентальной европейской традиции в области исламоведения, автор делает различие между религиозным фундаментализмом (который не обязательно равнозначен интересу к политике и политическому действию, в т. ч. политическому насилию, или подразумевает такой интерес и может ставить во главу угла теологию и социально-религиозную этику) и исламизмом как политически активным и политически заряженным исламским фундаментализмом. Среди исламистских сил в мире доминируют легалистские, или реформистские, социально-политически-религиозные движения, группировки и партии, которые стремятся изменить существующий порядок постепенно и мирным путем, оставаясь системными игроками в своих странах. Что касается радикально-исламистских группировок и течений, то не все они прибегают к вооруженному насилию, из тех, кто прибегает – не все систематически практикуют неизбирательное или целенаправленное насилие против гражданского населения, а из последних – не все отдают приоритет вооруженному насилию, в т. ч. против гражданских лиц, по сравнению с социально-политической, миссионерской и иной активностью. Однако основной фокус этой книги – именно на последней из перечисленных категорий религиозного экстремизма, причем в одной из ее наиболее опасных и транснационализированных форм.

В-третьих, не каждое вооруженное антиправительственное движение с участием мусульман можно считать «джихадистским». Например, не каждое повстанческое движение этноконфессионального толка в стране с коренным мусульманским меньшинством является таковым. Не каждое более широкое движение, в идеологии которого исламизм неразрывно сочетается с национализмом, в т. ч. национально-освободительного толка, направленного против иностранной оккупации (например, палестинское движение «Хамас») подпадает под эту категорию. Для того чтобы ту или иную исламскую группировку или движение можно было квалифицировать как джихадистскую, над ней не просто должен довлеть отчетливый религиозно-идеологический (радикально-исламистский) императив, но и вооруженный *джихад* (священная война) для нее должен иметь приоритет над любыми другими задачами и видами активности, причем по определению в трансграничном, транснациональном контексте.

Структура книги построена в соответствии с задачами и целями исследования, которые определили и последовательность ее разделов. *Раздел 2* посвящен поиску ответов на базовые вопросы о том, что такое ИГИЛ, каковы его роль и место в более широком движении «глобального джихада» и в чем именно состояла взаимосвязь между феноменом ИГИЛ и массовой мобилизацией и притоком иностранных ИБТ в

¹⁶ О противопоставлении религии как «культуры» религии как «идеологии» см. Williams R. Religion as political resource: culture or ideology // Journal for the Scientific Study of Religion. V. 35. No. 4. 1996. P. 368–378.

¹⁷ Вебер М. Социология религии // Избранное: Образ общества. – М.: Юрист, 1994. С. 78–309; Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 272–306.

Сирию и Ирак. Что сделало изначально (локально-)региональную группировку, уходящую корнями в вооруженный конфликт и сопротивление иностранной оккупации в Ираке, авангардом движения и идеологии «глобального джихада»? Какие характеристики качественно отличали ИГИЛ как от ряда современных ему других крупных вооруженно-террористических движений радикально-исламистского толка, имевших устойчивую региональную базу, так и от экстерриториальной сетевой «аль-Каиды»? Как и почему именно ИГИЛ стало главным катализатором притока иностранных боевиков-джихадистов в Сирию и Ирак и, в свою очередь, какую роль фактор ИБТ сыграл в подъеме, структуре и идеологии ИГИЛ?

Раздел 3 посвящен уже непосредственно феномену ИБТ, отправившихся из разных регионов мира в Сирию и Ирак. В нем дана общая оценка его основных количественных и качественных параметров, выявлена специфика этой волны ИБТ, по сравнению с предыдущими джихадистскими мобилизациями, и общие тенденции в ее эволюции и трансформации как на стадии формирования и подъема ИГИЛ, так и на этапе ослабления и распада его территориального ядра в Сирии и Ираке. Здесь также более предметно анализируются истоки, сопутствующие факторы и динамика этой мобилизационной волны ИБТ. Так как они носят ярко выраженный контекстный характер, то и рассматриваться они должны как минимум в соответствующих различных региональных контекстах, при наличии и существенных национально-страновых особенностей и вариаций. В книге впервые в отечественной литературе подробно исследуются потоки ИБТ из всех трех основных макрорегионов их происхождения – Большого Ближнего Востока, Европы и постсоветской Евразии – и проводится их сравнительный анализ. В разделе 3 основное внимание уделено проблеме ИБТ джихадистского толка из стран Европы, а также Ближнего Востока и Северной Африки. Такой же контекстно-региональный подход необходим и в оценке степени угрозы со стороны ИБТ, покинувших Сирию и Ирак и либо вернувшихся в родные страны и регионы, либо застрявших в транзитных странах или передислоцировавшихся в другие третьи страны, а также подходов к этой проблеме и стратегиям и моделям ее решения в ряде основных стран происхождения и транзита ИБТ из этих регионов.

Наконец, особое внимание в книге уделено проблеме иностранных боевиков-террористов российского происхождения и опыту России в решении этой проблемы, а также феномену ИБТ, уехавших на Ближний Восток и прошедших Сирию и Ирак, в более широком евразийском контексте. Этому центральному сюжету целиком посвящена отдельная глава – *раздел 4*. В нем вкратце рассмотрены эволюция и характер террористических угроз для РФ в начале XXI века в направлении их дальнейшей транснационализации на фоне спада террористической активности внутри страны в 2010-е годы. Проблема мобилизации и последующей циркуляции связанных с ИГИЛ ИБТ российского происхождения, во-первых, анализируются в контексте всего спектра угроз безопасности российских граждан, общества и государства со стороны ИГИЛ. Во-вторых, исследуется как черты сходства, так и ряд существенных отличий потоков ИБТ российского и, шире, евразийского происхождения, от соответствующих потоков из двух других основных регионов происхождения ИБТ в Сирии и Ираке. При этом особое внимание уделено циркуляции российских и центральноазиатских ИБТ на стадии ослабления и распада ядра ИГИЛ и после его военного разгрома, так как именно на этой стадии они демонстрируют наиболее явную специфику, включая один из самых низких уровней возврата на родину, по сравнению с большинством выживших ИБТ европейского или ближневосточного происхождения. В-третьих, проведена оценка характера и степени угроз со стороны ИБТ российского и евразийского происхождения, причем не только для самой России и ее граждан (внутри страны и за рубежом), но и

ввиду релокации неопределенного, но, вероятно, большего числа выживших российских и центральноазиатских ИБТ в третьи страны. Особое внимание уделено проблеме релокации ИБТ в контексте спектра угроз со стороны ИГИЛ в соседнем с Центральной Азией Афганистане. В-четвертых, с учетом национально-государственной специфики российской модели обеспечения национальной безопасности, правоохранительной и судебно-правовой системы, проанализирована активность России по выявлению и уголовному преследованию ИБТ, связанных с ИГИЛ и другими джихадистскими организациями в Сирии и Ираке, а также подходы России к проблеме ИБТ в контексте дерадикализации и реинтеграции боевиков. Наконец, впервые в российской научной литературе подробно рассмотрена проблема репатриации и социальной реабилитации российских женщин и детей (членов семей ИБТ) из Сирии и Ирака и особенности российского подхода к решению этой проблемы.

В *Заключении* книги сделаны основные выводы по таким ключевым вопросам, как суть и характер взаимосвязи между феноменом ИГИЛ и мобилизационной волной в составе десятков тысяч иностранных боевиков-террористов из более сотни стран мира в Сирии и Ираке, в т. ч. полученные в результате сравнительного анализа циркуляции ИБТ из трех основных регионов их происхождения – Ближнего Востока и Северной Африки, Европы и Евразии. Особое внимание уделено специфике вызовов и угроз, связанных с феноменом ИБТ в Сирии и Ираке, для России и стран Евразии. Наконец, на основе сравнительного анализа российских и зарубежных подходов к проблеме ИБТ сделан ряд рекомендаций и выводов относительно основных уроков для международного противодействия терроризму, в т. ч. с учетом дальнейшего развития и динамики транснационального круговорота ИБТ джихадистского толка, новый импульс которому на годы вперед дал фактор ИГИЛ.

2. ИГИЛ в контексте движения «глобального джихада»

Волна иностранных боевиков-террористов джихадистского толка, устремившихся в Сирию и Ирак в 2010-е годы, беспрецедентна в современной истории по своему масштабу, уровню вооруженного насилия со стороны ИБТ в самих конфликтных зонах, национально-географическому и социальному многообразию и другим параметрам. Эта мобилизационная волна уникальна и по масштабу людских потерь среди ИБТ и их последующего оттока из конфликтных зон, возвращения домой и релокации в третьи страны, а также по тому стимулу, который она, даже на стадии отлива, дала последующему «круговороту» транснациональных джихадистов в мире. Хотя эта волна нарастала постепенно, по мере эскалации вооруженного конфликта в Ираке с середины 2000-х годов и гражданской войны в Сирии с начала 2010-х годов, ее основной взлет связан именно с подъемом «Исламского государства в Ираке и Леванте» (ИГИЛ), в июне 2014 г. провозгласившего себя всемирным «халифатом» («Исламским государством»). «Приливы» и «отливы» этой волны в целом повторяли динамику эволюции и роста ИГИЛ, а затем – ослабления и распада его центрального ядра в Сирии и Ираке в основном в результате международного силового и иного давления.

Связь между феноменом ИГИЛ и массовой мобилизацией и притоком иностранных боевиков-террористов в Сирию и Ирак бесспорна, но ее характер нуждается в уточнении. В медийно-аналитических и политических кругах наиболее распространено представление о ней как об односторонней связи причинно-следственного характера, т. е. об ИГИЛ как о движущей силе и факторе идеологической мобилизации и вербовки ИБТ, а в период их пребывания в рядах ИГИЛ на подконтрольной «халифату» территории в Сирии и Ираке и даже на этапе его распада – как о прямом руководстве и командовании иностранными боевиками в форме иерархических отношений субъектно-объектного характера.

Между тем есть все основания полагать, что речь в значительной мере идет о *взаимосвязи и взаимовлиянии*, т. е. массовые потоки ИБТ и сами стали важным фактором и идеологическим, имиджево-пропагандистским и логистическим условием превращения ИГИЛ из трансграничного вооруженного движения в претензию на «глобальный халифат». При всей иерархичности ИГИЛ на стадии «халифата» как самопровозглашенного квазигосударства (июль 2014 г. – начало 2019 г.), иностранные боевики-террористы, их сети и объединения в той или иной степени сохраняли роль и функции *акторов* на разных стадиях этой транснациональной волны – притока и мобилизации, вооруженной и иной активности внутри «халифата», оттока и передислокации. Иными словами, связь ИБТ с ИГИЛ имела и субъектно-субъектный аспект.

С одной стороны, именно ИГИЛ несет главную ответственность за самый высокий исторический пик терроризма в мире в современной истории, который пришелся на середину 2010-х годов. По этому параметру ИГИЛ сильно обошло «аль-Каиду» как своего предшественника и конкурента за роль лидера движения «глобального джихада» – главного и наиболее радикального транснационального антисистемного движения рубежа веков и первой четверти XXI века. На несколько лет ИГИЛ стало безусловным авангардом «глобального джихада» не только в религиозно-идеологическом, но и в практическом смысле, в военно-политическом и территориальном отношении, или, по выражению лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади, «острием копья» во «всеобщей войне людей веры с миром безверия»,¹⁸

¹⁸ Al-Baghdadi A.B. “March Forth Whether Light or Heavy”: Transcript of an audio speech // Al-Furqan Media Foundation. 14 May 2015. Перепечатано в: In new audio speech, Islamic State (ISIS) leader Al-

являющейся «священным долгом» для каждого мусульманина. Что сделало этот изначально региональный феномен, сформировавшийся в результате эволюции наиболее радикальной части суннитского вооруженного сопротивления иностранной оккупации и марионеточным властям Ирака после интервенции США 2003 г., авангардом «глобального джихада» как движения и идеологии? Какую роль в этом процессе сыграл феномен иностранных боевиков-джихадистов, достигший своего исторического пика в прямой связи с подъемом и расцветом ИГИЛ в Сирии и Ираке в середине 2010-х годов?

С другой стороны, важно не заикливаться лишь на феномене ИГИЛ и не рассматривать его изолированно, как вирус в закрытой колбе, в отрыве от регионального и общемирового контекстов, с которыми он был связан мириадами нитей, причем в немалой степени – именно посредством круговорота вдохновленных им и связанных с ним иностранных боевиков-террористов. Транснациональный терроризм радикально-исламистского толка существовал и до ИГИЛ, проявлялся и нарастал в разных формах параллельно ИГИЛ, в т. ч. на пике его активности, военных побед и территориального контроля, и сохранился и после ИГИЛ. Приливы и отливы волн джихадистских мобилизаций в те или иные конфликтные зоны, хотя и менее масштабные, наблюдались и на протяжении трех десятилетий до ИГИЛ, а приток ИБТ непосредственно в Ирак и Сирию начался еще до формирования ИГИЛ и провозглашения «халифата».

В целом во вступительном разделе 2 рассмотрена специфика эволюции и феномена ИГИЛ в более широком контексте современного транснационального терроризма и движения «глобального джихада». Это движение включает и джихадистские мобилизации на предыдущих, доигиловских этапах его развития, которым посвящен раздел 2.1. В разделе 2.2 феномен ИГИЛ рассматривается в контексте эволюции транснационального терроризма в начале XXI века, в т. ч. в сравнении с другими крупными радикально-исламистскими движениями этого периода, контролировавшими значительную территорию в своих регионах, принимавшими участие в вооруженных региональных конфликтах и активно использовавшими и террористические методы. В разделе 2.3, посвященном предыстории и региональному этапу эволюции ИГИЛ, рассматриваются микро- и макрорегиональные факторы его формирования на Ближнем Востоке. Раздел 2.4 посвящен выходу ИГИЛ за региональные рамки во всех отношениях, его переходу в новое качество с провозглашением «Исламского государства» и специфике «халифата», включая как «внутренние» для центрального ядра ИГИЛ, так и транснациональные аспекты. Феномен ИБТ – это лишь один из этих транснациональных аспектов, но наиболее активный, пассионарный и мобильный. Потенциально он также один из тех, что могут иметь наиболее долговременный эффект, с точки зрения международной безопасности и противодействия транснациональному терроризму и экстремизму. Ослабление и распад «халифата» ИГИЛ в Сирии и Ираке не только привели к закономерному оттоку ИБТ, но и одновременно дали новый импульс их международному круговороту, или циркуляции, как минимум обеспечив преемственность поколений в рамках движения «глобального джихада» на годы и десятилетия вперед.

2.1. Иностранные боевики-террористы и транснациональный джихадизм до ИГИЛ

Еще в начале XXI века феномен «аль-Каиды» и теракты 11 сентября 2001 г. несколько оживили интерес к роли иностранных моджахедов, особенно из стран Ближнего Востока, которые в 1980-е годы принимали участие в антисоветском джихаде в Афганистане,¹⁹ а в 1990-е – в формировании ядра «аль-Каиды» и связанных с ней сетей. Это, впрочем, не поменяло общей ситуации в изучении проблемы ИБТ джихадистского толка. В конце XX – начале XXI века в этой сфере, за некоторыми исключениями,²⁰ доминировала западная литература. Большая ее часть была посвящена западным, прежде всего, европейским ИБТ – несмотря на то, что до ИГИЛ число ИБТ-джихадистов из западных стран в тех или иных конфликтных зонах было очень небольшим,²¹ их поездки в мусульманские страны в основном ограничивались посещением тренировочных лагерей, а их участие в планировании и осуществлении терактов после возвращения домой оставалось ограниченным и было менее активным, чем ожидалось.²² Значительную часть западной литературы по проблеме ИБТ джихадистского толка отличало преобладание сугубо утилитарных, инструменталистских объяснений этого феномена. Среди них, например, рационалистская калькуляция шансов на военный успех вооруженных исламистов, поддержать которых ехали ИБТ, степень содействия таким боевикам-террористам со стороны тех или иных государств или тот факт, что их просто никто не остановил ни на родине, ни по пути в конфликтные зоны.²³

Между тем феномен транснациональных боевиков (боевиков-террористов) джихадистского толка, отправившихся воевать в поддержку мусульманских «братьев» в конфликтные зоны в других странах и даже регионах, вернувшихся из этих зон или продолжающих перемещаться от одной к другой, – это одно из наиболее активных и мобильных проявлений более широкого транснационального вооруженного радикально-исламистского движения, известного также как движение «глобального джихада», или «глобальный салафитский джихад». Это движение следует отличать от вооруженных группировок, сочетающих исламизм с локальным национализмом и тесно привязанных к конкретной территории и повестке дня конкретного локально-регионального конфликта. Важной спецификой ИБТ как части движения «глобального джихада» является то, что ему предшествовало формирование соответствующих религиозно-экстремистской традиции и религиозно-идеологического обоснования. Это

¹⁹ См., например, Кудрявцев А.В. «Арабские афганцы» (к вопросу о механизмах радикализации исламистских движений) // Ислам на современном Востоке. Ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. – М.: Крафт+, 2004. С. 258–273; Brown V. Foreign fighters in historical perspective: the case of Afghanistan // Bombers, Bank Accounts and Bleedout: Al-Qa'ida's Road in and Out of Iraq. Harmony Project Report. Ed. B.Fishman. – West Point (N.Y.): Combating Terrorism Center, 2008. P. 16–31.

²⁰ См., например, Arasli J.E. Archipelago SYRAQ: Jihadist Foreign Fighters from A to Z. 200 Essential Facts You Need to Know about Jihadist Expeditionary Warfare in the Middle East. – Baku: Teknur, 2015.

²¹ Доля европейских ИБТ составила не более 6% ИБТ в Афганистане (за период с конца 1970-х годов по конец 2000-х годов), около 10% от всех ИБТ-исламистов в Боснии (в 1990-е годы), менее 3% ИБТ в Чечне (в 1990-е – 2010-е годы) и около 10% в Сомали за тот же период. Вычисления сделаны на основе данных, приведенных в: Malet D. The European experience with foreign fighters and returnees // Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them? Eds. T.Renard, R.Coolsaet. – Brussels: Egmont Institute, 2018. P. 9. Table 1.

²² Hegghammer T. Should I stay or should I go? Explaining variation in Western jihadists' choice between domestic and foreign fighting // American Political Science Review. V. 107. No. 1. 2013. P. 1–15.

²³ См. типичный пример: Duyvesteyn I., Peeters B. Fickle Foreign Fighters? A Cross-Case Analysis of Seven Muslim Foreign Fighter Mobilizations (1980–2015). – The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2015.

не то чтобы полностью отменяет роль рационалистских, инструментальных факторов, но показывает их второстепенное значение. Религиозно-идеологическая база этого движения сложилась задолго до первых относительно многочисленных потоков иностранных ИБТ-джихадистов в зоны конфликтов в мусульманском мире или с участием мусульман, которые ведут свой отсчет от войны в Афганистане 1980-х годов. К формированию ИГИЛ в начале 2010-х годов феномен ИБТ джихадистского толка насчитывал уже три десятилетия.

2.1.1. Идеологическая база

В конце XX – начале XXI века именно идеология «глобального джихада» (джихадизм салафитского толка)²⁴ стала главной антисистемной протестной идеологией на глобальном уровне. Она не просто предлагала альтернативное, хотя и совершенно утопичное, видение миропорядка, но и оказалась способной вдохновить достаточно адептов, готовых продвигать ее с оружием в руках, в т. ч. в качестве ИБТ в зонах вооруженных конфликтов в далеких от дома странах и регионах.

Хотя корни исламского фундаментализма (салафизма) уходят глубоко в века, его новым стимулом в XX веке стала болезненная реакция части мусульман-суннитов на падение «последнего халифата» – Османской империи после окончания Первой мировой войны. В последующие десятилетия на Ближнем Востоке получили развитие теория и практика исламизма – идеологии и политической деятельности с целью активного продвижения фундаменталистских целей, включая главную конечную цель – воссоздание «исламского халифата». Если первоначально исламизм преимущественно (хотя и не всегда) носил умеренный, ненасильственный характер,²⁵ то первая и до сих пор наиболее цельная современная радикально-исламистская интерпретация глобального миропорядка и вооруженного джихада как средства его достижения относится уже к послевоенным десятилетиям второй половины XX века.

Она связана с фигурой египтянина Сайеда Кутба, который уже тогда сформулировал ключевые постулаты идеологии «глобального джихада».²⁶ Они составили ее основу для радикально-исламистских движений *глобального уровня* последующих десятилетий (от «аль-Каиды»²⁷ до ИГИЛ, вне зависимости от различий между ними), а также для транснационального круговорота вооруженных джихадистов, который пришел в действие еще до формирования «аль-Каиды» ветеранами антисоветского джихада в Афганистане. В этой связи, во-первых, следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о религии и даже не просто об экстремистской версии религиозного течения, а о синтезе религиозного импульса и императива с целостной квазирелигиозной системой организации жизни и мира, в рамках которой радикальный политический, социальный и культурно-идентитарный протест сливается с искренней верой в возможность альтернативного глобального порядка. В отличие от секулярных

²⁴ В данном разделе представлен лишь краткий экскурс. Подробнее см.: Esposito J. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. – Oxford: Oxford University Press, 2002; Наумкин В.В. *Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов*. – М.: КомКнига, 2005; Малашенко А.В. *Исламская альтернатива и исламистский проект*. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006; Мирский Г.И. *Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты*. – М.: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2008 и др.

²⁵ Его олицетворяли, например, движение «Джамаат-э-Ислями», основанное С.А.А.Маудуди в 1941 г. в британской Индии, а впоследствии базировавшееся в Пакистане, и движение «Братьев-мусульман», основанное Х. аль-Банной в Египте в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

²⁶ Сайед Кутб (1906–1966) – египетский теоретик исламского фундаментализма и исламизма.

²⁷ Под сильным влиянием Кутба и глубоким впечатлением от его казни в 1966 г. молодой египтянин Айман аз-Завахири, будущий духовный наставник и ближайший соратник Усамы бен Ладена, основал свою радикальную исламистскую ячейку «авангардного» типа – «Исламский джихад».

интерпретаций «религии», такой исламизм тотален, всеохватен и равнозначен «системе и образу жизни» «во всех ее проявлениях».²⁸ Во-вторых, так как в центре этой идеологии – не что иное, как концепция глобальной системы, основанной на «прямом правлении бога», то какие бы промежуточные задачи не ставились и не обосновывались в ее рамках (вроде «защиты мусульманских земель» на том или ином локально-региональном джихадистском «фронте»), ее конечные цели носят неограниченный характер. По словам Кутба, ее предметом «является все “человечество”, а сферой активности – вся Вселенная»,²⁹ а необходимость «установить власть Бога на земле и справедливую систему, ниспосланную Богом» уже сама по себе является «достаточной причиной для объявления вооруженного джихада».³⁰ В-третьих, эта идеология носит не столько транснациональный или интернационалистский, сколько *внеа национальный* и *наднациональный* характер. Он не просто ставит целью смену власти в существующих государствах и установление контроля над ними, а отвергает само современное понятие «государства». Она претендует на то, что как бы существует в ином измерении, которое принципиально «выше» таких категорий, как «нация» и «государство» и где единственно важной характеристикой людей является не их национальность, гражданство или этническая принадлежность, а исключительно то, разделяют ли они веру в единого бога – единственный источник власти на Земле. Согласно этому подходу, никакое «национальное государство» и ни одна мусульманская страна, включая исламские государства, где нормы шариата интегрированы в законодательство (от Саудовской Аравии до Пакистана), не может заменить ниспосланную богом универсальную систему законов и правил. По сути Кутб и его последователи задолго до начала дискуссий о глобализации пропагандировали свою версию «альтернативной глобализации» и глобализма, базировавшегося на исламе и исламском праве. Это, парадоксальным образом, сделало ее на удивление современной радикальной идеологией, проповедующей активные действия, в т. ч. вооруженный джихад, в защиту реакционного, фундаменталистского ответа, но на вызовы *современного мира*.

Именно Кутб в начале 1960-х годов сформулировал и наиболее целостное религиозно-идеологическое обоснование «джихада» как вооруженной борьбы, причем в транснациональном контексте, в разработке которого он, конечно, опирался и на более ранние толкования. Во-первых, согласно Кутбу, цели джихада безграничны и универсальны. Они не сводятся лишь к борьбе с каким-либо конкретным внешним врагом или правящим режимом, а сосредоточены на установлении «суверенитета и власти Бога на Земле». Эта власть мыслилась им как «истинная система регулирования всей человеческой жизни, ниспосланная Богом» и предписывающая уничтожение «всех сатанинских сил и их образа жизни» (*джахилийи*)³¹ и упразднение «господства одних людей над другими».³² Во-вторых, конечные цели ислама, согласно этой интерпретации, в принципе не могут быть достигнуты без ведения джихада. С одной стороны, признается, что, «прибегая к джихаду для уничтожения общественного порядка, основанного на джахилийи», ислам также может использовать и методы «проповеди и убеждения с целью способствовать изменению идей и ценностей», т. е. на словах декларируется «равнозначность» обеих тактик. С другой стороны, «путь

²⁸ Qutb S. War, peace and Islamic Jihad // // Contemporary Debates in Islam: An Anthology of Modernist and Fundamentalist Thought. Eds. M. Moaddel and K. Talatoff. – Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 231.

²⁹ Ibid. P. 242.

³⁰ Qutb S. War, peace and Islamic Jihad. P. 240.

³¹ Джахилийя – в разных интерпретациях господство бездуховности, незнания ислама, материализма, потребительства, социальной несправедливости.

³² Qutb S. War, peace and Islamic Jihad. P. 240.

джихада» рассматривается как необходимое и фундаментальное условие воплощения в жизнь революционных идей радикального исламизма.³³ В-третьих, джихад интерпретируется как активная и наступательная, а не пассивно-оборонительная стратегия. Утверждается, что более традиционная и умеренная интерпретация джихада как оборонительной войны лишает мусульман основного «метода искоренения всякой несправедливости в мире и привлечения людей к почитанию одного лишь Бога».³⁴ В этом вопросе Кутб, как и ряд его исламистских предшественников, полагал, что термины «наступательный» и «оборонительный» применимы исключительно к «войнам между нациями и государствами». Соответственно, эти термины «совершенно неприменимы к исламскому джихаду» и стоящему за ним «международному движению», выступающему «с универсальной верой и идеологией» и наносящему «удар по принципам оппонента».³⁵ В-четвертых, вооруженный джихад рассматривался не как временная, преходящая фаза, а как «естественная, природная борьба», «вечная и перманентная война», которая «не прекратится до тех пор, пока сатанинским силам не придет конец и религия не очистится для тотального Бога».³⁶ Тотальная природа джихада подчеркнута отрицанием самой возможности перемирия, не говоря уже о примирении, с джахилией. Даже если оппоненты ислама не обязательно собираются предпринять агрессию против него, «ислам не может объявить "перемирие" [с оппонентами] до тех пор, пока они не склонятся перед властью ислама».³⁷ Наконец, особая роль отводилась протестному авангарду, движению групп «избранных», задача которых – в том, чтобы вести массы к пониманию «высшей правды» путем «революции сверху», в т. ч. с помощью вооруженного джихада.³⁸ Эта идея передовых исламистских революционных групп, тогда существовавшая лишь в теории, предвосхитила как первые потоки ИБТ джихадистского толка в реальные конфликтные зоны, так и последующее распространение «авангардных», нередко самогенерирующихся ячеек сторонников сначала «аль-Каиды», а затем и ИГИЛ в разных странах и регионах мира.

За прошедшие с тех пор десятилетия в дополнение к этим ключевым тезисам уже *на практике* постепенно выкристаллизовался и ряд других, более детальных характеристик джихада как вооруженного насилия. В доигиловский период они формировались в основном в контексте палестино-израильского конфликта, антисоветского джихада в Афганистане и развития движения «глобального джихада» в конце XX – начала XXI века в период выдвижения «аль-Каиды» на его первый план.

Умеренная интерпретация джихада как «коллективного обязательства» *уммы* (мусульманской общины), которое в большинстве случаев может быть делегировано какой-то небольшой ее части (например, профессиональным воинам) и ранее подвергалась критике со стороны радикалов. Однако именно реинтерпретация джихада палестинцем Абдуллой Аззамом (1941–1989), под впечатлением от ввода советских войск в Афганистан, как индивидуального обязательства каждого мусульманина стала той вехой, которая обозначила критическую точку в развитии теории и практики современного вооруженного исламизма и особенно феномена иностранных боевиков-террористов джихадистского толка. Это новое толкование «индивидуального джихада

³³ Ibid. P. 225–226.

³⁴ Qutb S. Milestones. Transl. Ma'ālim fī al-ṭarīq. – Cedar Rapids (Iowa): Unity Publishing Co., 1980. P. 56.

³⁵ Maududi S.A.A. Jihad in Islam // Voices of Terror: Manifestos, Writing and Manuals of Al-Qaeda, Hamas, and Other Terrorists from around the World and throughout the Ages. Ed. W.Laqueur. – N.Y.: Reed Press, 2004. P. 400.

³⁶ Qutb S. War, peace and Islamic Jihad. P. 234, 235, 242.

³⁷ Ibid. P. 243.

³⁸ Ibid. P. 231; Qutb S. Milestones. Op. cit. P. 12, 79–80.

как личного долга любого мусульманина»³⁹ впоследствии стало одним из центральных пунктов в идеологии как «аль-Каиды», так и ИГИЛ, особенно актуальным для ИБТ-джихадистов, а также для разбросанных по миру автономных ячеек «глобального джихада».

Постепенно сформировалась и четкая установка о допустимости вооруженного джихада против мирного населения из числа «неверных»: ее примером служит выпущенная Усамой бен Ладеном в феврале 1998 г. фетва, призывавшая убивать «американцев и их союзников – гражданских и военных».⁴⁰ Вооруженные джихадисты отрицали необходимость соблюдать определенные правила ведения войны, которые достаточно подробно разработаны в исламе и подчеркиваются умеренными исламскими учеными и теологами. Среди прочего, джихадисты игнорировали традиционный для ислама запрет на убийство людей, которые не являются прямыми участниками военных действий (некомбатантов), причем все чаще – и в отношении мусульманского гражданского населения. Наконец, экстремистская интерпретация джихада поощряла самопожертвование в ходе джихада, распространяя многовековую традицию мученичества за веру (характерную как для ислама, как и для других религий) на акты насилия с применением смертников, включая неизбирательные и целенаправленные атаки против мирных жителей.

В отличие от вооруженных группировок на локально-региональном уровне, которые сочетали исламский экстремизм с долей национализма, были привязаны к конкретному политическому контексту и, в тех или иных условиях, могли проявлять определенный прагматизм, идеология «глобального джихада» экзистенциальна и в принципе не поддается модерации.⁴¹ В той мере, в которой эта (квази)религиозная идеология играла и продолжит играть роль крайней антисистемной *реакции*, своеобразного рефлекса на объективные фундаментальные социально-политические, социально-экономические и социокультурные процессы в современном мире (глобализацию, вестернизацию, неравномерную, «травматическую» модернизацию), она была и остается серьезным радикально-идеологическим вызовом международному миру и безопасности. Рефлекторная функция идеологии «глобального джихада» также позволила ей быстро адаптироваться к реагированию на конкретные острые международно-политические кризисы и конфликты, затрагивавшие интересы всей уммы – от Афганистана в 1980-е до Ирака с 2003 г. и Сирии в 2010-е годы, которые с легкостью вписывались в алармистское мировоззрение и становились наглядными «иллюстрациями» основных тезисов этой идеологии.

2.1.2. Основные джихадистские мобилизации и «фронты» до ИГИЛ

Основные волны, или «фронты», мобилизации иностранных боевиков-террористов джихадистского толка включают Афганистан (1979–1993 годы), Боснию (в начале-середине 1990-х), Чечню (1994–2009 годы), Сомали (с 1993 г., но особенно в период с 2006 г. по начало 2010-х годов) и Ирак (2003–2010 годы).⁴² Отметим, что длительность

³⁹ Azzam A. Defence of the Muslim Lands: The First Obligation after Iman: transl. from Arabic; 1st publ. in 1984 // *Religioscope*. February 2002. Ch.3.

⁴⁰ Bin Laden O. World Islamic Front for jihad against Jews and crusaders: initial 'fatwa' statement // *Al-Quds al-Arabi*. 23 February 1998. P. 3.

⁴¹ См. также Степанова Е. Ат-татаруф ад-диний ва аль-кауумийя ар-радикалийя айдиолоджиатан лиль-унф аль-мусаллийя аль-лемутаназир [Религиозный экстремизм и радикальный национализм как идеологии асимметричного вооруженного насилия] // Аль-хевар аль-кауумий – аль-ислями [Диалог между национализмом и исламом]. – Бейрут: Центр исследований арабского единства, 2008. С. 679–689.

⁴² К ним иногда добавляют гражданскую войну в Таджикистане (1992–1997 годы), вооруженные конфликты в Минданао на Филиппинах (особенно в 2000-е годы) и некоторые другие локальные

той или иной мобилизационной волны ИБТ не обязательно совпадала с продолжительностью самого конфликта. Например, в Афганистане приток и присутствие иностранных моджахедов периода антисоветского джихада продолжались и после вывода советских войск: завершение именно этой мобилизационной волны можно датировать лишь 1993 г., когда пакистанские власти, наконец, закрыли «гостевые дома» для арабских моджахедов на своей территории и стали угрожать им депортацией. В Ираке в данном случае речь идет о волне мобилизации иностранных джихадистов в период прямой американской оккупации до вывода в 2011 г. основной части американских сил, или в доигиловский период. При этом одна и та же конфликтная зона могла пережить несколько разных мобилизационных волн: ни для Афганистана мобилизационная волна ИБТ, связанная с антисоветским джихадом, ни для Ирака приток иностранных джихадистов в 2000-е годы не стали последними.

Табл. 1. Основные мобилизации ИБТ джихадистского толка до ИГИЛ

Конфликт	Период	Число ИБТ
1. Афганистан	1979–1992 годы	20000 за весь период; ⁴³ в среднем 3000–4000 в год; ⁴⁴ около 14000 выживших ветеранов ⁴⁵
2. Босния	1990-е годы	3000–5000 ⁴⁶
3. Чечня	1994–2009 годы	до 600–700 в 2000 г. (на пике), в среднем 150–200 человек в год в 2000-е годы ⁴⁷
4. Сомали	2006 – начало 2010-х годов	до 300 ⁴⁸
5. Ирак	2003–2010 годы	до 5000 за весь период ⁴⁹

В данном случае нас интересует не подробное хронологическое изложение этих исторических сюжетов (центральная тема этой книги – более поздняя волна ИБТ, связанная именно с ИГИЛ), а их анализ, сравнение и обобщение в соответствии с основными фазами самого процесса. Они включают: (1) мобилизационную фазу ИБТ до их прибытия в конфликтную зону, (2) собственно, этап пребывания ИБТ в зоне конфликта и (3) постконфликтный этап.

конфликты. Однако число джихадистских ИБТ в этих конфликтных зонах было совсем невелико (до 200 в Таджикистане, до 100 на Филиппинах), в отличие от трансграничных боевиков из соседних стран, зачастую связанных с участниками этих конфликтов не (с)только профессиональными, сколько тесными этническими, клановыми и другими узами (например, в контексте межтаджикского конфликта).

⁴³ 20000 ИБТ – это максимум за указанный период, но по консервативным академическим оценкам (см., например, Hegghammer T. *The rise of Muslim foreign fighters: Islam and the globalization of jihad* // *International Security*. V. 35. No. 3. 2010/2011. P. 61. Table 1). Иногда встречаются и более высокие оценки – до 25000 ИБТ. Brown V. *Op. cit.* P. 25.

⁴⁴ Hafez M. *Jihad after Iraq: lessons from the Arab Afghans* // *Studies in Conflict & Terrorism*. V. 32. No. 2. 2009. P. 75; Human A. *Arab involvement in the Afghan War* // *The Beirut Review*. No. 7. 1994. P. 79.

⁴⁵ По данным *Jane's Intelligence Review*, в т. ч. около 5000 саудовцев, ок. 3000 йеменцев, ок. 2800 алжирцев, ок. 2000 египтян, ок. 2800 алжирцев, 400 тунисцев, 370 иранцев, 200 ливийцев, некоторое число иорданцев, сирийцев и др. Bruce J. *Arab veterans of the Afghan war* // *Jane's Intelligence Review*. V. 1. No. 7. 1 April 1995. P. 75.

⁴⁶ Kohlmann E. *Al-Qaeda's Jihad in Europe: The Afghan-Bosnian Network*. – Oxford: Berg, 2004. P. xii.

⁴⁷ По данным министерства обороны РФ. Цит. по: Зайцев В. *Наемники в Чечне: досье* // *Огонек*. № 11. 21.03.2011. С. 25.

⁴⁸ 200–300 ИБТ. Shin D. *Al Shabaab's foreign threat to Somalia* // *Orbis*. V. 55. No. 2. 2011. P. 210.

⁴⁹ Hegghammer T. *The rise of Muslim foreign fighters*. P. 61. Table 1.

Мобилизационная фаза. Несмотря на значительные различия в контекстных условиях между основными джихадистскими «фронтами» конца XX – начала XXI века, связанные с ними потоки ИБТ объединяла ключевая общая черта. Десятки тысяч иностранных боевиков, отправлявшихся на эти «фронты», в большинстве своем, во-первых, не имели с ними каких-либо иных связей (этнического, трансграничного и иного характера), кроме религиозного императива, а во-вторых, ехали не ради чисто материальных стимулов, т. е. речь шла не о наемниках-профессионалах, работающих за деньги, а о добровольцах-джихадистах – религиозных экстремистах.

При этом потоки ИБТ в зоны этих конфликтов сильно различались по масштабу: в одних случаях счет шел на тысячи и даже, как в Афганистане, на десятки тысяч, в других – на сотни боевиков. Если антисоветский джихад в Афганистане за весь период привлек около двух десятков тысяч ИБТ, антиамериканский джихад в Ираке в 2000-е годы – около 5000 ИБТ, а война на стороне боснийских мусульман и их государства в 1990-е годы – несколько тысяч иностранных джихадистов, то в таких конфликтных зонах, как Сомали или Чечня в 1990-е – 2000-е годы, число иностранных боевиков-террористов ограничивалось несколькими сотнями и не дотягивало и до тысячи. Как показывает сравнительный анализ пяти доигиловских мобилизационных волн, сильнее всего на масштаб потоков ИБТ влияла совокупность трех факторов: (а) общей степени интернационализации конфликта, (б) его религиозно-идеологического значения для движения «глобального джихада» и пропагандистско-мобилизационных усилий лидеров и идеологов этого движения, а также (в) степени гласной или негласной поддержки таких потоков со стороны тех или иных государств.

Конфликты и в Афганистане, и в Ираке были не просто широко транснационализированы, но и формально интернационализированы в виде советской и западной интервенций, соответственно. В *Афганистане* вооруженно-исламистская повестка сопротивления советской интервенции и поддержанному ей режиму изначально складывалась под приоритетным влиянием более глобалистской и «джихадистской» египетской традиции в духе С.Кутба. В первые годы советского присутствия и конфликта в Афганистане число ИБТ было совсем не велико. Однако отчетливым импульсом к его резкому количественному и качественному подъему стала религиозно-идеологическая пропаганда со стороны наиболее пассионарного на тот момент проповедника и практика транснационального джихада Абдуллы Аззама в комплексе с его конкретными мобилизационными усилиями в странах Ближнего Востока. Результатом этих усилий стало создание Аззамом в 1984 г. центра координации иностранного финансирования и вербовки «Мактаб аль-ХидаMAT», или афганского сервисного бюро, в Пешаваре. Пару лет спустя активным пользователем услуг этого бюро стал саудовец Усама бен Ладен, основавший сеть специальных лагерей подготовки для так называемых афганских арабов, в т. ч. в самом Афганистане. Показательно, что наибольшее число ИБТ прибыло в Афганистан в течение двух–трех лет после окончательного вывода советских войск (в 1989–1992 годах).⁵⁰ При этом руководство целого ряда мусульманских стран не просто допускало вербовку добровольцев на афганскую войну, но и активно способствовало ей. Их правящими режимами двигали комплексные мотивы: от надежды укрепить свое положение за счет демонстративной «опоры на ислам» и одновременно «слить» за границу, лучше как можно дальше, своих наиболее радикально и воинственно настроенных исламистов – до, например, стремления, в условиях тогда еще биполярного мира, наладить или улучшить отношения с США (крупнейшим, наряду с Саудовской Аравией, союзником и источником финансирования вооруженной борьбы афганских моджахедов).

⁵⁰ Hafez M. Op. cit. P. 75.

В *Ираке* американская интервенция и то, как вели себя американцы и поставленное ими иракское правительство в годы оккупации, изначально играли центральную роль в мобилизации как вооруженного сопротивления (и не только со стороны суннитов), так и притока иностранных джихадистов. Его главным «лицом» и вдохновителем стал ветеран афганского джихада иорданец Абу Мусаб аз-Зарка́уи, создатель и лидер «Аль-Каиды в Ираке» (с 2004 г.), преобразованной после его смерти в 2006 г. в «Исламское государство в Ираке» – ядро и предвестник будущей ИГИЛ.⁵¹ При этом США в каком-то смысле способствовали росту популярности и медийно-пропагандистской раскрутке аз-Зарка́уи, в т. ч. как магнита для привлечения иностранных ИБТ, преувеличивая военный потенциал и успехи его сторонников и пытаясь свалить именно на него и иностранных боевиков растущее число атак со стороны вооруженного сопротивления в Ираке. Этим США отчасти сами превратили его в героя и символ вооруженного джихада в арабо-мусульманском мире.⁵²

В условиях широко интернационализированного конфликта в *Боснии* иностранные боевики-джихадисты вообще напрямую воевали на стороне официальных властей боснийской республики,⁵³ хотя и в качестве негосударственных вооруженных акторов. К середине 1990-х годов сформированная ими «Катибат аль-Муджахидин» в составе до 4000 человек была интегрирована в состав корпуса вооруженных сил Боснии.⁵⁴

Сомалийский и чеченский «фронты» составили заметный контраст с тремя другими примерами, хотя и по разным причинам. Сомалийский «фронт» представлял собой крайне хаотичную, труднодоступную и неблагоприятную для любых иностранцев среду, находился на периферии исламского мира и не играл особо важной или центральной роли в транснациональной джихадистской идеологии и пропаганде. Цели «аш-Шабаб» – основной радикально-исламистской группировки в Сомали после свержения в 2006 г. местного режима Союза исламских судов в результате эфиопской интервенции – были ограничены своей страной и регионом, а к терроризму она перешла только после гибели в мае 2008 г. своего лидера Адена Хаши Айро в результате ракетной атаки США. В Чечне важными ограничителями численности ИБТ,⁵⁵ особенно после начала второй чеченской войны, стали (а) отсутствие нехватки в местных боевиках в составе вооруженных антиправительственных формирований, (б) силовое давление со стороны сохранившего дееспособность государства, постепенно наращивавшего свой потенциал, в т. ч. силовой (и, в частности, сумевшего наладить и укрепить контроль над границами в северокавказском регионе), и (в) подъем местных традиционалистских этноконфессиональных сил, с рубежа веков жестко, буквально на смерть, конкурировавших за власть и влияние с радикальными исламистами, включая лидеров ИБТ.

Тем не менее для потоков ИБТ на все пять основных джихадистских «фронтов» 1980-х – 2000-х годов были характерны следующие общие черты. Во-первых, среди них выходцы с Большого Ближнего Востока сильно доминировали над ИБТ из других регионов.⁵⁶ Во-вторых, бóльшая часть мобилизационно-вербовочной активности велась

⁵¹ Подробнее см. раздел 2.3.1.

⁵² Gerges F. *The Far Enemy: Why Jihad Went Global*. – N.Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 259.

⁵³ В 1994 г. совместно с республикой Херцег-Босна образовала Федерацию Босния и Герцеговина (Мусульмано-хорватскую федерацию).

⁵⁴ Kohlmann E. *Op. cit.* P. 161.

⁵⁵ По некоторым данным, число иностранцев среди боевиков не превышало 1–2%. Малашенко А., Тренин Д. *Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России*. – М.: Гендальф, 2002. С. 103.

⁵⁶ Даже в Боснии, где было относительно немало и турецких, и даже пакистанских ИБТ. Лишь в Сомали ИБТ-арабы были сравнимы по численности с ИБТ – выходцами из стран Африки южнее Сахары и Южной Азии.

за пределами самих конфликтных зон и не столько местными участниками конфликтов, сколько иностранцами – транснациональными джихадистами.⁵⁷ В-третьих, любителям объяснять феномен ИБТ чуть ли не исключительно эффектом ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) полезно напомнить: несмотря на то, что интернет, социальные сети и другие новейшие ИКТ получили широкое распространение лишь в начале XXI века, т. е. на поздней стадии 30-летнего доигиловского периода, самая масштабная мобилизация ИБТ за этот период пришлось на его самую раннюю стадию (на антисоветский джихад в Афганистане), т. е. на период до распространения интернета. Более того, во всех пяти случаях вербовка, как правило, требовала физического контакта с джихадистами, причем часто еще в странах исхода ИБТ, причем уже и в 2000-е годы. Например, из оказавшихся в руках коалиционных сил в Ираке персональных данных нескольких сотен боевиков «Аль-Каиды в Ираке» видно, что более трети (33,5%) ИБТ присоединились к джихаду в Ираке через прямой контакт с джихадистскими «братьями» в своих странах, еще более 40% – через личные контакты (29% через друзей, 7% через родственников и около 6% – через соседей) и лишь 4% – посредством интернета.⁵⁸ В-третьих, все пять перечисленных мобилизационных волн ИБТ почти исключительно состояли из мужчин «призывного» возраста, в основном 20–30 лет. В-пятых, для всех постафганских «фронтов» наблюдалась доля преемственности между ИБТ, особенно по линии «афганских арабов», т. е. ветеранов антисоветского джихада в Афганистане, которых могло насчитываться около 14000.⁵⁹ После вывода советских войск Афганистан погрузился в пучину внутренних междоусобиц между разными фракциями моджахедов, а многим ближневосточным ИБТ пришлось покинуть свои базы, особенно после того, как в 1993 г. Исламабад объявил их вне закона. Именно в это время им как раз подвернулся разгорающийся вооруженный конфликт с участием мусульман в Боснии – стране со значительным коренным мусульманским населением. В авангарде притока иностранных джихадистов в эту конфликтную зону были арабские ветераны афганской войны; из их числа был и лидер основного вооруженного формирования ИБТ в боснийском конфликте («Катибат аль-Муджахидин») Абу Абд аль-Азиз, или «эмир Барбарос».⁶⁰ «Афганские арабы» проявили себя и в Сомали, и в Чечне, и в придании первоначального импульса притоку ИБТ в Ирак после 2003 г. (хотя в целом в иракской мобилизационной волне ИБТ 2000-х годов уже преобладало новое, более молодое поколение джихадистов, не прошедших Афганистан).

Фаза активного конфликта. По понятным причинам, по пребыванию ИБТ непосредственно в рядах вооруженных исламистов в той или иной конфликтной зоне данных меньше всего – как для исторических кейсов, так и для ИГИЛ в 2010-е годы. Максимум того общего, что можно выделить для основных джихадистских «фронтов» 1980-х – 2000-х годов – это, например, то, что во всех случаях ИБТ численно составляли лишь небольшую долю по сравнению с местными боевиками (к которым в данном случае можно отнести и боевиков, оперировавших в трансграничном контексте с соседними странами, особенно в условиях не признанных ими границ, в частности, в афгано-пакистанском ареале). Даже в Афганистане в рамках самой крупной мобилизации ИБТ в доигиловский период совокупное число ИБТ за все годы (около

⁵⁷ Hegghammer T. The rise of Muslim foreign fighters. P. 65.

⁵⁸ Felter J., Fishman B. Becoming a foreign fighter: a second look at the Sinjar records // Bombers, Bank Accounts and Bleedout. P. 45. Figure 14.

⁵⁹ Bruce J. Op. cit. P. 75.

⁶⁰ Kohlmann E. P. 17–20.

20000) не превышало 10% общего числа всех моджахедов (до 200 тысяч),⁶¹ не говоря уже о среднегодовом числе ИБТ, которое не превышало 3000–4000 человек. Во всех пяти случаях ИБТ приезжали в конфликтную зону временно, причем, как правило, на ограниченный период и в подавляющем большинстве – без семей.⁶²

Влияние фактора ИБТ на ход вооруженного конфликта отличала несколько бóльшая вариативность. ИБТ-джихадисты не везде оказали заметное влияние на ход боевых действий, а нередко, хотя и не всегда, имели неровные или напряженные отношения с местными боевиками и населением. Однако во всех случаях ИБТ были фактором идеологического влияния и важным символом религиозно-идеологической солидарности радикалов-транснационалистов с местными исламскими «братьями», способствовали привлечению дополнительного внешнего финансирования и часто несли с собой более продвинутые информационно-пропагандистские навыки. В ряде случаев уже в этот период ИБТ были готовы и склонны практиковать более радикальные, крайние формы насилия, в т. ч. против гражданских лиц.

Так, хотя ИБТ, принимавшие участие в антисоветском джихаде в Афганистане, прежде всего, «афганские арабы», не оказали критического влияния на ход конфликта, их нередко отличали более жесткие и ранее нетипичные для афганцев методы, включая акты смертников, не говоря уже о том, что ИБТ и их лидеры и координаторы создали первые сетевые структуры и модель мобилизации иностранных джихадистов в поддержку вооруженных исламистских движений.⁶³ В Чечне, где местные исламисты-сепаратисты особо не нуждались ни в поднятии боевого духа, ни в иностранной живой силе, ни во внешней подготовке и обучении вооруженной борьбе, роль ИБТ, тем не менее, была немаловажной в сфере религиозно-идеологического влияния и радикализации, совершенствовании информационно-пропагандистских навыков чеченских боевиков и обеспечении их доступа к внешнему финансированию со стороны зарубежных и транснациональных радикально-исламистских организаций. Чечня (как и, например, Сомали) считалась одним из самых трудных и опасных для иностранцев джихадистских «фронтов»: большинство ИБТ, уехавших в Чечню в разгар первой и второй чеченских войн, не вернулись живыми. Возможно, именно по этой причине в 2000-е годы джихадистские веб-сайты советовали потенциальным ИБТ, планировавшим отправиться в Чечню, сначала съездить, например, в Афганистан и получить там первичную военную подготовку и боевой (диверсионно-террористический) опыт.⁶⁴

В то же время, например, в Боснии и Ираке ИБТ имели определенное, хотя и не решающее, стратегическое влияние на ход конфликтов. Среди иностранных боевиков (в Боснии – на всем протяжении конфликта, а в Ираке – на более ранней стадии конфликта, в середине 2000-х годов) было достаточно уже подготовленных ветеранов, имевших опыт предыдущего джихада. Показательно, что в обоих случаях иностранных джихадисты на практике демонстрировали готовность применять более жесткие методы, чем местные бойцы. В Боснии «афганские арабы» ценились за свою решимость и способность «сеять террор» и почитались как «мученики за веру».⁶⁵ В Ираке с 2003 г. ИБТ активно проявили себя в разжигании и практике сектарного

⁶¹ Bergen P. After the war in Iraq: what will the foreign fighters do? // *Bombers, Bank Accounts and Bleedout*. P. 99.

⁶² Malet D. *Foreign Fighters: Transnational Identity in Civil Conflicts*. – N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 233.

⁶³ Hafez M. Op. cit. P. 76; Davis A. Foreign combatants in Afghanistan // *Jane's Intelligence Review*. V. 5. No. 7. 1993. P. 327–331; Hyman A. Op. cit. P. 85.

⁶⁴ Moore C., Tumelty P. Foreign fighters and the case of Chechnya // *Studies in Conflict and Terrorism*. V. 31. No. 5. 2008. P. 422.

⁶⁵ Help from the holy warriors // *Newsweek*. 10 April 1992.

насилия и в неизбирательном насилии, которое в основном вело к гибели гражданского населения. Уже в августе 2003 г. сторонники Абу Мусаба аз-Заркауи, среди которых преобладали ИБТ, устроили взрыв отделения ООН в Багдаде, что привело к выводу ООН своего персонала из Ирака. Они также активно проявили себя в битве за Фаллуджу в 2004 г. и противостояли коалиционным силам в ряде других операций.⁶⁶ Согласно так называемой синджарской базе данных «Аль-Каиды в Ираке», содержащей анкеты с персональными и иными данными об ИБТ, более половины из них (56%) в графе «вид деятельности» («работа») [в зоне конфликта] записались «смертниками».⁶⁷ В целом в середине 2000-х годов до 75% всех актов смертников в Ираке совершались иностранными боевиками-террористами.⁶⁸ Наряду с информацией из других источников, синджарские данные также подтверждали, что до двух третей ИБТ в Ираке в 2000-е годы составляли саудовцы и что большинство ИБТ попало в Ирак через территорию Сирии. Показательно, что, как и в Афганистане в первые несколько лет после вывода советских войск, в Ираке несколько спавший было к концу 2000-х годов приток ИБТ обрел новый импульс после вывода основной части коалиционных сил к концу 2011 г. и в условиях обострения внутрииракских противоречий между суннитскими, шиитскими и курдскими политическими силами.

Постконфликтная фаза. В литературе по проблеме джихадистских ИБТ основной упор традиционно делался именно на постконфликтной (для ИБТ) фазе ввиду возможных угроз со стороны возвращающихся домой джихадистов, причем преимущественно применительно к выходцам из западных стран, которые в 1980-е – 2000-е годы составляли абсолютное меньшинство ИБТ.

Отношение к движению ИБТ в обратном направлении из конфликтных зон домой в большинстве стран их исхода, особенно ближневосточных, можно суммировать как «ехать – езжай, а назад лучше не надо». Хотя, например, многие «афганские арабы» вернулись домой в начале 1990-х годов, большинство, особенно в странах с (относительно) светскими правящими режимами, столкнулось с теми или иными препятствиями и трудностями в процессе репатриации. Если отъезд «добровольцев» в Афганистан гласно или негласно одобрялся или даже поощрялся властями их родных стран, то на обратном пути репатрианты, благодаря обретенному ими сочетанию опыта вооруженного насилия с фундаменталистскими взглядами, становились предметом беспокойства для властей, которые – по крайней мере, в странах Магриба, а также в Египте и Иордании – предприняли определенные полицейские и специальные меры для того, чтобы как-то ограничить возвращение ИБТ и их вступление в ряды местных радикально-исламистских оппозиционных группировок.

В целом в исторической перспективе из вернувшихся на родину ИБТ-джихадистов лишь немногие впоследствии представляли прямую террористическую угрозу своим странам. Однако, во-первых, среди тех, кто такую угрозу все же представлял, были вдохновители и участники одних из самых смертоносных атак за весь тридцатилетний период с начала 1980-х годов, включая пока самую крупную серию терактов в истории – теракты 11 сентября 2001 г. в США. Во-вторых, ИБТ, особенно «афганские арабы» – ветераны антисоветского джихада в Афганистане – сыграли важную роль в создании, укреплении и радикализации джихадистских сетей и вербовке новых добровольцев.⁶⁹ Они приложили руку как к созданию «аль-Каиды» как

⁶⁶ Hafez M. Op. cit. P. 86–87.

⁶⁷ Felter J., Fishman B. Op. cit. P. 55.

⁶⁸ Bombers, Bank Accounts and Bleedout. P. 6.

⁶⁹ The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters: Research Perspectives. United Nations Security Council Counterterrorist Committee Executive Directorate (UN CTED) Trends Report. – N.Y.: UN CTED, 2018. P. 3.

первой сетевой организации именно «глобального джихада» и лидера этого движения в доигиловский период (в конце XX – начале XXI века), так и к запуску круговорота джихадистских ИБТ между различными, сменяющимися друг друга, локально-региональными «фронтами» от Африки до Юго-Восточной Азии и мобилизационными волнами от Боснии и Чечни до постсаддамовского Ирака в годы американской оккупации. Если фактор ИБТ и не всегда становился мультипликатором силы для местных вооруженных исламистов, то в любом случае работал как канал транснационализации вооруженного движения в плане идеологической и информационно-пропагандистской поддержки, финансирования и т. п. Но главное, даже несмотря на свою относительную немногочисленность, ИБТ, особенно ветераны одного или нескольких «джихадов», благодаря своему повышенному влиянию среди радикальных исламистов, относившихся к ним с особым пиететом, сыграли важную роль в формировании связующих узлов «глобального джихада» не только как идеологии, но уже и как реального транснационального антисистемного вооруженно-экстремистского движения. Кульминацией этого движения в первой четверти XXI века стало ИГИЛ.

2.2. ИГИЛ в контексте транснационального терроризма начала XXI века

При всем фокусе на ИГИЛ как на лидере движения «глобального джихада», основной силе вооруженной оппозиции в конфликтах сразу в двух соседних странах (Ираке и Сирии) и крупнейшего террористического актора середины – второй половины 2010-х годов, насколько это движение специфично в плане эволюции, масштаба и интенсивности террористической активности, степени идеологического радикализма и квазигосударственных амбиций? В чем его сходство с иными крупными радикально-исламистскими движениями, объединившими в себе роли основного негосударственного комбатанта и террористического актора в контексте других интенсивных региональных конфликтов начала XXI века, и чем оно качественно отличалось от них? Если обратиться к статистике, то эти вопросы представляются совсем не умоглядными и не праздными.

На протяжении первых двух десятилетий XXI века львиная доля террористической активности в мире была сосредоточена в трех регионах мира – на Ближнем Востоке и Северной Африке, в Южной Азии и в Африке южнее Сахары. В середине 2010-х годов, т. е. в период подъема ИГИЛ, 94% всех убитых в терактах приходилось на эти три региона.⁷⁰ Основным лидером по уровню террористической активности в начале XXI века был именно Большой Ближний Восток – преимущественно благодаря конфликтам в Ираке и Сирии, но в течение ряда лет он уступал эту роль Южной Азии (см. *Рис. 1*).

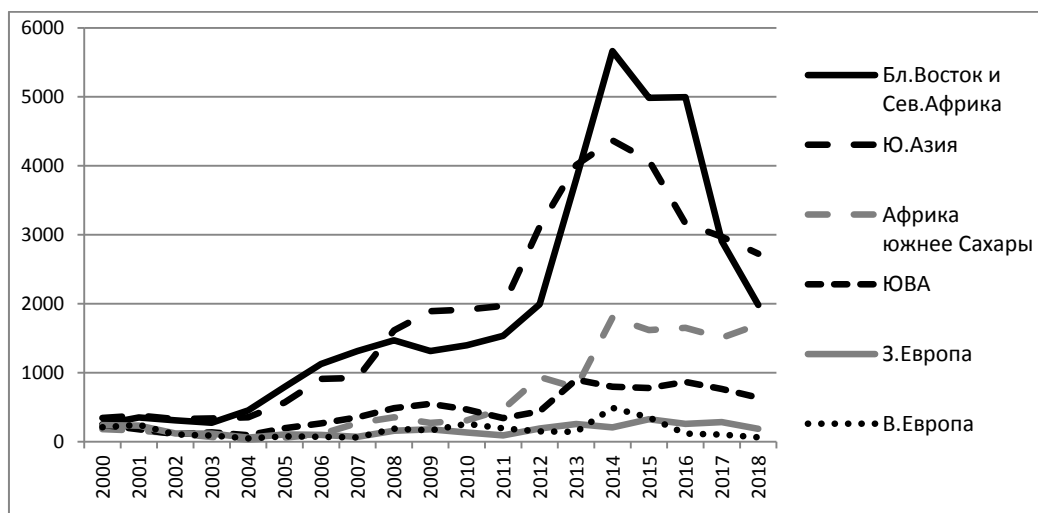
Среди стран на протяжении большей части первых двух десятилетий XXI века по общему уровню терроризма (в 2003–2018 годах) и по числу убитых в терактах (в 2004–2017 годах) лидировал именно Ирак⁷¹ – родина ядра ИГИЛ. Сирия в 2014–2019 годах по совокупности показателей террористической активности также вошла в пятерку лидеров, однако даже на этапе наибольшей эскалации вооруженного конфликта она уступала не только Ираку, но и Афганистану и Нигерии (см. *Табл. 2*). В целом в середине 2010-х годов три четверти всех убитых в терактах в мире приходилось всего

⁷⁰ Global Terrorism Index 2017: Measuring the Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2017. P. 3.

⁷¹ Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2019. P. 4, 18. Table 1.1.

на пять стран – Ирак, Афганистан, Сирию, Нигерию и Пакистан.⁷² Именно эти пять стран, а также Сомали и Йемен, были аренами наиболее затяжных и интенсивных региональных конфликтов начала XXI века, и именно на их территории базировались несколько наиболее крупных вооруженных трансграничных радикально-исламистских движений в мире – прямых участников этих конфликтов.

Рис. 1. Терракты, по регионам мира, 2000–2018 гг.

Источник данных: Global Terrorism Database, 2012–2019.⁷³

Важно подчеркнуть, что на протяжении первых двух десятилетий XXI века основной уровень и центр тяжести транснационального терроризма в мире был представлен *не какой-то одной* группировкой или макросетью типа «аль-Каиды» или ИГИЛ, а, скорее, несколькими – шестью-семью – организациями определенного типа: вооруженными радикально-исламистскими движениями, устойчиво базировавшимися в том или ином регионе и ведущими свою основную военную и террористическую активность на региональном уровне.⁷⁴

Несмотря на то, что эти шесть-семь вооруженных движений сформировались в трех разных регионах мира (на Ближнем Востоке, в Южной Азии и в Африке), они демонстрировали типологическое сходство, достаточное для того, чтобы их можно было объединить в определенную категорию, или тип. Движения этого типа, с одной стороны, качественно отличались от массы более мелких повстанческо-террористических группировок исламистско-сепаратистского типа, воюющих в основном на субнациональном уровне в конфликтах низкой интенсивности на периферии более или менее функциональных государств. С другой стороны, все они, включая ИГИЛ, отличались и от «аль-Каиды» как от полностью экстерриториальной, горизонтальной сети – даже в большей степени идеологии, чем сети.

При всех контекстных различиях у вооруженных движений этого типа много общего. Все они – группировки радикально-исламистского типа; базирующиеся в мусульманских странах или в районах, где доминирует мусульманское население. Все

⁷² Global Terrorism Index 2017. P. 4.

⁷³ Global Terrorism Database. Version 2019. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd>.

⁷⁴ В данном контексте под «регионом» понимается *наднациональное* и *транснациональное* политико-географическое пространство: например, регионы Ближнего Востока, Северной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной Африки и т. п.

они *эндемичны* для своих регионов, т. е. не привнесены откуда-то извне, а зародились и развивались преимущественно в своем региональном контексте. Все они прошли через процесс регионализации – от более локального до трансграничного и регионального уровня (а «Исламское государство в Ираке» пошло и дальше, в итоге трансформировавшись в ИГИЛ). Все эти вооруженные движения действовали в ослабленных государствах, иногда в странах на грани распада, и пытались строить свои альтернативные квазигосударственные системы крайне фундаменталистского, архаизированного толка. Все сочетали систематическое применение *террористических методов* против гражданского населения и в целом некомбатантов с активным ведением *боевых действий* против правительственных (а в большинстве случаев и иностранных сил) в контексте самых интенсивных вооруженных конфликтов начала XXI века.

Табл. 2. Первая десятка стран с наиболее высоким уровнем террористической активности (Глобальный индекс терроризма / GTI)

	GTI 2012	GTI 2014	GTI 2015	GTI 2016	GTI 2017	GTI 2018	GTI 2019
1	Ирак	Ирак	Ирак	Ирак	Ирак	Ирак	Афганистан
2	Пакистан	Афганистан	Афганистан	Афганистан	Афганистан	Афганистан	Ирак
3	Афганистан	Пакистан	Нигерия	Нигерия	Нигерия	Нигерия	Нигерия
4	Индия	Нигерия	Пакистан	Пакистан	Сирия	Сирия	Сирия
5	Йемен	Сирия	Сирия	Сирия	Пакистан	Пакистан	Пакистан
6	Сомали	Индия	Индия	Индия	Йемен	Сомали	Сомали
7	Нигерия	Сомали	Йемен	Сомали	Сомали	Индия	Индия
8	Таиланд	Йемен	Сомали	Индия	Индия	Йемен	Йемен
9	Россия	Филиппины	Ливия	Египет	Турция	Египет	Филиппины
10	Филиппины	Таиланд	Таиланд	Ливия	Ливия	Филиппины	ДРК

Источник данных: Global Terrorism Index, 2012–2019.⁷⁵

В середине 2010-х годов всего на шесть таких вооруженных движений (ИГИЛ в Ираке и Сирии, Талибан⁷⁶ в Афганистане, «Боко Харам» в Нигерии, «Джабхат ан-Нусра»⁷⁷ в Сирии, «аш-Шабаб» в Сомали и «Аль-Каиду в странах Аравийского

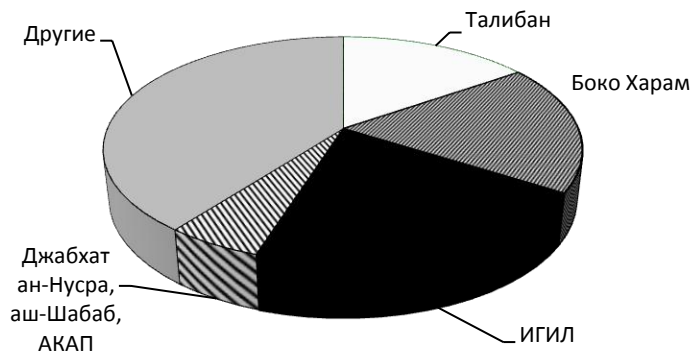
⁷⁵ Глобальный индекс терроризма рассчитывается Институтом экономики и мира (Сидней, Австралия) и содержит статистику и обзор основных тенденций в области терроризма за период с 2000 г. на основе Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database). Индекс рассчитывается ежегодно для предыдущего года, но с учетом данных за предшествующие 10 лет. Автор книги является соавтором методологии Глобального индекса терроризма. Подробнее о методологии индекса см.: LaFree G. Using open source data to track worldwide terrorism patterns // Pathways to Peace and Security [Пути к миру и безопасности]. 2017. № 1(52). Special Issue: Addressing Terrorism, Violent Extremism and Radicalization: Perspectives from Russia and the United States. P. 64–76.

⁷⁶ Движение Талибан – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003 (далее – везде).

⁷⁷ «Джабхат ан-Нусра», или «Джебхат ан-Нусра», – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015 (далее – везде).

полуострова») пришлось 74% всех убитых в терактах,⁷⁸ где можно было идентифицировать стоящие за ними группировки, т. е. было известно, кто нес за них ответственность (см. Рис. 2). В 2017 г. только на четыре крупнейших вооруженных движения этого типа – ИГИЛ, Талибан, «аш-Шабаб» и «Боко Харам» – пришлось более 56,5% погибших в терактах в мире.⁷⁹

Рис. 2. Число убитых в терактах, по вооруженным группировкам, 2015 г.

Источники данных: Global Terrorism Database, Global Terrorism Index 2016.

Примечание: АКАП – «Аль-Каида в странах Аравийского п-ва».

При этом некоторые группировки этого типа *превосходили* ИГИЛ по показателям террористической активности, в т. ч. в период расцвета и подъема ИГИЛ. Так, хотя в 2015–2017 годах именно на ИГИЛ пришлось больше всего убитых в терактах в мире,⁸⁰ в 2014 г., т. е. в год провозглашения лидера ИГИЛ аль-Багдади «халифом», самой смертоносной террористической группировкой в мире как по абсолютному числу убитых, так и по среднему числу убитых на один теракт была нигерийская «Боко Харам».⁸¹ В 2015 г. больше всего убитых в среднем на один теракт было на счету сирийской группировки «Джабхат ан-Нусра», связанной с «аль-Каидой».⁸² За весь же период после 2001 г. наиболее активной вооруженной группировкой в мире как по интенсивности участия в боестолкновениях с правительственными и иностранными войсками (силами США и НАТО), так и по террористическим операциям оставалось афганское движение Талибан. Сомалийская «аш-Шабаб», вооруженная активность которой распространяется на весь регион Африканского Рога, вела активные военные и террористические операции хотя и не так долго, как афганские талибы, но дольше, чем ИГИЛ, «Боко Харам» или «Джабхат ан-Нусра». Именно на счету «аш-Шабаб» был, например, наиболее масштабный теракт 2017 г. (587 убитых), несмотря на то, что ИГИЛ тогда еще лидировало по общему числу убитых в терактах.⁸³

⁷⁸ Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2016. P. 3, 50.

⁷⁹ Global Terrorism Index 2018. P. 15.

⁸⁰ На счету ИГИЛ в 2015 г. было более 6140 убитых в терактах, в 2016 г. – около 9150 человек, а в 2017 г. – 4350 человек. Global Terrorism Index 2016. P. 4; Global Terrorism Index 2017. P. 5; Global Terrorism Index 2018. P. 15.

⁸¹ В 2014 г. на счету «Боко Харам» было 6644 убитых в терактах и 14 убитых на один теракт. На счету ИГИЛ было 6073 терактов. Global Terrorism Index 2015: Measuring the Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2015. P. 4, 14.

⁸² В 2015 г. на счету «Джабхат ан-Нусры» было в среднем более 11 человек убитыми на теракт. Global Terrorism Index 2016. Op. cit. P. 18.

⁸³ Global Terrorism Index 2018. P. 4.

Типологически ИГИЛ на этапе своего формирования и регионализации полностью относилось к этому ряду региональных радикально-исламистских движений. К сожалению, объяснение феномена ИГИЛ и его роли в движении «глобального джихада» часто начинают сразу с глобального уровня – особенно со сравнения ИГИЛ и «аль-Каиды» как сменивших один другого лидеров движения «глобального джихада». Значительная часть дискуссий об идеологии ИГИЛ, за редкими исключениями,⁸⁴ практически монополизирована сопоставлением и обсуждением различий и конкуренции между ИГИЛ и «аль-Каидой» за первенство в движении «глобального джихада». Однако объяснение феномена ИГИЛ надо начинать не с этого. Нюансы между ИГИЛ и «аль-Каидой», конечно, важны, но они, скорее, составляли следствие, а не суть процесса эволюции ИГИЛ от регионализации по принципу «снизу вверх» (от более локального, субнационального к региональному движению) к последующей более широкой транснационализации вплоть до выхода или, по крайней мере, претензии на глобальный уровень.

ИГИЛ не сразу и не вдруг возникло как глобальный феномен. До этого оно годами формировалось и укреплялось как региональное движение в ирако-сирийском контексте, в условиях интенсивных вооруженных конфликтов и ослабленной дееспособности государственной власти сразу в двух странах ближневосточного региона, обострения сектарных противоречий как в этих двух странах, так и на региональном уровне, а также внешних интервенций и объявленного и необъявленного вмешательства в Ираке и Сирии со стороны внерегиональных сил и региональных игроков. Лишь с середины 2010-х годов ИГИЛ выделилось (но не выпало) из ряда подобных ему региональных вооруженных трансграничных движений радикально-исламистского толка благодаря тому, что расширило свои амбиции по построению «исламского государства» и вооруженную активность за пределы не только Ирака и Сирии, но и Ближнего Востока в целом, и сложилось в самостоятельную категорию.

Поэтому сначала следует рассмотреть эволюцию ИГИЛ в ирако-сирийском контексте через призму его (локально-)региональных истоков и процесса его регионализации. Лишь затем можно ставить вопрос о том, что превратило этого регионального актора в новый авангард «глобального джихада» как движения и идеологии. Ответ на него требует анализа специфики ИГИЛ по сравнению как с другими крупными региональными вооруженно-исламистскими движениями, так и с «аль-Каидой» и путей дальнейшей транснационализации ИГИЛ и его выхода за рамки ближневосточного региона, включая роль иностранных боевиков-террористов в этом процессе.

2.3. Регионализация: факторы формирования ИГИЛ на Ближнем Востоке

В начале XXI века трансграничные повстанческо-террористические движения исламистского толка, пытавшиеся расширить свою региональную базу и заняться квазигосударственным строительством, можно было наблюдать в разных регионах мира далеко за пределами арабского Ближнего Востока. Однако такие вооруженные движения бросали серьезный вызов международной безопасности только в тех региональных контекстах, где затяжные, интенсивные конфликты сочетались с

⁸⁴ Haykel B. ISIS: a Primer // Princeton Alumni Weekly. 3 June 2015. URL: <https://paw.princeton.edu/article/isis-primer>; проф. Бернард Хейкль цит. по: Wood G. What ISIS really wants // The Atlantic. March 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/Wood2015>; Carmon Y., Yehoshua Y., Leone A. Understanding Abu Bakr Al-Baghdadi and the Phenomenon of the Islamic Caliphate State. MEMRI Inquiry and Analysis Series Report no. 1117. 14 September 2014.

хронической слабостью или развалом государственной власти, а гражданские войны, иногда сразу в двух или более странах, становились объектами особенно сильной транснационализации. Она включала неформальную поддержку конфликтующих сторон со стороны внешних сил и/или формальную интернационализацию – иностранные военные интервенции и присутствие. Именно в таких условиях регионализация вооруженного радикально-исламистского движения вела не к размыванию, фрагментации и ослаблению его военно-политического и террористического потенциала, а к его масштабированию и качественному подъему.

Из вооруженных исламистских движений регионального базирования, находившихся в процессе дальнейшей регионализации, ИГИЛ, или ДАИШ,⁸⁵ не только носило наиболее явный джихадистский характер, но и стало единственным из всех, чьи идеологические амбиции вышли за рамки субрегионального (ирако-сирийского) и даже макрорегионального (ближневосточного) контекста. Несмотря на это, формирование и эволюция ИГИЛ вплоть до середины 2010-х годов являли собой образец регионализации именно по принципу «снизу вверх», а не «сверху вниз» (т. е. дробления ранее более централизованного и консолидированного движения на региональные ответвления и филиалы). Специфика ИГИЛ – в его двойственной природе как одновременно и «классического» примера регионализации по принципу «снизу вверх», и, на более поздних стадиях, передового отряда, ударной группировки и главного центра притяжения транснационального вооруженного джихадизма.

На самом деле ни одно другое крупное вооруженно-исламистское движение до такой степени не приводилось в действие и не подстегивалось внутрорегиональными факторами, как ИГИЛ – даже несмотря на то, что спусковым механизмом, или катализатором, этой динамики изначально послужила внешняя интервенция во главе с США в Ираке 2003 г.⁸⁶ Регионализация гражданской войны в Сирии также в значительной мере произошла в результате развития внутрорегиональной динамики и стала важным условием превращения непосредственного предшественника ИГИЛ – «Исламского государства в Ираке» – в трансграничную военную силу и территориально-административное образование. В первой половине 2010-х годов ИГИЛ уже устойчиво базировалось сразу в двух ослабленных государствах – в Ираке с хронически недееспособным режимом в условиях сохранения военного присутствия части американских сил и в Сирии со слабеющей государственной властью и контролем в условиях транснационализированной гражданской войны. В этом смысле ИГИЛ стало даже более наглядным и внушительным примером регионального вооруженного и террористического актора с мощной идеологией и амбициями государственного строительства, чем, например, движение Талибан в афгано-пакистанском контексте.

Факторы и динамику формирования и регионализации ИГИЛ можно подразделить на две группы, или уровня: *микрорегиональные* (во внутрииракском, внутрисирийском и трансграничном контекстах) и *макрорегиональные*. Процесс формирования будущего ИГИЛ начался в постсаддамовском Ираке в середине 2000-х годов и с тех пор некоторое время развивался преимущественно на микрорегиональном уровне. Именно в ирако-сирийском трансграничном ареале ИГИЛ пустило наиболее глубокие корни и именно этот ареал оставался основным районом базирования ИГИЛ вплоть до конца второго десятилетия XXI века. Однако регионализация ИГИЛ была

⁸⁵ ДАИШ – аббревиатура «Исламского движения в Ираке и Леванте» на арабском языке («ад-Дауля аль-Исламия фи аль-Ирак ва аш-Шам»).

⁸⁶ Подробнее см. Stepanova E. Regionalization of violent jihadism and beyond: the case of Daesh // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. V. 2. No. 2: Religious Fundamentalism. 2016. P. 30–55.

значительно ускорена и качественно усилена драматическими процессами, разворачивавшимися уже на макрорегиональном уровне. В начале 2010-х годов совокупность этих процессов и тенденций вылилась в системный региональный кризис на Ближнем Востоке, производной и одновременно частью которого стал и феномен ИГИЛ.

2.3.1. Микрорегиональный уровень

Истоки ИГИЛ восходят к самому началу XXI века, а его история, или предыстория, началась в Ираке после свержения режима Саддама Хуссейна в результате военной интервенции 2003 г. во главе с США, в условиях последующей американской оккупации. В контексте развернувшегося в Ираке вооруженного сопротивления оккупационным силам и поддерживаемому ими марионеточному правительству группировка «Аль-Каида в Ираке», впоследствии «Исламское государство в Ираке», в дальнейшем сформировавшая ядро ИГИЛ, смогла заручиться устойчивой, многолетней поддержкой со стороны немалой части местных суннитов. Ирак оставался основной базой ИГИЛ вплоть до второй половины 2010-х годов включительно.

Двумя основными факторами, или условиями, формирования в Ираке ядра будущего ИГИЛ стали (а) полный коллапс иракского государства после свержения миноритарного авторитарно-республиканского режима Саддама Хуссейна в результате американской интервенции и (б) обострение сектарных (суннито-шиитских) противоречий и насилия. Его главным стимулом стало быстрое заполнение возникшего вакуума государственной власти силами, в разной степени представлявшими шиитское большинство населения Ирака, но по большей части лояльными оккупационной администрации, и растущее недовольство иракских арабов-суннитов, отстраненных от этого процесса. Политическая и социально-экономическая маргинализация и репрессии в постсаддамовском Ираке затронули значительную часть суннитского населения – от бывших членов правящей партии «БААС»⁸⁷ до кланово-племенных групп и исламистов. Недовольство иракских арабов-суннитов все более шиитоцентричным, но не самостоятельным, разлаженным и не способным нормально функционировать «послевоенным» режимом принимало разные формы – от вынужденного подчинения до вооруженного сопротивления, в т. ч. в крайних формах. Тем не менее налицо была постепенная радикализация этого недовольства как в его ненасильственном сегменте, так и в рядах первоначально раздробленного суннитского повстанческого движения.

В конечном счете она привела к консолидации наиболее последовательной, решительной и боеспособной в военном отношении части суннитского вооруженного сопротивления в Ираке вокруг *наиболее радикальной* повестки салафитско-джихадистского толка, которую олицетворяла группировка «Исламское государство в Ираке», ранее известная как «Аль-Каида в Ираке». Отсылка к «аль-Каиде» в названии группировки «Аль-Каида в Ираке» была не только сразу же отменена после гибели в 2006 г. ее первого лидера Абу Мусаба аз-Заркауи, но и в принципе не отражала ее реальных сути, смысла, целей и состава. Основной целью этой наиболее радикальной, салафитско-джихадистской части, а позднее и ядра суннитского сопротивления иностранной оккупации и марионеточному шиитскому режиму была замена западного протектората «исламским государством» в Ираке. Несмотря на иорданское происхождение первого лидера группировки аз-Заркауи, подавляющее большинство ее командиров и рядовых членов были иракцами.

⁸⁷ В соседней Сирии правящей также была баасистская партия, но там, в отличие от Ирака, авторитарно-республиканский режим Б.Асада сохранил свою власть по итогам гражданской войны 2010-х годов.

Радикализация иракских суннитов не только питала антиамериканское сопротивление, но продолжала нарастать и в период правления все более авторитарного, но непопулярного и мало дееспособного правительства во главе с Нури аль-Малики (2006–2014 годы), доставшегося Ираку в наследство от периода оккупации, и не пошла на спад и при его преемнике – правительстве Хайдера аль-Абади (2014–2018 годы). Подъем вооруженной активности «Исламского государства в Ираке» и расширение подконтрольной ему территории стали крайней формой более широкой и длительной борьбы «отверженных» иракских арабов-суннитов, которая сыграло центральную роль в формировании предтечи, или ядра, ИГИЛ и оставалась существенным фактором ее последующей эволюции. Такую, например, важную веху, как занятие силами ИГИЛ в июне 2014 г. второго по значению иракского города Мосула,⁸⁸ невозможно объяснить в отрыве от продолжавшихся годами вооруженных столкновений и карательно-репрессивных операций в суннитской Фаллудже,⁸⁹ подъема и радикализации вооруженного иракского сопротивления в 2006–2007 годах и более широкого протестного суннитского движения конца 2000-х – начала 2010-х годов.⁹⁰

Развернувшаяся с 2011 г. гражданская война в соседней *Сирии* также приобретала все более ожесточенный и все более отчетливый сектарный характер. Эскалация насилия способствовала дальнейшему отчуждению значительной части сирийских суннитов, составлявших более половины населения страны, от государства, которым управлял авторитарный республиканский режим во главе с Башаром аль-Асадом и доминирующую роль в котором исторически играла каста алавитов.⁹¹ Многие сторонники более умеренных исламистских движений, прежде всего, сирийских «братьев-мусульман», стали все активнее формировать более радикальные оппозиционные группировки, в т. ч. джихадистского толка, или вступать в них.

Крупнейшей из таких сирийских группировок стала «Джабхат ан-Нусра». Она образовалась в конце 2011 г. в ходе и контексте разгоравшейся гражданской войны и в последующие годы продолжала действовать преимущественно в этом контексте, в отличие от трансграничного и быстро регионализирующегося ИГИЛ с устойчивым первоначальным ядром в соседнем Ираке. Хотя в 2013 г. «Джабхат ан-Нусра» получила формальное признание со стороны религиозно-идеологического лидера и патриарха «аль-Каиды» Аймана аз-Завахири и в ее составе стали появляться иностранные джихадисты, на протяжении 2010-х годов в ней доминировали сирийцы. В целом группировка сохраняла более «сирийский» характер, чем ее основной, быстро усиливавшийся и более мощный соперник – перекинувшееся из Ирака движение «Исламское государство в Ираке», быстро присвоившее себе право говорить от лица всех джихадистов и выступать силой, объединяющей их.⁹² 8 апреля 2013 г. лидер движения Абу Бакр аль-Багдади заявил о «слиянии» с «Джабхат ан-Нусрой» в рамках образования «Исламского государства в Ираке и Леванте», но руководство «Джабхат

⁸⁸ Мосул находился под контролем ИГИЛ три года (до июля 2017 г.).

⁸⁹ Город к западу от Багдада в провинции Анбар. Еще в результате так называемой «битвы за Фаллуджу» (включавшую штурмы города американскими и лояльными США иракскими силами в апреле и ноябре 2004 г.) городу были нанесены масштабный ущерб и разрушения, пострадало значительное число мирного населения. Фаллуджа стала одним из центров суннитского сопротивления оккупации.

⁹⁰ Haddad F. Shia-Centered State-Building and Sunni Rejection in Post-2003 Iraq. Carnegie Endowment for International Peace (CEIP) Paper. 7 January 2016. – Washington D.C.: CEIP, 2016; Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Carnegie Middle East Center Brief. 3 March 2016. – Beirut: Carnegie Middle East Center, 2016; Haddad F. Sectarianism in Iraq: Antagonistic Visions of Unity. – N.Y.: Columbia University Press, 2011.

⁹¹ Алавиты, или нусайриты, – последователи алавизма, эзотерического ответвления ислама, близкого к шиизму, с которым его объединяет культ Али, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда.

⁹² К сентябрю 2014 г. из 20 высших руководителей ИГИЛ 19 были иракцами и лишь один – сирийцем. Who are ISIS's top 20 leaders? // Al-Arabiya. 19 September 2014.

ан-Нусры» отвергло идею такого объединения.⁹³ В целом ни по характеру целей (призывов к установлению в Сирии исламской системы правления), ни по попыткам введения шариатских порядков на подконтрольной территории, ни по степени поддержки из внешних источников «Джабхат ан-Нусра» особо не отличалась от ряда других местных вооруженных радикально-исламистских группировок типа «Джейш уль-Ислам» или «Ахрар аш-Шам».⁹⁴ Постепенно поддержка таких группировок извне – как по политико-религиозно-идеологическим причинам, так и в качестве наиболее эффективных антиправительственных сил – росла, в т. ч. со стороны региональных держав – противников асадовского режима, особенно Саудовской Аравии, Катара и неарабской, но возглавляемой умеренными исламистами Турции. Параллельно шла региональная мобилизация шиитских акторов (от Ирана до вооруженного ливанского шиитского движения «Хизбулла») на стороне центрального правительства Сирии.

Быстрые сектарианизация и регионализация гражданской войны в Сирии, наложившиеся на множество социально-политических и иных внутренних трений и линий раскола, растущую фрагментацию насилия и сужение пространства государственного контроля, создали идеальную возможность для «Исламского государства в Ираке» перенести часть своей активности через границу, создать там плацдарм, а потом и сделать Сирию своей второй основной зоной базирования и укрепить свою финансовую базу, в основном за счет взятия под контроль трансграничной контрабанды нефти. Это, в свою очередь, позволило группировке сначала расширяться и повысить свой статус до регионального движения «в Ираке и Леванте» (собственно, ИГИЛ), а затем – до претензий на воссоздание «исламского халифата» на части его «исторических земель».

Фактор сектарных противоречий в Ираке и Сирии приобрел самовоспроизводящийся, циклический характер. «Коллективное наказание» и жесткое, в т. ч. силовое, подавление значительной субнациональной группы (общины) только провоцировало ее радикализацию и все более ожесточенную ответную реакцию с ее стороны, также сектарного характера (крайней формой которой стал феномен ИГИЛ). Противодействие ей, в свою очередь, велось методами, способствовавшими воспроизводству и даже ужесточению части тех условий, что изначально привели к формированию ИГИЛ. Например, массовая мобилизация иракских добровольцев из числа новых и старых шиитских милиций в состав проправительственных сил самообороны «Хашд аш-Шааби» (созданных с целью борьбы с ИГИЛ после специальной *фетвы* – призыва со стороны верховного аятоллы Али ас-Систани в июне 2014 г.) была воспринята многими арабами-суннитами как «самый явный признак строительства в Ираке шиитоцентричного государства» и такое же проявление сектарианизма, как и само ИГИЛ.⁹⁵

Однако феномен ИГИЛ в Ираке и Сирии нельзя сводит лишь к производной от сектарных противоречий и одновременно – фактору, стимулировавшему их дальнейшее обострение. Ультрасектарный, резко антишиитский характер ИГИЛ следует рассматривать в сочетании как минимум с тремя его другими особенностями. Они включали, с одной стороны, крайний религиозный фундаментализм, полностью отвергавший все светское, включая саму идею иракского, сирийского и любого другого

⁹³ Al-Baghdadi A.B. “Wa-bashshir al-mu’minin”: Audio speech // Mu’assasat al-Furqan (Al-Furqan Media Agency). 9 April 2013; UCDP Armed Conflicts/Conflict Dyad Data: Government of Syria – IS. URL: <https://ucdp.uu.se/additionalinfo/14620/4>.

⁹⁴ Сохранявшийся в течении нескольких лет интерес «Джабхат ан-Нусры» к бренду и благословию со стороны «аль-Каиды» отчасти объяснялся необходимостью идеологического подкрепления ее противостояния более мощному ИГИЛ с его амбициями от региональных до глобальных.

⁹⁵ Haddad F. Shia-Centered State-Building and Sunni Rejection in Post-2003 Iraq. P. 1.

национального (многонационального) государства. Этот крайний фундаментализм у ИГИЛ уже на сравнительно ранних этапах сочетался с крайней степенью насилия, которое выходило за рамки боестолкновений и даже терроризма как стандартных тактик многих вооруженных повстанческо-террористических группировок и обрело признаки геноцида и конфессиональных (сектарных) чисток, причем направленных, прежде всего, против мусульман-шиитов и иных мусульман-«еретиков» и «вероотступников». С другой стороны, феномен ИГИЛ в Ираке и Сирии сам стал реакцией, хотя и извращенной, на затяжные вооруженные конфликты, хаос, коллапс государственной власти и распад стран(ы). Эта реакция приняла форму радикального вооруженного религиозно-идеологического эксперимента по построению альтернативной государственности и насильственному установлению и поддержанию шариатской системы «законности и порядка», включавшего даже попытки частичного восстановления базовой инфраструктуры и минимального социального обеспечения.⁹⁶ Для ИГИЛ этот эксперимент стал не просто банальным средством выживания и условием поддержания боеспособности с целью расширить свой контроль над территорией и населением путем ведения священной войны (*джихада*). В нем особенно ярко проявился идеологический, религиозный и военно-политический императив, а точнее сказать заикленность ИГИЛ на построении регионального «халифата от Алеппо до Диялы»⁹⁷ как центра «истинного» исламского порядка и притяжения для иммиграции (*хиджры*) для мусульман из остального мира.

2.3.2. Макрорегиональный уровень

В начале 2010-х годов «Исламское государство в Ираке» не просто воспользовалось трансграничной «серой зоной» на границе с Сирией и возможностью механически перенести часть своей активности в соседнюю страну, все глубже погружаясь в пучину гражданской войны. Серьезный импульс эволюции и дальнейшей регионализации ИГИЛ дали более широкие социально-политические процессы на макрорегиональном уровне. Само ИГИЛ одновременно стало и неотъемлемой частью, и в какой-то мере – заложником этих процессов.

На протяжении всего начала XXI века целый ряд стран Большого Ближнего Востока служили ареной нестабильности, многолетних или новых вооруженных конфликтов, глубоких социальных проблем и кризиса системы управления, переживали процессы особо травматической и болезненной для широких кругов населения модернизации. Однако в начале 2010-х годов ближневосточный макрорегион вступил в фазу полномасштабного системного кризиса, который затронул как государства, так и общества и одновременно охватил политическую и социально-экономическую сферы, а также все виды и аспекты безопасности.⁹⁸ Среди наиболее явных проявлений этого системного кризиса на региональном уровне были: волна массовых выступлений населения и социально-политических протестов в разных странах, известная под

⁹⁶ Включая не только налаживание производства нефти и газа, но и, например, восстановление элементов системы водоснабжения. The Islamic State (IS) Establishes Itself in Iraq and Syria. MEMRI Inquiry and Analysis Series Report no. 1126. 22 October 2014.

⁹⁷ Al-Adnani al-Shami A.M. Declaration of the reestablishment of the “Caliphate” by ISIS spokesman: “This is the Promise of Allah” // Al-Itisam Media Foundation Twitter account, 29 June 2014 (аккаунт заблокирован «Твиттером»).

⁹⁸ Подробнее см. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г.Барановский, В.В.Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018.

общим названием «арабской весны»;⁹⁹ фундаментальный кризис многих государств региона, прежде всего, авторитарных республиканских режимов; ускоренная транснационализация большинства общественных процессов, включая социальных протесты, религиозно-политическое насилие и экстремизм; обостряющиеся противоречия, соперничество и борьба за влияние между ведущими региональными державами, размывание и сдвиги в региональных балансах сил.

Отдельные элементы и проявления этих процессов наблюдались и накапливались в тех или иных странах региона десятилетиями. Однако в начале 2010-х годов они одновременно «выстрелили» сразу в нескольких точках и срослись воедино, образовав некое новое качество. Кризис региональной безопасности, нестабильность в региональном масштабе, волна внутривосточных протестов (от Туниса и Египта до Сирии) и разгоревшихся или возобновившихся интернационализированных гражданских войн, острое, непреодолимое соперничество между региональными державами и центрами силы достигли масштаба и интенсивности, грозивших общерегиональной дестабилизацией и дезинтеграцией сразу нескольких стран региона – Ливии, Йемена, Сирии и Ирака. Во всех этих странах одним из самых острых проявлений системного регионального кризиса, бросивших вызов государству и обществу, стал подъем вооруженного экстремизма радикально-исламистского толка разной степени транснационализации. Этот новый подъем вооруженного исламизма, в т. ч. в виде трансграничных и более широко транснационализированных движений, был, скорее, продуктом и проявлением упомянутых выше более широких процессов и сдвигов. Тем не менее, укоренившись, такие вооруженные экстремистские движения сами становились стимулом и катализатором текущего регионального системного кризиса – как генераторы вооруженного насилия, активные противники хотя и размытого, но худо-бедно существующего регионального порядка и «строители» альтернативной государственности. Квинтэссенцией этого процесса стало ИГИЛ в Сирии и Ираке.

События в контексте «арабской весны» как проявления системного регионального кризиса на Ближнем Востоке запустили динамику, которая, в частности, облегчила выплескивание ИГИЛ в Сирию, ставшую потом одной из двух центральных для него стран. Подъем социально-политических протестов, поначалу, скорее, продемократического, чем фундаменталистского толка, спровоцировал жесткую реакцию со стороны режима Б.Асада и привел в движение цепь дальнейшей эскалации конфликта. В ходе радикализации протестной волны вплоть до масштабного антиправительственного насилия ее светские социально-политические элементы все больше уступали место радикальным вооруженным исламистам все более сектарного и джихадистского толка.

В более широком плане вооруженно-экстремистское квазигосударственное образование ИГИЛ стало такой же неотъемлемой частью и в такой же степени проявлением системного кризиса на Ближнем Востоке, как и транснациональный социально-политический феномен «арабской весны». Более того, на региональном уровне ИГИЛ даже можно рассматривать как несистемную, или антисистемную, «контрреволюционную» реакцию на события «арабской весны» и особенно на ту роль, которую в ней сыграли умеренные, реформистские исламистские движения. С точки зрения идеологии и методов противостояния существующему порядку, в лице ИГИЛ маятник антисистемного протеста в масштабах региона как бы качнулся в сторону, противоположную той, что доминировала в протестах «арабской весны». В отличие от

⁹⁹ См. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. В.В.Наумкин, В.В.Попов, В.А.Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН; Фак-т мировой политики и Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012.

упора ряда светских и умеренно-исламистских сил на «изменения путем мирных протестов и реформ» (кульминацией которого стал приход к власти движения «братьев-мусульман» в Египте демократическим путем, хотя и ненадолго), главным посылом, установкой ИГИЛ – и ее своеобразным ответом на региональный системный кризис – стали «перемены путем джихада». Таким образом, ИГИЛ можно рассматривать как радикально-фундаменталистский вариант ответа на вызовы и последствия «арабской весны». При этом архаизированные идеология и мировоззрение ИГИЛ, его крайняя воинственность и жестокость в средствах и методах сочетались с его конкурентоспособностью, в сравнении с основными акторами «арабской весны», в плане влияния на массы и использования информационно-коммуникационных и мобилизационных ресурсов и преимуществ цифровой эпохи.¹⁰⁰

На региональный уровень пришлось не только важные факторы и условия эволюции ИГИЛ, но и наиболее тяжелые и прямые последствия этого феномена, особенно после того, как в середине 2010-х годов ИГИЛ обрело свою более развитую, хотя и не законченную, форму. Именно на уровне региона, который и до того, на протяжении большей части начала XXI века, служил основным центром вооруженно-террористической активности в мире, военные успехи ИГИЛ в сочетании с его квазигосударственным экспериментом по построению «халифата» поставили под угрозу жизнеспособность и существование сразу двух уже и так ослабленных государств и этим придали новое качество региональной дестабилизации. Именно на Ближнем Востоке, особенно в самих Сирии и Ираке, был сосредоточен основной прямой ущерб от вооруженной активности ИГИЛ и наибольшие людские потери, в т. ч. среди гражданского населения.

Подчеркнутый радикализм ИГИЛ и жестокость его методов стали не только производной от крайне фундаменталистского характера его идеологии, в буквальном смысле призывавшей к возврату к нормам и практикам раннего ислама, но и реакцией на современные региональные реалии и динамику и также отчасти могут быть объяснены на региональном уровне. Например, крайне жесткая позиция ИГИЛ по отношению к шиитам как к «вероотступникам» и ко всем иным «еретикам» и скрупулезное воплощение этого подхода в жизнь базировались и на опыте гражданской войны в Ираке и подчеркнутого сектарного характера «Исламского государства в Ираке». Его усугубило участие ИГИЛ в сирийском конфликте, который также приобретал все более отчетливый сектарный характер и, благодаря растущему вмешательству арабских монархий Персидского залива, с одной стороны, и Ирана, ливанской «Хизбуллы» и других иностранных шиитских милиций, с другой, все больше становился частью и проекцией суннито-шиитских противоречий на региональном уровне. Неудивительно, что большинство жертв массового террора со стороны ИГИЛ на подконтрольной ему территории составляли именно мусульмане-«вероотступники». Ультрасектарный характер ИГИЛ наложился на региональный суннито-шиитский раскол (особенно по саудовско-иранской линии) и насилие, но и сам подлил масла в огонь. Как уже упоминалось выше, крайняя суровость ИГИЛ в религиозно-идеологическом отношении и его самообновление и «самоусовершенствование» до «исламского халифата» стали наиболее радикальной реакцией на политико-идеологический импульс «арабской весны», которую салафитские экстремисты восприняли как «измену» со стороны мусульман-«вероотступников». Для ИГИЛ такое «предательство» лишь сделало более актуальной

¹⁰⁰ Подробнее см. Atwan A.B. Op. cit.

задачу прямого построения «халифата» не когда-нибудь (по версии «аль-Каиды»), а *здесь и сейчас*, посредством джихада, методы которого буквально воспроизводили нормы войны эпохи раннего ислама.

2.4. Провозглашение «исламского халифата»: от регионального уровня к глобальному джихаду

Итак, ИГИЛ – это не изначально глобальный феномен. Подобно ряду других вооруженных исламистских группировок регионального уровня, ИГИЛ формировалось как региональное движение, движимое региональной динамикой и конфликтами, хотя в развязывании одного из них – иракского – важную роль сыграли последствия внешней интервенции. ИГИЛ также расцветало на фоне коллапса или ослабления государств региона и само становилось фактором дальнейшего подрыва их дееспособности. ИГИЛ подпитывалось и региональным сектарианизмом – и само начало его активно разжигать.

Что сделало этот региональный феномен авангардом движения и идеологии «глобального джихада» в середине – второй половине 2010-х годов? Что позволило ИГИЛ не просто прийти на смену «аль-Каиде» в качестве авангарда «глобального джихада», но и стать его более мощным катализатором и более «осязаемым» магнитом для десятков тысяч иностранных боевиков-террористов из разных регионов мира?

В отличие от нескольких других крупных вооруженных движений радикально-исламистского толка, ИГИЛ не остановилось на региональном уровне, а пошло дальше, выделившись из организаций этого типа по целому ряду параметров и сформировав и составив отдельную категорию. Все эти движения контролировали определенную территорию в своих странах и регионах, сумели наладить собственную финансовую базу, осуществляли, часто рудиментарно, определенные административно-управленческие функции и даже предпринимали более амбициозные усилия по квазигосударственному строительству. Однако на этом фоне ИГИЛ не просто удалось построить полноценную квазиармию, которая стала одной из основных воюющих сторон сразу в двух интенсивных вооруженных конфликтах в двух соседних странах и, на своем пике, продемонстрировала возможность одновременного ведения наступательных операций на двух театрах военных действий, захватив г. Рамади в иракской провинции Анбар и г. Пальмиру (Гадмор) в Сирии в мае 2015 г. Но главное, ИГИЛ подвело под это системную религиозно-идеологическую и практическую базу – оно не просто заявило свои права на наследие и идею «исламского халифата», но и занялось ее прямым, буквальным и предельно конкретным воплощением в жизнь на части исторических земель «халифата»¹⁰¹ в виде военных, административных, социальных и иных практик.

2.4.1. «Халифат» здесь и сейчас

Главная и уникальная специфика ИГИЛ состояла в том, что, впервые для антисистемного негосударственного актора, *региональная* основа движения и его формирующееся *глобальное* измерение не вступали в противоречие друг с другом и не

¹⁰¹ После первых четырех халифов, сменившихся после смерти пророка Мухаммеда в 632 г., наступил так называемый золотой век халифата в годы правления династии Омейядов – Омейядского, или Дамасского, халифата (661–750 годы), а затем династии Аббасидов (750–1517 годы). Формально «последний» халифат был отменен в 1924 г., после развала Османской империи.

просто дополняли, а усиливали друг друга и ИГИЛ в целом. Это коренным образом отличало ИГИЛ:

(а) от ряда современных ему региональных движений радикально-исламистского толка (талибов, «аш-Шабаб», «Боко Харам» и других);

(б) от экстерриториальной сетевой «аль-Каиды», не имевшей физического, регионального ядра-квазигосударства;

(в) в исторической ретроспективе и в плане притока иностранных боевиков-джихадистов – от предыдущих крупных джихадистских «фронтов» (в Афганистане 1980-х годов, в Боснии 1990-х и в самом Ираке в 2000-е годы, в доирикийский и доигиловский период).

Главной политико-религиозно-идеологической претензией ИГИЛ на роль актора и лидера «глобального джихада» и основной связкой между региональными корнями и ядром ИГИЛ и его набравшем силу более широким транснациональным измерением стали именно провозглашение, идея, концепция и практика строительства «исламского халифата» в историческом центре транснационального радикального исламизма – на арабском Ближнем Востоке, в сочетании с массовым притоком иностранных джихадистов, последователей и мигрантов-колонистов. Для ИГИЛ и его сторонников заявление об образовании (воссоздании) «халифата» 29 июня 2014 г.¹⁰² и провозглашение «халифом» лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади 1 июля 2014 г.¹⁰³ были не инструментальным ходом и не формальностью, а – в их понимании – реальной точкой отсчета на пути к построению ядра исламского государства еще при этой жизни, здесь и сейчас. Благодаря этому качественному шагу – провозглашению «исламского халифата» (причем не на пустом месте, а на уже солидной военно-территориальной базе) и твердой решимости и реальным попыткам начать его «строительство» – региональная основа и ядро ИГИЛ, с одной стороны, и идеология и движение «глобального джихада», с другой, взаимно усиливали друг друга по следующим направлениям.

В отличие от «аль-Каиды», ИГИЛ не рассматривало «исламский халифат» как абстрактную экстерриториальную категорию из какого-то отдаленного будущего (т. е. как, по умолчанию, утопичную конечную цель). Вместо этого ИГИЛ не просто создавало и распространяло идеологически-религиозные конструкции, а всерьез пыталось строить, хотя и недолго, вполне конкретный, имеющий «физическое», территориальное измерение «исламский халифат» *здесь и сейчас*, в своем регионе и на базе определенной социальной поддержки. Важно подчеркнуть, что для ИГИЛ образование и консолидация «халифата» как архаизированного «государства», воспроизводящего раннеисламскую модель, были, безусловно, более приоритетной и насущной задачей, чем даже ведение «глобального джихада» в трансрегиональном

¹⁰² В аудио-сообщении, распространенном онлайн, «пресс-секретарь» ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани заявил: «Шура (совет) Исламского государства собралась, обсудила этот вопрос... и приняла решение образовать Исламский халифат и выбрать (назначить) халифа для государства для всех мусульман», которое он назвал «мечтой всех мусульманских сердец» и «надеждой всех джихадистов»; отныне «слова “Ирак” и “аш-Шам” [Левант] будут убраны из названия Исламского государства в официальных бумагах и документах». Al-Adnani al-Shami A.M. Declaration of the reestablishment of the “Caliphate” by ISIS spokesman: “This is the Promise of Allah” // Al-I’tisam Media Foundation Twitter account. 29 June 2014 (аккаунт заблокирован «Твиттером»).

¹⁰³ Al-Baghdadi A.B. A Message to the Mujahidin and the Muslim Ummah in the Month of Ramadan // Al-Hayat Media Center. 1 July 2014; “Exclusive coverage of the Friday khutbah and prayer in the Grand Masjid of Mosul”: Video document // Furqan Media Foundation Twitter account. 5 July 2014 (аккаунт удален «Твиттером»); Dabiq. No. 1: “The Return of Khilafah”. 5 July 2014.

масштабе, в т. ч. против стран Запада.¹⁰⁴ Хотя 22 сентября 2014 г. прозвучал первый призыв ИГИЛ к атакам на Америку и Запад,¹⁰⁵ основным фокусом этого движения, по крайней мере на этапе его развития и подъема, оставались территории и регион, в котором шло непосредственное строительство «халифата».

Главная «фишка» транснациональной пропаганды ИГИЛ, в т. ч. по сравнению с посылом «аль-Каиды», заключалась как раз в том, что ИГИЛ не просто транслировало некий утопический идеал «исламского порядка», а подавало или, по крайней мере, пыталось подавать реальный пример начала его реализации, причем в максимально пропагандистски и медийно раскрученном виде. Самопровозглашенный, но широко разрекламированный ИГ «халифат» был не просто «заразной» идеей, а реальным, хотя и в итоге провалившимся экспериментом построения «исламского государства» на конкретной территории в Ираке и Сирии. Этот эксперимент на непосредственно подконтрольных ИГИЛ территориях в Сирии и Ираке шел по трем основным направлениям: (а) территориальной экспансии, (б) своеобразного популизма и претензии на некую «массовость» и «народность» и (в) насаждения административных и социальных практик в жестком соответствии с шариатом.

Первое направление – это территориальная экспансия военным путем. Реальный контроль над территорией «от Алеппо до Диялы» на части исторических земель «золотого века исламского халифата» был не только условием физического существования и развития ИГИЛ, но для исламских фундаменталистов являлся и совершенно *обязательным минимальным условием* для идеологических претензий на построение «глобального халифата». Подчеркнем, что, например, у практически полностью экстерриториальной «аль-Каиды» шансов на такую претензию как не было, так и нет – в т. ч. именно по этой религиозно-идеологической причине. В отличие от «аль-Каиды», ИГИЛ поступательно наращивало контроль над территорией, ресурсами и населением не где-то, перемещаясь из одного региона в другой, на периферии или вообще за пределами арабо-суннитского мира, а в одном из его центров. На пике своего развития, в конце 2014 г. – 2015 г., ИГИЛ могла насчитывать до 100 тысяч боевиков и контролировала трансграничную территорию в ирако-сирийском ареале площадью более 100 тысяч кв. км, на которой проживало 10–11 миллионов человек.¹⁰⁶

Второе направление – это продвижение ИГИЛ подчеркнуто «популистского» образа и характера «халифата», по крайней мере, в своем конфессионально-сектарном контексте. Подача «Исламского государства» как этакое «народного халифата» для «обиженных и угнетенных» мусульман-суннитов, в частности, выгодно отличало его от более «элитного» посыла, состава и идеологии «аль-Каиды», основанной на идее С.Кутба о небольших, «авангардных» ячейках для «избранных», призванных

¹⁰⁴ Как подчеркивалось в англоязычном журнале ИГИЛ «Дабик»: «Сначала [идет] Исламское государство, потом – *аль-мальхама* [битва против крестоносцев, т. е. Запада]». Dabiq. No. 3: “A Call to Hijrah”. 10 September 2014. P. 5.

¹⁰⁵ По словам аль-Аднани: «О Америка, о союзники Америки, о крестоносцы! Знайте, что наше дело более опасно для вас, чем вы думали, и более великое, чем вы могли представить. Мы предупреждали вас о том, что вы вступили в новую эру...». Обращаясь к сторонникам ИГИЛ: «Если вы имеете возможность убить неверующего американца или европейца, особенно злобного и презренного француза, или австралийца, или канадца, или любого другого неверующего из числа тех, кто ведет войну, включая граждан стран, которые вступили в коалицию против Исламского государства, убейте его любым возможным для вас способом». Al-Adnani A.M. Indeed your Lord is Ever Watchful // ISIL twitter. 22 September 2014 (аккаунт заблокирован «Твиттером»).

¹⁰⁶ Islamic State and the crisis in Iraq and Syria in maps // BBC News. 21 December 2017; Jones S., Dobbins J., Byman D. et al. Rolling Back the Islamic State. – Santa Monica: RAND Corporation, 2017. P. xi; Investigation, Prosecution and Adjudication of Foreign Terrorist Fighter Cases for South and Southeast Asia. – Vienna: United Nations, 2018. P. 5.

очиститься и продвигать «глобальный джихад» в «океане» в целом невежественных и материалистически настроенных народных масс.¹⁰⁷

В каком-то смысле популистский посыл ИГИЛ и его апелляция к мусульманской улице, к массам, можно рассматривать как продолжение, хотя и в иных условиях и в новом контексте, той линии в джихадистском движении, которую в 1980-е годы олицетворял его крупный идеолог и практик Абдулла Аззам – один из лидеров транснационального антисоветского джихада в Афганистане. Аззам не только переосмыслил вооруженный джихад как «индивидуальный долг каждого мусульманина» (в отличие от его более традиционной интерпретации как коллективного долга, который может быть делегирован властям, воинству и т. п.), но и сделал упор именно на массовом вооруженном сопротивлении «в защиту мусульманских земель» и в целом на более популистской повестке.¹⁰⁸ Этот посыл уже тогда контрастировал с линией Усамы бен Ладена – элитного, глобально ориентированного финансового посредника и координатора джихада в Афганистане, к которому после гибели в 1989 г. более популярного и пассионарного Аззама перешла роль координатора транснациональных сетей джихадистов-ветеранов войны в Афганистане, на базе которых впоследствии была основана «аль-Каида».

Наконец, третье направление. Если основной упор в идеологии и риторике экстерриториальной «аль-Каиды» делался на *доктрине и теории* джихада, то территориально-ориентированное ИГИЛ отдавало приоритет жесткому насаждению шариата и следованию ему *на практике* во всем – от методов ведения военных действий и применения других форм насилия до административных и социальных практик. Следует также учитывать, что, с фундаменталистско-салафитской точки зрения, провозглашение «халифата» уже само по себе активизирует значительный пласт шариата (исламского права), который в других условиях практически не задействуется и может осуществляться только при «халифе» и «халифате». Это отчасти объясняет на религиозно-идеологическом уровне подчеркнуто репрессивный характер установленных ИГИЛ порядков на подконтрольных ему территориях, в т. ч. наказания «еретиков» и «вероотступников», жестокого обращения с пленными и рабства, а также особенно остро ощущавшуюся игиловцами необходимость воплощать шариат в жизнь не только посредством джихада, но и путем насаждения соответствующих ему принципов управления, социальных и бытовых практик.

2.4.2. Транснациональные аспекты

Учитывая центральное идеологическое, религиозное и символическое значение арабского Ближнего Востока для идеологии и практики транснационального салафизма-джихадизма, феномен ИГИЛ просто не мог остаться в пределах Леванта и даже Ближнего Востока, тем более в условиях широкого распространения и сравнительной доступности новейших информационно-коммуникационных технологий и средств цифровой эры. Еще на рубеже веков теракты 11 сентября 2001 г. в США, выведшие на мировую авансцену «аль-Каиду», стали первой кампанией антисистемного насилия, задуманной, рассчитанной, осуществленной, а главное, воспринятой в условиях «глобальной информационной деревни». Более десятилетия спустя поначалу (локально-)региональный феномен ИГИЛ обретал все более транснационализованный характер уже в условиях следующей стадии развития мирового информационно-политического пространства, его уплотнения, *глокализации*

¹⁰⁷ Qutb S. Milestones. P. 12, 20, 47, 79–80. См. также раздел 2.1.1.

¹⁰⁸ Azzam A. Op. cit.

(одновременных и диалектически взаимосвязанных процессов глобализации и локализации) и беспрецедентного расширения возможностей манипуляции им.

Конечно, инструментарий цифровой эры (широкие возможности тиражирования любого аудио- и видеоконтента онлайн, вездесущие – вне зависимости от региона – социальные сети и мессенджеры и т. д.) способствовали росту популярности, резонанса и привлекательности ИГИЛ далеко за пределами его основных стран базирования, как в масштабе макрорегиона – Ближнего Востока и Северной Африки, так и за его пределами. Однако, во-первых, онлайн-пропаганда и транснациональное масштабирование ИГИЛ не сработали бы без *контента*: решающее значение имели не только форма, скорость доставки и широта охвата пропагандистского посыла, но и его суть (идеология) и степень опоры на реальность (практика). При всей ультрасовременной подаче и медийно-пропагандистской манипуляции со стороны ИГИЛ контент, предложенный им миру, был подкреплен мощным религиозно-идеологическим посылом. Он также в достаточной мере отражал и опирался на реальный опыт ИГИЛ в основных районах его базирования, включая серию военных побед в контексте сразу двух крупных региональных конфликтов, расширение территориального контроля, внедрение жестких религиозно-социальных норм и практик на подконтрольных землях и определенные усилия и далеко идущие амбиции в сфере административно-квазигосударственного строительства. Во-вторых, даже при самой модернизированной подаче с использованием новейших средств ИКТ суть пропагандистского посыла ИГИЛ и его транснационального символизма вряд ли сработала бы, не попади она на благоприятную почву – к относительно молодым аудиториям, ждущим и готовым к восприятию этого контента. Не последнюю роль в подготовке такой почвы могли сыграть далеко не однозначные последствия событий «арабской весны», вызвавшие утрату иллюзий и усилившие массовое разочарование в основном в молодежных сегментах мусульманских обществ и общин в этом и других регионах мира и в мусульманских диаспорах.

Подчеркнем, что процесс транснационализации ИГИЛ, выхода его влияния за субрегиональные и региональные рамки и рост его значения и веса для движения «глобального джихада» начался еще до формального провозглашения «халифата» и набирал силу постепенно. Этот процесс проявлялся в разных формах.

Уже в начале 2010-х годов, на ранней стадии разгоравшейся в Сирии гражданской войны, когда началась джихадизация исламистской части вооруженной оппозиции, и обретения «Исламским государством в Ираке» трансграничного характера за счет его частичного выплескивания в Сирию, стал набирать силу приток иностранных боевиков-террористов из разных регионов. К тому времени иностранные джихадисты, хотя и не столь многочисленные, уже годами воевали на стороне вооруженной оппозиции в Ираке (они, например, составляли 3–10% «личного состава» предшественника ИГИЛ – «Исламского государства в Ираке»).¹⁰⁹ В контексте вооруженного конфликта в Сирии ИБТ все чаще стали появляться в рядах таких джихадистских группировок, как «Джабхат ан-Нусра», и аффилированных с ними формирований, уже преимущественно или целиком состоявших из ИБТ, прежде всего, «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар» (Армии мухаджиров и ансаров).¹¹⁰

¹⁰⁹ По разным данным, в середине 2000-х годов в Ираке насчитывалось от 1300 до 3000 ИБТ (из около 30000 участников только суннитского движения сопротивления). Cordesman A. Iraq and Foreign Volunteers. – Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2005. P. 2–3; Baker J., Hamilton L. The Iraq Study Group Report. – Washington D.C.: Vintage, 2006. P. 10.

¹¹⁰ Мухаджиры – мусульмане, сопровождавшие пророка Мухаммеда в переселении из Мекки и Медину в 622 г. Ансары – коренные жители Медины, принявшие ислам, ставшие сторонниками Мухаммеда и принявшие в своих домах мухаджиров после их переселения из Мекки.

Однако военно-территориальная экспансия «Исламского государства в Ираке» в Сирию, его последующая трансформация в «Исламское государство в Ираке и Леванте», формально зафиксированная 8 апреля 2013 г.,¹¹¹ его прочные региональные корни и популистская подача в сочетании с крепнущей военной структурой армейского типа, растущей готовностью к применению демонстративных и крайних форм насилия, более амбициозный характер и более скрупулезное и последовательное внедрение «исламских порядков» не только позволили ему обойти местных конкурентов, но и переориентировали именно на ИГИЛ основную массу ИБТ, уже находившихся в Сирии и Ираке, а также способствовали росту численности вновь прибывших.

Хотя численность ИБТ, находившихся в этом конфликтном ареале в конкретный момент времени, их соотношение с сирийскими и иракскими боевиками-джихадистами, национальный состав и т. п. довольно динамично менялись со временем, две особенности, связанные с ИБТ, проявились уже на «дохалифатской» стадии эволюции ИГИЛ. Во-первых, хотя боевой потенциал и структура ИГИЛ, приближавшиеся к регулярно-армейским, и его военные успехи следует в основном отнести на счет присутствия в его рядах, руководстве и особенно военном командовании значительного числа бывших иракских баасистов – выходцев из военных кругов и спецслужб эпохи правления С.Хусейна,¹¹² то иностранные джихадисты играли непропорционально большую роль в одностороннем насилии против гражданского населения, в т. ч. с применением крайне жестоких средств и методов, включая обезглавливание. Во-вторых, именно приток иностранных боевиков-террористов из разных регионов стал для тогда еще регионального ИГИЛ его первой систематической не виртуально-идеологической, а эмпирической, *человеческой* связью с транснациональной, универсалистской повесткой и движением «глобального джихада».

Еще одной ранней заявкой ИГИЛ на транснационализацию и транснациональные амбиции стало обострение его соперничества с «аль-Каидой» и, прежде всего, с присягнувшими на тот момент «аль-Каиде» джихадистскими группировками в Сирии. Это соперничество предшествовало формальной заявке ИГИЛ на глобальную повестку в виде провозглашения «халифата» в июне-июле 2014 г. Именно на этой стадии – не раньше и не позже, т. е. уже после экспансии «Исламского государства в Ираке» на территорию Сирии и в процессе ее превращения в ИГИЛ как главную джихадистскую силу в сирийском вооруженном конфликте и основной центр притяжения для растущих потоков ИБТ из-за рубежа (за счет оттеснения местных конкурирующих джихадистских группировок типа «Джабхат ан-Нусры»), стал актуальным вопрос о конкуренции между ИГИЛ и «аль-Каидой» и о столкновении их интересов. Показательно, что эта коллизия первоначально возникла не в виде абстрактных дискуссий теоретико-геологического толка на джихадистских медиа- и интернет-ресурсах, а выросла из гораздо более осязаемой борьбы за контроль над конкретной территорией, населением, потоками финансов и ИБТ, прежде всего, с аффилированной с «аль-Каидой» «Джабхат ан-Нусрой» в Сирии. Катализатором этой борьбы послужило решение идеологического лидера «аль-Каиды» Аimana аз-Завахири публично принять сторону «Джабхат ан-Нусры» в этом соперничестве.¹¹³

¹¹¹ Al-Baghdadi A.B. “Wa-bashshir al-mu’minin”.

¹¹² В 2014 г. они составляли до трети из около 25 заместителей лидера ИГИЛ аль-Багдади в Сирии и Ираке. Hubbard B., Schmitt E. Military skill and terrorist technique fuel success of ISIS // New York Times. 27 August 2014.

¹¹³ Bayoumi A., Harding L. Mapping Iraq’s fighting groups // Al-Jazeera. 27 June 2014; Simonelli C. The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004–2014. START Fact Sheet. June 2014. – College Park (Maryland): University of Maryland, 2014. Впоследствии в Сирии время от времени происходили спорадические трения и вооруженные столкновения между ИГИЛ и группировками, лояльными «аль-Каиде», особенно «Джабхат ан-Нусрой». Эти трения, как волны, разбегались и за

На этом фоне трудно переоценить значение для дальнейшей транснационализации ИГИЛ формального провозглашения «халифата» 29 июня 2014 г.¹¹⁴ и «явление миру» нового «халифа» в лице Абу Бакра аль-Багдади. С одной стороны, публичная заявка ИГИЛ своей претензии на «глобальный халифат», скорее, зафиксировала переход к более продвинутому этапу уже годами формировавшейся тенденции, чем стала каким-то из ряда вон выходящим, радикальным «пороговым» событием. С другой стороны, сама апелляция к категории «халифата» как к религиозно-идеологическому конструкту, подкрепленная экспериментом по его буквальному воплощению в жизнь на части земель «исторического халифата», стала главным средством, позволившем ИГИЛ примирить свое региональное происхождение, сущность и базу, сложившиеся в результате постепенного процесса регионализации, с его растущей ролью и значением для движения «глобального джихада». Упор на глобальную роль и резонанс самопровозглашенного «халифата» стал центральной темой первой речи аль-Багдади в качестве «халифа» 1 июля 2014 г.: «О Мусульмане по всему миру... высоко поднимите головы, ибо теперь – по милости Аллаха – у вас есть государство и Халиф, которые вернут вам достоинство, силу, права и лидерство. Это государство, в котором араб и не араб, белый и черный, выходец с запада или с востока – все братья... Сирия не для сирийцев и Ирак не для иракцев... Весь мир принадлежит Аллаху...».¹¹⁵ Уже первая публичная «презентация» «халифата» и его озвученные религиозно-политические и идеологические установки свидетельствовали о том серьезном пути, которое ИГИЛ проделало от радикальных сегментов суннитского сопротивления в Ираке в середине 2000-х годов.

Провозглашение «халифата» стало главной заявкой ИГИЛ на «глобальный джихад», а региональное и глобальное измерения ИГИЛ стали не просто дополнять, а *взаимно усиливать* друг друга. При этом особое значение в качестве обязательного религиозно-идеологического условия провозглашения «халифата» имела необходимость физического захвата, удержания и расширения территориальной базы «Исламского государства» в одном из центральных регионов арабо-мусульманского мира. Этому условию, например, в принципе не удовлетворяла «аль-Каида», но к середине 2010-х годов стало отвечать ИГИЛ.

На практике провозглашение ИГИЛ «халифатом», а Абу Бакра аль-Багдади – «халифом» стимулировало дальнейшую интеграцию ИГИЛ в движение «глобального джихада», причем на правах лидера, по трем основным направлениям.

Во-первых, заявка на «халифат» стала катализатором не толькократно более интенсивного *притока иностранных боевиков-террористов*, в т. ч. из других регионов мира, но и нового качества, состава и целеполагания этих потоков. До объявления «халифата» численность ИБТ в ирако-сирийском конфликтном ареале постепенно росла, но не превышала 12000 человек (что немало, но сравнимо с отдельными предыдущими джихадистскими «фронтами» и меньше, чем было ИБТ, например, в Афганистане в 1980-е годы). После провозглашения «халифата» число ИБТ за короткое время подскочило до около 30000 на пике военных успехов и территориального

пределы региона и проецировались на другие, более отдаленные конфликтные зоны (от афгано-пакистанского конфликтного ареала до российского Северного Кавказа), стимулируя серии расколов среди местных вооруженных исламистов. Впрочем, на практике нюансы между джихадистами, аффилированными с ИГИЛ и с «аль-Каидой», не стоит переоценивать. Даже в Сирии лояльные им группировки нередко объединялись в оперативные альянсы на поле боя и координировали свои действия в других сферах (например, совместно формировали шариатские суды).

¹¹⁴ Al-Adnani al-Shami A.M. Op. cit.

¹¹⁵ Al-Baghdadi A.B. A Message to the Mujahidin and the Muslim Ummah in the Month of Ramadan.

контроля ИГИЛ в конце 2014 г. – 2015 г.¹¹⁶ Всего же, с учетом убийства и ротации, за несколько лет в этом конфликтном ареале побывали более 40000 ИБТ. В зависимости от оценки общего числа всех боевиков в ИГИЛ в Сирии и Ираке,¹¹⁷ иностранные боевики-террористы могли составлять до 40% его «личного состава».¹¹⁸ Это значительно превосходило численность и долю ИБТ в рядах афганских моджахедов. ИБТ в составе ИГИЛ, особенно на стадии «халифата», отличали и качественные особенности в плане состава, мотиваций и целеполагания, многообразия этнонационального и регионального происхождения. В отличие от ИБТ с предыдущих джихадистских фронтов (Афганистана, Боснии, Сомали, Чечни), в «халифат» ехали не просто ради временного пребывания (вроде боевой командировки в «горячую точку», как, например, в Афганистане в годы антисоветского джихада). В ИГИЛ многие уезжали «с концами» как в «землю обетованную», с целью остаться, строить «халифат» и жить в нем. Феномен ИБТ в Сирии и Ираке, центральный для нашего исследования, подробнее рассмотрен в следующих разделах.

Именно с этим связано второе направление трансрегионализации и глобализации ИГИЛ. На стадии «халифата» ИГИЛ превратилось не только в масштабный и амбициозный военно-религиозно-политический, но и в своеобразный транснациональный *миграционно-переселенческий проект*. Еще раз подчеркнем: в середине 2010-х годов формирование и укрепление «халифата» как попытки, хотя и утопической, воспроизвести государство и образ жизни первых поколений мусульман и как центра притяжения для всех «истинных» мусульман были для ИГИЛ даже более важными задачами, чем «глобальный джихад». Поэтому такой важной частью пропаганды и идеологии ИГИЛ, специфичной для него как для квазигосударства на стадии формирования и как потуги на строительство «исламского государства», стал подчеркнутый упор на рекламирование «халифата» в Сирии и Ираке как финальной точки назначения и физической, реальной, а не какой-то воображаемой в далеком будущем, «земли обетованной» для всех «недовольных», «обездоленных» и «угнетаемых» мусульман со всего мира. Как призывал аль-Багдади: «О мусульмане повсюду, каждый из вас, кто в состоянии совершить *хиджру* в Исламское государство, пусть совершит это, ибо *хиджра* в землю ислама является обязательным долгом [мусульманина – *Е.С.*]».¹¹⁹ Призыв ИГИЛ был обращен не только к активным и потенциальным боевикам – приезжать и вступать в ряды «солдат халифата». Он также был обращен и к широкому кругу гражданских лиц, включая членов семей боевиков, в т. ч. потенциальных (девушек и женщин), вообще семей с детьми, а также гражданских специалистов самых разных категорий и профессий (инженеров, врачей, специалистов по исламскому праву и т. д.) – приезжать и заселять «халифат», жить и работать там, приносить с собой административные и технические навыки и опыт, налаживать не только транспортно-техническое обеспечение, снабжение и прочую логистику военных операций ИГИЛ, но и базовую деловую, торговую активность и сферу услуг, рожать и воспитывать детей и т. п. Это обращение ИГИЛ к потенциальным «жителями

¹¹⁶ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters in Syria and Iraq. – N.Y.: The Soufan Group, 2015. P. 4.

¹¹⁷ Общее число боевиков ИГИЛ в Сирии и Ираке в 2013–2017 годах оценивалось в 70000–100000 человек. Global Terrorism Index 2019. P. 2; The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters. P. 4; Mohammed R. Islamic State expands: up to 100,000 people have joined, experts say // Mashable. 26 August 2014. URL: <http://mashable.com/2014/08/26/100000-people-join-islamic-state>; Lister C. A long way from success: assessing the war on the Islamic State // Perspectives on Terrorism. V. 9. No. 4. 2015. P. 11.

¹¹⁸ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международному миру и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. S/2019/612. 31 июля 2019. п. 3. С. 4.

¹¹⁹ Al-Baghdadi A.B. A Message to the Mujahidin and the Muslim Ummah in the Month of Ramadan. P. 5.

халифата» имело форму не только некоего общего призыва, но и вполне конкретных, «целевых» наборов и чуть ли не «въездных квот» для разных категорий вновь приезжих. Например, в июле 2014 г. ИГИЛ выпустило специальный целевой призыв к «исламским ученым, *фукаха* [специалистам по исламскому праву – *Е.С.*] и шариатским судьям, а также к мусульманам с опытом в сфере военного дела, управления и социальных услуг, медицинским работникам и инженерам разной специализации и профиля». ¹²⁰ Перефразируя классика из другой культурной традиции, «халифат должен быть населен». ¹²¹ Целевой набор в ИГИЛ по профессиональным и семейным «квотам» (например, специальные периоды, своеобразные «миграционные окна», для приезда именно семей и женщин с детьми) продолжался и в дальнейшем, свидетельствуя о стремлении его руководства не просто стимулировать, но и регулировать и контролировать миграционные потоки на территорию самопровозглашенного «халифата». Таким образом, качественной особенностью ИГИЛ на стадии «халифата» стал его не реализованный и наполовину потенциал превратиться во второе в современной истории идеологически заряженное миграционно-переселенческое движение, или проект, на Ближнем Востоке (после массовой миграции евреев в подмандатную Палестину, а затем в Израиль), в данном случае основанное на радикально-исламистских идеологии, системе ценностей и управления.

В-третьих, «халифат» имел и более широкие транснациональные эффект и охват. Заявка претензии на «халифат» – не просто декларативная, а подкрепленная серией военных успехов, расширяющимся территориальным контролем и началом квазигосударственного эксперимента ИГИЛ – стимулировала волну «присяг на верность» новопровозглашенному «халифу Ибрагиму» (аль-Багдади) со стороны вооруженных радикально-исламистских группировок разных типов и масштаба на уровнях от локального до регионального и прочих сторонников в разных регионах мира. Конечно, на практике эти многочисленные присяги на верность «халифу» со стороны вооруженно-исламистских акторов, в т. ч. в весьма отдаленных от Ближнего Востока регионах, несли в себе определенную долю оппортунизма и даже «моды». Они отчасти объяснялись эффектом ИГИЛ как (на тот момент) истории реальных военно-территориальных успехов в одном их центров мусульманского мира, да еще и сильно раскрученных и умело поданных игиловской пропагандой и вполне современной и эффективной информационно-пропагандистской машиной, в т. ч. с помощью новейших информационно-коммуникационных средств и социально-сетевых механизмов. Это сочетание создавало эффект «реальности» и «осуществимости» многолетней мечты фундаменталистов о «халифате». Речь шла о присягах на верность не просто религиозно-идеологическому течению и какой-то символической фигуре и организации, обещающим постепенное продвижение на пути к «халифату» как к абстрактной категории отдаленного будущего (как в случае с более ранними, но тоже широкими сериями транснациональных присяг на верность экстерриториальной «аль-Каиде» и Бен Ладену в 2000-е годы), а «исламскому государству» здесь и сейчас.

Однако притягательность «халифата» не сводилась лишь к эффекту его военной и медийной составляющих. Она имела и глубокие религиозные (религиозно-идеологические) смысл и императив. Согласно фундаменталистской интерпретации ислама, провозглашение «халифата» само по себе, автоматически активизирует религиозный долг для всех «правоверных» мусульман присягнуть на верность «халифу» – конечно, при условии, что они воспримут этого «халифа» всерьез.

¹²⁰ Ibid.; см. также Dabiq. No. 2: “The Flood”. 27 July 2014; Dabiq. No. 3. Op. cit.

¹²¹ Парафраз строки из комедии У.Шекспира «Много шума из ничего» (1600 г.): «мир должен был населен».

2.5. Выводы

ИГИЛ не просто количественно, а качественно отличалось как от ряда современных ему крупных региональных вооруженных радикально-исламистских движений в других регионах, так и от экстерриториальной, сетевой «аль-Каиды», а ирако-сирийский «фронт» ИГИЛ – от джихадистских «фронтов» недалекого прошлого (конца XX – начала XXI века). Главное отличие – это не просто заявка ИГИЛ своей претензии на «халифат» или абстрактная, формальная декларация о его создании, а провозглашение «халифата» здесь и сейчас, на солидной и осязаемой «физической» базе, масштабированной и ретранслированной пропагандой с применением современных социально-медийных средств и технологий. Заявка на «халифат» была подкреплена закалкой ИГИЛ в ходе его предыстории и на ранних этапах его эволюции в гуще интернационализированного вооруженного конфликта в Ираке в 2000-е годы, последующей серией военных успехов, установлением и расширением территориального контроля на значительной части сразу двух стран (Ирака и Сирии) и началом квазигосударственного эксперимента на этих территориях.

Это дало критический импульс дальнейшей транснационализации ИГИЛ по трем основным направлениям. Первым направлением стало стимулирование беспрецедентно массового потока иностранных боевиков-террористов, приобретшего качественно новые характеристики, и нового витка их транснациональной циркуляции. Хотя этот поток сохранял некоторую преемственность с предыдущими волнами и поколениями джихадистов, особенно для ближневосточных ИБТ,¹²² он сильно отличался от них по составу, географическому и национальному многообразию и целеполаганию. Вторым направлением транснационализации ИГИЛ стала его роль в качестве не только магнита для ИБТ из более сотни стран мира, прежде всего, Большого Ближнего Востока, Европы и Евразии, но и масштабного и амбициозного транснационального и трансрегионального миграционно-переселенческого проекта. Третьим направлением стала серия присяг на верность новоявленному «халифу», продиктованная не только растущей информационно-медийной популярностью ИГИЛ как «истории успеха» радикальных исламистов, но и специфическим религиозно-идеологическим императивом, связанным именно с категорией «халифата» и присутствием именно этой категории, по крайней мере, в глазах значительной части исламских фундаменталистов салафитского толка, вне зависимости от страны и региона их происхождения.

Все это создало специфическую военно-религиозно-квазигосударственную систему. Ее центром на пике ИГИЛ в середине 2010-х годов стало идеологическое, военное и административно-территориальное ядро – «халифат», сконцентрированный в Сирии и Ираке. Оно объединило в себе, казалось бы, несовместимое, сформировав своеобразное магнитное поле для центростремительных сил извне и одновременно выполняя роль пропагандистско-идеологической центрифуги, посылавшей центробежные импульсы, «заряжавшие» и подпитывавшие энергией радикалов в разных странах и регионах мира. К этому ядру, как артерии к сердцу в кровеносной системе, тянулись потоки иностранных боевиков и переселенцев из разных стран и регионов мира, но оно и само, как сердце, питалось ими и, благодаря им, усиливалось и приобретало все более транснационализированный характер. Помимо этого, внутреннее ядро имело и более рыхлую и удаленную внешнюю оболочку, распространяя свое влияние на обширную «периферию». Она состояла из массы более мелких и локализованных вооруженных акторов, базирующихся и активных в других конфликтных зонах в разных регионах мира, а также полуавтономных и

¹²² Подробнее см. раздел 3.3.

самогенерируемых ячеек, последователей и адептов, в т. ч. вне «горячих точек», в странах и районах, находившихся в условиях мирного времени.

Это сочетание качественно, структурно и идеологически отличало ИГИЛ как от экстерриториальной сетевой «аль-Каиды», прямая террористическая активность которой в 2010-е годы была минимальной,¹²³ так и от других крупных радикально-исламистских движений регионального базирования, которые демонстрировали высокий, порой даже сравнимый с ИГИЛ, уровень террористической активности в первые десятилетия XXI века. В целом ИГИЛ на этапе «халифата» – это джихад нового уровня, в котором региональное и глобальное начала не просто соединились, а дополнили и усилили друг друга. При этом важно подчеркнуть, что феномен ИБТ в Сирии и Ираке, в основном связанный с ИГИЛ, стал не просто «производной» от ИГИЛ, но и важнейшим фактором его формирования в претензии на «глобальный халифат», транснационализации и выхода на роль лидера «глобального джихада».

По иронии, фактор «халифата» как главный портал ИГИЛ в «глобальный джихад» стал не только его мощным стратегическим преимуществом и религиозно-идеологическим ресурсом, но и критической *уязвимостью*. Однажды провозгласив «халифат», ИГИЛ для того, чтобы сохранить религиозно-идеологическую «легитимность» для своих адептов, само поставило себя в прямую зависимость от удержания и расширения территориального контроля в сердце «халифата» – в сирийско-иракском ареале. Поддержание такого контроля в любом случае требовало формирования определенной вертикали власти и структур управления, не сводившихся к системе военного командования и контроля. Среди прочего, это по определению лишает любого игрока, готового взвалить на себя такую административную ношу, большинства организационно-структурных преимуществ более плоских, горизонтальных и менее структурированных подпольных сетевых структур.

С одной стороны, эта зависимость, продиктованная религиозно-экстремистской идеологией ИГИЛ, ставила перед ним императив удержать территорию под его контролем в Сирии и Ираке *любой ценой*. С другой стороны, в случае, если бы каким-то образом удалось пресечь военно-территориальное расширение ИГИЛ или отвоевать у него большую часть подконтрольной ему территории (а тем более – полностью лишить ИГИЛ территориального контроля в основной зоне его базирования), то это не только сократило или нейтрализовало бы потенциал ведения им военной и террористической активности на этих землях, но и, *что важнее*, серьезно подорвало бы его религиозно-идеологическое влияние среди радикальных фундаменталистов в регионе и за его пределами. Подчеркнем: речь не о влиянии и роли идеологии «глобального джихада» как таковой (она значительно старше ИГИЛ и надолго его переживет), а именно о «легитимности» той ее версии, которую олицетворяло ИГИЛ, и его эксперимента по провозглашению и строительству «халифата».

С 2016 г. международное давление на ИГИЛ значительно усилилось, прежде всего, в виде военных операций со стороны сразу двух коалиций (во главе с Россией и с США, соответственно) и поддерживаемых ими местных сил в регионе (сирийских и иракских вооруженных сил, курдских формирований и т. д.). При всей важности вклада разнородных местных сил в противодействие ИГИЛ именно внешнее давление сыграло

¹²³ В начале 2010-х годов «аль-Каида» как таковая (а не формально аффилированные с ней группировки) не входила даже в первую двадцатку наиболее опасных террористических организаций: в 2011 г. на нее пришелся лишь 1 теракт из более 5000, а в 2012–2013 годах на ее счету вообще не было терактов. Global Terrorism Index 2012: Capturing the Impact of Terrorism from 2002–2011. – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2012. P. 6; Testimony by W. Braniff, Executive Director, START, University of Maryland, before the U.S. House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. Washington D.C.: United States House of Representatives, 4 February 2014. P. 3.

решающую роль в его ослаблении, занявшем несколько лет, и итоговом разгроме. Во второй половине 2017 г. ИГИЛ понесло стратегические поражения в боевых действиях в Ираке и Сирии, а к началу 2018 г. потеряло уже более 90% ранее занятой им территории.¹²⁴ Окончательный разгром территориального ядра «халифата» можно отнести к марту 2019 г., когда под ударами курдских сил при международной поддержке с воздуха ИГИЛ потеряло контроль над последним населенным пунктом – г. Багузом в Сирии близ границы с Ираком.¹²⁵ Лидер ИГИЛ аль-Багдади был убит 27 октября 2019 г. в результате ракетного удара по деревне Бариша в сирийской провинции Идлиб близ турецкой границы.¹²⁶

По мере ослабления, трансформации и адаптации к новым условиям ИГИЛ утрачивало свою главную отличительную особенность – ориентированность на захват и удержание территории в центре арабо-мусульманского мира как ядра «халифата». Этот процесс сопровождался децентрализацией организационной структуры, руководства и идеологическо-пропагандистского аппарата ИГИЛ и спровоцировал и усилил обратный отток ИБТ из Сирии и Ирака. Качество материалов ИГИЛ постепенно снижалось, а до трех четвертей всей его информационно-медийно-пропагандистской продукции к концу 2010-х годов перестало выходить.¹²⁷ Это, впрочем, означало не столько прекращение террористической активности под эгидой или влиянием ИГИЛ, сколько ее видоизменение, фрагментацию и переориентацию на другие регионы. Более того, если на пике ИГИЛ территориальная привязка «халифата» и определенная степень концентрации ИБТ в конфликтной зоне в каком-то смысле упрощали идентификацию их местонахождения и их нейтрализацию, то на следующем этапе «обнаружение лиц, представляющих угрозу, стало более сложной задачей».¹²⁸ Лидеры ИГИЛ перестали призывать сторонников к приезду в «халифат» и стали ориентировать их на то, чтобы оставаться и вести «джихад» в своих странах.¹²⁹ Распад ядра ИГИЛ лишил формируемую им систему и магнита, и центрифуги. Однако в то же время он придал новый исторический импульс международной циркуляции ИБТ (только теперь уже прошедших Сирию, Ирак и «халифат»), а тем самым – и транснациональному движению «глобального джихада».

¹²⁴ Sixth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Doc. S/2018/80. 31 January 2018.

¹²⁵ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2368 (2017) Concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2019/570. 15 July 2019.

¹²⁶ В тот же день в результате атаки дрона в районе г. Джараблус на севере Сирии был убит официальный спикер ИГИЛ Абу Хасан аль-Мухаджир. 31 октября 2019 г. медиа-агентство ИГИЛ «аль-Фуркан» опубликовало заявление лица, представившегося новым «пресс-секретарем» организации.

¹²⁷ Twentieth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2253 (2015) Concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2017/573. 7 August 2017. Para. 20. P. 24; Nineteenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2253 (2015) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2017/35. 13 January 2017. Para. 17. P. 8–9.

¹²⁸ Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям. S/2018/14/Rev.1. 27 февраля 2018 г. п. 6. С. 6.

¹²⁹ Начиная с обращения спикера ИГИЛ аль-Аднани в мае 2016 г.: Al-Adnani al-Shami A.M. “That They Live By Proof”. 21 May 2016.

3. Феномен ИБТ в условиях подъема и распада ИГИЛ

3.1. Общие тенденции

Попытки выдать какой-то обобщенный набор причин исторически беспрецедентной волны иностранных боевиков-террористов, катализатором которой стал феномен ИГИЛ, и свести их к нескольким универсальным факторам сомнительны при таком множестве и разнообразии политико-географических контекстов, стран и регионов происхождения ИБТ, социально-политических, социокультурных и иных аспектов их радикализации.

Кроме того, большинство таких попыток со стороны наблюдателей и экспертов (вплоть до уровня ООН) страдает сильной путаницей, когда в одну кучу сваливаются:

– собственно, причины коренного, глубинного, структурного свойства, а также более конкретные мотивационные факторы и импульсы;

– сопутствующие факторы, которые сами по себе причинами не являются и быть не могут, но сильно облегчили резкую, направленную активизацию потоков ИБТ в середине 2010-х годов и создали для нее благоприятные условия, в т. ч. чисто технические. Среди них, например, сравнительная легкость транзита ИБТ (транспортно-логистическая, визовая и т. п.), особенно в Сирию через Турцию. К сопутствующим условиям можно отнести и роль в джихадистской пропаганде и радикализации ИБТ новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и средств, которые, однако, используют огромные массы населения в странах разного уровня развития, а не только террористы.

Более того, нередко налицо даже преобладание рационалистских, инструментально-технических объяснений, связанных, скорее, с сопутствующими факторами, чем с истинными причинами этой волны иностранных боевиков-террористов. Так, главное отличие феномена ИБТ середины 2010-х годов в Сирии и Ираке от предыдущих, доигиловских потоков часто в основном или исключительно сводится к улучшившейся транспортно-транзитной доступности и качественно усилившейся роли современных средств и технологий информации и коммуникации.¹³⁰

В ряде материалов ООН сравнительная транспортно-транзитная доступность конфликтных зон в Сирии и Ираке вообще идет на первом месте (!) среди факторов, объясняющих специфику новой версии ИБТ.¹³¹ Такие объяснения явно недооценивают роль политических факторов и контекстов, идеологии, религиозно-идеологического экстремизма и процессов радикализации и являются вольными или невольными попытками *деполитизировать* и *деидеологизировать* как феномен ИБТ, так и проблему ИГИЛ в целом. Иными словами, беспрецедентный приток и последующая циркуляция десятков тысяч ИБТ из 80 основных (а всего – из около 120) стран в Сирию и Ирак, объясняются чем угодно, только не религиозно-политическими, международно-политическими и иными факторами политического характера.

Этим же недостатком страдает и впадающее в другую крайность большинство западных, в основном европейских, экспертов, которые пытаются объяснить беспрецедентный для Европы исход ИБТ-джихадистов и преобладание государств-членов Европейского Союза (ЕС) в первой десятке стран происхождения иностранных

¹³⁰ Duyvesteyn I., Peeters B. Fickle Foreign Fighters? A Cross-Case Analysis of Seven Muslim Foreign Fighter Mobilizations (1980–2015). – The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2015; Gates S., Podder S. Social media, recruitment, allegiance and the Islamic State // Perspectives on Terrorism. V. 9. No. 4. 2015. P. 107–116.

¹³¹ См., например, The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters. P. 7.

боевиков-террористов в середине 2010-х годов по доле ИБТ от числа мусульманского населения стран исхода. Они возводят в абсолют роль в радикализации ИБТ социально-экономических и социокультурных факторов, социальных аспектов и проблем интеграции мигрантских общин и диаспор.¹³² Так проще и политически корректнее объяснять массовый поток ИБТ из Европы в Сирию и Ирак, чем, например, анализировать последствия внешней и военной политики собственных стран, в т. ч. в Ираке и Сирии, или признавать отчетливый религиозно-политический императив в действиях ИБТ. Хотя такие объяснения относятся к специфически европейским условиям, не обязательно характерным и даже, как правило, не типичным для большинства других регионов, в условиях доминирования западной литературы и аналитики в этой сфере они оказывают непропорционально большое влияние на международную повестку дня по проблеме ИБТ.

3.1.1. «Халифат» как катализатор притока ИБТ

Как и в ходе предыдущих транснациональных мобилизаций джихадистов, в Ираке с середины 2000-х годов и в Сирии с начала 2010-х годов рост притока ИБТ шел постепенно. Как и раньше, на этот процесс влияли движущие факторы с обеих сторон: с одной стороны, факторы притяжения в точке назначения ИБТ, связанные с ситуацией и катализирующей ролью самих вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии, а с другой – факторы, выталкивавшие ИБТ из своих стран и регионов, для которых было характерно широкое многообразие местных контекстов, условий и причин радикализации. Однако до 2014 г. приток ИБТ в обе конфликтные зоны, его масштаб и состав в целом не выходили за рамки предыдущих мобилизаций боевиков-террористов джихадистского толка.

В чем тогда коренное отличие от них новой волны ИБТ, которая, начиная с 2014 г., стала в разы более масштабной, транснациональной и многообразной по составу и происхождению? Ее главное принципиальное отличие состояло в религиозно-идеологической и политико-пропагандистской заявке ИГИЛ своей претензии на глобальную роль путем провозглашения «халифата». Эта претензия была не абстрактной, а подкрепленной не только многолетней эволюцией идеологии «глобального джихада», но и наличием устойчивой и обширной регионально-территориально-военной базы «здесь и сейчас» – в Ираке и Сирии к середине 2010-х годов. Именно провозглашение «халифата» сыграло роль катализатора количественного роста и качественной трансформации притока ИБТ из самых разных регионов и контекстов, *вне зависимости от контекста*. Как вещал самопровозглашенный «халиф Ибрагим», лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади: «это халиф собрал вместе кавказцев, индийцев, китайцев, выходцев из Леванта, иракцев, йеменцев, египтян, магрибцев, американцев, французов, немцев, австралийцев... Поэтому поспешите, о мусульмане, в свое государство... государство для всех мусульман...».¹³³ Последовательные действия по продвижению к «халифату», прежде всего, военные успехи и установление контроля над значительной территорией в ключевом для исламского мира регионе, а затем и формальное провозглашение

¹³² The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union: Profiles, Threats and Policies. Eds. B. Van Ginkel and E. Entenmann. ICCT Research Report. – The Hague: ICCT, 2016; Meines M., Molenkamp M., Ranstorp M. Responses to Returnees: Foreign Terrorist Fighters and Their Families. EU Radicalization Awareness Network (RAN) Manual. – Brussels: RAN, 2017; Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them? Eds. T. Renard, R. Coolsaet. Egmont Paper no. 101. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2018.

¹³³ Al-Baghdadi A.B. A Message to the Mujahidin and the Muslim Ummah in the Month of Ramadan.

«халифата» многократно усилили международный резонанс ИГИЛ и его притягательность далеко за пределами его ядра в Ираке и Сирии. Именно это сделало ИГИЛ магнитом для самой многочисленной в новейшей истории и наиболее интернационализированной джихадистской мобилизации.

Общая численность ИБТ в динамике. Если до провозглашения «халифата» число иностранных боевиков-террористов в регионе оценивалось примерно в 12000, то к концу 2015 г. оно уже могло насчитывать 27000–31000 человек.¹³⁴ Сравнение динамики числа ИБТ в Сирии и Ираке до и после провозглашения «халифата» за короткий период с июня 2014 г. по октябрь 2015 г. показывает рост числа ИБТ из Западной Европы в два раза, из стран Ближнего Востока (за исключением стран Магриба) – в 2,6 раз, из стран Магриба – в 2,7 раз, а также четырехкратный рост (правда, с гораздо более низкого старта) числа ИБТ из постсоветской Евразии и многократный (хотя в абсолютном измерении и небольшой) – с Балкан и из Юго-Восточной Азии.¹³⁵ По оценкам разведывательных служб США, в 2014 г. приток иностранных боевиков-террористов в Сирию через турецко-сирийскую границу достигал 2000 человек в месяц, по сравнению, например, с 2016 г., когда он упал до 50 в месяц.¹³⁶ Именно августом – сентябрем 2014 г. датируются первые из серии резолюций Совета Безопасности ООН по ИГИЛ,¹³⁷ в которых выражалась «серьезная озабоченность по поводу острой и усиливающейся угрозы, которую представляют иностранные боевики-террористы», особенно в связи с активностью «Исламского государства в Ираке и Леванте», «Джабхат ан-Нусры» и ряда других организаций, и содержался призыв к странам-членам ООН законодательно запретить своим гражданам уезжать за границу с целью вступления в эти организации.¹³⁸

К концу 2017 г. консервативные оценки числа иностранных сторонников ИГИЛ и других джихадистских группировок, уехавших в Сирию и Ирак, остались на уровне 30000 человек, включая как боевиков-террористов, так и переселенцев. Однако в других источниках фигурируют и более высокие оценки, превышающие 42000 человек.¹³⁹ Эти оценки включают и тех ИБТ, которые уже начали уезжать из Сирии и Ирака по мере усиления международных авиаударов по позициям ИГИЛ в конце 2015 – 2016 г. и постепенного наращивания наземных операций со стороны местных сил в регионе против ИГИЛ и других джихадистов. По данным Международного центра по изучению радикализации Лондонского университета на июнь 2018 г., за период с апреля 2013 г., т. е. с момента, когда «Исламское государство в Ираке» провозгласило себя «Исламским государством в Ираке и Леванте», в регион приехали 41490 ИБТ и переселенцев из 80 стран. При этом из подсчета были исключены те страны, откуда в Сирию и Ирак приехало минимальное число ИБТ (а всего стран исхода ИБТ насчитывалось до 120).¹⁴⁰ Оптимальной представляется более поздняя оценка ООН (июль 2019 г.), которая позволила учесть ставшую к тому времени доступной более

¹³⁴ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters in Syria and Iraq. P. 4.

¹³⁵ Ibid. P. 4, 12,

¹³⁶ Цит. по: Witte G., Raghavan S., McAuley G. Flow of foreign fighters plummets as Islamic State loses its edge // The Washington Post. 9 September 2016.

¹³⁷ Resolution 2170 (2014) Adopted by the Security Council at its 7242nd Meeting, on 15 August 2014. UN Doc. S/RES/2170 (2014); Resolution 2178 (2014) Adopted by the Security Council at its 7272nd Meeting, on 24 September 2014. UN Doc. S/RES/2178 (2014); Resolution 2253 (2015) Adopted by the Security Council at its 7587th Meeting, on 17 December 2015. UN Doc. S/RES/2253 (2015); Resolution 2396 (2017) Adopted by the Security Council at its 8148th Meeting, on 21 December 2017. UN Doc. S/RES/2396(2017).

¹³⁸ Resolution 2178. UN Doc. S/RES/2178 (2014).

¹³⁹ Meines M., Molenkamp M., Ranstorp M. Op. cit.

¹⁴⁰ Cook J., Vale G. From Daesh to “Diaspora”: Tracing the Women and Minors of the Islamic State. Report by International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), Department of War Studies, King’s College, University of London. – L.: ICSR, 2018. P. 3–4, 7.

точную национальную и международную статистику по ИБТ и составила 40000 ИБТ в Сирии и Ираке за период с 2013 г.¹⁴¹ В любом случае эти суммарные значения беспрецедентны в современной истории и сильно – в два раза – превышают масштаб потоков иностранных боевиков-террористов в ходе крупнейшей предыдущей мобилизации радикально-исламистских ИБТ – антисоветского джихада в Афганистане в 1980-е годы.

Региональное распределение ИБТ в период подъема ИГИЛ и движущие факторы потоков ИБТ. По данным большинства источников, ИБТ в рядах ИГИЛ, а также группировок, связанных с «аль-Каидой», и других джихадистов в Сирии и Ираке были выходцами из более 120 стран.¹⁴² Это самая широкая в истории география иностранных боевиков-террористов и сопутствующих им лиц.

Однако в том, что касается распределения ИБТ в Сирии и Ираке по странам и регионам их происхождения, нередко преобладают спекулятивные, ангажированные и политизированные оценки. Так, ряд широко растиражированных стереотипов о регионально-страновом распределении ИБТ, уехавших воевать в ИГИЛ, основан на приоритете оценки числа ИБТ из той или иной страны или региона в *абсолютном измерении* над относительными оценками, т. е. над оценкой числа ИБТ по сравнению с общей численностью населения страны-исхода и, что особенно важно, с численностью и долей ее мусульманского населения. Доминированию такого подхода немало послужили, например, раскрученные в СМИ доклады близкого к западным разведывательным кругам Центра «Суфан», все выводы которого сделаны исключительно на основе оценок абсолютного числа ИБТ из той или иной страны (региона).¹⁴³

При этом важно понимать, что даже на основе тех же самых данных, которые впервые были обобщены Центром «Суфан», в зависимости от системы подсчета, список первых 10–15 стран-лидеров по исходу ИБТ может сильно, порой кардинально, меняться. Это проецируется и на сравнительное распределение ИБТ по регионам их происхождения. Например, согласно подсчетам специалистов Национального бюро экономических исследований США,¹⁴⁴ сданным на основе той же статистики, в конце 2015 г., т. е. в период расцвета ИГИЛ, по *абсолютному числу* ИБТ, уехавших в Сирию и Ирак, лидировали две ближневосточные страны – Тунис и Саудовская Аравия. Они же вместе с Турцией, Иорданией, Ливаном и Марокко преобладали и в первой десятке стран по этому показателю (шесть стран из десяти). В целом, по абсолютным показателям среди первых 15 стран происхождения наибольшего числа ИБТ доминировали 10 мусульманских стран или государств, в которых мусульмане составляли большинство или как минимум более трети населения (шесть перечисленных ближневосточных стран, а также Египет, а за пределами Ближнего Востока – Индонезия, Босния и Таджикистан). При этом среди первых 15 стран были четыре западноевропейские (Франция, ФРГ, Великобритания, Бельгия) и всего две евразийские страны (Россия и Таджикистан, хотя по абсолютному числу уехавших ИБТ

¹⁴¹ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 3. С. 4; см. также Global Terrorism Index 2018. Р. 5.

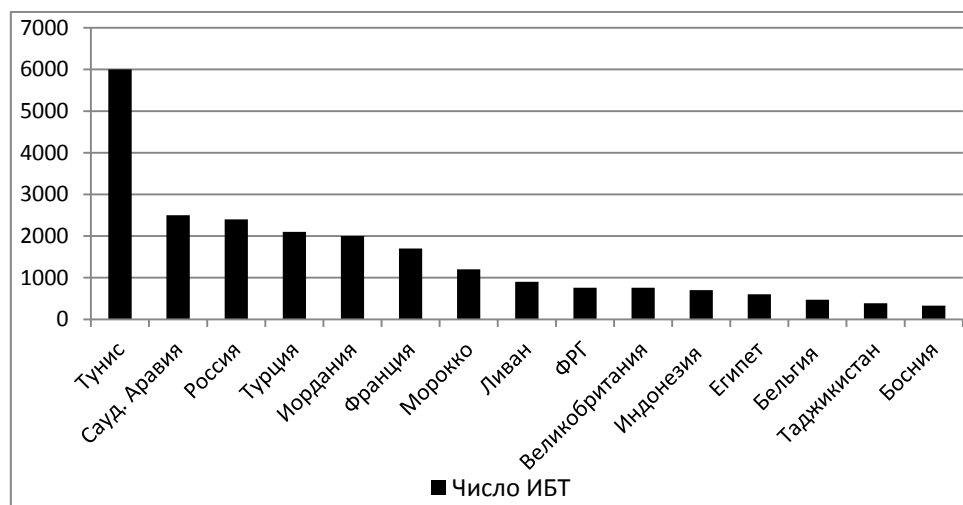
¹⁴² Meines M., Molenkamp M., Ranstorp M. Op. cit. P. 15; Cragin K. Foreign fighter “hot potato” // Lawfare. 26 November 2017. URL: <https://www.lawfareblog.com/foreign-fighter-hot-potato>.

¹⁴³ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters in Syria and Iraq; Barrett R. Beyond The Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. – N.Y.: The Soufan Center, 2017. Центр «Суфан» (Soufan Center) – консалтинговая группа, базирующаяся в Нью-Йорке; основана в 2005 г. американцем ливанского происхождения Али Суфаном, бывшим агентом Федерального бюро расследований США.

¹⁴⁴ Benmelech E., Klor E. Op. cit.

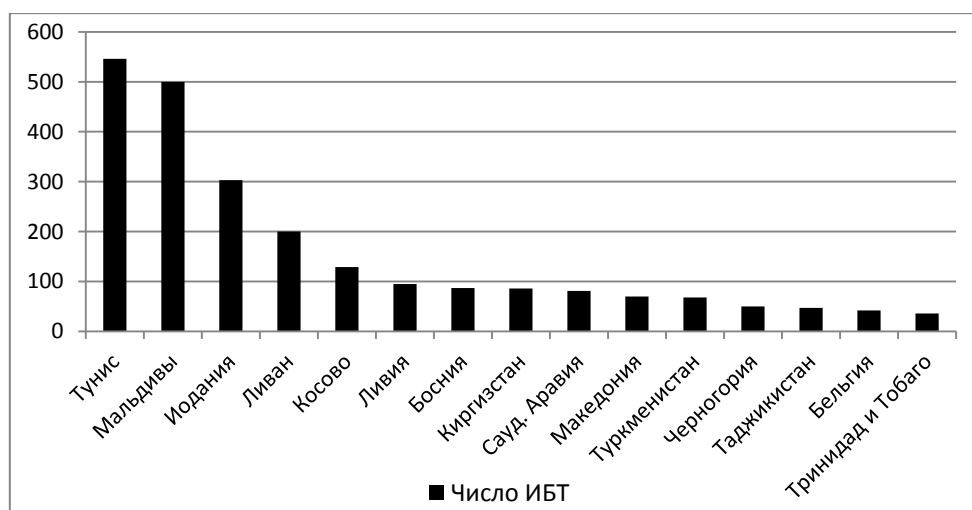
Россия уже занимала третье место в мире, сразу после Туниса и Саудовской Аравии) – см. *Рис. 3*.

Рис. 3. Страны исхода наибольшего числа ИБТ (чел.), 2015 г.

Составлено автором на основе данных Центра «Суфан» (2015), National Bureau of Economic Research (2016).¹⁴⁵

Рис. 4. Число ИБТ на 1 млн населения, по странам (чел.), 2015 г.

Составлено автором на основе данных National Bureau of Economic Research, 2016.¹⁴⁶

Однако относительная оценка числа ИБТ – на 1 млн всего населения страны исхода – дает иную картину (см. *Рис. 4*). Преобладание ближневосточных стран уже менее выражено – они составили лишь шесть из пятнадцати стран-лидеров. Из западноевропейских стран в этом списке осталась лишь Бельгия. Россия же, например, в нем вообще не фигурировала и по этому показателю заняла лишь 25-е место, (уступая, в частности, Турции и Казахстану), несмотря на довольно высокое

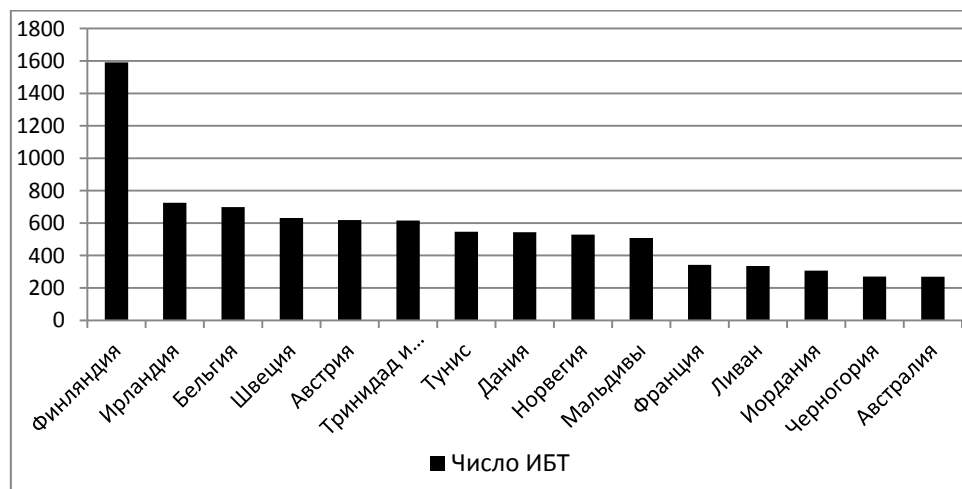
¹⁴⁵ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters in Syria and Iraq; Benmelech E., Klor E. Op. cit.

¹⁴⁶ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 19. Table 4.

абсолютное число ИБТ российского происхождения.¹⁴⁷ В то же время более заметным стало присутствие ИБТ из балканских стран (Боснии, Косово, Македонии и Черногории) и центральноазиатских государств (Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана). При этом по данному показателю среди стран происхождения ИБТ наблюдалось даже более явное преобладание исламских стран и государств, где мусульмане составляют большинство населения, чем в абсолютном измерении. Они составили девять из стран первой десятки и 11 из 15 стран с наибольшим числом уехавших ИБТ на 1 млн населения.

Наконец, кардинально иная картина складывается из соотношения числа ИБТ к 1 млн мусульманского населения страны исхода (см. Рис. 5). Иными словам, речь о том, какая доля мусульманского населения страны радикализована настолько, чтобы поехать воевать за ИГИЛ или примкнуть к тем, кто за него воюет. Здесь уже устойчиво доминируют западные страны. В первую пятерку стран мира по этому показателю вообще вошли только (!) страны ЕС: Финляндия, Ирландия, Бельгия, Швеция и Австрия. В первой десятке стран исхода – семь западных (включая еще Данию с Норвегией), а в списке первых 15 стран – девять западных, включая Францию и Австралию. Показательно, что в числе 15 стран-лидеров по этому показателю из ближневосточных стран фигурирует лишь Тунис и граничащие с Сирией Ливан и Иордания, из стран Азии – только Мальдивы, а из евразийских стран – вообще ни одной (!), т. е. ни России (она лишь на 24-м месте), ни центральноазиатских и других постсоветских государств, которых нет даже в первой тридцатке.¹⁴⁸

Рис. 5. Число ИБТ на 1 млн мусульманского населения, по странам (чел.), 2015 г.

Составлено автором на основе данных National Bureau of Economic Research.¹⁴⁹

Складывающаяся в результате картина неоднозначна и показывает, что ограничиваться лишь показателями абсолютной численности боевиков-террористов из той или иной страны нельзя. Это не просто дает неполную картину странового и регионального распределения и происхождения ИБТ, но и искажает ее. С одной стороны, как в абсолютных цифрах, так и относительно общей численности населения стран исхода, налицо преобладание ближневосточных и в целом исламских государств среди стран происхождения ИБТ. С другой стороны, очевидно, что именно для

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid. P. 20. Table 6.

¹⁴⁹ Ibid.

западноевропейских стран характерен наивысший уровень радикализации мусульманских общин – настолько, что они явно лидируют, по сравнению с другими странами и регионами, по доле ИБТ среди членов таких общин. Это особенно явно видно на сравнении стран ЕС с Россией, где мусульмане численно также составляют меньшинство. Несмотря на сравнительно большое абсолютное число ИБТ российского происхождения, в относительном измерении, т. е. по проценту уехавших в Сирию и Ирак боевиков от многомиллионного коренного мусульманского населения РФ (а значит, и по степени его радикализации), Россия в период расцвета ИГИЛ не входила даже в первую двадцатку стран-лидеров по исходу ИБТ.

Упор лишь на абсолютные показатели затрудняет и выявление основных причин и движущих сил исхода ИБТ. Понятно, что для разных стран и регионов факторы, «выталкивавшие» ИБТ в Сирию и Ирак, были разными. Тем не менее, основываясь исключительно на абсолютной численности ИБТ по странам и регионам, можно было бы предположить, что в общемировом раскладе наиболее сильными импульсами, стимулировавшими большинство таких радикальных исламистов к отъезду в «халифат», служили социально-политические и социально-экономические факторы в самих мусульманских странах, а также недоурегулированность внутренних вооруженных конфликтов в странах с крупными коренными мусульманскими меньшинствами (например, в России). Такая картина создается, если ограничиться источниками, подобными Центру «Суфан», эксперты которого – и здесь не обойтись без тавтологии – абсолютизируют абсолютные показатели. Например, по данным уже на 2017 г., они без каких-либо оговорок ставили во главу угла Большой Ближний Восток (включая Северную Африку) и постсоветскую Евразию как регионы происхождения основной массы иностранных джихадистов, воевавших в Сирии и Ираке, и, в частности, отдавали абсолютное первенство России как стране исхода наибольшего числа ИБТ.¹⁵⁰

Однако факторный анализ, проведенный с учетом относительных показателей численности ИБТ, в т. ч. отдельно для мусульманских стран и для стран, где мусульмане составляют менее трети населения, дает совершенно иную картину. Да, такой анализ выявляет определенную корреляцию между уровнем безработицы (но не степенью социального неравенства!) и числом ИБТ в мусульманских странах исхода – но только в них. Однако одновременно он показывает, что в целом риск исхода ИБТ был, напротив, *выше для более богатых и развитых западных стран*. Так, по данным специалистов Национального бюро экономических исследований, в среднем для всех стран исхода боевиков-террористов каждые 10% роста показателя ВВП на душу населения коррелировали с ростом вероятности исхода ИБТ на 1,5% (а для немусульманских стран – на 5,1%). Относительные показатели численности ИБТ из той или иной страны их происхождения также позитивно коррелировали с общим уровнем ее социального и экономического развития, измеряемым Индексом человеческого развития ООН.¹⁵¹ При этом для немусульманских стран наибольший отток ИБТ был характерен для наиболее гомогенных в этнокультурном и языковом отношении государств,¹⁵² т. е. не столько для исторически, традиционно многоэтничных государств с коренными мусульманскими меньшинствами (например, России или большинства преимущественно не мусульманских стран Азии), сколько для стран с

¹⁵⁰ Barrett R. Op. cit. P. 10–11.

¹⁵¹ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 8–9, 22–23. Tables 7–8. Индекс человеческого развития (Human Development Index) ежегодно рассчитывается Программой развития ООН для определения сравнительного уровня жизни. Он объединяет в одном показателе данные о здоровье (долголетии), уровне образования и доходов населения той или иной страны.

¹⁵² Ibid. P. 2, 3, 10–11, 23. Table 8.

крупными мигрантскими мусульманскими общинами, трудно поддающимися ассимиляции и интеграции, т. е. для западноевропейских государств.

Более разнородный состав. Еще одно качественное отличие новой волны боевиков-террористов от предыдущих волн ИБТ-джихадистов, а также от «дохалифатского» притока ИБТ в Сирию и Ирак также связано с провозглашением и феноменом «халифата» в лице «Исламского государства». «Халифат» накладывал на уверовавших в него религиозное обязательство не просто воевать за него, но и населять его. В отличие от своих предшественников, в т. ч. тех, кто приезжал воевать в Ирак и Сирию до середины 2014 г., ИБТ, вступившие в ряды ИГИЛ уже после провозглашения «халифата», ехали на подконтрольные ИГИЛ земли уже в основном «с концами», с целью там остаться и жить. Большинство из них, по крайней мере, по пути в ИГИЛ и на этапе кратковременного расцвета «халифата» и его военных успехов, не планировали когда-либо вернуться домой. Эта особенность во многом объясняет более широкое разнообразие состава таких «паломников-переселенцев», причем не только национально-географическое, но и гендерное, профессиональное, социальное и т. п. Например, если предыдущие волны ИБТ почти исключительно состояли из мужчин «призывного возраста», то с 2014 г. приток иностранцев в ИГИЛ стал включать значительное число и долю женщин и детей (в основном членов семей ИБТ, хотя некоторые женщины путешествовали самостоятельно). По данным Международного центра по исследованию радикализации на июнь 2018 г., из 41490 ИБТ мужчин-боевиков было 75%, в то время как 13% составляли женщины и еще 12% – дети. Таким образом, переселенцы из числа женщин и детей впервые в истории могли составлять до четверти (!) всей мобилизационной волны, в данном случае – притока приезжих из-за рубежа на подконтрольные ИГИЛ территории в Сирии и Ираке.¹⁵³

Закат «халифата» = отток ИБТ. Решающее значение «халифата» и его судьбы для динамики и циркуляции потоков иностранных боевиков-террористов, уехавших в Сирию и Ираке, хорошо иллюстрирует и значительное сокращение их притока с ослаблением и началом распада территориального ядра ИГИЛ. Оно особенно явно проявилось после того, как во второй половине 2017 г. ИГИЛ понесло серьезные стратегические поражения в боевых действиях в Ираке и Сирии.

С одной стороны, по мере вынужденного ограничения и подрыва возможностей ИГИЛ по захвату и удержанию территории на землях «исторического халифата» началась его религиозно-политическая, идеологическая и пропагандистская переориентация на стимулирование террористической активности в более широком транснациональном контексте. Параллельно шла трансформация ИГИЛ из более жестко централизованной системы, построенной по принципу ядра, одновременно выполнявшего функции магнита и центрифуги, и связанных с ним периферийных кругов, в более сложную, но более рассредоточенную сетевую структуру (по типу СПИН-структуры, или «матрицы»)¹⁵⁴. С другой стороны, по мере такой переориентации и трансформации ослабевали не просто административно-территориальный контроль и усилия ИГИЛ по квазигосударственному строительству в зоне его ядра в Сирии и Ираке, но и, главное, сама религиозно-идеологическая претензия ИГИЛ на «халифат» – главный катализатор и магнит беспрецедентного в истории притока ИБТ-джихадистов и сопутствовавших им переселенцев.

Это привело к снижению привлекательности ИГИЛ как «земли обетованной» (при всей условности библейской аналогии) для тех мусульман, кто всерьез воспринял самопровозглашенного «халифа Ибрагима», и затруднило ядру ИГИЛ вербовку ИБТ и

¹⁵³ Cook J., Vale G. Op. cit. P. 4.

¹⁵⁴ СПИН-структура – сегментированная полицентричная идеологически интегрированная сеть – одна из наиболее развитых сетевых форм организации.

переселенцев для вступления в его ряды в Сирии и Ираке. Вкупе с ужесточением антитеррористических мер и контроля со стороны большинства государств-членов ООН и с военным давлением со стороны внерегиональных и региональных сил (России, США и союзников, в том числе внутри самого региона) это привело к тому, что поток ИБТ в конфликтные зоны в Сирии и Ираке сильно сократился. Уже в начале 2018 г. приток иностранных боевиков-террористов из большинства стран исхода свелся к единичным случаям,¹⁵⁵ а к середине 2018 г. он практически полностью прекратился.¹⁵⁶

Однако это знаменовало не столько конец ИГИЛ, сколько новый этап его эволюции и борьбы с ним. По оценке экспертов ООН, «несмотря на потерю территории, управления и ухудшение функционирования пропагандистской машины ИГИЛ, ИБТ и члены и сторонники ИГИЛ по-прежнему умело использовали социальные сети, технологии шифрования и “темную паутину” для коммуникации друг с другом, подстрекательства к совершению терактов и пособничества их совершению».¹⁵⁷ На этапе формирования и расцвета «халифата» – ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке – его территориальная привязка обеспечивала определенную, относительно высокую и устойчивую концентрацию боевиков, включая ИБТ, в зоне конфликта и в этом смысле упрощала определение их местонахождения и их нейтрализацию. Однако на последующих этапах выявление выживших, но все более рассредоточенных ИБТ, все еще представлявших угрозу в контртеррористическом плане, в чем-то стало даже более сложной задачей.

3.1.2. Возвращение и релокация ИБТ: переходящая угроза?

К концу 2010-х годов немало иностранных боевиков-террористов, прошедших Сирию и Ирак в рядах ИГИЛ и других джихадистских группировок, оставалось в живых. По данным ООН на июль 2019 г., на глобальном уровне коэффициент выбытия ИБТ составил 25% убитыми и 15% пропавшими без вести. Таким образом, из общего числа примерно в 40000 ИБТ выживших могло насчитываться от 24000 до 30000 человек.¹⁵⁸ Куда они делись и что с ними стало?

Данные по динамике и масштабу потоков ИБТ в обратном направлении из Сирии и Ирака сильно разнятся. Это связано с тем, что соответствующие оценки делались в разное время, на разных этапах оттока ИБТ, с учетом статистики по разному числу и набору стран, с учетом или без учета членов семей боевиков и т. п. Так, по одним данным, к октябрю 2017 г. из 40000 ИБТ на родину вернулись не менее 5600 боевиков и мигрантов-переселенцев из 33 стран, т. е. 14%¹⁵⁹ (однако, с учетом ИБТ, которые могли вернуться в страны, данные по которым отсутствовали, их должно было быть больше). Примерно тогда же, в ноябре 2017 г., в исследовании, основанном на более полной статистике по более широкому кругу стран (79), власти которых стали публиковать официальные данные по ИБТ, из 40000 иностранных боевиков-

¹⁵⁵ Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям. Док. ООН S/2018/14/Rev.1. 27 февраля 2018 г. п. 2. С. 5.

¹⁵⁶ Twenty-Second Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2368 (2017) Concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2018/705. 27 July 2018. Para. 6. P. 5.

¹⁵⁷ Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями. п. 5. С. 6.

¹⁵⁸ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 13. С. 4; Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 8, 83. P. 6, 19.

¹⁵⁹ Barrett R. Op. cit. P. 5.

террористов Сирию и Ирак уже покинули 14910 человек. Не все, но большинство из них к тому времени вернулись домой.¹⁶⁰ Показательно, что число ИБТ и членов их семей, покинувших регион, в два раза превышало число ИБТ, убитых в Сирии и Ираке (6957 человек).¹⁶¹ По другим данным на июнь 2018 г., из 41490 ИБТ и переселенцев в свои страны вернулись или были в процессе репатриации 7366 человек, или 17,7%.¹⁶²

На этапе формирования и расцвета «халифата», провозглашенного ИГИЛ, его лидеры и идеологи приложило немало усилий к тому, чтобы привлечь в его ряды в Сирии и Ираке как можно больше иностранных боевиков и переселенцев, рассматривая их как важнейший военный, идеологический и популяционный ресурс. ИБТ не только стали неотъемлемой частью претензии ИГИЛ на «глобальный халифат», но и были одним из *sine qua non* (непреложных, обязательных) условий пропагандистского мифа о «халифате» и его практического функционирования. Напротив, по мере ослабления и распада территориального ядра ИГИЛ, его руководство стало быстро терять интерес к ИБТ, по крайней мере, к тем, кто еще оставался в Сирии и Ираке. В медийно-политических кругах распространен стереотип, согласно которому даже ослабленная ИГИЛ жестко направляла и централизованно руководила какими-то плановыми, четко организованными обратными потоками ИБТ из Сирии и Ирака и чуть ли не полностью финансировала их. Однако, по оценкам Группы аналитической поддержки и мониторинга санкций ООН, на этапе отступления и распада ИГИЛ иностранные боевики-террористы в своей массе, напротив, все более явно стали рассматриваться лидерами «халифата» как расходный материал. Если ИГИЛ и оказывало им помощь в возвращении домой, то минимальную, а многие из них были буквально брошены на произвол судьбы.¹⁶³ Это подтверждают данные ООН за 2018–2019 годы о связанных с ИБТ финансовых переводах, состоявших в основном из очень небольших сумм, которые, судя по всему, предназначались на оплату транспортных и иных расходов по возвращению домой или переезду в третьи страны, но которых при этом явно не хватало. В этих условиях многие ИБТ остро нуждались в средствах для отъезда из Сирии и Ирака и вынуждены были использовать кредитки оставшихся на родине родственников или даже заниматься подобием краудфандинга, собирая средства на путешествие домой на платформах социальных медиа и через мессенджеры, включая «Телеграм».¹⁶⁴

В то же время чистый поток ИБТ в обратном направлении из Сирии и Ирака (который, перефразируя экономический термин «чистый денежный поток», можно условно обозначить как «чистый джихадистский поток», т. е. выявленное в результате число ИБТ, реально вернувшихся в страны исхода), оказался менее масштабным и более медленным, чем ожидалось большинством наблюдателей. Немало неучтенных ИБТ либо на время остались в конфликтной зоне и прилегающих районах, пытаясь затеряться и раствориться среди местного населения, либо временно залегли на дно в соседних странах.¹⁶⁵ Более того, то, что ИБТ покинули Сирию и Ирак, совершенно не означало, что они направились непосредственно в свои родные страны или что они смогли доехать туда. Для немалой части выживших ИБТ, связанных с ИГИЛ, традиционная для предыдущих волн мобилизации иностранных джихадистов схема – «*страна происхождения – транзитная страна – страна назначения – назад в страну*

¹⁶⁰ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”. Более раннюю статистику см. также в: Cragin K. The global ISIS threat in historical context // Pathways to Peace and Security [Пути к миру и безопасности]. 2017. № 1(52): Special Issue. P. 77–90.

¹⁶¹ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

¹⁶² Cook J., Vale G. Op. cit. P. 3–4, 7.

¹⁶³ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 3. P. 4.

¹⁶⁴ Ibid. Para. 11. P. 7.

¹⁶⁵ Twenty-Second Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 3.

происхождения» – перестала работать. Если по абсолютному числу вернувшихся ИБТ (и их примерной доле от числа уехавших) в большинстве стран исхода ИБТ существовала хоть какая-то статистика и наметилась хоть какая-то ясность, то с данными об ИБТ, застрявшими в транзитных странах или передислоцировавшимся из конфликтных зон в Сирии и Ираке в третьи страны, дело обстояло значительно хуже.

Масштаб и типы угроз и проблемы противодействия им. Большинство, если не все, ИБТ в ходе пребывания в Сирии и Ираке в той или иной степени принимали участие в вооруженной активности. При этом некоторые из них участвовали в крайне жестоких актах насилия, включая обезглавливание пленных, диверсионные и террористические акты смертников и т. п. Многие приобрели опыт боевых действий и получили определенную военно-террористическую и техническую подготовку, включая навыки применения оружия и взрывчатки. Не менее важно то, что в условиях поистине транснационального, если не сказать глобального, характера контингента ИБТ в составе ИГИЛ, приезжие боевики-террористы завязывали контакты с единомышленниками из самых разных стран и регионов мира. В результате первая столь масштабная волна ИБТ в XXI веке, главным катализатором которой стал феномен ИГИЛ, имела все шансы произвести «наиболее подготовленный в оперативном отношении, в т. ч. в применении летального насилия, и наиболее транснационально-сетевой пул иностранных боевиков-террористов из тех, что когда-либо имели место».¹⁶⁶ В связи с этим отток значительного числа ИБТ из Сирии и Ирака во второй половине 2010-х годов создал целый ряд проблем безопасности. Особое беспокойство вызывал тот импульс, который отток ИБТ был способен дать постоянной транснациональной циркуляции боевиков джихадистского толка (своеобразному «круговороту джихадистов в природе»), причем на качественно новом уровне. Он сочетался с высокой степенью фрагментации и определенным оппортунизмом этих потоков, часть которых была направлена в страны исхода, часть – временно или надолго задержалась в третьих (в т. ч. транзитных) странах, а часть вообще осталась не идентифицированной и затерялась неизвестно где. Иными словами, речь идет о рассеянной и подвижной, периодически или потенциально переходящей с места на место, многообразной и слабо предсказуемой угрозе, элементы которой к тому же могут быть (а могут и не быть) связаны между собой транснациональными сетями. По оценке ООН, особая сложность в купировании этой угрозы – в том, что вернувшиеся на родину или застрявшие где-нибудь по пути домой ИБТ могут осесть и затаиться, в т. ч. надолго, и не проявлять дальнейшей активности, но в то же время в любой момент, если позволят обстоятельства, они могут вернуться к поддержке или участию в вооруженно-экстремистской деятельности.¹⁶⁷

Комплекс рисков и угроз, которые могли представлять ИБТ после того, как они покинули Сирию и Ирак, можно подразделить на (а) более срочные, первоочередные и (б) долгосрочные, потенциальные вызовы.

Из первоочередных вызовов отметим два основных. Во-первых, это риск прямого участия вернувшихся ИБТ в любом аспекте террористической деятельности – от планирования и подготовки терактов до прямой роли в их исполнении. Следует подчеркнуть, что со временем этот риск не снижался, а возрастал. Это и понятно: поначалу, в середине 2010-х годов, все силы, устремления и активность ИБТ были сосредоточены на территориальном «халифате» в Сирии и Ираке, а операции за пределами «халифата» не считались приоритетными ни ИБТ, ни руководством ИГИЛ. Однако постепенно, по мере ослабления «халифата», все больше ИБТ стало

¹⁶⁶ Shanahan R., Khalil L. *Foreign Fighters in Syria and Iraq: The Day After*. – Sydney: Lowy Institute for International Policy Analysis, 2016.

¹⁶⁷ Twenty-Second Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 6. P. 5–6.

возвращаться и участвовать в терактах уже дома или в третьих странах. Иностранцы-боевики-террористы участвовали в 138 из 510 терактов ИГИЛ, совершенных за пределами Сирии и Ирака вплоть до 1 ноября 2017 г., т. е. более чем в четверти (в 27%) всех атак. Показательно, что из 138 терактов с участием ИБТ лишь 51 (т. е. 37%) был совершен при участии боевиков, уже вернувшихся домой, непосредственно в странах их происхождения. Остальные 87 терактов, или почти две трети (!) всех, совершенных с участием ИБТ, были осуществлены ими не на родине, а в третьих странах.¹⁶⁸

Во-вторых, релокация ИБТ в третьи страны несла с собой угрозу усиления местных филиалов ИГИЛ, как официально признанных его «ядром», так и самопровозглашенных, прежде всего, в зонах активных и разгорающихся вооруженных конфликтов с участием вооруженных исламистов. По заключению специализированных органов ООН, главными потенциальными направлениями перетока ИБТ в такие региональные филиалы ИГИЛ за пределами Ближнего Востока были отнюдь не Европа или постсоветская Евразия, т. е. не два основных региона происхождения ИБТ, помимо ближневосточного, а Восточная и Северная Африка, Южная Азия (особенно Афганистан) и Юго-Восточная Азия.¹⁶⁹ Иными словами, это те регионы, где сложились наиболее крупные и динамичные региональные филиалы ИГИЛ, особенно в Афганистане и в Западной Африке, и где терроризм в конце 2010-х годов и так находился на подъеме, а не на спаде (как, например, в России на протяжении 2010-х годов или в Европе с 2017 г.). То, как фактор передислокации ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, повлиял на ситуацию в Афганистане, а также на восприятие этого риска евразийскими странами, включая Россию, подробно рассмотрено в разделе 4.¹⁷⁰

Противодействие этим первоочередным рискам стало серьезной проблемой – как в национальном масштабе для большинства тесно затронутых ею стран, так и на международном уровне. Конечно, антитеррористические подходы, в т. ч. к проблеме ИБТ, носят ярко выраженный контекстный характер, значительно варьируются в зависимости от страны и региона и так и должны рассматриваться – в своем национально-региональном (или сравнительном) контексте. Однако даже на основе далеко не полных данных можно сделать ряд общих наблюдений по поводу эффективности антитеррористического ответа на проблему ИБТ.

Во-первых, реакция большинства стран на эту проблему, по крайней мере, в 2016–2017 годах, была запоздалой, бессистемной и, можно сказать, расслабленной. Например, из 14910 ИБТ, уже покинувших Левант к концу 2017 г., лишь 36% были арестованы и находились в местах заключения, в то время как 46% ИБТ вернулись на родину, избежав судебного-правового преследования, и не были привлечены к какой-либо ответственности, а остальные 18% были депортированы, но не были «затребованы» своими странами или были отпущены на свободу в транзитных странах и вообще находились неизвестно где.¹⁷¹

После потери ИГИЛ контроля над обширной территорией в Сирии и Ираке на местах были задержаны тысячи предполагаемых боевиков ИГИЛ и еще большее число женщин и детей, которые могли быть связаны с ИГИЛ, в т. ч. иностранцы. Так, в сентябре 2019 г. в сирийском лагере «Аль-Холь» в районе Эль-Хасака содержались до 70000 человек (более половины из них – дети), 15% которых составляли иностранцы,

¹⁶⁸ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

¹⁶⁹ Twentieth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2253 (2015) Concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2017/573. 7 August 2017. P. 4; The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters. P. 9.

¹⁷⁰ См. раздел 4.5.3.

¹⁷¹ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

размещенные в отдельном секторе лагеря.¹⁷² Ни статус таких лиц, будь то в конфликтных зонах или в транзитных странах, ни обязательства по отношению к ним захвативших их правительственных сил и неправительственных формирований или задержавших их властей третьих стран не были определены. Своевременная передача информации о таких лицах властям страны их гражданства на двусторонней или многосторонней основе (например, через Интерпол)¹⁷³ также не была гарантирована. ООН в лице своего генерального секретаря обращала внимание на возникшие в связи с содержанием под стражей таких ИБТ и гражданских лиц многочисленные «вопросы в отношении юрисдикции, доказательств и уголовной ответственности, которые требуют безотлагательного решения, в том числе с учетом норм международного права прав человека и международного гуманитарного права».¹⁷⁴ Помимо очевидных и во многом неизбежных проблем с достоверностью данных об ИБТ в условиях вооруженных действий в Сирии и Ираке, представители государств-членов ООН регулярно отмечали сложности с идентификацией покидающих конфликтные зоны ИБТ, особенно в связи с частым использованием ими украденных или фальшивых документов или в отсутствие у них документов как таковых.¹⁷⁵

В некоторых странах происхождения и транзита ИБТ на этапе их массового оттока в Сирию и Ирак в середине 2010-х годов, а порой и вплоть до конца десятилетия, участие в террористической организации и/или в боевых действиях и террористических операциях на стороне вооруженной негосударственной организации за рубежом вообще не были криминализованы, т. е. не содержали состава преступления. Хотя постепенно, в т. ч. по мере ужесточения международных норм по противодействию ИБТ, многие страны ввели соответствующие положения в свое законодательство, эти нормы не имели обратного действия, т. е. не могли применяться ретроспективно. В ряде стран, особенно западных, где такие действия уже были криминализованы, власти не могли собрать достаточной доказательной базы для предъявления обвинения или вынесения обвинительного приговора даже тем ИБТ, по которым имелись разведанные об их участии в ИГИЛ.

В ряде стран, особенно ближневосточных и европейских, власти и силовые структуры и так уже были перегружены необходимостью отслеживать растущее число доморощенных последователей ИГИЛ и других джихадистов и предупреждать участвовавшие теракты. На этом фоне массовый характер игиловской волны ИБТ, даже когда она с потерями отхлынула назад, привел к перенапряжению правоохранительных органов, судебной системы и специальных служб, которые вынуждены были на ходу решать, какие из угроз – исходящие от местных джихадистов или от возвращающихся или транзитных ИБТ – на данный момент представляли наибольшую опасность.¹⁷⁶ В этих условиях власти ряда стран предпочитали просто не заниматься проблемой ИБТ, не выявлять своих граждан в лагерях беженцев и центрах содержания лиц, задержанных по подозрению в терроризме и сотрудничестве с ИГИЛ в Сирии и

¹⁷² European Union Terrorism Situation and Trends Report 2020. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) Report. – The Hague: Europol, 2020. P. 27 (далее: EU TESAT 2020).

¹⁷³ По информации генерального секретаря Интерпола Ю.Штока (май 2015 г.), в базе данных Интерпола по иностранным боевикам-террористам числилось всего 4000 ИБТ (т. е. не более 10% из около 40000 ИБТ только в Сирии и Ираке). Цит. по: Action Against Threat of Foreign Terrorist Fighters Must Be Ramped Up, Security Council Urges in High-Level Meeting. UN Press Release. 29 May 2015. URL: <https://www.un.org/press/en/2015/sc11912.doc.htm>.

¹⁷⁴ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 42. С. 11.

¹⁷⁵ Sixth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security.

¹⁷⁶ См., например, Vidino L. How real is the threat of returning IS fighters? // BBC. 23 October 2017.

Ираке, не принимать ИБТ из числа своих граждан, депортированных из Турции и других транзитных/третьих стран, и, напротив, активно депортировать со своей территории ИБТ и других радикальных исламистов, имевших двойное гражданство. Такое перекидывание проблемы от одной страны к другой продолжалось и на рубеже 2010-х – 2020-х годов, особенно по линии «Европа – Ближний Восток», а также внутри ближневосточного региона.

Таким образом, по крайней мере на первых стадиях обратного оттока ИБТ, их возвращения на родину или релокации в третьи страны, степень связанных с ними рисков отчасти усугублялась неадекватным и недостаточно эффективным контртеррористическим ответом на эту проблему. В то же время налицо были и объективные ограничения: для многих стран, от Великобритании до Ливии, Турции или, например, Таджикистана, возвращающиеся ИБТ были лишь одним, часто не самым важным, сегментом более широкой террористической угрозы, реагирование на которую требовало значительных ресурсов и политической решимости.

Масштаб и характер более долгосрочных рисков и вызовов, связанных с потенциальной ролью вернувшихся или переместившихся в третьи страны ИБТ в идеологической радикализации, практической подготовке и вербовке экстремистов станет проясняться лишь спустя несколько лет после спада данной джихадистской волны. К началу 2020-х годов данных по такой активности в международном и сравнительном масштабе было недостаточно для того, чтобы делать какие-либо внятные выводы, а тем более широкие обобщения. Однако уже на этом этапе для большинства специалистов, вне зависимости от конкретной страны и региона мира, было, например, ясно, что даже тюремное заключение, в т. ч. длительное, не снимает этих связанных с ИБТ рисков и что оно может не только и не столько нейтрализовать соответствующие угрозы, сколько на время их отсрочить.¹⁷⁷

Среди иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке численно преобладали джихадисты, приехавшие из районов конфликтов, радикальных общин и иных зон напряженности в странах Ближнего Востока и Северной Африки (региона происхождения большинства ИБТ) и других мусульманских странах, а также из стран Азии и Евразии, включая Россию, имеющих крупные коренные мусульманские меньшинства и историю периферийных конфликтов исламистко-сепаратистского толка. В совокупности такие боевики не только преобладали численно, но и пользовались бóльшим спросом на поле боя, так как многие имели опыт вооруженной, в т. ч. диверсионно-террористической, активности в своих странах и регионах еще до вступления в ИГИЛ и прибытия в «халифат».

Однако именно приток ИБТ с Запада, в основном из Европы, сыграл для ИГИЛ наиболее заметную роль в идеологическом и медийно-пропагандистском смысле, а в придании «халифату» глобального характера эта роль была поистине незаменимой. Поэтому сравнительный региональный обзор основной специфики, контекстов и тенденций в динамике потоков иностранных боевиков-террористов, отправившихся воевать за ИГИЛ, логично начать именно с ИБТ из Европы, хотя они и не стали наиболее многочисленной категорией, составив лишь от одной пятой до одной четверти всех ИБТ в Сирии и Ираке.

¹⁷⁷ The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters. P. 14.

3.2. ИБТ из Европы

В 2010-е годы Европа стала одним из трех основных регионов происхождения ИБТ в Сирии и Ираке. При этом феномен европейских ИБТ отличал следующий парадокс.

По абсолютной численности ИБТ из стран Европы уступали соответствующим потокам с Ближнего Востока / из Северной Африки и из постсоветской Евразии, что, казалось бы, неудивительно для немусульманского региона. Европейские ИБТ уезжали в Сирию и Ирак не из зон острых социально-политических кризисов (разгоревшихся, например, на Ближнем Востоке в контексте и после событий «арабской весны») и не из районов вооруженных конфликтов, как многие ближневосточные, российские и азиатские ИБТ, а из стабильных постиндустриальных стран с развитой демократией и высоким уровнем социально-экономического развития. Несмотря на это, европейские ИБТ зачастую происходили из даже более экстремистски заряженной и наэлектризованной среды, их доля от численности мусульманского населения своих стран была значительно выше, чем для других стран исхода (см. *Рис. 5* в разделе 3.1), а сами они радикализировались быстрее, чем их сверстники-ИБТ в других регионах мира. Несмотря на более слабую подготовку и минимальные или отсутствующие навыки ведения боевых и террористических действий у большинства прибывавших в Сирию и Ирак европейских ИБТ, в информационно-пропагандистском и идеологическом смысле и в плане выхода самопровозглашенного «халифата» на глобальный уровень они сыграли для ИГИЛ даже бóльшую роль, чем более многочисленные потоки ИБТ из других регионов.

При всей важности роли самого ИГИЛ как магнита и катализатора самых масштабных в истории потоков ИБТ джихадистского толка, в т. ч. из Европы, этот парадокс, в первую очередь, связан с региональной спецификой и особенностями исламистской радикализации в самой Европе и проявлениями транснационального движения «глобального джихада» в европейских странах. В течение предыдущих десятилетий в странах Западной/Центральной Европы, где практически не было коренного мусульманского населения, за относительно короткий исторический период сформировались крупные и быстро растущие мигрантские мусульманские общины и диаспоры. Для них был характерен разный уровень интеграции в принимающее общество, но при этом – не снижающийся, а растущий от первого ко второму, а порой даже третьему поколению мигрантов удельный вес ретрадиционализирующихся и реисламизирующихся сегментов, ставших питательной средой для исламистской радикализации за годы до ИГИЛ.¹⁷⁸

ИБТ из западных стран стали появляться в конфликтных зонах в сколько-нибудь заметном количестве еще со времен антисоветского джихада в Афганистане 1980-х годов. При этом в самой Европе вплоть до конца XX века исламистский терроризм оставался редкостью и в основном был связан с переносом беженцами-радикалами из ближневосточных стран своих конфликтов и междоусобиц на европейскую почву. Однако уже в 1980-е годы в Европе появилась зачаточная транснациональная джихадистская инфраструктура: от радикальных мечетей и молельных центров, идеологов и религиозных авторитетов до «фиксеров» (посредников-«решальщиков»), логистических узлов и каналов. Новый этап развития транснациональных джихадистских сетей в Европе знаменовала та важная роль, которую европейские

¹⁷⁸ Подробнее см. Stepanova E. Islamist terrorism as a threat to Europe: the scope and limits of the challenge // *Political Violence, Organized Crime, Terrorism and Youth*. Ed. M.D.Ulusoy. – Amsterdam: IOS Press, 2008. P. 141–158; Stepanova E. Radicalization of Muslim Immigrants in Europe and Russia: Beyond Terrorism // *PONARS Eurasia Policy Conference*, 12 September 2008. – Washington D.C.: Georgetown University Eurasia Strategy Project, 2008. P. 111–115.

ячейки сыграли в «аль-Каиде», в т. ч. в планировании и подготовке серии терактов 11 сентября 2001 г. в США.¹⁷⁹ В условиях развернувшейся после терактов 11 сентября международной «войны с терроризмом» эволюция «аль-Каиды» пошла по пути децентрализации, которая в разных регионах приняла разные формы. Если в мусульманских регионах основным центром тяжести транснационального джихадизма стали региональные филиалы или движения, в основном в зонах вооруженных конфликтов, то на Западе возобладала иная тенденция, которую можно обозначить как *сетевую фрагментацию* «глобального джихада».

Отчетливый импульс к децентрализации «сверху», со стороны идеологов «глобального джихада» начала XX века (например, Абу Мусаба ас-Сури, проповедовавшего переход к «джихаду отдельных ячеек»),¹⁸⁰ в европейских условиях наложился на обостренное социальное недовольство, отчужденность и растущий интерес к религиозному радикализму «снизу» – со стороны начавших расти, как раковые клетки, и быстро радикализировавшихся мелких, автономных, доморощенных исламистских ячеек из числа мусульманских мигрантов, в основном второго и последующих поколений. Несмотря на локальное происхождение этих ячеек и, как правило, их самогенерацию, они еще до ИГИЛ вдохновлялись идеями «глобального джихада», жадно поглощали его пропаганду через современные каналы распространения информации и активно связывались и самоорганизовывались с использованием новейших средств коммуникации. Но главное, они уже изначально рассматривали себя как условную часть более широкого транснационального движения, даже если не были его сетевыми агентами в прямом смысле слова и не имели прямых личных контактов с вербовщиками, проповедниками или ветеранами джихада (а некоторые лидеры и члены таких мини-ячеек такие контакты имели).¹⁸¹ В 2010-е годы эти две тенденции – одна «сверху», другая «снизу» – окончательно сошлись в Европе в форме феномена нарастающего движения европейских ИБТ в Сирию и Ирак. После провозглашения ИГИЛ «халифата» это движение приобрело массовый характер. Таким образом, сетевая фрагментация джихадистского движения на Западе сформировала взаимодополняемый симбиоз с внутренней эволюцией ИГИЛ на Ближнем Востоке в сторону «глобального халифата».

Масштаб, тенденции, география. По данным европейских исследователей, принятым за основу экспертами ЕС, в 2016 г. число граждан стран-членов ЕС, уехавших в Сирию и Ирак с 2011 г., составляло 3922–4294 человек. Основная их масса (2838 человек) была выходцами всего из четырех европейских государств – Бельгии (которая лидировала и по числу ИБТ на душу населения), Франции, ФРГ и

¹⁷⁹ Наиболее яркий пример – ячейка радикальных исламистов, сформировавшаяся в 1990-е годы в Гамбурге (ФРГ) и привлеченная лидером «аль-Каиды» Усамой бен Ладеном и организатором ряда ее предыдущих терактов Халидом Шейхом Мохаммедом к подготовке и осуществлению терактов 11 сентября 2001 г. Членом гамбургской ячейки был, в частности, Мухаммед Атта – террорист, который пилотировал один из четырех захваченных самолетов и осуществил таран северной башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

¹⁸⁰ Al-Suri A.M. The Call to Global Islamic Resistance. CENTRA Technology, Inc.; trans. from Arabic. – Washington D.C.: DCIA Counterterrorism Center, Office of Terrorism Analysis, 2004. P. 1367–1368. На Западе эту концепцию хорошо передает понятие «безлидерного джихада», введенное Марком Сэдджманом в его книге под тем же названием: Sageman M. Leaderless Jihad: Understanding Terror Networks in the Twenty-First Century. – Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008.

¹⁸¹ Подробнее см. Stepanova E. The evolution of the al-Qaeda-type terrorism: networks and beyond // Dynamics of Political Violence: A Process-Oriented Perspective on Radicalization and the Escalation of Political Conflict. Eds. L.Bossi, C.Demetriou, S.Malthaner. – Farnham, VA: Ashgate, 2014. P. 288–305; Stepanova E. Transnational Islamist terrorism: network fragmentation and bottom-up regionalization // Global Terrorism Index 2014. P. 74–78.

Великобритании.¹⁸² С тех пор их численность возросла, хотя и не очень сильно. По данным ООН на июль 2019 г., из Европы в зоны конфликтов в Ираке и Сирии выехало 5000–6000 ИБТ. Из них 75% присоединились к ИГИЛ, а остальные – к другим группировкам.¹⁸³ Есть и более высокие оценки численности ИБТ из числа граждан ЕС: например, согласно Глобальному индексу терроризма, за период с 2013 г. по июнь 2018 г. в Сирию и Ирак уехали до 10 тысяч европейцев.¹⁸⁴ Хотя такие оценки включают не только самих ИБТ, но и членов их семей и других переселенцев, они представляются завышенными. Тем не менее даже умеренные оценки численности и доли ИБТ из Европы в Сирии и Ираке в 2010-е годы (около 15% всех ИБТ) более чем в три раза превышают их число и почти втрое – долю в зоне затяжного конфликта в Афганистане в 1980-е годы, в рамках предыдущей крупнейшей мобилизации иностранных джихадистов. За весь период с конца 1970-х до начала 1990-х годов включительно в Афганистане европейские ИБТ составили лишь 1500 из 25000,¹⁸⁵ или не более 6%.

Приток европейских ИБТ в Сирию и Ирак в 2010-е годы носил сравнительно масштабный, но нелинейный характер. С учетом последующего оттока движение ИБТ из Европы напоминало, скорее, колоколообразную гауссову кривую с ярко выраженным пиком («колоколом»). В притоке ИБТ можно выделить два этапа: в первой половине 2010-х годов он постепенно нарастал, а в середине десятилетия, особенно после провозглашения «халифата» летом 2014 г., пережил резкий рост, который, однако, носил краткосрочный характер. Транзитные пути в Сирию/Ирак и обратно на протяжении десятилетия кардинально не менялись. Главным транзитным коридором для европейских (и не только) ИБТ оставалась соседняя с Сирией Турция, хотя во второй половине 2010-х турецкие силовики постепенно стали «закручивать гайки» в сфере пограничного и правоохранительного контроля, что затруднило для иностранных боевиков и переселенцев путь в ИГИЛ и обратно через турецко-сирийскую границу. В самой Европе страны Западных Балкан, а также такие восточноевропейские страны-члены ЕС, как Болгария, Румыния и Венгрия, также активно использовались ИБТ из Западной и Центральной Европы в качестве транзитных стран.

Для европейских ИБТ, как и для остальных радикалов-мусульман в Европе (в основном граждан стран ЕС – потомков мигрантов, а также некоторого числа натурализованных и ненатурализованных мигрантов первого поколения и еще меньшего числа новообращенцев в ислам из числа коренных европейцев)¹⁸⁶ идеологическая радикализация и пропаганда «сверху», на макроуровне, в глобальном онлайн-пространстве, но адаптированная к условиям мирного времени и постиндустриального общества, накладывалась на ряд социальных, социокультурных и социально-политических факторов радикализации «снизу», на микроуровне. Недовольство социально-экономической маргинализацией, особенно в ряде

¹⁸² The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union. P. 3; The Return of Foreign Fighters to the EU Soil. European Parliament Research Service (EPRS), Ex-Post Evaluation Unit. PE 621.811. May 2018. – Brussels: EPRS, 2018. P. 5.

¹⁸³ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. Para. 29. P. 7–8; Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 48. P. 13.

¹⁸⁴ Global Terrorism Index 2018. P. 63. Оценка численности ИБТ произведена совместно Институтом экономики и мира (Австралия), издающим Глобальный индекс терроризма, и Международным центром по исследованию радикализации (Великобритания).

¹⁸⁵ Malet D. The European experience with foreign fighters and returnees // Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them? P. 9. Table 1.

¹⁸⁶ В среднем для стран ЕС новообращенцы в ислам составляли около 14% от общего числа ИБТ. European Union Terrorism Situation and Trends Report 2019. – The Hague: Europol, 2019. P. 40 (далее: EU TESAT 2019); The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union. P. 4.

мусульманских гетто в городских и пригородных районах, усугублялось обостренным восприятием внутри- и внешнеполитических действий властей, воспринимаемых как «антимусульманские», и социокультурным и этическим неприятием доминирующих в этих обществах норм и порядков. При этом для той части (хотя и далеко не большинства) радикализирующихся исламистов в Европе, которую составляли как раз неплохо интегрированные мусульмане – граждане ЕС второго-третьего поколения, речь шла о недовольстве не столько собственным социальным положением и статусом, сколько положением масс единоверцев-земляков по отношению к инокультурным коренным европейским обществам. Этому «обездоленному» положению легко, в т. ч. с помощью джихадистской пропаганды, находились аналоги на международном уровне в виде многочисленных примеров «угнетения» и прямого «уничтожения» мусульман в результате политики западных стран. Этот сложный комплекс факторов радикализации (которые могли по-разному комбинироваться для каждой из мини-ячеек, мигрантских гетто и в иных контекстах) объясняет, почему две наиболее явно выраженные черты, характеризующие европейских ИБТ, представляли собой сочетание, казалось бы, несочетаемого.

С одной стороны, по сравнению с боевиками-террористами из других стран и регионов, налицо была *более высокая степень радикализации* европейских ИБТ. В идеологическом смысле она проявлялась в виде особого значения для них именно глобального посыла и имиджа ИГИЛ, а в социально-психологическом плане – в виде их подчеркнутого увлечения символической составляющей ИГИЛ и остро эмоционального, своеобразно понимаемого религиозно-этического императива. К этому можно добавить ускоренную радикализацию европейских ИБТ, которая часто происходила в составе небольшой группы близких друзей,¹⁸⁷ динамичный, сетевой характер их циркуляции и особенно активное использование ими современных средств информации и коммуникации. При этом чисто социальных и/или технических (технологических) факторов совершенно недостаточно для того, чтобы объяснить поток европейских ИБТ на Ближний Восток как направленное сетевое движение. Главным связующим клеем этого движения была именно идеология «глобального джихада», а с 2014 г. его катализатором стал живой пример «халифата здесь и сейчас» как «земли обетованной» уже в этой жизни.

С другой стороны, несмотря на отсутствие у европейских ИБТ какого-то единого, четкого социального профиля (кроме того, что среди них, как и везде, доминировали мужчины¹⁸⁸ и выходцы из городов и пригородов, часто из одних и тех же районов),¹⁸⁹ их важной особенностью стала *более высокая степень криминализации*, по сравнению с ИБТ из других регионов, включая Ближний Восток. В западноевропейских странах от 40 до 60% ИБТ имели тот или иной криминальный опыт, в основном опыт участия в мелких преступлениях и уличных бандах.¹⁹⁰ В Бельгии 86% ИБТ ранее задерживались или подозревались властями в совершении экономических преступлений, от краж до

¹⁸⁷ The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union. P. 4, 62.

¹⁸⁸ Женщины в среднем составляли 17% ИБТ из стран ЕС, что сравнимо с другими регионами. Наибольшее число и доля женщин среди ИБТ наблюдалась во Франции, где они составили 33% из 1324 ИБТ, уехавших в 2012–2018 годах. EU TESAT 2019. P. 40. Спецификой притока ИБТ из Европы в Сирию и Ирак был более высокий процент женщин, которые не просто ограничивались ролью жен и матерей, а оказывали содействие или напрямую участвовали в деятельности, связанной с вооруженным насилием. EU TESAT 2020. P. 44.

¹⁸⁹ EU TESAT 2020. P. 44. Примеры городских агломераций с крупными мусульманскими общинами, на которые пришлось значительное число ИБТ из соответствующих стран: Орхус, некоторые районы Копенгагена, Оденсе в Дании, Гётеборг в Швеции, ряд районов Брюсселя и Антверпена в Бельгии, Делфт, Арнем, Зутермер, Гауда и Гаага в Нидерландах.

¹⁹⁰ Global Terrorism Index 2018. P. 5.

торговли наркотиками, а, например, в Швеции, ИБТ составляли до половины всех джихадистов, осужденных за преступления с применением насилия.¹⁹¹

Хотя, на первый взгляд, сильно эмоционально окрашенная идейность плохо сочетается с (полу)криминальной неустроенностью если не лидеров, то многих рядовых ИБТ, европейский пример показывает обратное. В странах ЕС эти две тенденции сформировали симбиоз, в силу указанного выше взаимодействия факторов радикализации на макро- и микроуровне. Наиболее точно эту специфику суммировал представитель контртеррористического подразделения федеральной полиции Бельгии в Брюсселе, Алэн Гриньярд, который предложил называть новое поколение европейских джихадистов, включая ИБТ, не столько «радикальными исламистами», сколько «исламизированными радикалами».¹⁹²

То, что анализ притока в ИГИЛ иностранных боевиков-террористов из западных стран в основном ограничен европейскими ИБТ, не случайно. Дело в том, что, на фоне массового, третьего по масштабу потока ИБТ в Сирию и Ирак из стран ЕС, насчитывавшего тысячи человек, число ИБТ из Северной Америки, прежде всего, из США, исчислялось десятками, т. е. было очень небольшим, если не сказать минимальным. К октябрю 2015 г. лишь 21 гражданину США удалось вступить в ряды ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры» (включая шестерых, к тому времени уже вернувшихся домой).¹⁹³ По более поздним и полным данным, с 2011 г. из США в зоны конфликтов в Ираке и Сирии уехали лишь 64 человека, из которых более 80% вступили в ИГИЛ.¹⁹⁴ Дело здесь не только в значительной географической удаленности от этих конфликтных зон и транспортно-логистических проблемах для потенциальных североамериканских ИБТ, но и в существенной специфике процессов радикализации в США, которая часто недооценивается. До половины мусульманского населения США составляют афроамериканцы (т. е. американцы во многих поколениях). Если среди них и наблюдается радикализация и есть радикалы, то в основном по расовым и общегражданским, а не религиозным мотивам. Среди американских мусульман также гораздо меньше выходцев с Ближнего Востока, чем в мусульманских общинах Европы. В целом мусульманское население США более секуляризовано, лучше интегрировано в американское общество, в среднем имеет более высокий уровень доходов, и его отличает более низкая степень радикализации, чем мусульман в странах Западной Европы.

Это не значит, что ИГИЛ не поставило Вашингтон перед другими вызовами. Как указывалось выше (см. раздел 2), именно интервенция США в Ираке в 2003 г., последующая американская оккупация Ирака и эскалация вооруженного сопротивления со стороны быстро радикализирующейся части иракских суннитов запустили динамику, которая в итоге привела к образованию «Исламского государства в Ираке» – предтечи ИГИЛ. Однако эта цепь событий имела контрпродуктивный эффект и для самих США. После провозглашения «халифата» во второй половине 2010-х годов ИГИЛ стало для США главной транснациональной террористической угрозой. Она особенно сильно проявилась в двух видах. ИГИЛ, во-первых, превратилось в мощный катализатор дестабилизации на Ближнем Востоке, способным

¹⁹¹ EU TESAT 2020. P. 21.

¹⁹² Цит. по: Cruikshank P. A view from the CT foxhole: an interview with Alain Grignard, Brussels Federal Police // CTC Sentinel. V. 8. No. 14. 2015. P. 7–8.

¹⁹³ По данным на сентябрь 2015 г., еще 43 американца намеревались или пытались доехать до Сирии и Ирака, но безуспешно. James P., Jensen M., Tinsley H. Understanding the Threat: What Data Tell Us about U.S. Foreign Fighters. START Analytical Brief. – College Park (Maryland): University of Maryland, 2015. P. 2.

¹⁹⁴ Еще более 50 потенциальным ИБТ из США не удалось достичь Сирии и Ирака. Meleagrou-Hitchens A., Hughes S., Clifford B. The Travellers: American Jihadists in Syria and Iraq. – Washington D.C.: The George Washington University Program on Extremism, 2018. P. 1.

одновременно поставить под вопрос жизнеспособность Ирака (американского клиента), вытеснить и затмить проамериканскую часть вооруженной оппозиции режиму Б.Асада в Сирии и эффективно противостоять другим проамериканским силам (например, курдам) в этой стране. Во-вторых, ИГИЛ стало проводником идеологии и источником пропаганды «глобального джихада», способствующим радикализации все большего числа доморощенных мини-ячеек и террористов-одиночек в самих США.¹⁹⁵

Возвращение ИБТ в Европу. Уже с 2016 г. приток ИБТ из Европы в Сирию и Ирак начал спадать, а к 2019 г. он практически сошел на нет.¹⁹⁶ На тот момент число ИБТ и переселенцев – граждан ЕС, все еще остававшихся в конфликтных зонах в Сирии и Ираке, оценивалось Европоллом менее чем в 2000 человек, причем половину из них составляли только французы (710 человек, половину которых, в свою очередь, составляли женщины и дети ИБТ) и британцы (345 человек).¹⁹⁷ Более тысячи европейских ИБТ к тому времени считались убитыми.¹⁹⁸

Если динамика притока ИБТ в Сирию и Ирак напоминала колоколообразную кривую, то их отток из региона носил волнообразный характер. Основных волны оттока было две. Первая пришлась на 2013 г. – начало 2014 г., т. е. еще на период до провозглашения «халифата». Пик второй, более масштабной волны, пришелся на 2015 год, т. е. еще на период расцвета «халифата», а с 2016 г. процесс возвращения ИБТ в Европу замедлился и начал сокращаться, вопреки мнению многих наблюдателей, которые прогнозировали его чуть ли не лавинообразный рост с ослаблением ИГИЛ. Одна из причин сокращения оттока ИБТ состояла в том, что с 2016 г. постепенно стало все труднее не только уехать в Сирию и Ирак, но и вернуться оттуда. Речь шла уже не только о трудностях с пересечением границ из-за усиления пограничного контроля, в т. ч. в основных транзитных странах, но и зачастую об отсутствии физической возможности выбраться из зон все более активных боевых действий внутри Сирии и Ирака. В 2019–2020 годах возможностей добраться до Европы самостоятельно, т. е. не будучи задержанным и принудительно депортированным, у европейских ИБТ практически не осталось. По мере развала центрального ядра ИГИЛ у иностранных боевиков-террористов все хуже становилось и со средствами: Европол отмечал постоянные попытки оставшихся в Сирии и Ираке ИБТ заручиться финансовой поддержкой у себя на родине для покрытия расходов на жизнь и на организацию возвращения домой.¹⁹⁹

Несмотря на это, уже в конце 2017 г. число вернувшихся домой ИБТ из Европы (около 1500 человек) превышало число европейских ИБТ, убитых в Сирии и Ираке (1000).²⁰⁰ В целом для европейских ИБТ был характерен *самый высокий процент вернувшихся* на родину: в 2014–2017 годах он в среднем составил 22–24%,²⁰¹ а по данным за весь период с начала 2010-х годов, достиг 30%.²⁰² Примерно так же долю вернувшихся ИБТ оценивают и другие источники вне зависимости от того, как они оценивают общее число европейских ИБТ. По данным Глобального индекса терроризма, к 2018 г. в Европу вернулось чуть более 3000 из 10000 ИБТ и

¹⁹⁵ Подробнее см. Степанова Е., Крагин К. Борьба с терроризмом // Дорожная карта российско-американских отношений. – М.: Российский совет по международным делам (РСМД), 2017. С. 96–105.

¹⁹⁶ EU TESAT 2020. P. 44.

¹⁹⁷ EU TESAT 2019. P. 40.

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ EU TESAT 2020. P. 22.

²⁰⁰ European Union Terrorism Situation and Trends Report 2018. – The Hague: Europol, 2018. P. 26 (далее: EU TESAT 2018); Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them? P. 3, 71.

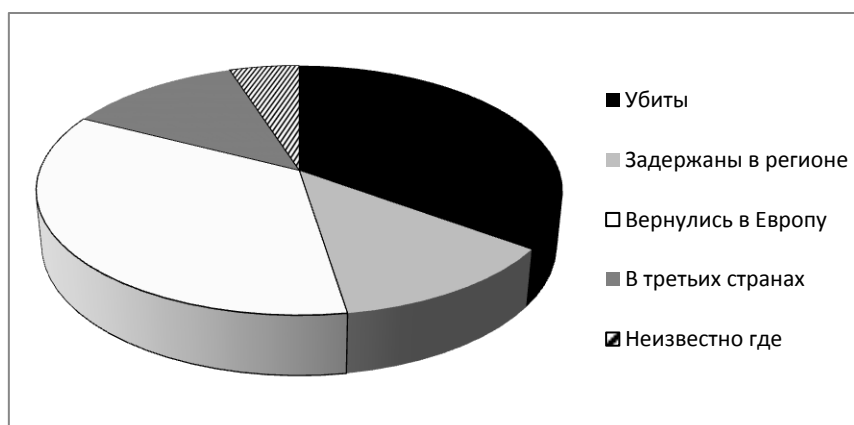
²⁰¹ The Return of Foreign Fighters to the EU Soil. P. 31–32.

²⁰² Ibid. P. 5; Meines M., Molenkamp M., Ranstorp M. Op. cit. P. 15.

переселенцев, т. е. те же 30%, или почти треть, всех уехавших²⁰³ (хотя и не все они вернулись в ту же европейскую страну, откуда уехали). По данным Европола, с начала вооруженного конфликта в Сирии по 2018 г. больше всего ИБТ вернулось в Великобританию (45%) и ФРГ (33%), от 20% до 30% ИБТ вернулись в Австрию, Бельгию, Финляндию, Францию и Италию и около 18% – в Нидерланды и Испанию.²⁰⁴

По данным ООН на июль 2019 г., из 5000–6000 европейских ИБТ 30–40% были убиты, 10–15% задержаны на территории Сирии и Ирака, 10–15% передислоцировались в другие регионы и 30–40% могли вернуться в Европу; при этом местонахождение и судьба многих оставались неизвестными (см. Рис. 6).²⁰⁵ Если брать средние числовые и процентные значения, то получится, что к середине 2019 г. в Европу вернулось чуть более 1900 боевиков-террористов, прошедших Сирию и Ирак (или 35% от 5500 европейских ИБТ).

Рис. 6. Судьба европейских ИБТ
(% от числа ИБТ из стран ЕС, уехавших в Сирию и Ирак), июль 2019 г.

Источник данных: Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. UN Doc. S/2019/570, 15 July 2019. Para. 48. P. 13.

Примечание: указаны средние процентные значения.

В качестве основных правоохранных и контртеррористических методов работы с выявленными ИБТ, вернувшимися из Сирии и Ирака, власти европейских стран использовали разного рода проверки и мониторинг, а также судебное-правовое преследование.

Однако, во-первых, уголовное и даже административное преследование коснулось далеко не всех, а в некоторых странах – и вовсе меньшинство вернувшихся ИБТ. В качестве наглядного примера можно привести Великобританию как страну происхождения значительного числа ИБТ (куда к тому же, среди всех стран ЕС, к концу 2010-х годов из Сирии и Ирака вернулась наибольшая доля боевиков-террористов), а также как одну из европейских стран, по которым доступна достаточно подробная статистика. В середине 2016 г., по информации палаты лордов и спикера британского министерства внутренних дел лорда Р.С.Кина, отвечавшего на ее парламентский запрос, в Великобритании насчитывалось около 350 ИБТ, вернувшихся

²⁰³ Global Terrorism Index 2018. P. 63.

²⁰⁴ EU TESAT 2019. P. 42.

²⁰⁵ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 29. P. 7–8; Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para 48. P. 13.

из Сирии и Ирака, но до суда было доведено лишь 35 дел, в результате чего было осуждено лишь 54 человек, т. е. только каждый шестой. С учетом еще 13 дел, находившихся в производстве, по которым в качестве обвиняемых выступало еще 30 человек, в целом судебнo-правовому преследованию подверглась лишь четверть (24%) вернувшихся джихадистов.²⁰⁶ К концу 2017 г., по информации директора британской контрразведки «МИ-5» Э.Паркера, из 800 британских ИБТ, уехавших в Сирию и Ирак с 2012 г., более 130 было убито, а около 400 (т. е. половина) уже вернулись домой,²⁰⁷ причем четверть вернувшихся были принудительно депортированы в Великобританию Турцией.²⁰⁸ По более поздним и полным данным, к середине 2020 г. из 900 британских ИБТ вернулись около 40% (360 человек), большинство из которых британские власти не сочли источником каких-либо угроз или посчитали представлявшими низкий риск.²⁰⁹ Такой слабый уровень уголовного преследования вернувшихся на родину ИБТ, большинство которых считалось неопасными, сохранялся в Великобритании и в последующие годы и характерен не только для нее, но и для многих стран ЕС. Он сильно контрастировал, например, с несравнимо более жестким судебнo-правовым преследованием ИБТ, вернувшихся в Россию и другие страны Евразии и Азии.²¹⁰ Еще один довольно распространенный в европейских странах вариант «простого решения» проблемы ИБТ – это лишение гражданства ИБТ с двойным гражданством и их последующая депортация на вторую родину. В этом направлении Великобритания также пошла дальше всех, законодательно разрешив лишать британского гражданства даже тех ИБТ – натурализованных британских граждан, которые отказались от второго гражданства или потеряли его, таким образом превращая их в лиц без гражданства.²¹¹

Во-вторых, серьезной проблемой для Европы были и остаются радикализация в тюрьмах и неоднократные рецидивы экстремизма со стороны (недо)отсидевших по террористическим статьям уже после их выхода из мест заключения.²¹² В числе таких примеров: нападение на церковь и убийство священника и одного из заложников в пригороде Руана (Франция) в июле 2016 г., атака на персонал в специально выделенном для заключенным по делам об экстремизме отсеке тюрьмы в Осни под Парижем в сентябре 2016 г., нападение на прохожих с ножом на Лондонском мосту в центре британской столицы в ноябре 2019 г., совершенное британцем пакистанского происхождения У.Ханом, находившимся на условно-досрочном освобождении и, по иронии, допущенного к приезду в Лондон в этот день именно для участия в конференции по дерадикализации (!) террористов. На этом фоне приговор и отбывание срока частью вернувшихся или потенциальных ИБТ, чья причастность к террористическим преступлениям доказана в европейских судах, совершенно не равносильны нейтрализации исходящих от них угроз. В некоторых случаях отбывание срока лишь откладывает эти угрозы на время этого срока или до досрочного

²⁰⁶ Terrorism: British Nationals Abroad. Written Question HL8065. Asked on 28 April 2016, answered on 11 May 2016. URL: <https://www.parliament.uk/business/publications/written-questions-answers-statements/written-question/Lords/2016-04-28/HL8065>.

²⁰⁷ Цит. по: Corera G. MI5 boss Andrew Parker warns of 'intense' terror threat // BBC News. 17 October 2017.

²⁰⁸ Cragin K. Foreign fighter "hot potato".

²⁰⁹ Counter-Daesh Update. Statement by the Secretary of State for Defence Ben Wallace. House of Commons Hansard. V. 678. 22 July 2020. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2020-07-22/debates/1A7E55CB-3AAC-4CDA-B62C-AE7C1B129A5E/Counter-DaeshUpdate>.

²¹⁰ См. Раздел 4.6.1.

²¹¹ Подробнее см. Arnell P. The legality of the citizenship deprivation of UK foreign fighters // ERA Forum: Journal of the Academy of European Law. 25 June 2020. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12027-020-00615-9.pdf>.

²¹² Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 28. С. 7.

освобождения, т. е. не гарантирует отказа ИБТ от экстремизма, в т. ч. вооруженного, после выхода из тюрьмы. Примером может служить теракт в Вене 2 ноября 2020 г. (четверо убитых, 22 раненых), который совершил родившийся в Австрии исламист македонского происхождения К.Фейзулай. В 2019 г. он был осужден почти на два года за попытку примкнуть к ИГИЛ в Сирии, но был досрочно выпущен из тюрьмы по истечении восьми месяцев, после «успешного» прохождения им программы дерадикализации.²¹³

Более того, особо авторитетный среди радикальных исламистов статус ИБТ повышает их возможности по радикализации и вербовке новых джихадистов из числа заключенных, а для европейских джихадистов это один из наиболее типичных и накатанных путей радикализации. По оценке Европола, пропорционально росту числа вернувшихся и осужденных ИБТ росли и угроза и масштаб радикализации в местах заключения, а уже первые случаи выхода из тюрьмы бывших ИБТ, отсидевших свои сроки, могут заметно сказаться на состоянии (около)джихадистской среды в европейских странах.²¹⁴ Первые из осужденных европейских ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, вышли на свободу уже в 2020 г.,²¹⁵ хотя наиболее опасные из числа вернувшихся, с наибольшим опытом боевой и террористической деятельности, особенно в ИГИЛ, получили длительные сроки.²¹⁶

При этом большинство европейских стран пытались сочетать репрессивные и контрразведывательные меры с более мягкими методами в отношении вернувшихся ИБТ, прежде всего, с программами их дерадикализации, социально-психологической реабилитации и реинтеграции в нормальную мирную жизнь. Эти меры направлены на тех вернувшихся ИБТ, которые «разочаровались в практике ведения террористической борьбы и в жизни при ИГИЛ, но по-прежнему придерживаются экстремистских взглядов» (по оценкам ООН, именно к этой категории принадлежат большинство вернувшихся).²¹⁷ Несмотря на отдельные примеры относительно успешных экспериментов в этой области (например, программы работы с ИБТ в датском г. Орхусе), в ряде стран они провалились или были отменены (например, французский план создания 12 центров дерадикализации в разных районах страны). В целом в конце 2010-х годов программы дерадикализации были недостаточно эффективны.²¹⁸

Проблема неучтенных и пропавших без вести ИБТ. Если в отношении боевиков-террористов и членов их семей, вернувшихся в европейские страны, ведется хоть какой-то учет и есть хоть какая-то ясность, то часть ИБТ из стран ЕС оставалась неучтенной и находилась неизвестно где. Например, по информации министра внутренних дел Великобритании Б.Уолласа, в начале 2018 г. британским властям было неизвестно местоположение до половины всех ИБТ британского происхождения.²¹⁹ Основных вариантов того, что с ними могло произойти, четыре.

Во-первых, часть ИБТ пропала без вести в самих конфликтных зонах в Сирии и Ираке. Среди них могли быть убитые, раненые, скрывавшиеся или продолжавшие вооруженную борьбу, но они не были выявлены и идентифицированы.

²¹³ Siffert J. Terror in Wien: Was wir wissen - und was nicht // Kurier. 3 November 2020. URL: <https://kurier.at/chronik/oesterreich/anschlag-in-wien-was-wir-wissen-und-was-nicht/401085240>.

²¹⁴ EU TESAT 2020. P. 45.

²¹⁵ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 47. P. 13.

²¹⁶ Ibid. Para. 49. P. 14.

²¹⁷ Ibid. Para 49. P. 14; Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 30. С. 8.

²¹⁸ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. Там же.

²¹⁹ Цит. по: Rayner G. Half of UK's Isil jhadists unaccounted for, minister admits // The Daily Telegraph. 6 January 2018.

Во-вторых, часть ИБТ и примкнувших к ним гражданских лиц из числа иностранцев (членов семей, гражданских специалистов) были задержаны в конфликтных зонах – курдскими вооруженными формированиями, а также иракскими и сирийскими властями. Например, из 12000 сторонников ИГИЛ, захваченных в плен курдскими Сирийскими демократическими силами в районе г. Бадгуза (последнего оплота ИГИЛ в Сирии), 800 были европейцами, хотя и не все из них – гражданами стран ЕС.²²⁰ По оценке Европола, вывод американских сил с большей части занятых ими районов Сирии, а также интервенции турецких вооруженных сил и их столкновения с сирийскими курдами еще больше затруднили выявление и мониторинг задержанных в регионе ИБТ. К середине 2019 г. в лагерях временного содержания и местах заключения в Сирии и Ираке находились не менее 430 взрослых ИБТ из стран ЕС и около 700 их детей²²¹ (хотя эта информация носит далеко не полный характер и не включает данные по числу европейских ИБТ, задержанных в транзитных странах, прежде всего, в Турции). К концу десятилетия даже Европол не располагал подтвержденной информацией об общем числе ИБТ из стран ЕС, задержанных в Ираке, Сирии и Турции.²²²

В-третьих, ряду ИБТ удалось беспрепятственно перебраться в третьи страны или осесть в транзитных странах, включая ту же Турцию.²²³

В-четвертых, какому-то числу европейских ИБТ удалось вернуться в Европу нелегально и незамеченными, с помощью фальшивых документов или в русле массовых потоков мигрантов и беженцев.²²⁴ Однако на протяжении второй половины 2010-х годов полицейские службы стран ЕС не выявили признаков систематического использования ИГИЛ и иными террористическими организациями потоков нелегальных или нерегулярных мигрантов на территорию Европейского Союза. Это не исключало использования боевиками-террористами, возвращающимися под видом беженцев, как и большинством таких мигрантов, криминальных посредников, мотивированных исключительно наживой.²²⁵

Угрозы со стороны ИБТ во внутриевропейском контексте. Вернувшиеся из Сирии и Ирака джихадисты и члены их семей (а также те радикалы, которые пытались, часто неоднократно, уехать в «халифат», но не смогли этого сделать) останутся проблемой безопасности для стран ЕС на годы вперед. При этом речь идет не только о прямой угрозе участия ИБТ в террористической деятельности по возвращении домой или в третьи страны в рамках ЕС. Хотя, например, за три года после провозглашения «халифата» (июнь 2014 г. – июнь 2017 г.) ИБТ составили лишь 18% всех исполнителей исламистских терактов на Западе, теракты с их участием были в пять раз смертоноснее остальных: на один такой теракт в среднем приходилось 35 жертв убитыми, а на теракты без участия ИБТ – всего 7 убитых.²²⁶ Самая крупная террористическая операция ИГИЛ в Европе – серия терактов в Париже в ноябре 2015 г. (самая

²²⁰ EU TESAT 2020. P. 47.

²²¹ Coolsaet R., Renard T. New Figures on European Nationals Detained in Syria and Iraq. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019.

²²² EU TESAT 2019. P. 40, 42.

²²³ Ibid. P. 40.

²²⁴ EU TESAT 2020. P. 44.

²²⁵ Ibid.; EU TESAT 2019. P. 9.

²²⁶ Vidino L., Marone F., Entenmann E. Fear Thy Neighbour: Radicalization and Jihadist Attacks in the West. Program on Extremism, George Washington University; Italian Institute for International Political Studies; International Centre for Counter-Terrorism. – Milan: Ledizioni LediPublishing, 2017. P. 16, 60.

масштабная после терактов 2004 г. в Мадриде) – была спланирована и в основном осуществлена ИБТ.²²⁷

Если на этапе расцвета ИГИЛ самой желанной целью европейских джихадистов было добраться до конфликтных зон в Сирии и Ираке, воевать там за ИГИЛ и населять «халифат», то в конце 2010-х годов джихадистское движение в Европе постепенно переориентировалось на приоритет экстремистской активности внутри ЕС, с применением и без применения вооруженного насилия. Этому способствовали как объективно сложившиеся условия (ослабление и распад территориального ядра ИГИЛ, затруднение трансграничного перемещения ИБТ), так и адаптация к этим новым условиям пропагандистско-идеологической машины движения «глобального джихада», включая все его ипостаси от ИГИЛ до «аль-Каиды». Она выразилась, в частности, в систематических призывах лидеров и идеологов ИГИЛ к сторонникам и адептам, в т. ч. в Европе, оставаться в своих странах и «самореализовываться» в качестве «воинов джихада» на местах.²²⁸

Отчасти именно с этим был связан всплеск доморощенного джихадистского терроризма в Европе, хотя рост числа таких терактов сопровождался снижением уровня их подготовки и исполнения.²²⁹ Пик подъема джихадистского терроризма в Европе пришелся на 2017 г.,²³⁰ т. е. на период, когда ядро «халифата» в Сирии и Ираке уже испытывало серьезные проблемы на поле боя и теряло территорию и сторонников. Однако на следующем этапе, уже после распада ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке, которое таким образом лишилось «права» претендовать на «халифат» и перестало быть магнитом для иностранных джихадистов, число терактов со стороны радикальных исламистов в странах ЕС стало снижаться. В этих условиях главный прямой риск со стороны пусть даже части возвращающихся в Европу ИБТ состоял в том, что они могли (и будут) способствовать качественному повышению уровня подготовки, исполнения, сложности и летальности таких терактов. При этом речь идет не только о невыявленных ИБТ, вернувшихся в Европу нелегально, но и о тех, кого власти оставили в покое, недооценив связанные с ними риски, а в более долгосрочной перспективе – и о непримиримых джихадистах-ИБТ после того, как они отсидят свои длительные сроки заключения. На этом фоне утверждения ряда экспертов о том, что возвращающиеся на родину или передислоцирующиеся в третьи страны ИБТ из европейских и других западных стран представляют собой меньшую, «более посильную и контролируруемую проблему, чем первоначально ожидалось»²³¹ представляются не то чтобы ошибочными, а преждевременными и вырванными из общего контекста исламистской радикализации и терроризма в Европе. Дело, скорее, в том, что эта проблема в принципе не сводится к феномену ИБТ. В целом к началу 2020-х годов число европейских джихадистов стало значительно больше, а степень их радикализации – выше, чем они были до ИГИЛ, и феномен ИБТ сыграл в этом немалую роль.

²²⁷ Подробнее см. Cragin K. The November 2015 Paris attacks: the impact of foreign fighter returnees // *Orbis*. V. 61. No. 2. 2017. P. 212–226.

²²⁸ Al-Baghdadi A.B. “Bashair as-sabirin” [«Благие вести для стойких»]: Audio speech. 22 August 2018; Al-Baghdadi A.B. “In the hospitality of amir al-mu’minin” [«В гостях у эмира правоверных»]: Video // Al-Furqan Media Foundation. 29 April 2019.

²²⁹ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 27. С. 7.

²³⁰ Хотя в 2017 г. на счету джихадистов было лишь 16% (33 из 205) всех террористических инцидентов в странах ЕС (включая совершенные, неудавшиеся или предотвращенные теракты), именно на них, как и в предыдущие несколько лет, пришлось почти все жертвы убитыми и ранеными. EU TESAT 2018. P. 9, 23.

²³¹ Barrett R. Op. cit. P. 14.

3.3. ИБТ с Ближнего Востока и из Северной Африки

Самой многочисленной категорией иностранных боевиков-террористов в конфликтных зонах в Сирии и Ираке, в т. ч. на этапах подъема и упадка ядра ИГИЛ, были выходцы из стран того же макрорегиона – Ближнего Востока и Северной Африки. По сравнению с оценками середины десятилетия, согласно более поздним и полным данным, учитывавшим не только самих ИБТ, но и переселенцев, это преобладание оказалось даже несколько бóльшим, чем предполагалось ранее. Оценки варьируются от около 12400 выходцев из других ближневосточных стран в Сирии и Ираке (октябрь 2017 г.)²³² до более 18850 ИБТ и переселенцев-членов их семей – из общего числа ИБТ из всех регионов в 41490 человек (июнь 2018 г.).²³³

При этом ряд исследователей предпочитает вести отдельный подсчет ИБТ по Ближнему Востоку и по всем арабским странам Северной Африки (иногда только по странам Магриба без учета Египта). С одной стороны, в этом есть свой смысл – при некоторых общих чертах, характеризующих условия и процессы радикализации ИБТ (и не только их) в странах макрорегиона, а также подходы входящих в него государств к этой проблеме, существенная специфика отличает не только основные субрегионы в его составе, но и отдельные страны – например, неарабскую Турцию, объединившую в себе функции главной транзитной страны для ИБТ в Сирии и Ираке и одной из основных стран их происхождения. Эта специфика отражена в структуре данной главы, в которой последовательно рассмотрены два субрегиональных контекста (арабская Северная Африка и, собственно, Ближний Восток, или Машрик), а также Турция в качестве особого случая. С другой стороны, когда речь идет о сравнительной картине общей численности ИБТ по регионам, попытки отделить ИБТ из стран Магриба от ИБТ из остальных стран Ближнего Востока могут иметь и дополнительную политическую подоплеку.²³⁴ Например, это формально позволяет поставить на первое место по численности ИБТ среди регионов мира не Большой Ближний Восток, а постсоветскую Евразию и представить именно ее в качестве главного источника потоков ИБТ в Сирию и Ирак. Такой подход искажает общую картину и, в частности, игнорирует не менее значительные субрегиональные различия внутри евразийского макрорегиона, например, между Россией и странами Центральной Азии.

Несмотря на численное преобладание ИБТ из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Сирии и Ираке, в аналитике, научной литературе и международных медиа им уделено гораздо меньше внимания, чем, например, ИБТ из европейских стран. Дело здесь не только в сохраняющейся западоцентричности большинства международных медиа и в меньшей доступности для международной аудитории материалов на неевропейских языках (арабский, турецкий), но и в объективных проблемах с данными. Во многих странах региона ситуация с информацией в этой сфере (как и с данными по другим аспектам безопасности) обстоит значительно хуже, чем в Европе. Острый недостаток или отсутствие открытых данных и повсеместная цензура часто делают доказательные, научно обоснованные исследования практически невозможными, не говоря уже об отсутствии общерегиональной статистики (как и общерегиональных организаций и структур в сфере безопасности, в т. ч. борьбы с терроризмом, типа Европола). В ряде стран, например, в Египте, публикация любых данных о любых аспектах террористической активности, отличных от информации, предоставленной правительством, сама по себе является прямым нарушением антитеррористического законодательства.

²³² Ibid. P. 11.

²³³ Cook J., Vale G. Op. cit. P. 3.

²³⁴ Barrett R. Op. cit.

Впрочем, большее внимание к внерегиональным ИБТ, особенно из Европы, по сравнению с более многочисленными ИБТ – выходцами с Ближнего Востока и из Северной Африки, отчасти объясняется и объективными условиями, и качественной, сущностной спецификой их циркуляции. В отличие от динамики потоков ИБТ из других регионов, она, во-первых, носила преимущественно *внутрирегиональный* характер. Во-вторых, ИБТ джихадистского толка – это исторически более привычный феномен для ближневосточного региона, чем, например, для стран Европы или Евразии, более тесно связанный с предыдущими мобилизациями транснациональных джихадистов, у которых, в свою очередь, был выше уровень преемственности с новой волной, ассоциирующейся с ИГИЛ. В-третьих, приток региональных ИБТ в Сирию и Ирак шел в течение более длительного времени (а в конфликтную зону в Ираке – вообще более десяти лет до провозглашения «халифата»), нарастал постепенно и в немалой степени еще на этапе регионального, а не глобального джихада в ирако-сирийском конфликтном ареале. Напомним, что само ИГИЛ до провозглашения «халифата» летом 2014 г. во многом оставалось региональным, хотя и уже трансграничным, джихадистским движением. Как и ряд других крупных вооруженных радикально-исламистских движений в разных регионах мира, оно развивалось по пути регионализации. Однако в случае ИГИЛ процессы регионализации были многократно усилены и ускорены в условиях:

(а) сразу двух из трех наиболее интенсивных, смертоносных и широко транснационализированных конфликтов в мире начала XXI века, которые не только охватили два граничащих друг с другом государства (Ирак с 2004 г. и Сирию с 2011 г.),²³⁵ но и в 2010-е годы еще и шли одновременно и параллельно друг другу;

(б) ослабленной и мало дееспособной государственной власти в обеих этих странах (в Ираке – с 2003 г., а в Сирии – на протяжении большей части 2010-х годов);

(в) углубляющегося сектарного (суннитско-шиитского) раскола как непосредственно в конфликтных зонах, так и в региональном масштабе, усугубленного вмешательством региональных держав и негосударственных вооруженных акторов, в т. ч. региональных ИБТ, особенно в сирийский конфликт;

(г) радикально-фундаменталистской реакции в разных странах Ближнего Востока на события в масштабах всего региона, известные как «арабская весна».

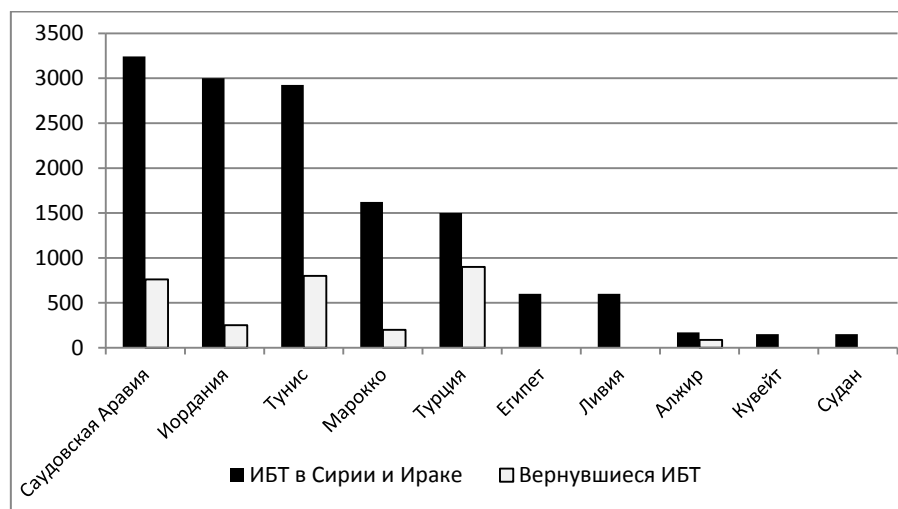
Тем не менее, несмотря на то, что циркуляция ближневосточных ИБТ в 2010-е годы, в т. ч. в период подъема и распада «халифата», в основном сохраняла внутрирегиональный характер, в ряды джихадистов, особенно ИГИЛ, в Сирии и Ираке вступило беспрецедентное число выходцев из Саудовской Аравии, Иордании, Туниса, Марокко, Египта и других стран Ближнего Востока и Северной Африки (Рис. 7).

Причины этого феномена не сводятся лишь к неким общим, глубинным, долгосрочным факторам и тенденциям в регионе, которые накапливались и наблюдались годами, если не десятилетиями. Среди них чаще всего упоминаются острые демографические и социально-экономические дисбалансы, включая травматическую, крайне болезненную для широких масс населения модернизацию, переизбыток в регионе социально не адаптированной, но пассионарной городской молодежи, которая не видела для себя не то что возможностей для самореализации, а вообще никаких перспектив и была особенно сильно недовольна существующим положением дел, кризис государственного управления и религиозной политики многих правящих режимов и т. д. Однако заметный рост притока внутрирегиональных ИБТ в Сирию и Ирак в начале – середине 2010-х годов нуждается и в более конкретных и

²³⁵ Еще одним в тройке наиболее интенсивных вооруженных конфликтов в этот период был конфликт в Афганистане.

контекстных объяснениях. Например, феномен ближневосточных ИБТ невозможно рассматривать в отрыве от неоднозначных последствий событий так называемой арабской весны. Они по-разному проявили себя в разных странах региона, но во всех случаях в той или иной форме способствовали росту потоков ИБТ в Сирию и Ирак.

Рис. 7. ИБТ из стран Ближнего Востока и Северной Африки, октябрь 2017 г.

Источник данных: Barrett R. *Beyond The Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees.* – N.Y.: The Soufan Center, 2017.

Примечание: данные по вернувшимся ИБТ доступны не для всех стран.

Если само ИГИЛ в региональном масштабе можно рассматривать как радикально-фундаменталистскую реакцию на «арабскую весну» или альтернативу ей,²³⁶ то ее связь с оттоком ИБТ в ряды ИГИЛ и других джихадистов в Сирии и Ираке – многообразнее и сложнее. События «арабской весны» расширили политическое пространство для несистемных, в т. ч. ранее запрещенных, движений как более умеренного, так и радикального толка, как либерально-демократической, так и исламистской ориентации в таких странах, как Тунис, Египет, Сирия и т. п. Они также способствовали распространению транснационального революционного импульса, дискурса и идей в странах региона. Последовавшее за революционными событиями падение правящих режимов в таких странах, как Тунис и Египет, и временный приход к власти в этих странах исламистов (исламистских правительств в Тунисе в 2011–2013 годах, движения «братьев-мусульман» в Египте в 2012–2013 годах) не только вдохновили ряд местных радикалов на мобилизацию для участия в «революционных» событиях и за рубежом, но и оказали вполне конкретное влияние на ситуацию в сфере противодействия вооруженному джихадизму. Масса исламистов, включая некоторое число радикалов и даже террористов, вышла из тюрем на фоне ослабления (а, например, в Тунисе – и временного роспуска) сил и структур безопасности. Это наложило на активизацию легальных и нелегальных исламистских сил и сетей разной степени радикализма, включая ветеранов предыдущих зарубежных джихадистских «фронтов» и кампаний. Многие из них с готовностью ухватились за идею новой мобилизации на стороне джихадистов в трансграничном сирийско-иракском контексте и сыграли свою роль в ее идеологическом обосновании, пропаганде и вербовке нового поколения ИБТ в своих

²³⁶ См. раздел 2.3.2.

странах. Когда в постреволюционных странах начался откат, политические исламисты были отстранены от власти, а давление на исламистские элементы возобновилось с новой силой, это стало дополнительным фактором вытеснения наиболее радикальных из них за рубеж, в т. ч. в качестве ИБТ в Сирию, Ирак, а также, например, Ливию. Наконец, не только постреволюционные власти, но и большинство правящих режимов оказали открытую политическую поддержку вооруженной суннитской оппозиции режиму Б.Асада во внутрисирийском конфликте, которая быстро радикализировалась и приобретала все более явный исламистский характер, вытесняя на обочину светские оппозиционные силы. При этом такие страны, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар и Турция, политической поддержкой не ограничились, а активно оказывали вооруженной оппозиции и военно-финансовую помощь. Такая политика вкупе с соответствующими призывами со стороны видных религиозных авторитетов в странах региона, причем не только постреволюционных, была воспринята частью местной исламистской молодежи как прямой призыв к действию. Это, в свою очередь, создавало благоприятную почву как для нового добровольческого движения в поддержку «сирийских братьев», так и для целенаправленной деятельности вербовщиков ИБТ, в т. ч. в ряды ИГИЛ.

Конечно, сочетание глубинных кризисных процессов и тенденций в регионе с такими более конкретными политическими и религиозно-политическими импульсами объясняет лишь комплекс факторов, способствовавших активизации феномена ИБТ «на выходе». Оно не отменяет роли других факторов «на входе», т. е. факторов притяжения региональных ИБТ на этапе подъема вооруженного джихадизма непосредственно в Сирии и Ираке. Среди них на первом месте, как и для ИБТ из других регионов, стояла религиозно-идеологическая, символическая и предметная привлекательность ИГИЛ для фундаменталистов как «государства», позиционировавшего себя как реально основанного на шариате. Показательно, что наиболее сильный рост притока ИБТ из ближневосточного региона в Сирию и Ирак пришелся не на разгар «арабской весны», а на ее излет, особенно на период с образования ИГИЛ в апреле 2013 г. (т. е. начался уже на стадии «регионального халифата» – раньше, чем для ИБТ из других регионов,). Провозглашение «глобального халифата» еще более усилило эту тенденцию: как уже упоминалось, приток ИБТ в Сирию и Ирак из других стран Ближнего Востока за чуть более года после провозглашения «халифата» вырос в 2,6 раз, а из стран Магриба – в 2,7 раз.²³⁷ Центральную роль самой категории, территориального выражения и военных успехов «халифата» как катализатора потоков ИБТ из стран Большого Ближнего Востока подчеркивают и значительный спад притока ИБТ и активизация их оттока из Сирии и Ирака по мере ослабления и распада ядра ИГИЛ.

К 2018 г. домой из Сирии и Ирака вернулись около 3000 иностранных боевиков-террористов ближневосточного происхождения.²³⁸ В абсолютных цифрах это примерно столько же, сколько к тому времени вернулось в Европу, но относительно общего числа ИБТ с Ближнего Востока, 16% вернувшихся на родину – это уровень почти в два раза ниже, чем их доля среди европейских ИБТ (хотя и более чем в два раза выше, чем, например, средний процент ИБТ, вернувшихся в Россию и другие страны Евразии). Это не значит, что остальные выжившие ИБТ – выходцы из стран Ближнего Востока непременно застряли в Сирии и Ираке или переместились в другие регионы. В данном случае региональная специфика состояла в том, что, хотя большинство выживших ИБТ из ближневосточных стран (помимо Сирии и Ирака) покинули Левант, они, тем не менее, остались в пределах Большого Ближнего Востока. При этом в конце 2010-х годов большинство ИБТ (еще) не вернулись на родину, а либо переместились в другие

²³⁷ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters in Syria and Iraq. P. 4, 12,

²³⁸ Global Terrorism Index 2018. P. 63.

ближневосточные страны, в т. ч. в другие конфликтные зоны, либо просто затерялись где-то в рамках региона. Иными словами, в рамках ближневосточного контекста феномен ИБТ не только сформировался, но и преимущественно остался *во внутрорегиональных рамках*. Боевики-террористы с Ближнего Востока и из Северной Африки, прошедшие Сирию и Ирак, в основном перемещались и оставались в рамках своего более широкого региона, а их циркуляция носила более непрерывный и, если так можно выразиться, более тривиальный характер. На протяжении 2010-х годов подъем джихадизма и ИГИЛ в Сирии и Ираке был главным, но не единственным магнитом для ИБТ в рамках макрорегиона: например, конфликт в Ливии носил не менее транснационализированный характер, и там также было много региональных ИБТ, особенно из стран Магриба, а в конце десятилетия Ливия сама стала пунктом назначения уже для сирийских ИБТ. Главным исключением для ближневосточных и особенно магрибских ИБТ, в плане выхода за региональные рамки, стала не столько релокация некоторых из них в отдаленные конфликтных зоны в Азии или Африке, сколько их связь с феноменом ИБТ *в европейском контексте* – через двойное гражданство, магрибское и, в меньшей степени, левантийское происхождение большинства европейских ИБТ и т. д.

3.3.1. Северная Африка

Арабские страны Северной Африки стали регионом происхождения одного из самых крупных контингентов ИБТ в Сирии и Ираке. За период с 2012 г. по октябрь 2017 г. только из трех стран происхождения наибольшего числа ИБТ (Туниса, Марокко и Египта) в Сирию и Ирак с целью вступления в ряды джихадистских группировок уехали около 5000 человек, причем около 1000 из них уже успели вернуться (см. *Рис. 8*). Вместе с выходцами из других стран Северной Африки магрибские ИБТ в Сирии и Ираке на тот период превосходили по численности ИБТ из всех стран ЕС. Одна из особенностей Северной Африки как региона происхождения ИБТ в 2010-е годы состояла в том, что более массовый выезд ИБТ на Ближний Восток сочетался с менее масштабным, но значительным внутрорегиональным оттоком ИБТ в конфликтную зону в Ливии: из трех перечисленных стран за тот же период (2012–2017 годы) в Ливию отправились воевать около 2000 ИБТ.²³⁹

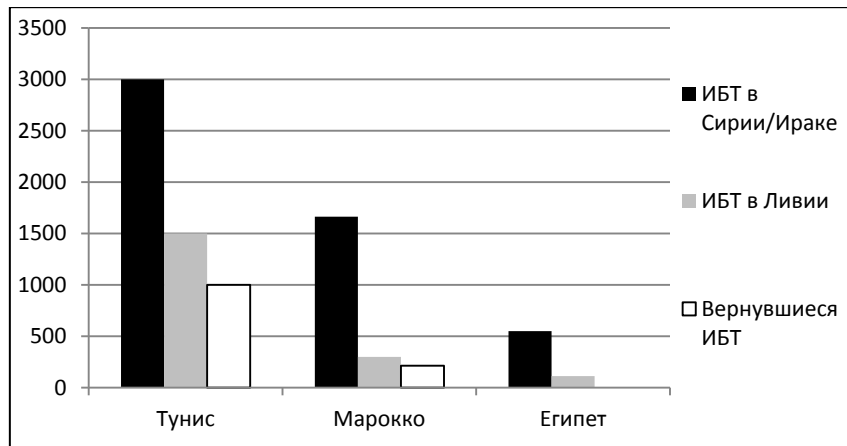
Тунис часто фигурировал в экспертных источниках и СМИ как страна исхода чуть ли не самого большого числа ИБТ в Сирию и Ирак. Согласно более ранним и спекулятивным оценкам, осенью 2015 г. число тунисских ИБТ в Сирии и Ираке достигало 6000 человек, что означало бы мировое лидерство Туниса по этому показателю на душу населения.²⁴⁰ Однако эти оценки оказались завышенными в два раза и, согласно более поздним и достоверным данным, число ИБТ из Туниса в Сирии и Ираке оценивалось в октябре 2017 г. в 2926 человек (из которых на тот момент на родину вернулись 800, а к марту 2018 г. – уже около тысячи человек).²⁴¹ В это число не вошли тысячи тунисцев, чьи попытки уехать в качестве ИБТ в Сирию и Ирак были пресечены. Тем не менее и такая численность ИБТ была беспрецедентной для Туниса.

²³⁹ Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia. Egmont Paper no. 107. Ed. T. Renard. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019. P. 7.

²⁴⁰ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 9, 15.

²⁴¹ Ben Arab E. Returning foreign fighters: understanding the new threat landscape in Tunisia // Returnees in the Maghreb. P. 37; Zelin A.Y. Tunisian Foreign Fighters in Iraq and Syria. The Washington Institute for Near East Policy. Policy Notes no. 55. – Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2018. P. 2.

Рис. 8. Число ИБТ из ряда стран Северной Африки в Сирии/Ираке, в Ливии и число ИБТ, вернувшихся на родину, 2013 г. – октябрь 2017 г.

Источник данных: Returnees in the Maghreb. – Brussels: Egmont Institute, 2019.

Внутри Туниса среди глубинных, структурных причин радикализации ИБТ трудно выделить какие-либо факторы, специфичные для ИБТ, по сравнению с радикализацией других тунисских исламистов. Движущие силы процесса радикализации ИБТ так же, как и других исламских экстремистов, включали кризис идентичности, острое недовольство политикой властей, социальное разочарование, социально-экономические и демографические дисбалансы и т. п.²⁴² Однако наличие, за годы до обострения ситуации в Сирии, устойчивой традиции и базовой инфраструктуры тунисского добровольческого джихадизма, особенно в связи с конфликтом в Ираке, а также ряд контекстных условий, сложившихся в Тунисе в ходе и после событий «арабской весны», особенно способствовали мобилизации и оттоку ИБТ в Сирию и Ирак.

Среди них – более благоприятные политические условия для исламистской радикализации и джихадистской мобилизации, сложившиеся в 2011–2013 годах после падения в январе 2011 г. авторитарного режима Зин аль-Абидина Бен Али. Пришедшие к власти умеренные исламисты (партия «Ан-Нахда») поначалу закрывали глаза на экстремистские проповеди в мечетях и тюрьмах и на деятельность таких радикально-фундаменталистских группировок, как «Ансар аш-Шариа», которые, среди прочего, открыто занялись агитацией и отправкой добровольцев в Сирию, где разгоралась гражданская война. Свою роль в мобилизации нового поколения тунисских ИБТ сыграли и авторитеты из числа около 350 ветеранов-исламистов, прошедших зарубежные тренировочные лагеря и/или джихадистские «фронты» в Афганистане, Алжире и Ираке и выпущенные из тюрем в феврале 2011 г. среди тысяч политических заключенных в результате всеобщей амнистии. Все это происходило в условиях нестабильного переходного периода, включая постреволюционную перетряску силовых структур и приостановку деятельности дискредитировавшей себя службы тайной (политической) полиции, специализировавшейся в т. ч. на контртерроризме. Однако основной отток тунисских ИБТ на Ближний Восток пришелся уже на период после

²⁴² Подробнее см. Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы религиозного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): Спецвыпуск. С. 142–152.

ропуска исламистского правительства в феврале 2013 г.,²⁴³ когда после первоначальных послаблений политика властей по отношению к радикальным исламистам вновь ужесточилась. В частности, в августе 2013 г. «Ансар аш-Шариа», обвиненная в серии убийств видных политических деятелей, была объявлена террористической организацией и запрещена.

В целом вплоть до 2014 г. включительно тунисские ИБТ фактически могли свободно пересекать границы страны. Поток ИБТ из Туниса на Ближний Восток способствовал и ливийский фактор: вооруженный конфликт, безвластие и отсутствие контроля на границах в Ливии не только привлекали туда региональных ИБТ, но и предоставляли, в частности, тунисским ИБТ все возможности для подготовки и транзита по пути в Сирию. По некоторым данным, до 70% ИБТ из Туниса, уехавших воевать на Ближний Восток, сначала прошли через Ливию.²⁴⁴

Марокко – единственная страна Магриба, где относительно подробная официальная информация по проблеме ИБТ регулярно озвучивалась министерством внутренних дел и центральным бюро судебных расследований, специализирующимся и на борьбе с терроризмом. По официальным оценкам, в 2013–2017 годах из Марокко в Сирию и Ирак уехали 1664 человек, включая 285 женщин и 378 детей. Подавляющее большинство (929 из 1001 мужчин, или почти 93%) уехало именно в ИГИЛ. При этом в Ливию на тот момент уехали около 300 марокканских ИБТ.²⁴⁵ Как и в Тунисе, резкая активизация оттока ИБТ началась несколько раньше, чем, например, в Европе (особенно после провозглашения создания ИГИЛ в апреле 2013 г.). В отличие от Туниса, в Марокко уровень общественной безопасности и государственного контроля в сфере безопасности был значительно выше, что затрудняло открытую джихадистскую мобилизацию, пропаганду в офлайне и очную вербовку. Этим во многом объяснялся специфичный для Марокко один из самых высоких в мире уровень онлайн-мобилизации и онлайн-вербовки ИБТ (до 80%), в основном через социальные сети. Как и в других странах Северной Африки и Ближнего Востока, а также Европы, большинство ИБТ происходили из молодежной городской среды и небогатых, хотя и не обязательно маргинальных слоев населения. Две трети марокканских ИБТ были моложе 25 лет, а три четверти происходили из неблагополучных кварталов крупных и среднего размера городов (Касабланки, Салé и Танжира). При этом 87% марокканских ИБТ ранее не были замечены в причастности к терроризму или экстремизму (хотя некоторые и привлекались за мелкие преступления криминального характера),²⁴⁶ что подчеркивает критическую роль именно фактора и феномена ИГИЛ в их радикализации. Доехав до места назначения и вступив в ИГИЛ, марокканские ИБТ в основном становились его рядовыми бойцами, что объясняет высокий процент потерь убитыми среди них: к концу 2017 г. почти 36%, или 596 из 1664 человек,²⁴⁷ погибли либо на поле боя или в терактах как смертники, либо в результате авиаударов международных сил по позициям ИГИЛ в Сирии и Ираке.

Из основных североафриканских стран исхода ИБТ хуже всего со статистикой дело обстоит в *Египте*, который, по оценкам ООН, вплоть до конца десятилетия не располагал адекватной информацией о численности ИБТ. В условиях жесткой цензуры, закрытого характера большей части информации, использования закрытых военных трибуналов и отсутствия официальных данных создавалось впечатление, что

²⁴³ Zelin A.Y. Op. cit. P. 4–5; Ben Arab E. Op. cit. P. 41–43.

²⁴⁴ Ben Arab E. Op. cit. P. 43.

²⁴⁵ Цит. по: Berrada K.K. Morocco's response to foreign terrorist fighters: tighter security and deradicalisation // Returnees in the Maghreb. P. 25.

²⁴⁶ Ibid. P. 26–27.

²⁴⁷ Ibid.

цитируемые в международной прессе анонимные египетские чиновники сами опирались на неофициальные западные источники типа Центра «Суфан», насчитавшего к октябрю 2017 г. 600 египтян, уехавших в конфликтные зоны в Сирии и Ираке.²⁴⁸ Судя по гораздо более высоким оценкам, озвученным рядом египетских депутатов и независимых наблюдателей, численность ИБТ из Египта в рядах различных джихадистских группировок в Сирии и Ираке сильно недооценена и могла составлять 2000 и более человек, причем для них было характерно многообразие социального состава, происхождения и путей транзита.²⁴⁹ На этом фоне число египетских ИБТ в Ливии в 2011–2017 годах оценивалось независимыми наблюдателями в чуть более 100 человек.²⁵⁰

Как и в Тунисе, динамика событий «арабской весны» в Египте оказала влияние на тенденции в сфере радикализации, в т. ч. мобилизации ИБТ. В условиях революционных событий и ухода в отставку 11 февраля 2011 г. президента Хосни Мубарака после 30 лет авторитарного правления многолетнее чрезвычайное положение не было продлено. Это позволило выйти из тюрем около 800 исламистам при временном правительстве и еще около 80 в период правления «братьев-мусульман»²⁵¹ во главе с избранным в июне 2012 г. президентом Мохаммедом Мурси. Отстранение исламистов от власти в июле 2013 г. в результате военного переворота, спровоцированное в т. ч. их попытками конституционным путем ввести в стране шариат, и резкое усиление давления на них, вплоть до запрета организации «братьев-мусульман», стимулировало отток наиболее активных и пассионарных радикалов в Сирию и Ирак. Отягчающим обстоятельством в Египте была более длительная и массовая традиция добровольческого джихада, сложившаяся еще со времен оттока египтян в 1980-е годы в ряды моджахедов в Афганистане. Она проявила себя как в Ираке и в Сирии еще до ИГИЛ (в виде активной мобилизации египтян в ряды группировок типа «Ахрар аш-Шам» и «Джабхат ан-Нусра»), так в Ливии, странах Сахеля, Секторе Газа и т. п. Еще одним таким обстоятельством было наличие на территории Египта собственного очага джихадизма в северном Синае, который стал хабом для многих ИБТ. Там же, после того, как в ноябре 2014 г. ранее лояльная «аль-Каиде» группировка «Ансар Байт аль-Макдис» присягнула на верность «халифу» аль-Багдади, образовался местный «вилаят» ИГИЛ («вилаят Синай»).

Масштаб ротации, а по мере ослабления «халифата» и в целом джихадистских сил в Сирии и Ираке – и масштаб оттока ИБТ, варьировался от одной страны региона к другой. Например, в Тунисе в 2012–2014 годах ИБТ могли свободно не только уезжать, но и возвращаться, что отчасти объясняет сравнительно высокие число и долю вернувшихся (до 1000 человек, или около трети всего контингента, к марту 2018 г.,²⁵² что сравнимо со среднеевропейскими показателями). В то же время в Марокко, где на протяжении 2010-х годов система государственного управления и общественного порядка сохраняла стабильность, вернулось чуть более 200 ИБТ, или менее 13% всего контингента.²⁵³ По Египту, как водится, официальных данных нет, но по неофициальным оценкам, в страну могло вернуться до нескольких сотен ИБТ.²⁵⁴ Другие страны региона, при наличии некоторого числа своих граждан в качестве ИБТ в

²⁴⁸ Barrett R. Op. cit. P. 12.

²⁴⁹ McManus A. Egypt's foreign terrorist fighters: cycles of violence // Returnees in the Maghreb. P. 12, 15.

²⁵⁰ Zelin A.Y. The Others: Foreign Fighters in Libya. The Washington Institute for Near East Policy. Policy Notes no. 45. – Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2018. P. 4.

²⁵¹ McManus A. Op. cit. P. 10.

²⁵² Ben Arab E. Op. cit. P. 37.

²⁵³ Berrada K.K. Op. cit. P. 28.

²⁵⁴ Renard T. Jihadi veterans in the Maghreb: lessons from the past and challenges for tomorrow // Returnees in the Maghreb. P. 54.

Сирии и Ираке, все же в основном либо сами играли роль пункта назначения для ИБТ (Ливия), либо служили транзитными странами (Ливия и Алжир), причем для ИБТ, двигавшихся в обоих направлениях и не только из стран Магриба, но и из стран Леванта/Ближнего Востока, особенно из Сирии, которые стали покидать свою страну по мере разгрома джихадистских сил. Для Алжира, например, лишь за один 2018-й год такое «обратное движение» ИБТ из других стран, особенно сирийцев,²⁵⁵ превысило по масштабу весь отток собственных исламистов в Сирию и Ирак (около 170 человек).

В силу разного характера и масштаба проблемы ИБТ для тех или иных стран региона, а также национальной специфики систем государственного управления, политики безопасности, правоохранительной и судебной-правовой сфер, они практиковали разные подходы к проблеме вернувшихся ИБТ.

Так, для подходов Туниса и Египта было характерно отсутствие даже минимальной транспарентности и системности и абсолютное доминирование карательно-силовой составляющей. Кроме того, сравнительно большое число вернувшихся ИБТ наложило на и без того острую проблему местных приверженцев или филиалов ИГИЛ, что перегрузило правоохранительную и судебную системы этих стран. Неудивительно, что и Египет, и Тунис во второй половине 2010-х годов стали аренами терактов, подготовленных ИБТ или совершенных при участии ИБТ, вернувшихся из Сирии и Ливии или еще остававшихся там.

Это отчасти связано и с тем, что, несмотря на декларированный жесткий подход Туниса к ИБТ, вернувшимся из Сирии и Ирака, он реализовывался как-то вполсилы, без особого энтузиазма. По заявлениям тунисских властей, до 95% вернувшихся ИБТ либо задерживались, либо помещались под надзор, однако лишь 35% из них реально отбывали заключение или находились под домашним арестом.²⁵⁶ При этом риск возвращения на родину значительного числа невыявленных ИБТ оценивался как высокий. В то же время Тунис объективно не располагал ресурсами, разведанными и навыками для того, чтобы разрабатывать какие-либо целевые программы для вернувшихся из Сирии и Ирака исламистов, а тем более – для их разных категорий, или детально разбираться с ними в индивидуальном порядке. Это особенно явно видно на фоне множества других террористических и экстремистских вызовов внутри страны, а также не менее острых угроз со стороны 1000–1500 джихадистов, воевавших или проходивших подготовку гораздо ближе к дому – в соседней Ливии. Именно террористы, прошедшие подготовку в Ливии, совершили нападение на Национальный музей Бардо в марте 2015 г. (в результате которого погибли 22 человека, в т. ч. 17 иностранных туристов, и были ранены около 50 человек).²⁵⁷ Этот теракт, как и последовавший за ним теракт с самыми массовыми жертвами в истории Туниса – расстрел отдыхающих на пляже в Порт эль-Кантауи близ Суса в июне 2015 г. (в результате которого были убиты 30 туристов, в основном британцев) – был запланирован тунисскими игиловцами, базировавшимися в Ливии.²⁵⁸ При этом в самом Тунисе в тюрьмах находилось около 2200 местных приверженцев ИГИЛ.²⁵⁹

²⁵⁵ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 18. С. 5; Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 27. P. 9–10.

²⁵⁶ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

²⁵⁷ Ответственность за теракт взяла ИГИЛ, хотя тунисские власти обвинили в нем местную группировку «Бригада Окба ибн Нафаа», отколовшуюся от «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (организации, признанной террористической и запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 13.11.2008 № ГКПИ 08-1956, вступившего в силу 27.11.2008).

²⁵⁸ Zelin A. Op. cit. P. 16; Ben Arab E. Op. cit. P. 8, 44.

²⁵⁹ Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

В отсутствие соответствующих данных по Египту трудно делать какие-либо выводы по поводу степени эффективности решения силовыми, в т. ч. специальными и правоохранительными, структурами этой страны проблемы возвращения ИБТ. Помимо армейских операций и полицейских облав и арестов, в т. ч. массовых, каких-то других мер по противодействию радикализации и дерадикализации в Египте не наблюдалось, а тюрьмы как центральный элемент египетской модели оставались рассадником экстремизма.

Напротив, Марокко продемонстрировало наиболее системный и продвинутый подход к проблеме ИБТ и исламистской радикализации в целом не только среди стран Магриба, но и на всем Большом Ближнем Востоке, а по некоторым параметрам превзошло в этом отношении и ряд европейских стран. Марокканским властям удалось найти близкий к оптимальному баланс между карательными и судебными мерами, с одной стороны, и законодательными инициативами, особенностями религиозной политики и превентивными мерами несилового характера, с другой. С одной стороны, Марокко, располагая сильными спецслужбами, максимально использовало их возможности как в противодействии местным джихадистам, так и в решении проблемы возвращающихся ИБТ. При довольно масштабном оттоке ИБТ и уровне их возврата, составившем около 13% (более высоком, чем, например, в России и Евразии, но более низком, чем в Европе), марокканские власти избрали жесткий вариант ответа: из 213 ИБТ, вернувшихся на родину к началу 2018 г., 200 человек, т. е. почти все, были арестованы, предстали перед судом и были осуждены, причем на длительные сроки (10–15 лет).²⁶⁰ С другой стороны, марокканские власти занялись реформированием законодательного оформления противодействия терроризму в направлении большего учета международных норм. Они также разработали программы дерадикализации, специально приспособленные к тюремной среде, и ряд превентивных и социальных инициатив по работе с (бывшими) радикалами, которые с интересом изучаются в других странах на предмет заимствования опыта в этой сфере. В отличие от многих стран исхода ИБТ, власти Марокко были достаточно уверены в себе и в своей национальной системе безопасности для того, чтобы самостоятельно организовать репатриацию части ИБТ – марокканских граждан из числа захваченных курдскими силами в Сирии (то, чего в конце 2010-х годов опасались или что были не в состоянии наладить даже большинство европейских стран). На идеологическом фронте Марокко уже с конца 2000-х годов реформировало государственную религиозную политику с целью противостоять распространению радикально-экстремистского дискурса и идей. Иными словами, марокканские власти не пустили этот вопрос на самотек, а сделали выбор в пользу проактивной религиозной политики. Она включает защиту традиционно более умеренной «марокканской» версии ислама и даже превентивную работу с марокканской диаспорой в Европе, например, в виде помощи в подготовке имамов для марокканских общин во Франции.²⁶¹ Среди признаков эффективности такой сбалансированной модели – отсутствие крупных терактов в Марокко с 2011 г. вплоть до конца десятилетия. Из ее оставшихся недоработок можно отметить недостаток мер, которые бы учитывали специфику именно ИБТ, а также нерешенность проблемы экстремистов, в т. ч. ИБТ, с двойным, как правило, марокканско-европейским, гражданством.

Феномен ИБТ североафриканского происхождения в Сирии и Ираке в основном не вышел за рамки региона Большого Ближнего Востока. Главное исключение – это его многогранная связь с европейским контекстом. Во-первых, ряд магрибских ИБТ имели

²⁶⁰ Berrada К.К. *Op. cit.* P. 24, 28–29.

²⁶¹ *Ibid.* P. 33.

и второе, европейское гражданство, а ряд проживающих в Европе натурализованных мусульман сохранили гражданство одной из стран Северной Африки. Во-вторых, большинство европейских ИБТ имели именно североафриканское (тунисское, марокканское и другое) происхождение,²⁶² что усиливало связи между джихадистскими кругами по обе стороны Средиземноморья. Если, например, в число марокканцев в рядах ИГИЛ включать не только выходцев непосредственно из Марокко, но и европейских ИБТ марокканского происхождения, то их общая численность могла достигать 2000–2500 человек.²⁶³ Выходцы из стран Магриба и их европейские братья, особенно того же происхождения, часто воевали бок о бок, иногда в составе одних и тех же подразделений, а некоторые европейские ИБТ перед тем, как направиться в Сирию, побывали в странах Северной Африки. В-третьих, по мере ослабления и развала ядра «халифата» в Сирии и Ираке возросла вероятность обострения джихадистского насилия в других горячих точках ближневосточного региона, от Ливии до Синая, и туда могли направиться не только ИБТ из стран Северной Африки и Ближнего Востока, но и часть европейских ИБТ, особенно ближневосточного, в т. ч. магрибского, происхождения.

Для стран Магриба такая тесная связка с европейским контекстом вышла боком – в основном в результате стремления большинства стран ЕС переложить свою проблему ИБТ на кого-нибудь другого. Так, многие европейские страны нашли «простое решение» проблемы возвращающихся ИБТ путем депортации мигрантов на родину или лишения европейского гражданства уже натурализованных лиц и их последующей депортации в страны происхождения. Такая политика в основном затронула именно выходцев из стран Северной Африки с двойным гражданством. Ее, в частности, активно практиковала Италия, выдворившая с 2014 по 2018 г. 362 экстремиста, в основном выходцев из Марокко, Туниса и Египта,²⁶⁴ а также ФРГ и ряд других европейских стран. Естественно, этот подход еще более усилил и без того чрезмерную нагрузку на силовые и правоохранительные структуры стран Северной Африки, несмотря на то, что масштаб стоявшей перед ними проблемы ИБТ вкупе с активностью доморожденных джихадистов был ничуть не меньше, а в чем-то и больше, чем в Европе.

3.3.2. Левант и Персидский залив

Большинство боевиков в рядах ИГИЛ и других джихадистских группировок в Сирии и Ираке составили сами сирийцы и иракцы. По оценкам лидеров ИГИЛ, в основных странах его базирования в середине десятилетия до 90% его боевиков и сторонников в Ираке составляли иракцы и до 70% игиловцев в Сирии – сирийцы.²⁶⁵ На этом фоне повышенное и даже приоритетное международное внимание именно к иностранным боевикам-террористам в Сирии и Ираке, помимо искренней озабоченности транснациональным характером феномена и угроз со стороны ИГИЛ, отчасти диктовалось и политическими причинами, особенно в западных и, прежде всего, в американских источниках. Ничто так явно не свидетельствовало о провале и контрпродуктивном эффекте американской оккупации Ирака с 2003 г., как формирование именно в этом контексте радикально-суннитского движения сопротивления – иракского ядра будущей ИГИЛ.

Таким образом, Сирия и Ирак стали и основными «поставщиками» живой силы для ИГИЛ, и, в лице джихадистских группировок на их территории, особенно

²⁶² Returnees in the Maghreb. P. 7.; Renard T. Op. cit. P. 56.

²⁶³ Berrada K.K. Op. cit. P. 25–26.

²⁶⁴ Renard T. Op. cit. P. 56.

²⁶⁵ Цит. по: Nakhoul S. Saddam's former army is secret of Baghdadi's success // Reuters. 16 June 2015.

квазигосударственного самопровозглашенного «халифата» ИГИЛ, – пунктами назначения для десятков тысяч ИБТ в 2014–2015 годах. На исходе 2010-х годов на территории этих стран все еще находились тысячи таких боевиков-террористов. В середине 2019 г. самая крупная концентрация ИБТ в мире наблюдалась в северной сирийской провинции Идлиб и одноименной более широкой «зоне деэскалации» (причем большинство из них уже воевали в рядах группировок, лояльных «аль-Каиде», а не ИГИЛ),²⁶⁶ а за пределами Ближнего Востока – в Афганистане.²⁶⁷ По мере выталкивания вооруженных исламистов из других районов Сирии, постепенно переходивших под контроль правительственных сил (и отчасти – формирований сирийских курдов), концентрация джихадистов, в т. ч. ИБТ, в последней из четырех зон деэскалации – Идлибе – возрастала. Так, по данным ООН, если в начале 2018 г. в составе ведущей вооруженной исламистской группировки в Идлибе «Хайят Тахрир аш-Шам»,²⁶⁸ ядро которой было ранее известно как «Джабхат ан-Нусра», еще находились 7000–11000 боевиков, включая несколько тысяч иностранцев,²⁶⁹ то через полтора года потенциал этой группировки уже оценивался в 12000–15000 бойцов. В составе крупнейшей из отколовшихся от «Хайят Тахрир аш-Шам» группировки «Хурас ад-Дин» ИБТ составляли половину из 1500–2000 боевиков, т. е. их доля была даже выше, чем в самой «Хайят Тахрир аш-Шам».²⁷⁰ В конце 2010-х годов новым элементом проблемы ИБТ в ближневосточном контексте стало превращение самих сирийских джихадистов в иностранных боевиков-террористов по мере того, как, в условиях продолжающегося сжигания территории, подконтрольной вооруженной оппозиции, и восстановления государственного контроля, сирийские джихадисты стали разъезжаться из страны – в основном в пределах Большого Ближнего Востока, в т. ч., например, в зону ливийского конфликта.²⁷¹ Однако внутрирегиональный переток джихадистов из Сирии и Ирака шел не во все «горячие точки». Например, в ходе ожесточенной интернационализированной гражданской войны в Йемене, продолжавшейся на протяжении большей части 2010-х годов, фактор ИГИЛ не играл доминирующей роли, среди около 400 его вооруженных сторонников в этой стране практически не было ИБТ, а в целом среди йеменских джихадистов преобладали местные сторонники «аль-Каиды».²⁷²

Из арабских соседей Сирии по Леванту *Ливан* стал страной происхождения значительного числа иностранных боевиков в сирийском конфликте. Однако они в основном являлись членами ливанского шиитского движения «Хизбулла» и воевали на стороне сирийских правительственных сил, в т. ч. против ИГИЛ. Роль проправительственных вооруженных формирований, включая иностранные шиитские милиции, в сирийском конфликте заслуживает отдельного рассмотрения, но за рамками данного исследования. Кроме того, определять «Хизбулла» как «негосударственного» актора не вполне корректно в условиях, когда это движение не только десятилетиями

²⁶⁶ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 13.

²⁶⁷ В Афганистане большинство ИБТ десятилетиями составляли выходцы из соседнего Пакистана, а на севере страны в 1990-е–2010-е годы – из стран Центральной Азии. Подробнее об ИБТ в Афганистане, в т. ч. в контексте фактора ИГИЛ, см. Раздел 4.5.3.

²⁶⁸ «Хайят Тахрир аш-Шам» – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № АКПИ20-275С, вступившим в силу 20.07.2020.

²⁶⁹ Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями. С. 8.

²⁷⁰ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 13. P. 7.

²⁷¹ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 18. С. 5; Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 27. P. 9–10.

²⁷² Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 21. P. 9.

служило главным представителем шиитской общины Ливана, но и в 2010-х годах входило в правящую правительственную коалицию.

Из арабских стран Леванта страной исхода наибольшего числа ИБТ, в основном в соседнюю Сирию, стала *Иордания*. Эта страна с полностью функциональной государственной властью – одна из тех, которые испытали на себе наиболее тяжелые последствия вооруженного конфликта в Сирии (наряду с Турцией и Ливаном). При десятиmillionном собственном населении (к 2019 г.)²⁷³ Иордания за 2010-е годы приняла 655000 сирийских беженцев.²⁷⁴ В целом Иордании, известной как «королевство мира», несмотря на соседство сразу с зонами сразу двух наиболее интенсивных конфликтов в мире начала XXI века – Сирией и Ираком, удавалось сохранить относительно высокий, по региональным меркам, уровень стабильности. Тем не менее в декабре 2016 г. на ее территории был совершен первый с середины 2000-х годов крупный теракт с гражданскими жертвами, ответственность за который взяло на себя ИГИЛ. Власти Иордании официально озвучивали число иорданских ИБТ в Сирии в 1250 человек, однако ряд военачальников, командующих войсками, дислоцированными на (хорошо охраняемой) иордано-сирийской границе, оценивали их численность гораздо выше – в 3000 человек на середину 2018 г.²⁷⁵ Если эти сведения корректны, то Иордания демонстрировала один из самых высоких в мире уровень ИБТ на душу населения (300 человек на 1 млн граждан). При этом доля иорданских ИБТ, вернувшихся на родину, в середине 2019 г. оценивалась в около 300 человек²⁷⁶ (т. е. не превышала 10%, что сравнимо, пожалуй, лишь с показателями ряда евразийских стран). Это неудивительно с учетом избранного, а главное, последовательно реализуемого Иорданием судебного-правового преследования ИБТ и в целом жесткого подхода к этой проблеме. Во-первых, в условиях жесткого пограничного контроля и закрытой сирийско-иорданской границы ИБТ физически было трудно вернуться на родину, а тем более сделать это так, чтобы избежать идентификации и задержания. Во-вторых, хотя иорданские власти выразили готовность принять назад всех своих граждан, покидающих Сирию, их прием осуществлялся исключительно через официальные пункты пропуска, где они передавались в руки Управления общей разведки для проверки и расследования их активности в Сирии, а затем – в руки специального суда по делам безопасности. Никаких послаблений членам семей ИБТ при этом не предусматривалось. Большинство вернувшихся ИБТ отбывали наказание в трудовой колонии при исправительно-реабилитационном центре «Аль-Муваккар».²⁷⁷

Основными видами вмешательства в сирийский конфликт со стороны государственных и негосударственных акторов из *арабских монархий Персидского залива* были политическая поддержка, а главное, финансирование оппозиции, в т. ч. вооруженной, режиму Б.Асада. Пример вооруженной исламистской группировки в Сирии, преимущественно финансируемой из саудовских источников – «Джейш уль-ислам».²⁷⁸ По мере эскалации гражданской войны в Сирии в первой половине

²⁷³ UN Data: Jordan. URL: <http://data.un.org/en/iso/jo.html>.

²⁷⁴ Syria Emergency. UN High Commissioner on Refugees (UNHCR) Information Note. 2020. URL: <https://www.unhcr.org/en-us/syria-emergency.html>.

²⁷⁵ Speckhard A. The Jihad in Jordan: Drivers of Radicalization into Violent Extremism in Jordan. – Washington D.C.: International Center for the Study of Violent Extremism. 25 March 2017. URL: <http://www.icsve.org/research-reports/the-jihad-in-jordan-drivers-of-radicalization-into-violent-extremism-in-jordan>.

²⁷⁶ Al-Sharafat S. How Jordan Can Deal with Jordanian ISIS Fighters Still in Syria. The Washington Institute for Near East Policy Fikra Forum. 9 August 2019. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/How-Jordan-Can-Deal-with-Jordanian-ISIS-Fighters-Still-in-Syria>.

²⁷⁷ Ibid.

²⁷⁸ Oweis K.Y. Insight: Saudi Arabia boosts Salafist rivals to al Waeda in Syria // Reuters. 1 October 2013.

2010-х годов финансовые потоки из стран Залива переориентировались на более эффективные в военном отношении негосударственные вооруженные группировки, а ими, как правило, оказывались именно джихадисты.²⁷⁹ Вопрос о том, получало ли ИГИЛ какое-либо финансирование по государственным каналам со стороны, например, Саудовской Аравии как крупнейшей страны-донора, остается открытым. Однако с марта 2014 г., когда королевство объявило ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусру» террористическими организациями и запретила своим подданным оказывать им любую поддержку, такое финансирование представляется маловероятным, а после серии терактов ИГИЛ на саудовской территории в 2014–2016 годах – и подавно.²⁸⁰ Тем не менее финансирование ИГИЛ и иных джихадистских сил из негосударственных источников в Саудовской Аравии, Катаре, ОАЭ и Кувейте продолжалось вплоть до распада «халифата» в конце 2010-х годов, в т. ч. косвенное, в виде перетока к нему средств, формально выделенным другим группировкам.

На этом фоне неудивительно, что *Саудовская Аравия* стала страной исхода одного из самых многочисленных контингентов ИБТ, прежде всего, в Сирии (хотя по числу ИБТ на 1 млн населения королевство находилось лишь в конце первой десятки стран-лидеров).²⁸¹ Следует напомнить, что еще в 2000-е годы, до начала гражданской войны в Сирии, до 1500 саудовских боевиков-джихадистов активно участвовали в конфликте в Ираке, где они преобладали среди ИБТ.²⁸² Общая численность саудовских ИБТ в Сирии оценивалась в диапазоне от 2500 человек в 2014 г. до более 3240 в декабре 2016 г. (из которых 760 к тому времени уже вернулись домой).²⁸³ При этом ИБТ из Саудовской Аравии отличала существенная специфика в плане радикализации, социально-образовательного уровня и прочего, по сравнению, например, с ИБТ из таких ведущих стран их исхода, как Тунис или Турция. Эта специфика справедлива и для ИБТ из Кувейта, ОАЭ и Катара, хотя их численность из каждой из этих стран была невелика, не превышая, по неофициальным данным на 2015 г., нескольких десятков человек.²⁸⁴ В отсутствие официальной саудовской статистики по всему периоду оттока и возвращения ИБТ в 2010-е годы, приходится довольствоваться анализом независимыми саудовскими экспертами тех статистических данных, которые по ИБТ собирало само ИГИЛ. Часть этих данных (за 2013–2014 годы) стала доступна для анализа после того, как в 2016 г. она попала в руки международной антиигиловской коалиции. На основании анализа данных ИГИЛ по 759 саудовским ИБТ²⁸⁵ видно, что единственное, что объединяло их с большинством других ИБТ из стран Ближнего Востока и Северной Африки – это сравнительно молодой возраст и принадлежность к новому поколению джихадистов, которое до радикализации и мобилизации, связанной с ИГИЛ, не отличалось особой религиозностью. Однако, в отличие от других ближневосточных ИБТ, саудовцы (и их арабские собратья по другим развитым странам Залива) не принадлежали к социально неблагополучным слоям, имели высокий образовательный уровень и все возможности для личного и профессионального продвижения. Как и в

²⁷⁹ Подробнее см.: Tentative Jihad: Syria's Fundamentalist Opposition. International Crisis Group (ICG) Middle East Report no. 131. – Brussels: ICG, 2012; Syria's Metastising Conflicts. ICG Middle East Report no. 143. – Brussels: ICG, 2013.

²⁸⁰ Bremmer I. The top 5 countries where ISIS gets its foreign recruits // Time. 14 April 2017.

²⁸¹ См. Рис. 4 в разделе 3.1.1.

²⁸² Hegghammer T. Saudis in Iraq: patterns of radicalization and recruitment // Cultures & Conflicts. 12 June 2008. P. 2. URL: <https://journals.openedition.org/conflicts/10042>.

²⁸³ Sharma S. The Islamic State was dumped by al-Qaeda a year ago: look where it is now // The Washington Post. 3 February 2014; Barrett R. Op. cit. P. 13.

²⁸⁴ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 17. Table 2.

²⁸⁵ Bin Khaled al-Saud A. Saudi Foreign Fighters: Analysis of Leaked Islamic State Documents. – L.: ICSR, 2019.

случае с более ранним оттоком саудовских ИБТ в Ирак, среди районов их происхождения преобладали центральные/северные части королевства, т. е. среди факторов, способствовавших их радикализации и оттоку, могли быть и физическая (географическая) близость к конфликтным зонам, и, например, недовольство более заметным американским военным присутствием в этой части страны. В целом, в отсутствие явных социально-экономических драйверов или многолетнего религиозно-экстремистского опыта, радикализации и мобилизации новой волны ИБТ из Саудовской Аравии могли способствовать имиджево-пропагандистская привлекательность самого ИГИЛ как мечты об «истинном халифате» наяву, представления о растущей «шиитской угрозе» и усиливающемся сектарном расколе в региональном масштабе, а также, вплоть до середины 2010-х годов, хотя и негосударственная, но фактически санкционированная саудовскими властями поддержка вооруженной исламистской оппозиции в Сирии.

Еще одной существенной особенностью саудовского примера было то, что в отличие от большинства стран региона, богатейшая монархия Персидского залива в буквальном смысле слова могла себе позволить масштабные программы декадикализации и реинтеграции в отношении радикальных исламистов из числа саудовских подданных, в т. ч. того (немалого) числа ИБТ, которые вернулись домой. Их доля еще в конце 2016 г. составила 23,5%, что стало самым высоким показателем среди всех арабских стран Ближнего Востока. Саудовская Аравия была не только одним из пионеров в сфере дерадикализации и реинтеграции бывших джихадистов, но и разработала самую масштабную в мире программу в этой области, осуществляемую под эгидой Центра консультаций и поддержки им. Мухаммеда бин Наифа.

3.3.3. Турция

Турция – единственная неарабская страна Ближнего Востока за исключением Израиля – сыграла в высшей степени двойственную роль в отношении проблемы ИБТ в Сирии и Ираке. Эта роль менялась на протяжении 2010-х годов.

С одной стороны, Турция стала главной транзитной страной для большинства ИБТ, въехавших в Сирию с начала десятилетия. В меньшей степени Турция играла роль транзитной страны и до этого (наряду с самой Сирией) – для ИБТ, ехавших воевать на стороне вооруженной оппозиции американской оккупации в Ираке с середины 2000-х годов, в т. ч. в рядах радикальных суннитских группировок, включая предтечу ИГИЛ – «Исламское государство в Ираке». При этом как в международных, так и в оппозиционных турецких источниках власти Турции неоднократно обвинялись как минимум в том, что закрывали глаза на движение иностранных боевиков через турецко-сирийскую границу. Несмотря на то, что к концу 2010-х годов пограничный режим с турецкой стороны был ужесточен, нелегальные пересечения границы, теперь уже в основном с сирийской территории, продолжались.

С другой стороны, Турция одновременно стала страной происхождения одного из самых крупных контингентов ИБТ, при невмешательстве, если не с открытого поощрения, со стороны властей в условиях, когда исламистское правительство активно и открыто поддержало вооруженную оппозицию режиму Б.Асада в Сирии. Дело осложнялось тем, что, в отличие от большинства других стран происхождения ИБТ, Турция с 2014 г. не начала, а прекратила предоставлять какие-либо официальные данные о численности турецких ИБТ в Сирии и Ираке. Еще до 2014 г. число только тех боевиков – граждан Турции, которые уехали или собирались уехать в Сирию с целью вступить в ряды ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры», по неофициальным оценкам турецкой

полиции, составляло около 5000 человек.²⁸⁶ По данным специального доклада на эту тему, представленного крайне правой Партией национального движения Турции в парламенте в июне 2016 г., число активных ИБТ из Турции в Сирии и Ираке составляло до 3000 и еще до 1500 к тому времени уже были убиты. В целом число турецких ИБТ, включая уже вернувшихся или пытавшихся уехать, но неудачно (но исключая членов их семей), оценивалось в 5200–9000 человек.²⁸⁷ Если оценки в пределах этого диапазона корректны, то Турция была одним из лидеров, если не лидером, среди стран происхождения ИБТ по их общему числу, обогнав по этому показателю Саудовскую Аравию, Тунис и Россию.

Впрочем, относительно общей численности населения Турции процент ИБТ – турецких граждан в Сирии и Ираке был весьма невысок. Среди турецких ИБТ наблюдалось широкое многообразие по социальному происхождению, этническому составу, степени радикализма и мотивациям. Среди них, в т. ч. в качестве вербовщиков, были и опытные джихадисты – ветераны вооруженных конфликтов прошлого, и фундаменталисты–салафиты, которых привлекала идея переезда в «халифат» на постоянное место жительства, и турецкие националисты, а также курдские исламисты, воевавшие против боевиков запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана и курдских Отрядов народной самообороны в Сирии, и ранее не слишком религиозная молодежь, в т. ч. из полукриминальных кругов, искавшая славы, адреналина, «подвига» и «очищения» огнем, а в отдельных случаях и привлеченная материальными стимулами.²⁸⁸ Наибольшее число турецких ИБТ именно джихадистского толка происходило из отдельных пригородов крупных городов – Стамбула, Анкары, Адьямана, Бурсы, Газиантепа, Аданы и Конии.

Первоначальная позиция турецких властей по отношению к вооруженным исламистам в Сирии, включая радикальных джихадистов, а также связанных с ними ИБТ, варьировалась от пассивности до скрытого или явного потворства. Хотя Турция признала ИГИЛ террористической организацией еще в 2013 г., раньше многих других стран, вплоть до 2016 г. турецкие структуры безопасности сквозь пальцы смотрели на транзит ИБТ и на их вербовку и мобилизацию в самой Турции. Соответственно, на этом этапе они сильно недооценивали и угрозы, которые могли исходить от уже прошедших Сирию и Ирак боевиков, включая как турецких граждан, возвращавшихся домой, так и иностранцев, следовавших через Турцию обратным транзитом или пытавшихся там временно задержаться или надолго осесть. И это несмотря на то, что уже первый теракт ИГИЛ с человеческими жертвами на территории Турции в марте 2014 г. осуществили именно иностранные боевики-террористы, возвращавшиеся из Сирии. Политика Турции по этому вопросу стала заметно меняться лишь с 2016 г., особенно после майской атаки смертника ИГИЛ на полицейский комиссариат в Газиантепе – первого теракта ИГИЛ против турецкого государственного объекта. Это был лишь один из серии взрывов, терактов смертников и вооруженных нападений со стороны игиловцев, которые произошли в Турции в 2014–2017 годах, включая четыре теракта в туристических местах Стамбула.²⁸⁹ Самым крупным терактом ИГИЛ на территории Турции стал расстрел связанным с ИГИЛ узбекским террористом из Кыргызстана посетителей ночного клуба «Рейна» в Стамбуле 1 января 2017 г., в

²⁸⁶ Цит. по: Yayla A.S. Turkish ISIS and AQ foreign fighters: reconciling the numbers and perception of the terrorism threat // *Studies in Conflict and Terrorism*. V. 42. 2019. P. 3.

²⁸⁷ Ibid. P. 4; *Türkiye'nin detaylı ISID raporu* // Cumhuriyet. 1 July 2016.

²⁸⁸ Подробнее см.: *Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees*. ICG Europe Report no. 258. – Istanbul; Ankara; Brussels: ICG, 2020. P. 3.

²⁸⁹ Ercan R. Turkey continues to fight terrorist group Daesh // Anadolu Agency. 11 October 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-continues-to-fight-terrorist-group-daesh/1610855>.

результате которого погибли 39 человек.²⁹⁰ С тех пор и до конца десятилетия в результате, прежде всего, значительного ужесточения контртеррористических мер ИГИЛ не удавалось совершать крупные теракты на территории Турции.

За это время в Турцию вернулись тысячи турецких ИБТ, в основном из Сирии. Одни возвратились в родные места и свою социальную среду, другие затерялись в крупных городах. Чем раньше им удавалось вернуться, тем выше была вероятность проскочить незамеченными и не попасть в объектив спецслужб и полиции. Неудивительно, что некоторые из вернувшихся турецких ИБТ уже успели поучаствовать в терактах ИГИЛ на территории Турции в 2014–2017 годах, в которых в совокупности погибло около 300 гражданских лиц. По мере того, как росло контртеррористическое давление на джихадистов со стороны турецких властей, усиливалась и слежка за вернувшимися ИБТ, а некоторые из них подверглись уголовному преследованию. Однако, по некоторым данным, к концу десятилетия лишь 10% вернувшихся ИБТ были задержаны по обвинениям в связи с ИГИЛ, причем половина из них еще находилась под следствием.²⁹¹ При этом большинство осужденных турецких ИБТ были осуждены на сравнительно небольшие сроки (три–четыре года), в основном по обвинениям в «членстве в террористической организации», и многие к началу 2020-х годов уже должны были выйти на свободу. Турецкие правоохранительные органы демонстрировали подчеркнуто лояльное отношение к женщинам, вернувшимся домой из Сирии и Ирака: считалось, что они действовали не самостоятельно, а просто следовали за своими мужьями, как и подобает мусульманкам.

В целом внутри страны в конце 2010-х годов турецким спецслужбам и полиции более или менее удалось взять ситуацию с ИГИЛ под контроль за счет ужесточения силовых и специальных мер: слежки и надзора за джихадистами, включая ИБТ, их арестов и усиления пограничного контроля. Однако угроза со стороны ИБТ и других экстремистов радикально-исламистского толка не столько была нейтрализована, сколько ушла в подполье. Отчасти это связано с тем, что турецкие власти на протяжении всего этого периода воспринимали ИГИЛ как меньшую угрозу национальной безопасности, чем, с одной стороны, вооруженную активность Рабочей партии Курдистана, а с другой стороны, умеренно-исламистское движение гюленистов – последователей Фетхуллага Гюлена, которых правящий режим Реджепа Тайипа Эрдогана обвинил в попытке государственного переворота 2016 г. и в создании «параллельной государственной структуры». В Турции лицам, обвиняемым в связи с любым из этих движений, грозит более жесткое уголовное преследование и более длительные сроки заключения, чем салафитам джихадистского толка, включая турецких ИБТ.

В международном плане на долю Турции выпало наибольшее бремя по выявлению, аресту и депортации большинства ИБТ, задержанных как по пути в Сирию и Ирак во второй половине 2010-х годов, так и на обратном пути. В значительной мере этой тяжелой нагрузкой на свою правоохранительную систему и силовые структуры Турция обязана собственному попустительству или как минимум неготовности создавать препятствия транзитным потокам ИБТ на более ранних этапах. По данным на июль 2017 г., Турция депортировала 4957 ИБТ, задержанных при пересечении турецко-сирийской границы (в обоих направлениях), в основном в те из их родных стран, которые согласились их репатриировать. Однако далеко не все страны происхождения ИБТ, задержанных в Турции, были готовы репатриировать своих граждан. В таких

²⁹⁰ Подробнее см. в разделе 4.5.2.

²⁹¹ Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees. P. 3.

случаях турецкие власти, продержав ИБТ под арестом в течение года, выпускали их на свободу.²⁹²

В 2010-е годы приток иностранных боевиков-террористов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Сирию и Ирак, особенно его игиловская волна, составил почти половину от общего числа ИБТ, прибывших в эти конфликтные зоны. Наряду с сирийцами и иракцами, именно выходцы из других стран Большого Ближнего Востока составили основную «живую силу» и население самопровозглашенного «халифата» ИГИЛ.

С одной стороны, для ближневосточных стран эта новая транснациональная, но в основном внутрирегиональная джихадистская волна, несмотря на свою массовость, носила более укорененный, долгосрочный и в этом смысле более банальный, или тривиальный, характер (по сравнению с трансрегиональными потоками и последующей циркуляцией ИБТ из стран Европы и Евразии). Дело не только в том, что данный макрорегион имеет самую длительную историю транснационального джихадизма, а к 2010-х годам во многих его странах уже существовали устойчивая традиция и базовые элементы инфраструктуры круговорота ближневосточных ИБТ, вовлеченных в вооруженные конфликты на стороне радикальных исламистов, в т. ч. в конфликт в Ираке с самого его начала в первой половине 2000-х годов. Важно и то, что активизация потоков ближневосточных ИБТ стала одним из многих проявлений общерегионального системного кризиса рубежа 2000-х – 2010-х годов и так же, как, например, гражданская война в Сирии или феномен ИГИЛ в целом, не может рассматриваться в отрыве от последствий событий «арабской весны» и реакции на нее в масштабах региона. Кроме того, феномен ближневосточных ИБТ, в отличие от их европейских и евразийских «собратьев», носил внутрирегиональный характер и к началу 2020-х годов в основном оставался на внутрирегиональном уровне.

С другой стороны, и для стран Ближнего Востока и Северной Африки новая волна ИБТ 2010-х годов в направлении Сирии и Ирака стала беспрецедентной по численности, региональному охвату, составу (никогда ранее к потокам ИБТ не примыкало так много членов семей и гражданских переселенцев) и т. п. Как и для большинства ИБТ из других регионов, для ближневосточных джихадистов такое же исключительное значение имела категория «халифата», а большинство ИБТ и других переселенцев с Ближнего Востока ехали именно в ИГИЛ.

К концу 2010-х годов по доле ИБТ, вернувшихся из Сирии и Ирака на родину, большинство стран данного макрорегиона занимали промежуточное положение между странами Европы (где процент возвращения ИБТ в среднем был самым высоким) и Евразии (где он оставался самым низким). Исключение составили лишь Тунис и Саудовская Аравия, где доля вернувшихся домой ИБТ, по разным причинам, была сравнима со среднеевропейской. Однако, учитывая численное преобладание в ИГИЛ иностранных боевиков-террористов и иных переселенцев из стран Большого Ближнего Востока (и несмотря на гибель значительного их числа в самих конфликтных зонах), с разгромом ядра ИГИЛ и ослаблением вооруженного потенциала более мелких джихадистских группировок в Сирии и Ираке перед многими странами региона довольно остро встал вопрос о том, что делать с транзитными и вернувшимися ИБТ.

С одной стороны, эту проблему усугубляли такие факторы, как:

(а) наличие во всех основных странах исхода ИБТ в регионе и без того серьезных – и даже более серьезных, чем риски со стороны возвращавшихся ИБТ – внутренних

²⁹² Cragin K. Foreign fighter “hot potato”.

вызовов и угроз, связанных с исламистской радикализацией, экстремизмом и терроризмом, в условиях правящих режимов хотя и разного типа (от жестко авторитарных до нестабильных (полу)демократических), но часто ограниченной степени функциональности;

(б) наличие еще нескольких зон активных вооруженных конфликтов с участием вооруженных джихадистов, помимо Сирии и Ирака, либо в рамках самого макрорегиона (Ливия, Йемен), либо в граничащих с ним странах (Мали);

(в) отсутствие у большинства ближневосточных и североафриканских государств, откуда происходило заметное число ИБТ (за исключением лишь богатой Саудовской Аравии), достаточных финансовых, технических и иных ресурсов и средств для того, чтобы эффективно и в равной степени противостоять всем этим вызовам и угрозам, включая риски, связанные с ИБТ;

(г) активность и приток ИБТ на протяжении 2010-х годов не только в Сирию и Ирак, но и, например, в Ливию, откуда их оттока к концу десятилетия не наблюдалось, а также формирование новых, хотя пока и не слишком масштабных, региональных потоков ИБТ теперь уже сирийского и иракского происхождения.

С другой стороны, отмеченный выше внутрирегиональный характер потоков ближневосточных боевиков-террористов, катализатором которых послужил фактор ИГИЛ в Сирии и Ираке, отчасти объясняет, почему на международном уровне им уделялось меньше внимания, чем, например, западным, а порой и евразийским ИБТ, перемещавшимся не только между странами, но и между регионами. Пока наиболее проблематичные внерегиональные (межрегиональные) аспекты проблемы ИБТ из стран Ближнего Востока и Северной Африки – это не столько их попытки передислоцироваться в другие регионы, в т. ч. в зоны вооруженных конфликтов за пределами Ближнего Востока, сколько:

(а) определенное пересечение, или связь, между ними и частью европейских ИБТ – выходцев с Большого Ближнего Востока, особенно из стран Магриба, и

(б) масса нерешенных вопросов, касающихся ИБТ, по линии «Турция – страны ЕС», причем не столько, как принято считать, в виде попыток ближневосточных ИБТ затеряться в миграционных потоках в Европу, сколько в виде острых проблем с репатриацией и преследованием европейских ИБТ, застрявших в Турции по пути домой.

Подходы государств Ближнего Востока и Северной Африки к проблеме ИБТ отличались многообразием – в целом даже бóльшим многообразием, чем соответствующие подходы большинства европейских или евразийских стран. Из общих черт для политики большинства стран региона в этой сфере можно отметить:

– основное внимание к ней не столько «на выходе» (т. е. на этапе оттока джихадистов из этих стран в Сирию и Ирак), сколько «на входе» – к вернувшимся или возвращающимся домой боевикам-террористам;

– доминирование карательно-силовых военных, специальных и полицейских мер;

– закрытый характер и отсутствие или недостаток официальной информации об ИБТ;

– неразвитость мер и программ, нацеленных именно на ИБТ как на особую категорию исламских экстремистов.

Тем не менее спектр практикуемых в странах региона подходов весьма широк. Он варьировался от крайне жесткой реакции и преследования ИБТ (например, в Египте и Иордании) до промежуточных вариантов (Тунис) или даже упора на «мягкий» ответ в виде развитых программ дерадикализации, реабилитации и реинтеграции (Саудовская Аравия). Однако именно этот регион, на взгляд автора, дает международному

сообществу пример одного из наиболее адекватных, сбалансированных и эффективных ответов на вызов ИБТ, который продемонстрировал подход Марокко к этой проблеме.

В целом ближневосточный опыт в этой сфере, безусловно, заслуживает более детального исследования со стороны специалистов по региону, в т. ч. российских арабистов, тюркологов и т. п. Ему также необходимо уделить более пристальное внимание на международном уровне, в т. ч. в рамках соответствующих структур ООН, как в плане разработки указаний и рекомендаций государствам-членам ООН в решении проблемы ИБТ, так и в ходе подготовки и осуществления программ технической и иной антитеррористической поддержки самим странам Ближнего Востока и Северной Африки в сфере противодействия радикализации и насильственного экстремизма. Наконец, этот опыт должен стать объектом предметного изучения и учета профильными ведомствами и специалистами-практиками в других регионах, особенно в странах еще двух основных регионов происхождения ИБТ, связанных с конфликтами в Сирии и Ираке, т. е. Европы и Евразии.

3.4. ИБТ из других регионов

Хотя в середине 2010-х годов в вооруженной активности ИГИЛ и ряда других джихадистских группировок в Сирии и Ираке в общей сложности принимали участие выходцы из 120 стран, их подавляющее большинство происходило из трех регионов – собственно, макрорегиона Ближнего Востока и Северной Африки, а также Европы и Евразии в масштабе постсоветского пространства. Вопросы, связанные с потоками иностранных боевиков-террористов из первых двух регионов, рассмотрены в двух предыдущих разделах этой главы. Феномену ИБТ из России и других стран Евразии отдельно посвящена следующая глава, где также уделено специальное внимание фактору ИГИЛ и связанных с ним ИБТ в Афганистане, ввиду особого значения этой проблемы для безопасности стран евразийского региона.

ИБТ – выходцев из остальных стран и регионов мира в Сирии и Ираке было немного. Тем не менее вопрос об ИБТ в контексте транснационального джихадизма в Африке южнее Сахары, а также в Южной и Юго-Восточной Азии заслуживает отдельного внимания по трем причинам. Во-первых, вопреки большинству ожиданий, с распадом ядра ИГИЛ смещение вектора наиболее серьезных угроз, связанных с ИГИЛ, из Сирии и Ирака за пределы ближневосточного региона пошло не столько на северо-запад или северо-восток (т. е. не столько в страны Европы или Евразии), сколько именно в направлении ряда стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. В этих же регионах на рубеже 2010-х и 2020-х годов наблюдалась и наиболее явная активизация вооруженных группировок джихадистского типа, в т. ч. связанных с ИГИЛ и «аль-Каидой».²⁹³ Во-вторых, вопреки глобальной тенденции к снижению террористической активности в мире с середины 2010-х годов, показатели терроризма в Африке южнее Сахары, а также в Южной и Юго-Восточной Азии, напротив, продолжали расти. Такое развитие региональных тенденций в сфере терроризма, в т. ч. связанного с ИГИЛ, прогнозировались автором еще в 2016 г.²⁹⁴ Более того, начиная с 2018 г. и Южная Азия (впервые с 2012 г.), и Африка (впервые в истории) обошли

²⁹³ По данным Глобальной базы данных по терроризму, Глобального индекса терроризма, Программы данных о конфликтах Уппсальского университета и т. п. Global Terrorism Index 2018. P. 3; Global Terrorism Index 2019. P. 16; Pettersson T., Öberg M. Organized violence, 1989–2019 // Journal of Peace Research. V. 57. No. 4. 2020. P. 602–603.

²⁹⁴ Степанова Е.А. Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 44–45.

Большой Ближний Восток по числу убитых в терактах.²⁹⁵ В-третьих, если сведения об ИБТ из стран Африки южнее Сахары весьма отрывочны, то из Южной и Юго-Восточной Азии к джихадистам в Сирии и Ираке примкнуло больше ИБТ, чем, например, из Восточной Азии, не говоря уже о Северной и Латинской Америке. Феномен ИГИЛ, бесспорно, сыграл свою роль в стимулировании тенденций к росту террористической активности во всех трех указанных регионах. Учитывая, что период такого обострения (конец 2010-х годов) совпал с оттоком ИБТ из Сирии и Ирака, логично задаться вопросом: сыграли ли ИБТ – как регионального, так и внерегионального происхождения – роль «переносчиков» присутствия и вооруженной активности ИГИЛ в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии или оно усилилось в основном благодаря каким-то иным факторам?

Африка южнее Сахары. К концу 2010-х годов основные силы ИГИЛ в Сирии и Ираке были разгромлены. Это способствовало общему снижению уровня террористической активности в мире и ослабило религиозно-идеологическую и военно-политическую привлекательность, влияние и пропагандистский резонанс ИГИЛ в радикально-исламистских кругах во всех основных регионах происхождения ИБТ. Обратный отток или транснациональная циркуляция тысяч ИБТ не повернули эту тенденцию вспять, хотя и стали серьезной проблемой безопасности для стран их исхода, транзита и релокации. Однако на исходе десятилетия число стран, где наблюдалась военно-террористическая активность ИГИЛ, даже несколько возросло (до 16 в 2019 г.), причем в основном за счет стран Африки. Если учитывать только теракты и другое насилие, направленное против гражданского населения, то такая активность со стороны ИГИЛ в странах Африки выросла значительно – на 56% в 2019 г.²⁹⁶

Следует отметить острый недостаток данных по ИБТ африканского происхождения, за исключением, пожалуй, Сомали (откуда в 2015 г. в Сирии и Ираке насчитывалось около 70 ИБТ).²⁹⁷ При этом в самой зоне затяжного конфликта в Сомали и в целом в районе Африканского Рога на востоке континента вооруженным элементам, заявившим о лояльности ИГИЛ, успешно противостояли, с одной стороны, радикально-исламистское движение «аш-Шабаб», идеологически связанное с «аль-Каидой», но имеющее местные корни и автономное от нее, а с другой стороны, коалиция африканских стран, участвовавших в стабилизационной миссии под эгидой Африканского Союза.²⁹⁸

Хотя во многих странах Сахеля влияние ИГИЛ и присутствие его сторонников в той или иной форме наблюдалось еще с середины 2010-х годов, к концу десятилетия вооруженная активность ИГИЛ заметно усилилась в *Центральной Африке*.²⁹⁹ Еще в ноябре 2017 г. в зоне затяжного вооруженного конфликта в провинции Северное Киву на востоке Демократической Республики Конго (ДРК) на базе Объединенных сил обороны, состоявших из радикально-исламистских повстанцев – выходцев из соседней Уганды, самоорганизовалась группировка «Мадина Таухид валь-Джихад», также известная как «Мадина Таухид валь-Мувахидин» («Город монотеизма и монотеистов»). Группировка подняла знамя ИГИЛ и заявила о своей лояльности «халифу» аль-Багдади. Тогда ее формального признания в качестве полноценного филиала ИГИЛ со стороны руководства «Исламского государства» не последовало. Однако, по данным ООН, она пыталась вступить в коммуникацию с центральным ИГИЛ и даже привлечь в

²⁹⁵ Global Terrorism Index 2019. P. 2.

²⁹⁶ Pettersson T., Öberg M. Op. cit. P. 603.

²⁹⁷ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 17.

²⁹⁸ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 41. P. 12.

²⁹⁹ Ibid. P. 3, Para. 43. P. 13.

свое ряды игиловцев из числа покидавших Сирию и Ирак ИБТ.³⁰⁰ Возможно, поэтому Центральная Африка все же была впервые упомянута аль-Багдади в аудиозаписи его речи от 22 августа 2018 г.³⁰¹ По мере дальнейшего ухудшения положения центрального ядра ИГИЛ заинтересованность его лидеров и идеологов в полноценных региональных филиалах росла. 29 апреля 2019 г., в своем втором видеообращении с момента провозглашения «халифата» в 2014 г., аль-Багдади признал «центральноафриканский вилайат» ИГИЛ – «Вилаят Уасат Ифрикийя» – первую новую «провинцию» ИГИЛ с 2017 г.³⁰² В 2019 г. «вилаят» расширил зону своей активности и взял на себя ответственность (в т. ч. посредством центральных медиа ИГИЛ, например, информационного агентства «Амак») за ряд атак в ДРК и Мозамбике.³⁰³

В *Западной Африке* также наблюдался резкий рост джихадистского насилия и вербовочной активности со стороны реальных или условных филиалов как ИГИЛ, так и «аль-Каиды».³⁰⁴ В этом же регионе сформировался один из двух наиболее крупных и активных региональных филиалов ИГИЛ в мире, наряду с «вилаятом Хорасан» в Афганистане. Так называемая западноафриканская провинция (вилаят) «Исламского государства» вобрала в себя ряд местных радикально-исламистских группировок в Мали, Нигерии и Нигере, включая самопровозглашенное ИГИЛ в Большой Сахаре. Риторика лидеров этой «провинции» была подчеркнуто направлена на объединение под своей эгидой всего присутствия ИГИЛ в регионе.³⁰⁵ По данным ООН, к середине 2019 г. «западноафриканский вилайат» ИГИЛ мог насчитывать около 4000 боевиков, что вдвое превышало численность до того крупнейшей автохтонной вооруженно-исламистской организации в регионе – нигерийской «Боко Харам».³⁰⁶ «Вилаят» вел активную вооруженную деятельность, а в столкновениях с ним местные силы безопасности несли большие потери. Примечательно, что, как и «центральноафриканский вилайат», «западноафриканский вилайат» ИГИЛ пытался привлечь иностранных боевиков-террористов, хотя результаты этих усилий были незначительны.³⁰⁷

По числу ИБТ, отправившихся воевать за ИГИЛ на Ближний Восток, страны *Южной и Юго-Восточной Азии* значительно уступали трем регионам-лидерам, как вместе (к началу 2017 г. в Сирии и Ираке насчитывалось 1563 ИБТ из обоих регионов),³⁰⁸ так и по отдельности.

Южная Азия. Главная специфика региона применительно к проблеме ИБТ состояла в том, что именно на основную конфликтную зону в этом регионе – в Афганистане – в 2010-е годы приходилась вторая по масштабу концентрация иностранных боевиков-террористов в мире после сирийско-иракского ареала. Однако, в отличие от Сирии и Ирака, подавляющее большинство ИБТ в Афганистане были выходцами не просто из того же региона, а непосредственно из соседних стран: в

³⁰⁰ Ibid. Para. 42. P. 12.

³⁰¹ Al-Baghdadi A.B. “Bashair as-sabirin”.

³⁰² Al-Baghdadi A.B. “In the hospitality of amir al-mu’minin”; Postings R. Islamic State recognizes new Central Africa Province, deepening ties with DR Congo militants // The Defense Post. 30 April 2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2019/04/30/islamic-state-new-central-africa-province>.

³⁰³ Weiss C. Islamic State claims first attack in Mozambique // Long War Journal. 3 June 2019. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/06/islamic-state-claims-firstattack-in-mozambique.php>.

³⁰⁴ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 30. P. 10.

³⁰⁵ Ibid. Para. 33–34. P. 11.

³⁰⁶ Ibid. Para. 36. P. 11; Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 21. С. 6.

³⁰⁷ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 35. P. 11; Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 21. С. 6.

³⁰⁸ Barrett R. Op. cit. P. 11.

основном из Пакистана, а на севере страны – также из стран Центральной Азии. Это положение дел сохранялось и в конце десятилетия: в июле 2019 г., по данным ООН, наряду с сирийской провинцией Идлиб, именно в Афганистане было сосредоточено наибольшее число ИБТ, правда, в обоих случаях, в основном аффилированных с «аль-Каидой», а не с ИГИЛ.³⁰⁹ Иными словами, в Южной Азии все эти годы существовал собственный магнит для региональных ИБТ. Это отчасти объясняет тот факт, что, например, число афганских ИБТ в рядах джихадистов в Сирии и Ираке было очень небольшим (около 50 в 2015 г.). ИБТ из числа пакистанских граждан в Сирии и Ираке было больше: от 70 (официально) до 330 человек (по неофициальным данным) в августе 2015 г.³¹⁰ до максимальной оценки в 650 человек в январе 2016 г.³¹¹ Однако эти цифры меркли в сравнении с тысячами пакистанских ИБТ, годами принимавших участие в конфликте в соседнем Афганистане. Если проблема прошедших Сирию и Ирак ИБТ – сторонников ИГИЛ и других джихадистских группировок – и вызывала серьезное беспокойство применительно к Афганистану, то в основном у его северных соседей, стран Центральной Азии и России. Озабоченность евразийских стран этой проблемой в основном была вызвана присутствием на афганском севере значительного числа боевиков-исламистов *центральноазиатского происхождения*, часть которых оттуда направилась в Сирию и Ирак, а некоторое число к концу 2010-х годов уже вернулось в Афганистан. Данный вопрос подробно освещен в следующей главе (раздел 4.5.3), посвященной вызовам со стороны ИБТ из стран Евразии, связанных с ИГИЛ.³¹²

Что касается остальных стран Южной Азии, то для большинства из них счет ИБТ в Сирии и Ираке из числа своих граждан даже на пике подъема ИГИЛ шел на десятки человек: так, например, ИБТ из Индии насчитывалось от 23–50 (в ноябре 2015 г.) до 75 человек (в марте 2017 г.), а из Шри-Ланки – около трех десятков (в конце 2016 г.).³¹³ Особняком стояли Мальдивы: по официальным данным на май 2015 г., оттуда в Сирию и Ирак доехали около 200 ИБТ.³¹⁴ Хотя, по абсолютным показателям, это лишь 22-е место в мире, по числу ИБТ в Сирии и Ираке на 1 млн населения страны исхода Мальдивы, с учетом небольшого населения этого крошечного островного государства, оказались на втором месте в мире (сразу после Туниса).³¹⁵ Тем не менее в конце 2010-х годов ИБТ, вернувшиеся из Сирии, уже успели принять участие в нескольких терактах в Южной Азии. Самый заметный и смертоносный из них – серия «пасхальных» терактов смертников 21–22 апреля 2019 г. на Шри-Ланке (где есть и мусульманское, и христианское меньшинство). Всего было произведено девять взрывов католических церквей, гостиниц и жилого комплекса в городах Коломбо, Негомбо и Баттикалоа, что привело к гибели 258 человек и ранению еще около 500. Хотя теракты организовали и осуществили местные радикально-исламистские группировки «Джамаат ат-Таухид аль-Ватания» («Национальное единение») и «Джамаат аль-Миллату Ибрагим», несколько человек из числа террористов побывали в Сирии и прошли подготовку в ИГИЛ.³¹⁶ Несмотря на то, что в своем видеообращении от 29 апреля 2019 г. (первом после провозглашения «халифата» в 2014 г.) аль-Багдади назвал пасхальные атаки на

³⁰⁹ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 3.

³¹⁰ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 9.

³¹¹ Barrett R. Op. cit. P. 13.

³¹² См. Раздел 4.5.3.

³¹³ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 8; Barrett R. Op. cit. P. 12–13.

³¹⁴ По неофициальным данным, до 100 чел. Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 9.

³¹⁵ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 19.

³¹⁶ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 64. P. 16.

Шри-Ланке «мстью за гибель братьев в Багузе [последний оплот ИГИЛ в Сирии – Е.С.]»,³¹⁷ эксперты ООН пришли к выводу о том, что центральное ядро ИГИЛ не только не готовило эту серию терактов и не руководило ею, но и не знало о ней заранее. Тем не менее теракты на Шри-Ланке были вдохновлены идеологией ИГИЛ и нацелены на поддержание ее глобального имиджа после военных поражений в Сирии и Ираке.³¹⁸

Юго-Восточная Азия. В Сирии и Ираке насчитывалось от 900 (октябрь 2015 г.) до чуть менее 1000 ИБТ (конец 2016 г.) из всех стран Юго-Восточной Азии.³¹⁹ Больше всего ИБТ было из Индонезии: от около 700 в июле 2015 г. (что ставило Индонезию на 11-е место в мире среди стран происхождения ИБТ по их общей численности) до 600 человек в марте 2017 г. За ней следовали Филиппины и Малайзия со сравнимым числом ИБТ – около 100 из каждой страны в 2015 г.³²⁰ (обе не входили даже в первую тридцатку стран исхода ИБТ).

Фактор ИГИЛ по-разному проявлялся в странах региона: от пропагандистско-вербовочных акций ИГИЛ, включая подготовку специальных видеороликов, нацеленных на потенциальных ИБТ именно из Юго-Восточной Азии,³²¹ до серий успешных и предотвращенных терактов со стороны местных группировок, вдохновленных ИГИЛ. Как и в других регионах, после провозглашения «Исламского государства» летом 2014 г. ряд местных салафитских лидеров и организаций присягнули на верность аль-Багдади как самопровозглашенному «халифу». Среди них были один из лидеров радикальной террористической группировки «Абу Сайаф» (давно отколовшейся от более крупного и умеренного Исламского фронта освобождения Моро на Минданао, который в 2014 г. подписал мирное соглашение с правительством Филиппин), а также организация «Бойцы исламского освобождения Бангсаморо», позднее – группировка «Мауте» и др.³²² Постепенно на базе этих группировок, в основном филиппинских и индонезийских, сложился региональный филиал ИГИЛ. Хотя центральное руководство ИГИЛ назначило «эмира» этого филиала, оно не стало включать его в свой состав в качестве полноценной провинции (вилаята).³²³

В конце 2010-х годов десятки из тех ИБТ из стран Юго-Восточной Азии, которые смогли вернуться домой или в другие страны региона из Сирии и Ирака, успели поучаствовать в терактах в Индонезии, Малайзии и на Филиппинах и вошли в состав местных группировок, вдохновленных идеологией ИГИЛ или связанных с ним.³²⁴ Несмотря на склонность руководства ряда стран региона, особенно филиппинских властей, к занижению степени угрозы со стороны ИГИЛ, с мая по октябрь 2017 г. местным сторонникам ИГИЛ даже удалось захватить и удерживать под своим контролем город Марави на юге Филиппин. Среди участников этой операции было

³¹⁷ ISIS leader al-Baghdadi appears in first video since declaring caliphate in 2014 // The Defense Post. 29 April 2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2019/04/29/isis-leader-baghdadi-video>.

³¹⁸ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 64. P. 16.

³¹⁹ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 5; Barrett R. Op. cit. P. 13.

³²⁰ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 9.

³²¹ ISIS targets South-east Asia radicals in latest recruitment video; “propaganda”, says Philippines // Straits Times. 23 June 2016.

³²² Postings R. Misinformation and intelligence failures: how the Philippines underestimates ISIS // The Defense Post. 22.10.2018. URL: <https://www.thedefensepost.com/2018/10/22/how-the-philippines-under-estimates-isis>; Winter C. Signs of a nascent Islamic State province in the Philippines // War on the Rocks. 15 May 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/05/signs-of-a-nascent-islamic-state-province-in-the-philippines>.

³²³ Pettersson T., Öberg M. Op. cit. P. 606.

³²⁴ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 67. P. 16.

замечено небольшое число ИБТ, в основном индонезийцев и малайзийцев,³²⁵ хотя, по некоторым непроверенным данным, среди них были и выходцы из Саудовской Аравии, Йемена и даже с Северного Кавказа.³²⁶ В целом в конце 2010-х годов, на фоне растущего уровня террористических угроз странам региона со стороны радикальных исламистов, как связанных, так и не связанных с ИГИЛ, большинство ИБТ в конфликтных зонах на Филиппинах, в Таиланде или Индонезии происходили из самих стран региона, а роль ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, в эскалации этих угроз была невелика.

Во всех трех рассмотренных случаях речь идет о регионах со значительным мусульманским населением, коренными мусульманскими меньшинствами и диаспорами. Эти три региона на этапе расцвета ИГИЛ имели для него второстепенное значение, но тем не менее испытали на себе большее влияние фактора ИГИЛ и связанные с ним угрозы, чем остальные регионы,³²⁷ за исключением трех лидеров по числу ИБТ в Сирии и Ираке (Большого Ближнего Востока, Евразии и Европы). Главный парадокс в отношении Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, который высветила проблема иностранных боевиков-террористов в составе ИГИЛ и в целом на джихадистских фронтах в Сирии и Ираке в 2010-е годы, состоял в следующем.

С одной стороны, все три региона (но особенно сильно – страны Африки южнее Сахары) с большим отрывом отставали от лидирующих регионов происхождения ИБТ в Сирии и Ираке. Соответственно, и счет вернувшихся ИБТ шел всего на десятки или максимум несколько сотен человек на каждый из этих крупных регионов мира. Хотя внутри каждого из трех регионов шла достаточно динамичная циркуляция ИБТ, в ней в основном были задействованы местные джихадисты, не покидавшие его пределов. Какой-либо заметной релокации ИБТ родом из этих трех регионов после их отъезда из Сирии и Ирака в третьи регионы также не наблюдалось – в отличие, например, от немалой части евразийских ИБТ, рассеявшихся по странам Ближнего и Среднего Востока и, в меньшей степени, Южной Азии и Европы. Отдельные же свидетельства о релокации внерегиональных ИБТ в эти регионы пока недостаточны для того, чтобы говорить о какой-либо заметной тенденции.

С другой стороны, после распада ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке фокус транснационального исламистского терроризма джихадистского толка сильнее всего сместился именно в Африку, Южную и Юго-Восточную Азию. Именно там не только активизировались местные вооруженные сторонники ИГИЛ и сформировались наиболее крупные региональные филиалы ИГИЛ (вилаят в Западной Африке и «вилаят Хорасан» в Южной Азии), но и наблюдался подъем других джихадистских группировок, в т. ч. все еще лояльных «аль-Каиде». Эти смещение фокуса и подъем вооруженного джихадизма в основном произошли за счет активности местных радикальных исламистов, а не за счет вернувшихся или передислоцировавшихся из Сирии и Ирака ИБТ. Скорее, наоборот: местные группировки, как правило, самоорганизовавшиеся и самостоятельно заявившие о лояльности ИГИЛ, пытались привлечь к себе ИБТ, покидавших Сирию и Ирак, – именно в качестве ветеранов «глобального джихада», живых свидетелей и осколков «халифата», одного из самых

³²⁵ Franco J. Detecting future “Marawis” // Perspectives on Terrorism. V. 14. No. 1. 2020. P. 3–12.

³²⁶ На этом фоне следует отметить и попытки отдельных европейских ИБТ попасть в одну из конфликтных зон региона, в т. ч. на Филиппинах. Postings R. Passport to jihad: European foreign fighters joining ISIS in the Philippines // The Defense Post. 12.09.2018. URL: <https://www.thedefensepost.com/2018/09/12/philippines-isis-foreign-fighters-europe>.

³²⁷ Например, ИБТ из Восточной Азии в основном сводились к уйгурским исламистам из КНР.

заметных брендов ИГИЛ и безошибочного признака связи и преемственности с ним. К началу 2020-х годов большинство таких группировок в этом мало преуспели. Однако с учетом роста террористической активности во всех трех указанных регионах, а также того нового импульса, который трансформация ИГИЛ после распада ее центрального ядра дала транснациональному «круговороту ИБТ в природе» и наличия в разных точках мира значительного числа невыявленных и затерявшихся ИБТ, исключать их приток в эти три региона в дальнейшем нельзя.

3.5. Выводы

На основе анализа, проведенного в разделах 2 и 3, ИГИЛ можно рассматривать как кумулятивный результат взаимодействия и слияния как минимум трех основных тенденций в транснациональном вооруженном исламизме начала XXI века.

(1) *Регионализация* радикально-исламистских вооруженных движений (по принципу «снизу-вверх» – от более локального до трансграничного и, шире, регионального уровня) как в центре арабо-мусульманского мира, так и в более отдаленных от него мусульманских регионах, например, в Африке южнее Сахары и Южной Азии.

(2) *Сетевизация и сетевая фрагментация* движения и идеологии «глобального джихада» в начале XXI века, включая дальнейшее распространение ее влияния и адептов в регионах за пределами исламского мира и зон вооруженных конфликтов с участием мусульман, в т. ч. в виде ячеек джихадистского типа в развитых странах Запада, а в 2010-е годы – и в странах Евразии и Азии.

(3) *Активизация и рост масштаба* внутри- и межрегиональных потоков джихадистов – *иностранных боевиков-террористов*, особенно в зоны широко интернационализированных региональных конфликтов с участием вооруженных исламистов.

Эти три долгосрочные тенденции – регионализация, сетевизация и активизация целевых вооруженно-террористических «миграций» – были взаимосвязаны, но имели свои истоки в разных социально-политических контекстах, в разной степени затронули разные регионы мира, были движимы разными комплексами причин и факторов и лишь отчасти пересекались. Но именно в том идеологическом, политическом, информационном и пространственно-территориальном поле, где они пересеклись и наложились друг на друга, и сформировался феномен ИГИЛ.

Важно подчеркнуть, что в том, что касается ИГИЛ и феномена ИБТ, в данном случае налицо именно тесная, динамичная взаимосвязь. Феномен ИБТ не просто стал производной от степени интенсивности, масштаба и ожесточенности очередного джихадистского «фронта» и, конкретно, от роли ИГИЛ в сирийско-иракском конфликтном ареале. Приток ИБТ как не просто боевиков, но и вооруженных переселенцев сам стал одним из важнейших условий и факторов выхода локально-регионального радикально-исламистского движения ИГИЛ в Сирии и Ираке на глобальный уровень, возможно, главным свидетельством и «подтверждением» его претензий на «халифат» и одновременно не только ключевым сквозным сюжетом, но и проводником, адресатом и результатом его пропагандистской активности.

Хотя приток ИБТ в Сирию и Ирак, особенно на стадии подъема ИГИЛ, – это далеко не первая джихадистская волна, она разительно отличалась от предыдущих (и, вероятно, будет отличаться от последующих) мобилизаций исламистских ИБТ как по количественным параметрам, так и качественно. Никогда ранее джихадистская мобилизация не была такой массовой и не насчитывала намного больше двух десятков тысяч человек. Если продолжать использовать метафору «волн», то на этот раз, образно

говоря, речь шла если и не о цунами, то о «девятом вале». Ни одна предыдущая волна ИБТ на том или ином джихадистском «фронте» не составляла такую значительную часть от вооруженного исламистского движения в целом (от 30 до 40% личного состава на этапе подъема ИГИЛ). Ни одна не играла столь заметной роли непосредственно в вооруженном насилии – от боевых операций до терактов и другого одностороннего насилия против гражданского населения. Если во всех предыдущих мобилизационных волнах сильно доминировали выходцы с Ближнего Востока, то на этот раз потоки иностранных джихадистов носили поистине трансрегиональный и глобальный характер. При этом один из трех основных регионов происхождения ИБТ уже был преимущественно немусульманским регионом (Европа), а до половины ИБТ из другого региона (постсоветской Евразии) происходили из стран с преимущественно немусульманским населением. Если предыдущие волны ИБТ состояли почти исключительно из молодых мужчин «призывного возраста», то иностранные боевики-террористы в Сирии и Ираке, особенно на этапе подъема и расцвета ИГИЛ, отличались более широким многообразием по половозрастной структуре, социальному происхождению, профессиональной принадлежности, наличию опыта вооруженной деятельности в прошлом и функционалу (видам деятельности) после приезда на контролируемые ИГИЛ территории. Несмотря на все национально-культурные, социально-политические и иные контекстные различия и специфику радикализации и мобилизации таких ИБТ в странах их исхода, во всех случаях процесс *от активации до миграции* (пользуясь терминологией из области физики) носил ускоренный, более направленный, целевой, пассионарный и идеологически заточенный характер.

При всей важности и многообразии условий, причин и контекстов радикализации ИБТ в разных странах и регионах их происхождения, главным, принципиальным отличием этого «девятого вала» от предыдущих джихадистских миграций стала его взаимосвязь с религиозно-идеологическим апгрейдом ИГИЛ в Сирии и Ираке до центральной для исламских фундаменталистов категории «халифата». Это новое качество было подкреплено как практической деятельностью ИГИЛ по воплощению «заявки на халифат» в жизнь, включая его военные успехи, расширение территориального и установление административного контроля на значительной части территории Сирии и Ирака, так и его современной, агрессивной медийно-пропагандистской подачей, в т. ч. с использованием новейших средств информации и коммуникации.

Это же во многом объясняло и специфику роли и места ИБТ на протяжении их пребывания уже непосредственно в обширном сирийско-иракском конфликтном ареале, особенно на территории, подконтрольной ИГИЛ. Хотя, собственно, игиловская стадия цикла ИБТ остается наименее исследованной, ее основная особенность для большинства ИБТ, связанных с ИГИЛ, состояла в ее, по крайней мере, ожидаемом и предполагаемом *конечном, бессменном и непреходящем* характере. Для подавляющего большинства ИБТ, а также членов их семей и других адептов-переселенцев, особенно на этапе после формального провозглашения «халифата», речь шла не о временном краткосрочном туре, вахте или командировке на (очередной) локально-региональный джихадистский «фронт», а о полноценной вооруженной миграции из расчета остаться *жить или умереть* в зоне конечного назначения – в предполагаемой «земле обетованной». Если первый – по порядку, а не по важности – расчет («жить») с ослаблением и разгромом «халифата» оказался призрачным, то второй («умереть») для многих из них вполне оправдался. Хотя очень немногим ИБТ удалось подняться до высших уровней в военной, административной и идеологической иерархии ИГИЛ, их прямое участие в вооруженных операциях было весьма значительным и разнообразным – от «пушечного мяса» до спецназа, передовых формирований и карательных отрядов,

в зависимости от степени подготовки, зоны происхождения (из зоны конфликта или нет) и других факторов. Уже на этапе начала конца ИГИЛ, т. е. на стадии его постепенного ослабления в военном отношении и сокращения подконтрольной ему территории в Сирии и Ираке, доля ИБТ, оставшихся защищать «халифат» до конца и погибших «за халифат», оказалась значительно выше, чем можно было ожидать – хотя этому отчасти способствовали и такие объективные условия, как сильное внешнее военное давление и принятые соседними странами контртеррористические меры, ограничившие саму возможность покинуть конфликтную зону.

Беспрецедентный масштаб и многообразие игиловской волны ИБТ делают спектр проблем и угроз, связанных с теми, кто выжил и сумел покинуть конфликтные зоны в Сирии и Ираке, не просто шире, но и сложнее. Их трех основных вызовов на «постконфликтной» для ИБТ стадии можно выделить те, что связаны:

(а) с возвращением части ИБТ на родину (при том, что число и доля вернувшихся могут сильно варьироваться для разных стран и регионов;

(б) с релокацией ИБТ в третьи страны;

(в) с тем, как и те, и другие соотносятся и взаимодействуют с транснациональными террористическими сетями и с доморощенными джихадистскими ячейками и радикально-исламистскими группировками в родных или третьих странах.

Хотя некоторые ИБТ, вернувшиеся домой или обосновавшиеся (застрававшие) в транзитных и иных третьих странах, уже проявили склонность к возобновлению вооруженной активности и террористического насилия в качестве исполнителей или организаторов терактов, в целом такие инциденты пока довольно редки вне зависимости от того, о каком регионе исхода/возвращения/релокации боевиков идет речь. Прямое участие ИБТ в терактах по возвращении на родину пока невелико, но если оно имеет место, то такие теракты более эффективны и смертоносны, по сравнению с другими (что, впрочем, было характерно и для предыдущих джихадистских мобилизаций на «послефронтовой», или постконфликтной, стадии). В этом смысле ответ на вопрос о том, что опаснее – прямая угроза возобновления вернувшимися ветеранами ИГИЛ террористической активности или их потенциал с точки зрения радикализации, сетевизации, вербовки, стимулирования создания новых террористических сетей и организаций в будущем – пока в пользу второго варианта.

Если все сказанное в большей или меньшей степени относится ко всем основным регионам происхождения иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке, то условия и факторы радикализации и мобилизации ИБТ, а также преобладающие стратегии решения проблем, связанных с их возвращением, в этих регионах отличали существенные особенности. В разделе 3 они рассмотрены на примере двух из трех таких регионов: стран ЕС, откуда впервые в истории на джихадистский «фронт» уехало так много ИБТ, к тому же привлечших наибольшие международное медийно-политическое внимание и интерес, и макрорегиона Ближнего Востока и Северной Африки, откуда в Сирию и Ирак, в основном в ИГИЛ, отправилось больше всего ИБТ, но по которым, однако, гораздо меньше данных и исследований.

С одной стороны, до половины всех ИБТ джихадистской волны в Сирии и Ираке 2010-х годов происходили из других стран Большого Ближнего Востока. При всех контекстных различиях, для многих этих стран в той или иной степени были актуальны те же проявления системного регионального кризиса и макрорегиональные факторы радикализации, что и, собственно, для Сирии и Ирака. При этом мобилизация ИБТ в данном регионе опиралась на уже укорененную традицию и сложившуюся сетевую инфраструктуру джихадистского движения. С другой стороны, в ближневосточном контексте проблема ИБТ, даже в связи с ИГИЛ, носила, если так можно выразиться, более тривиальный и уж точно не столь политически обостренный и медийно-

заточенный характер, как, например, в Европе. Во всех основных странах исхода ИБТ в ближневосточно-североафриканском макрорегионе было немало и более серьезных внутренних вызовов и угроз, связанных с исламистской радикализацией, экстремизмом и терроризмом, чем, например, проблема возвращения на родину ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, не говоря уже об их первоначальном исходе. Причем государствам региона зачастую приходилось противодействовать этому спектру угроз в условиях ограниченной функциональности правящих режимов и, за исключением ряда богатых арабских монархий Залива, недостатка финансовых и технических ресурсов на эти цели. При всей остроте вооруженного противостояния в Сирии и Ираке, в 2010-е годы в регионе и прилегающих к нему странах было еще несколько зон активных конфликтов с участием вооруженных исламистов (Ливия, Йемен, Мали), а приток региональных ИБТ, хотя и в меньших масштабах, шел, например, и в Ливию.

Волна ближневосточных и магрибских ИБТ, связанная с ИГИЛ, в основном не вышла за внутрирегиональные рамки – как в целом (пока) не вышла за них и последующая циркуляция тех ИБТ, кто выжил в Сирии и Ираке. В отличие от нее, волна западных, в основном европейских, ИБТ по определению носила трансрегиональный характер. Радикализация и мобилизация ИБТ в Европе (в основном хотя и граждан ЕС, но выходцев из некоренных мусульманских диаспор) шла под воздействием своих, отличных от других регионов, факторов. На комплекс факторов радикализации «снизу», включая недовольство социально-экономической маргинализацией, особенно в ряде мусульманских гетто, внутри- и внешнеполитическими действиями властей, воспринимаемыми как «антимусульманские», и социокультурным неприятием доминирующих в этих обществах норм и порядков, «сверху» накладывалась хорошо адаптированная к условиям постиндустриального общества джихадистская пропаганда ИГИЛ и примеры «угнетения» и прямого «уничтожения» мусульман на международном уровне в результате политики западных стран.

Для самого ИГИЛ и джихадистского движения массовый приток европейских ИБТ имел особое символическое значение как движение, сформировавшееся буквально в недрах Запада – главного «антагониста ислама» и «патогенного» источника «всемирной джахийи». Если более многочисленные ближневосточные ИБТ пользовались в ИГИЛ большим спросом на поле боя, то ИБТ из Европы, хотя и уступали выходцам с Ближнего Востока и Евразии в вооруженной подготовке, были более важны с идеологической и медийно-пропагандистской точки зрения, в т. ч. в виде участников широко растиражированной пропагандой ИГИЛ показательных терактов и расправ над заложниками, «неверными» и «вероотступниками». Как никогда массовое присутствие западных ИБТ в рядах сторонников ИГИЛ в Сирии и Ираке нагляднее всего бы то ни было подчеркивало глобалистскую направленность и амбиции свежепровозглашенного «халифата».

На этапе оттока ИБТ из Сирии и Ирака, в силу разных факторов (менее активного участия ИБТ из европейских стран в военных действиях, более низкого уровня боевых потерь среди них, их менее жесткого преследования в демократических странах Европы), именно для ЕС к концу 2010-х годов был характерен самый высокий уровень возвращения ИБТ. Хотя в среднем он составлял около 35%, для отдельных стран он мог достигать до двух третей от их общего числа. Несмотря на то, что большинство вернувшихся в Европу джихадистов, по оценкам властей, не представляли прямой угрозы безопасности и не подверглись уголовному преследованию (или, напротив, отчасти благодаря этому), процент участия европейских ИБТ в осуществлении или подготовке терактов в странах ЕС был выше, чем в других регионах – до одной пятой всех терактов со стороны исламистов в середине 2010-х годов. Хотя после распада ядра

ИГИЛ приоритетом для джихадистского движения в Европе стала экстремистская активность внутри ЕС, в целом в начале 2020-х годов число европейских джихадистов значительно возросло, а степень их радикализации стала выше, чем была до ИГИЛ. Несмотря на то, что прирост шел в основном за счет новых доморожденных радикалов, а не вернувшихся ИБТ, ему немало послужил – в качестве стимула, импульса и источника вдохновения – сильно раскрученный радикально-исламистской пропагандой и западными медийно-экспертно-политическими кругами феномен европейских ИБТ в Сирии и Ираке.

Тем не менее после распада «физического» ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке смещение основного вектора террористических угроз со стороны ИГИЛ и в целом радикально-исламистского терроризма джихадистского толка пошло в направлении Центральной и Западной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, т. е. не тех (!) регионов, откуда происходило большинство ИБТ и куда были направлены их основные обратные и транзитные потоки. Феномен ИБТ не сыграл заметной роли в смещении этого вектора. Прогнозировавшийся же многими чуть ли не автоматический возврат после разгрома ядра ИГИЛ к «аль-Каиде», во-первых, не состоялся, если имелся в виду ее возврат к роли однозначного лидера «глобального джихада», а во-вторых, в основном свелся к некоторой активизации ранее заявивших о лояльности «аль-Каиде» местных филиалов и сторонников в зонах уже активных локально-региональных конфликтов, а не в результате оттока или перетока туда ИБТ из Сирии или Ирака.

Однако для полной сравнительной картины циркуляции связанных с ИГИЛ иностранных боевиков-террористов не хватает анализа феномена ИБТ из России и в целом Евразии как одного из трех основных регионов их происхождения. Ему целиком посвящен следующий раздел. Этот сюжет важен не только в силу многочисленности и той значительной роли, которую выходцы из Евразии, прежде всего, из России и стран Центральной Азии, сыграли для центрального ядра ИГИЛ, но и потому, что потенциал дальнейшей транснационализации евразийских ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, включая их релокацию в третьи страны, может быть выше, чем для других ИБТ.

4. Россия и Евразия: ИБТ и транснационализация терроризма

4.1. Спад исламистско-сепаратистского терроризма в России

На протяжении 2010-х годов в России наблюдался значительный, устойчивый спад терроризма. По данным Совета Безопасности РФ, по отдельным показателям террористическая активность сократилась в 30 раз (например, преступления террористической направленности – с 779 в 2010 г. до 24 в 2017 г.).³²⁸ По данным российских государственных органов, число собственно терактов в России сократилось в 10 раз,³²⁹ а по статистике Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database) – в 7,5 раз.³³⁰ Значительно снизилось и число терактов с массовыми жертвами (Рис. 9).

Еще в 2002–2011 годах, в первое десятилетие после терактов 11 сентября 2001 г., Россия оставалась единственной европейской страной и единственной страной с доходами выше среднего уровня, которая входила в первую десятку стран мира по уровню террористической активности на своей территории, занимая девятое место в Глобальном индексе терроризма (Global Terrorism Index / GTI 2012 г.).³³¹ Однако уже согласно индексу 2014 г. (GTI 2014), Россия выпала из первой десятки стран с наивысшим уровнем террористической активности. В следующем, 2015 г. она уже выпала из первой двадцатки, а затем – и из первой тридцатки. В 2017 г. она опустилась на 33-е место (GTI 2017), в 2018 г. – на 34-е (GTI 2018), а в 2019 г. – и вовсе на 37-е (GTI 2019),³³² оказавшись в конце четвертого десятка стран по этому показателю (Рис. 10). Таким образом, к началу 2020-х годов Россия по степени защищенности от террористических угроз и способности противостоять им на своей территории обошла, например, Францию, Великобританию и США.

Устойчивому спаду терроризма в России в 2010-е годы способствовало наращивание специализированных антитеррористических усилий внутри страны. Например, девятикратный рост числа осужденных по террористическим статьям в 2013–2017 годах (с 28 до 262)³³³ напрямую коррелировал со снижением числа терактов и убитых в них за те же годы.

Однако основным объяснением существенного прогресса в этой сфере и снижения уровня террористической активности в РФ все же стала деэскалация вооруженного конфликта в Чечне и определенная стабилизация ситуации на Северном Кавказе в целом.³³⁴ Начиная с 2008 г. крупнейшая в мире база данных по конфликтам – Программа данных о конфликтах Уппсальского университета, Швеция (Uppsala Conflict Data Program) – перестала фиксировать крупный вооруженный конфликт в

³²⁸ По данным секретаря Совета Безопасности РФ Н.Патрушева, цит. по: Совбез отметил снижение количества терактов в десять раз // РИА-Новости. 26.12.2017. URL: <https://ria.ru/20171226/1511725927.html>.

³²⁹ Вестник Национального антитеррористического комитета. № 1–20. 2010–2018.

³³⁰ Global Terrorism Database. Version 2019.

³³¹ Global Terrorism Index 2012. P. 4.

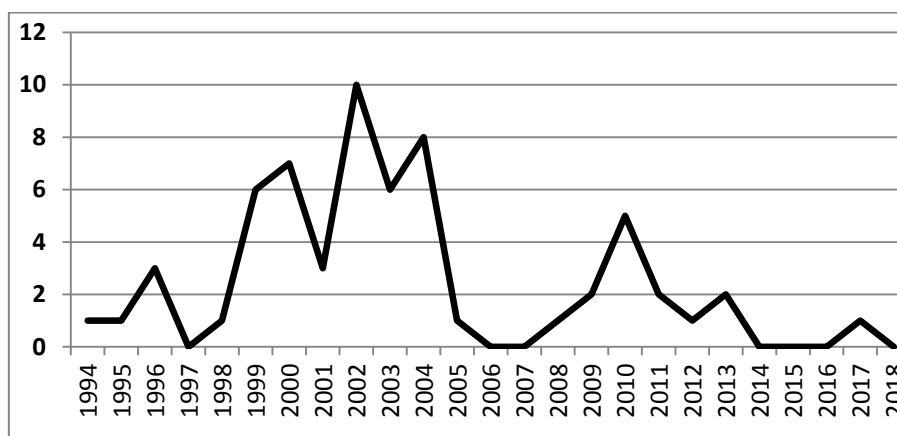
³³² Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2014. P. 8; Global Terrorism Index 2015. P. 10; Global Terrorism Index 2017. P. 10; Global Terrorism Index 2018. P. 8; Global Terrorism Index 2019. P. 8.

³³³ Данные Верховного Суда РФ, цит. по: Треть осужденных за коррупцию оказалось людьми без определенных занятий // Росбизнесконсалтинг (РБК). 28.04.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/04/2018/5ae1a24c9a7947031454275f>.

³³⁴ Подробнее о российской антитеррористической стратегии см. Stepanova E. Russia's response to terrorism in the twenty-first century // Non-Western Responses to Terrorism. Ed. M.Boyle. – Manchester: Manchester University Press, 2019. P. 23–54.

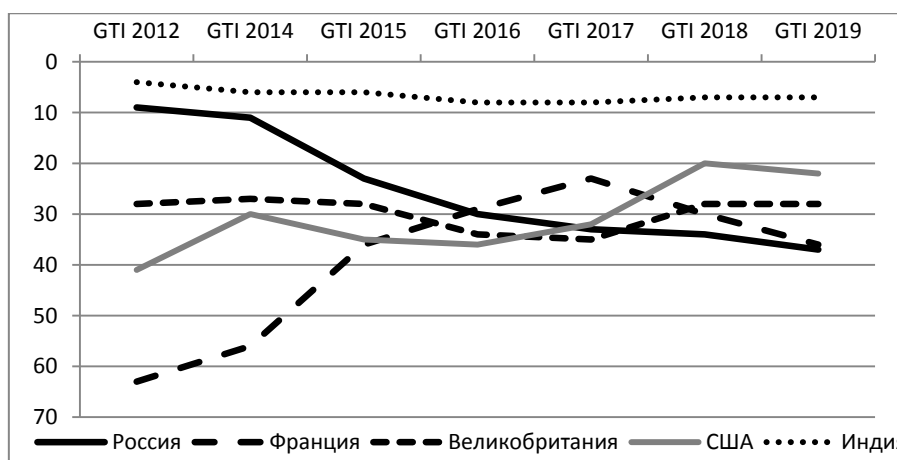
Чечне. Вместо него в течение последующих лет (до 2015 г. включительно) фиксировался конфликт малой, или низкой, интенсивности в различных районах северокавказского региона.³³⁵

Рис. 9. Терракты в России с числом убитых более 10 человек 1994–2018 гг.

Источник данных: Global Terrorism Database. 2019.

Рис. 10. Сравнительный рейтинг ряда стран в Глобальном индексе терроризма (место в индексе)

Источник данных: Global Terrorism Index, 2012–2019.

Подчеркнем, что конфликт в Чечне (включая две полноценные войны: первую в середине 1990-х и вторую с конца 1999 г.) и вооруженное противостояние низкой интенсивности в ряде других республик Северного Кавказа в начале XXI века (прежде всего, в Дагестане и Ингушетии) сохраняли преимущественно субнациональный, внутренний характер. Более того, в начале XXI века терроризм северокавказского происхождения в России представлял собой довольно *стандартный* сюжет – по крайней мере, по меркам Азии и Евразии, где почти каждая страна с коренным мусульманским меньшинством (Индия, КНР, Таиланд, Филиппины и т. п.) в той или

³³⁵ UCDP/PRIО Armed Conflict Dataset, Version 19.1. 1946–2018. Uppsala Conflict Data Program (UCDP), Uppsala University, Sweden; Peace Research Institute, Oslo (PRIO), Norway. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict>.

иной мере сталкивалась с терроризмом как тактикой локального повстанческого движения исламистско-сепаратистского толка на своей территории, как правило, в одном из периферийных регионов. Тем не менее именно вооруженный конфликт исламистско-сепаратистского типа на Северном Кавказе оставался источником наиболее интенсивного и устойчивого типа терроризма в России в течение не менее 20 лет, начиная с 1994 г.

Снижение интенсивности вооруженного насилия и относительная стабилизация ситуации на Северном Кавказе, прежде всего, в Чечне, в 2010-е гг. были достигнуты постепенно. Они стали результатом комплекса из трех взаимосвязанных стратегий, реализация которых шла еще с начала 2000-х годов.

Первая стратегия известна как «чеченизация». Она состояла в передаче (аутсорсинге) большей части задач в области поддержания безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также базовых административных функций местным традиционалистским этноконфессиональным формированиям – в основном бывшим повстанцам, отколовшимся от вооруженного исламистско-сепаратистского движения в результате внутренних расколов. Эти силы рассматривались в качестве противовеса и относительно более управляемой альтернативы радикальным исламистам-джихадистам, к которым все больше переходил контроль над антиправительственными боевиками.

Вторая составляющая была связана с серьезным пересмотром федеральной стратегии по обеспечению безопасности на Северном Кавказе, в т. ч. силовыми методами. Ее пересмотр шел в сторону придания ей более точечного, избирательного и превентивного характера и растущих роли и веса в ней именно профессиональных (контр)разведывательных и иных специальных операций и сил, по сравнению с общевойсковыми военными операциями. Эту стратегию можно обозначить как «силовое подавление и предотвращение *по-умному*».

Наконец, третьим направлением урегулирования ситуации в Чечне стало оказание республике во главе с новыми, лояльными федеральному центру местными силами («кадыровцами») масштабной помощи по восстановлению разрушенной войной экономики и социальной сферы, а также по их дальнейшему развитию.

Хотя такая тройственная стратегия носила крайне затратный характер и пока не привела к полной, устойчивой и долгосрочной стабильности в масштабах всего северокавказского региона, ее реализация обеспечила переход вооруженного конфликта в Чечне и терроризма северокавказского происхождения из приоритетных вызовов национальной безопасности РФ в разряд периферийных угроз – на уровне низко интенсивного и сильно разрозненного насилия, в основном локализованного на Северном Кавказе. Соответственно, в жизненных интересах России было сделать все для того, чтобы тенденция к стабилизации на Северном Кавказе, достигнутая высокой ценой для российского государства и народа, не ослабла, не прервалась и не повернула вспять в силу воздействия каких-либо новых факторов дестабилизации, включая транснациональные. Хотя в 2010-е годы России в целом удалось справиться с преимущественно внутренней угрозой исламистско-сепаратистского терроризма, параллельно обострились и вышли на первый план именно риски радикализации и террористические вызовы нового транснационального типа. Их катализатором стал феномен ИГИЛ.

С середины 2010-х годов транснационализация терроризма и связанных с ним процессов радикализации стала главным вызовом для России (и Евразии в целом) в этой области. Этот процесс развивался по трем основным направлениям:

(1) транснационализация ранее существовавших, уже привычных форм и типов внутренних террористических и экстремистских угроз;

(2) формирование новых угроз уже изначально гибридного – доморощенного, но при этом все более транснационализированного характера;

(3) рост и интенсификация транснациональных потоков и циркуляции боевиков-террористов, в т. ч. из самой России и Евразии, и обретение ими нового качества (ставшие главным предметом данного исследования), а также внешние транснациональные риски.

4.2. Транснационализация традиционных террористических угроз

К первому направлению относятся, прежде всего, видоизменение и транснационализация на качественно новом уровне традиционной для постсоветской России угрозы со стороны северокавказского вооруженного подполья. В середине 2010-х годов основным проявлением такой транснационализации стала серия присяг на верность ИГИЛ со стороны разрозненных радикально-исламистских вооруженных группировок и полевых командиров на Северном Кавказе.³³⁶

С одной стороны, этот процесс способствовал дальнейшей радикализации части вооруженного подполья в регионе (а точнее, того, что от него осталось к середине 2010-х годов) по линии салафизма джихадистского толка. Так, по данным Федеральной службы безопасности (ФСБ) на 2015 г., на верность ИГИЛ уже присягнули 26 группировок северокавказского подполья.³³⁷ С ростом влияния и авторитета ближневосточного ИГИЛ в рядах северокавказских вооруженных исламистов связана и интенсификация оттока боевиков с Северного Кавказа в Сирию и Ирак, продолжавшегося к тому времени уже несколько лет (см. раздел 4.4.1).

С другой стороны, переориентация сначала отдельных, а потом и большинства сегментов раздробленного северокавказского вооруженного подполья на ИГИЛ привела к обострению противоречий в рядах самого подполья между сторонниками ИГИЛ и приверженцами местной зонтично-сетевой структуры «Имарат Кавказ» («Кавказский эмират»)³³⁸. Отток боевиков из локальных «мини-джамаатов», ранее формально лояльных «Имарату Кавказ», сильно ослабил эту структуру и позиции ее нового руководства, пришедшего на смену многолетнему лидеру Доку Умарову после его ликвидации силовиками в сентябре 2013 г.³³⁹ Это отчасти облегчило властям если не полный разгром «имарата», то как минимум наращивание силового давления на него и систематическую ликвидацию его лидеров. Кроме того, парад присяг на верность ИГИЛ постепенно стал затухать естественным образом – по мере того, как центральное ядро ИГИЛ в Сирии и Ираке начало терпеть одно поражение за другим и терять

³³⁶ Степанова Е. «Исламское государство» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы. Аналитическая записка ПОНАРС Евразия. 2015. № 393. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perm393_rus_Stepanova_Dec2015_0.pdf; Степанова Е. Россия и «Исламское государство». Российский совет по международным делам: Аналитика и комментарии. 03.07.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spastis-i-ograditsya-rossiya-i-islamskoe-gosudarstvo>.

³³⁷ Данные озвучены директором ФСБ А.Бортниковым. Цит. по: Егоров И. Боевики на экспорт // Российская газета. 15.12.2015.

³³⁸ «Имарат Кавказ» («Кавказский эмират») – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715, вступило в силу 24.02.2010 (далее – везде). В октябре 2007 г. лидер непризнанной «Чеченской республики Ичкерия» в изгнании Доку Умаров провозгласил «Имарат Кавказ» как систему шариатского правления в масштабах северокавказского региона, Чечню (Ичкерия) – одним из вилайятов «имарата», а себя – «амиром всех кавказских моджахедов». Это знаменовало завершение трансформации изначально этносепаратистского повстанческого движения в Чечне в радикально-исламистское движение на Северном Кавказе и одновременно фрагментации и размывания ранее более консолидированного вооруженного подполья.

³³⁹ «Имарат Кавказ» официально признал гибель Д.Умарова в марте 2014 г.

контроль над территорией в основном районе своего базирования. Так она переставала быть той «историей успеха», с которой местные группировки в зонах локальных периферийных конфликтов, будь то на Северном Кавказе или в других регионах мира, стремились ассоциировать себя любой ценой.

Помимо терроризма исламистско-сепаратистского толка, отчасти и подъем правого экстремизма и праворадикального насилия в России на рубеже 2000–2010-х годов,³⁴⁰ и его все более явная антимигрантская направленность также могут рассматриваться как крайние формы реакции на активизацию транснациональных процессов. В данном случае речь о крайней правонационалистической реакции на многомиллионный и во многом не контролируемый приток в РФ легальных и нелегальных трудовых мигрантов, в основном мусульман, а также на неспособность российского государства эффективно регулировать эти потоки.

4.3. Новый терроризм внутренне-транснационализированного типа

Второй процесс – возникновение качественно новых угроз терроризма и экстремизма смешанного, одновременно внутреннего и транснационализированного типа – иллюстрирует более поздний или недавний для России феномен.

Речь идет, во-первых, о радикализации отдельных лиц и небольших групп по пути их превращения в экстремистские исламистские ячейки джихадистского толка. Такие мини-ячейки стали возникать в разных городах и регионах России и уже не обязательно были связаны – или совсем не были связаны – с конфликтом на Северном Кавказе и вообще с какими-либо ранее известными российскими террористическими и экстремистскими организациями. Эти радикальные ячейки нового типа формировались в основном из числа российских граждан (как коренных мусульман, так и новообращенцев в ислам) и – сначала редко, а потом чаще – мигрантов, особенно из стран Центральной Азии.

С одной стороны, процесс радикализации таких мини-ячеек в основном шел на территории самой РФ,³⁴¹ а подавляющее большинство их членов ранее не ездили в какие-либо тренировочные лагеря и не участвовали в вооруженной, в т.ч. террористической, активности и группировках за рубежом. С другой стороны, именно ячейки этого типа особенно легко поддавались транснациональной террористической пропаганде. Они же чаще всех радикализировались онлайн, под прямым или опосредованным влиянием и воздействием транснациональных идеологий, adeptов и вербовщиков транснациональных террористических сетей, прежде всего, ИГИЛ. Именно им свойствен и повышенный интерес к идеологии, повестке и дискурсу «глобального джихада», особенно в его игиловской интерпретации. Очевидно, что эти гибридные, доморощенно-транснационализированные ячейки *типологически* гораздо ближе таким же самогенерирующимся джихадистским мини-ячейкам в Европе и на Западе в целом, чем боевикам вооруженного подполья на Северном Кавказе. Как и джихадистские ячейки в странах Запада, в основном доморощенные и

³⁴⁰ См. Верховский А.М. Динамика преступлений ненависти и деятельности ультраправых групп и движений в России в 2010-е гг. // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). С. 116–124.

³⁴¹ Хотя можно привести и отдельные примеры таких мини-ячеек, сформированных выходцами из России и других стран СНГ в качестве мигрантов или натурализованных граждан в других странах (например, ячейка братьев Царнаевых в США, устроивших теракт на бостонском марафоне 15 апреля 2013 г.): Stepanova E. Lone wolves and network agents in leaderless jihad: the case of the Boston Marathon bombing cell // Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders. Eds. K.Rekawek and M.Milosevic. –Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63.

самоорганизовавшиеся, но вдохновленные ИГИЛ и ассоциирующие себя с ним, мини-ячейки этого типа в России по организационной форме варьировались от террористов-одиночек до сетевых агентов.

Во-вторых, в ряде случаев такие экстремистские мини-ячейки в РФ включали мусульман-мигрантов, в основном выходцев из стран Центральной Азии, а иногда и целиком состояли из них. Предпринимались и неоднократные попытки извне манипулировать фактором миграции в целях исламистско-джихадистской радикализации. Наиболее известный пример – призыв в мае 2015 г. к таджикским мигрантам в России поддержать ИГИЛ со стороны бывшего полковника вооруженных сил Таджикистана и экс-начальника таджикского полицейского спецназа Гульмурода Халимова, примкнувшего к ИГИЛ в Сирии. Исполнителем и организаторами теракта 3 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге, в результате которого погибли 16 и были ранены еще несколько десятков человек, также были выходцы из Центральной Азии. Это был первый успешный, т. е. не предотвращенный, приведший к сравнительно массовым жертвам и вызвавший большой общественный резонанс, теракт в России с участием мигрантов.³⁴² Он был совершен радикальными исламистами нового – не традиционного исламистско-сепаратистского, а именно доморощенно-транснационального – типа.

При этом наибольшую тревогу вызывает тот факт, что если радикализация мигрантов и имела место, то в большинстве случаев не до, а *после* того, как они приехали в РФ, т. е. *во время* их пребывания в России. Именно это позволяет считать такую радикализацию не просто занесенным извне вирусом, а гибридным, доморощенно-транснациональным феноменом. Это же, кстати, ставит и перед самими центральноазиатскими государствами проблему возвращения таких радикализированных мигрантов из России,³⁴³ а для всех государств более широкого евразийского региона – проблему трансевразийской циркуляции таких мигрантов, особенно с учетом свободы передвижения в рамках Евразийского экономического союза.

Тем не менее примеры радикализации мигрантов, особенно центральноазиатских мусульман, и даже теракт 2017 г. в Санкт-Петербурге не меняют тех предварительных выводов, которые можно сделать на основе пока немногочисленных полевых исследований в этой сфере, проведенных на территории России и в странах Центральной Азии. Они свидетельствуют о том, что в целом в 2010-е годы религиозно-идеологическая радикализация трудовых мигрантов в России еще не носила массового характера. На этом этапе трудовые мигранты, в том числе из Центральной Азии, еще не стали категорией населения, подверженной радикализации намного сильнее, чем другие категории.³⁴⁴ Это вполне типично для первого поколения трудовых

³⁴² Непосредственный исполнитель теракта Акбарджон Джалилов был натурализованным гражданином РФ.

³⁴³ См. на примере Кыргызстана: Насреддинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни. Научно-исследовательский ин-т исламоведения (Бишкек) и Центральноазиатская программа Ун-та Дж.Вашингтона. Аналитическая записка № 213. Январь 2019.

³⁴⁴ См. результаты анализа Королевского института объединенных оборонных исследований Великобритании, проведенного во взаимодействии с Институтом востоковедения РАН, включая полевые исследования на территории РФ: Elshimi M.S., Pantucci R., Lain S., Salman N.L. Understanding the Factors Contributing to Radicalization Among Central Asia Labour Migrants in Russia. Royal United Services Institute (RUSI) Occasional Paper. – L.: RUSI, 2018. P. ix etc.; Информационные потоки и радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Центральной Азии. Доклад в рамках проекта “Internews” и “Search for Common Ground” «Содействие стабильности и миру в Центральной Азии посредством повышения медиаграмотности, эффективного освещения и регионального сотрудничества». Август 2019. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2019/08/Information_flows_public_rus.pdf.

иммигрантов в любой стране, обычно целиком поглощенных задачей элементарного социально-экономического выживания, поддержки оставшихся дома семей и т. п. Однако в долгосрочном плане не исключена перспектива более активной радикализации отдельных групп и сегментов той части населения, которую составляют легальные и нелегальные мигранты, особенно во втором поколении – т. е. поколении детей осевших в России трудовых мигрантов. Даже если такая радикализация затронет мизерный процесс мигрантского населения и общин, речь может идти о немалом числе потенциальных экстремистов. По консервативным оценкам легальной миграции (по данным Министерства внутренних дел (МВД РФ) и Федеральной службы государственной статистики) и нелегальной миграции (по данным Федерации мигрантов России), к 2020 г. только мигрантов-выходцев из Центральной Азии в России насчитывалось не менее 6 млн. человек.³⁴⁵

4.4. Транснациональные риски и феномен ИБТ: основные тенденции

Третий комплекс вызовов и рисков, стоящих перед Россией (а также характерных для Евразии в целом), относится к транснационализации терроризма и экстремизма в более широком смысле. Он включает как внешние риски для РФ и ее евразийских соседей, так и транснациональные угрозы со стороны боевиков, террористов и экстремистов российского и евразийского происхождения.

Из объективных внешних рисков для России и Евразии в целом наиболее серьезным является их географическая близость к двум регионам, в начале XXI века лидировавшим – с большим отрывом от других регионов мира – как по уровню террористической активности, в основном радикально-исламистского характера, так и по интенсивности вооруженных конфликтов, в контексте которых применялись террористические методы. Эти два соседних с Евразией региона – Ближний Восток и Южная Азия.

В первые два десятилетия XXI века Ближний Восток вышел в мировые лидеры по террористической активности среди всех других регионов, причем особенно сильный отрыв от них по этому показателю пришелся на 2012–2017 годы.³⁴⁶ При этом на протяжении большей части этого периода главным очагом терроризма – не только на Ближнем Востоке, но и в мире – оставался Ирак (с 2004 г., т. е. после интервенции 2003 г. со стороны США и их союзников, по 2018 г.).³⁴⁷ В 2014–2019 годах в пятерку стран с наивысшим уровнем террористической активности в мире вошла и Сирия, погрузившаяся в пучину интернационализированной гражданской войны.³⁴⁸ Именно Ирак и Сирия стали главными аренами развития и распространения феномена и вооруженной активности ИГИЛ; именно в иракском городе Мосул в июне 2014 г. было объявлено о переходе ИГИЛ в новое качество – о создании так называемого халифата, или «Исламского государства». В середине 2010-х годов значительная часть территории этих двух стран (до 40% территории Ирака и до трети – Сирии) на несколько лет перешла под прямой контроль ИГИЛ, стала его «физическим» ядром и именно на ней развернулся эксперимент ИГИЛ по квазигосударственному строительству. Из других ближневосточных стран в первые два десятилетия XXI века в

³⁴⁵ Цит. по: Соколов А. Как мигранты выживают в кризис // Ведомости. 16.07.2020. Оценка масштаба нелегальной миграции в РФ Федерацией мигрантов России представляется заниженной.

³⁴⁶ См. Рис. 1 во вводной части раздела 2.2.

³⁴⁷ Global Terrorism Index. 2012–2019.

³⁴⁸ Ibid. 2015–2019.

первую десятку стран мира с наивысшим уровнем террористической активности в разные годы входили также Египет, Йемен, Ливия и Турция.³⁴⁹

В первые десятилетия XXI века Южная Азия по уровню терроризма уступала только Ближнему Востоку. Из стран Южной Азии (в российском востоковедении часть этого региона также традиционно именуется Средним Востоком) Афганистан в 2002–2011 годах входил в первую тройку стран мира с наивысшим уровнем терроризма, в 2014–2018 годы вышел на второе место по этому показателю (уступая только Ираку), а в 2019 г. и вовсе возглавил рейтинг Глобального индекса терроризма.³⁵⁰

Соседство постсоветской Евразии с обоими этими регионами как фактор риска усугублялось (а) относительной доступностью и трансграничным движением как в эти регионы, так и из них, а также внутри самой Евразии, в т. ч. благодаря безвизовым режимам между Россией и Турцией, Россией и странами Центральной Азии; (б) масштабными людскими потоками между этими странами, насчитывавшими миллионы; (в) слабой защищенностью границ между Афганистаном, странами Центральной Азии и Россией и т. п.

Еще одним внешним вызовом для России стал значительный рост террористических угроз российским гражданам и объектам за рубежом. Он объясняется как общей тенденцией к транснационализации терроризма, так и активизацией роли и присутствия России в ряде регионов мира (в т. ч. на Ближнем Востоке) в начале XXI века, особенно в 2010-е годы. Катализатором роста террористических угроз для российских граждан и объектов за рубежом, особенно со стороны радикальных исламистов джихадистского толка, стало применение Россией прямой военной силы в антитеррористических целях за пределами территории РФ (с 2015 г. в Сирии – впервые за постсоветский период). Хотя определенный уровень таких угроз имел место и на более ранних стадиях постсоветского периода, в 1990-е – 2000-е годы абсолютное большинство терактов преобладавшего тогда в России типа, связанного с конфликтом на Северном Кавказе, совершалось на российской территории. С момента провозглашения «Исламского государства» летом 2014 г. и вплоть до конца десятилетия самый крупный теракт против граждан РФ со стороны структур, аффилированных с ИГИЛ, был совершен именно за рубежом. 31 октября 2015 г. взрыв российского самолета авиакомпании «Когалымавиа» («Metrojet») над Синайским п-вом (Египет) привел к самой массовой гибели российских граждан в авиакатастрофе (224 человек). Ответственность за взрыв взяло на себя синайское подразделение ИГИЛ.

Наконец, целый комплекс проблем – как для самой РФ, так и в международном плане – связан с тем, что Россия стала страной происхождения одного из самых многочисленных «контингентов» боевиков-террористов, отправившихся в Сирию и Ирак воевать в рядах джихадистских группировок, особенно ИГИЛ, в начале – середине 2010-х годов. Евразия в целом, в ее постсоветском понимании и границах, также стала регионом происхождения значительного числа ИБТ, уступив по этому показателю только Ближнему Востоку.

С разгромом ядра и основных сил ИГИЛ в Сирии и Ираке в 2017–2018 годах перемещение выживших ИБТ, причем не обязательно обратно на родину, в любом случае становилось источником жизненной силы для движения глобального джихада на годы, если не десятилетия, вперед. Конечно, часть бывших ИБТ ждали разочарование в целях и идеологии движения, отход от подрывной, в т. ч. вооруженной, активности или утеря ими физической возможности ее вести (например, в результате ранения, увечья, болезни и других расстройств). Однако

³⁴⁹ См. Табл. 2 в вводной части раздела 2.2.

³⁵⁰ Global Terrorism Index. 2012–2019. См. также Табл. 2 в разделе 2.2.

обретенные теми, кому не просто удалось выжить, но кто сохранил верность джихадизму, транснациональные связи и боевой, террористический, идеологический и организационный опыт рано или поздно дадут или еще дадут о себе знать. Этот *круговорот ветеранов глобального джихада*, часть которых осела или оседет, в т. ч. в третьих странах, а часть продолжит циркулировать между странами и регионами, обеспечит устойчивость этого транснационального движения на годы вперед и преемственность поколений джихадистов на Ближнем Востоке, в Европе, Азии и Евразии. Этот долгосрочный тренд, пожалуй, даже важнее и опаснее, чем возможность некоторого обострения террористической активности в отдельных странах и регионах в краткосрочном плане, благодаря возвращению или релокации части ранее уехавших воевать в Сирию и Ирак ИБТ.

Еще на пике военно-территориальных успехов ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке и его транснационального влияния (к началу 2017 г.), общее число ИБТ, уехавших воевать в Сирию и Ирак из стран Евразии, по официальным данным, озвученным Президентом РФ Владимиром Путиным, достигало 8500–9000.³⁵¹ Это число включало до 4000 ИБТ из России.³⁵² Через полтора года, по информации государственных органов РФ, 619 боевиков-террористов российского происхождения, воевавших за рубежом, было убито,³⁵³ что позволяет оценить число выживших на тот момент (май 2018 г.) примерно в 3400 человек. Если из их числа вычесть тех немногих, которые к тому времени вернулись в Россию (238 человек), а лучше – не только их, но и всех тех ИБТ, кто уже был арестован (368 человек), то получается, что к середине 2018 г. более 3000 транснациональных боевиков-террористов только российского происхождения либо продолжали воевать и вести террористическую активность в рядах остатков джихадистских группировок в Сирии и Ираке, либо переместились куда-то еще, скрываясь в третьих странах или слоняясь между странами и регионами. К началу 2019 г. российские власти впервые публично заявили, что располагают поименным списком граждан РФ, отправившихся в Сирию или Ирак и присоединившихся там к террористическим группировкам.³⁵⁴

4.4.1. Исход боевиков-террористов в Сирию и Ирак и проблемы оценки численности ИБТ

С конца 2000-х годов, на фоне завершения второй чеченской войны, влияние транснационального радикального исламизма в России переживало временный спад. Большинство иностранных джихадистов, ранее воевавших на стороне антиправительственных формирований на Северном Кавказе, переключились на другие конфликтные зоны. В 2012 г., по оценке специального представителя президента РФ в Северокавказском федеральном округе Александра Хлопонина,³⁵⁵ лишь десятая часть финансирования вооруженной активности в регионе поступала из зарубежных источников. Какого-либо существенного нового притока иностранных боевиков в регион не наблюдалось.

³⁵¹ Владимир Путин: в Сирии до 9000 боевиков из бывшего СССР // Коммерсантъ. 23.02.2017; Путин: в Сирии находятся до 9000 боевиков из бывшего СССР // Известия. 23.02.2017.

³⁵² Путин: в Сирии находятся до 9000 боевиков из бывшего СССР.

³⁵³ По данным ФСБ, озвученным заместителем главы администрации президента М.Магомедовым. Цит. по: Замглавы администрации президента: более 600 боевиков из России уничтожены за рубежом // ТАСС. 16.05.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5205471>.

³⁵⁴ По данным руководителя департамента новых вызовов и угроз МИД РФ И.Рогачева, озвученным в ходе его выступления на международном дискуссионном клубе «Валдай» 7 декабря 2018 г. В МИДе заявили об установлении личностей всех уехавших воевать в Сирию россиян // Известия. 07.12.2018.

³⁵⁵ Цит. по: Мухин В. Боевиков лишили золотовалютных резервов // Независимая газета. 20.11.2012.

На этом фоне активизировалось движение боевиков в обратном направлении – отток теперь уже северокавказских боевиков в зоны зарубежных вооруженных конфликтов, особенно на Ближнем Востоке. Речь, прежде всего, о Сирии, где с 2011 г. разгоралась гражданская война, а в рядах вооруженной оппозиции росла роль радикальных исламистов, в т. ч. транснациональных. На этом раннем этапе основная часть иностранных исламистов передислоцировалась в Сирию из Ирака, где еще с 2003 г. шла интернационализованная гражданская война – сопротивление все сильнее радикализировавшейся суннитской оппозиции, в т. ч. с участием зарубежных джихадистов, иностранным оккупационным силам во главе с США и марионеточному иракскому правительству.

Подчеркнем, что приток боевиков российского (тогда почти исключительно северокавказского) происхождения в Сирию и Ирак стал набирать силу за несколько лет до того, как «Исламское государство в Ираке» распространило свою вооруженную активность на территорию Сирии и в апреле 2013 г. поменяло свое название на «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ), а в июле 2014 г. провозгласило себя «халифатом», или «Исламским государством» (ИГ). Уже в первые годы гражданской войны в Сирии боевики северокавказского происхождения появились в составе джихадистских организаций «Джабхат ан-Нусра», «Катаиб аль-Мухаджирин» (Отряды мухаджиров), последствии переименованной в «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», – группировки радикальных исламистов, в составе которой изначально доминировали выходцы из России и Евразии, и других более мелких групп.

Однако до образования ИГ в июне 2014 г. приток российских граждан в ряды джихадистов в Сирии оставался относительно ограниченным, а их численность измерялась сотнями, а не тысячами. По данным ФСБ на июнь 2013 г., в Сирии тогда насчитывалось всего около 200 боевиков из России, воевавших «на стороне террористов».³⁵⁶ Согласно тому же источнику, в сентябре 2013 г. число ИБТ из России, воевавших на стороне вооруженной оппозиции в Сирии и Ираке, еще не превышало 300–400 человек.³⁵⁷ На момент провозглашения «халифата» в июне 2014 г. совокупное число боевиков российского происхождения в Сирии и Ираке, по экспертным данным, все еще не превышало 800 человек.³⁵⁸ Тем не менее уже на этом этапе отток радикально настроенных исламистов из России, прежде всего, в Сирию и Ирак, подтолкнул РФ к введению в ноябре 2013 г. специально оговоренной уголовной ответственности для своих граждан за участие в вооруженных группировках за рубежом.³⁵⁹ Только в 2014 г. по этой статье уже было возбуждено 250 уголовных дел.³⁶⁰

³⁵⁶ По данным директора ФСБ А.Бортникова, цит. по: Порядка 200 выходцев из России воюют на стороне боевиков в Сирии // РИА-Новости. 06.06.2013. URL: <https://ria.ru/20130606/941922358.html>.

³⁵⁷ По информации первого замдиректора ФСБ С.Смирнова, предоставленной в ходе 23-го заседания региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества в Ярославле 20 сентября 2013 г. Российских наемников пересчитали // Интерфакс. 20.09.2013. URL: <https://www.interfax.ru/world/330118>.

³⁵⁸ Артемьев А. Число воюющих за «Исламское государство» россиян увеличилось в три раза // РБК. 08.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2015/5666dd9e9a79477634196207>.

³⁵⁹ Согласно Федеральному закону от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, в части 2 статьи 208 Уголовного кодекса (УК) РФ, участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам РФ, наказывалось лишением свободы на срок до 6 лет (Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ). Об обострении этой проблемы свидетельствует и то, что только за последующие 3 года эта норма ужесточалась дважды: на срок от 5 до 10 лет (№ 130-ФЗ от 5 мая 2014 г.) и от 8 до 15 лет (№ 375-ФЗ от 6 июля 2016 г.).

³⁶⁰ По данным генерального прокурора РФ Ю.Чайки, цит. по: Разуваев В. Путин призвал силовиков к порядку // Независимая газета. 25.03.2015.

После обретения ИГИЛ 29 июня 2014 г. самопровозглашенного статуса «халифата» в динамике притока в его ряды иностранных боевиков и адептов из России и Евразии, как и из других стран и регионов, произошел количественный и качественный скачок.

К данным о численности ИБТ следует относиться весьма осторожно. Из проблем оценки масштаба отъезда ИБТ, *общих для всех стран исхода* и не специфичных для России, подчеркнем сложности с оценкой числа ИБТ в конфликтных зонах вообще – и на территории, контролируемой ИГИЛ и иными джихадистскими группировками в Сирии и Ираке в 2010-е годы, в частности. Они связаны, прежде всего, с неформальным характером самих этих потоков. Получение оперативных разведывательных данных путем агентурной работы с потоками ИБТ, связанными с ними группировками и сетями и внутри них было затруднено – причем не только в странах назначения, но и в транзитных странах. Речь, прежде всего, о Турции, через которую шел основной приток джихадистов и где они годами пользовались относительной свободой маневра, рассматривая ее чуть ли не как свой «задний двор», в т. ч. уже после провозглашения ИГ и на этапе его подъема. Такая работа должна вестись спецслужбами как минимум всех стран, чьи граждане или территория вовлечены в круговорот ИБТ. Однако она сопряжена с высокими рисками и требует времени на подготовку, внедрение и т. п. в условиях, когда перемещение ИБТ может идти более быстрыми темпами. Именно это произошло в случае с ИГИЛ в середине 2010-х годов, когда на сравнительно коротком временном отрезке приток ИБТ приобрел крайне интенсивный, буквально лавинообразный характер.

Отчасти разночтения в данных о численности и других параметрах активности ИБТ происходят из различной методики учета, подсчета и сбора соответствующей информации различными государственными органами и ведомствами в разных целях, связанных с их специфическим функционалом, например, специальными разведывательными (контрразведывательными) службами, полицейскими ведомствами, пограничными службами, судебными органами и т. п.

В разных источниках (от СМИ и аналитики до заявлений официальных лиц) также регулярно наблюдалась путаница между:

- числом ИБТ из той или иной страны или группы стран (того или иного региона) только в Сирии или только в Ираке – и их общей численностью в этих двух странах основной активности ИГИЛ, а иногда и на Ближнем Востоке в целом;

- числом завербованных и действующих боевиков-террористов в Сирии и Ираке – и численностью ИБТ вместе с членами семей (для тех боевиков, кто переехал туда с семьями).

Из проблем сбора данных об ИБТ, *характерных или специфичных для РФ*, можно отметить следующие.

(а) Некоторое завышение числа ИБТ непосредственно из России возможно, например, в силу того, что отток исламистов с Северного Кавказа начался за годы до формирования ИГИЛ/ИГ в Сирии и Ираке. Не все из них были связаны с вооруженным экстремизмом и не все направились непосредственно в Сирию и Ирак. Часть радикальных исламистов северокавказского происхождения осела в Турции, Египте, на Украине и в других ближневосточных и европейских странах как в период до расцвета ИГИЛ, так и на этапе его подъема. Это касается и волны радикалов, покинувших северокавказский регион не столько под внешним влиянием, сколько в силу внутрirosсийских факторов – например, в условиях беспрецедентного усиления контртеррористических мероприятий в РФ в целом и особенно на юге России, включая северокавказский регион, накануне и в ходе Олимпийских игр в Сочи 2014 г.

(б) В плане межведомственных разночтений в данных по численности ИБТ для России характерно частое несовпадение (порой в разы) соответствующей статистики, предоставляемой ФСБ как основным профильным ведомством, с данными МВД.

(в) В российских медийных и экспертно-политических кругах нередко наблюдалась путаница в оценке числа ИБТ, собственно, из России и из всех стран Содружества Независимых Государств (СНГ) или из постсоветской Евразии в целом.

(г) Наконец, нельзя упускать из виду и подкрепленный многочисленными свидетельствами факт присутствия в рядах ИБТ в Сирии и Ираке значительного числа бывших российских граждан из северокавказских диаспор за рубежом, особенно на Ближнем Востоке, а также некоторого числа северокавказских мигрантов из европейских стран, покидавших Северный Кавказ десятилетиями начиная с первой чеченской войны, и их детей из числа уже второго поколения эмигрантов. Например, 40% (!) всех ИБТ из Австрии в Сирии и Ираке составляли иммигранты-выходцы с Северного Кавказа и австрийские граждане северокавказского происхождения.³⁶¹ Учет таких ИБТ затруднен, а оценки их численности и доли в общем числе ИБТ российского происхождения могут быть занижены.

Однако даже с учетом этих оговорок общая тенденция сомнений не вызывает: с середины – конца 2014 г. в Сирии и Ираке стало в разы больше вооруженных исламистов из России, все чаще действовавших в составе группировок, вошедших в состав «Исламского государства» или заявивших о своей лояльности ему, в т. ч. «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», в основном состоявшей из иностранцев. В декабре 2014 г. ИГИЛ и группировка «Джабхат ан-Нусра» были включены в российский список террористических организаций.³⁶² В феврале 2015 г. директор ФСБ Александр Бортников сообщил, что среди боевиков в Сирии и Ираке уже находились около 1700 российских граждан.³⁶³ К декабрю 2015 г. их численность, по данным ФСБ, подскочила до 2900 человек,³⁶⁴ а в марте 2016 г. МВД РФ насчитало 3417 россиян, выехавших на территорию активности ИГИЛ на Ближнем Востоке, включая около 200 новообращенцев, не принадлежавших к тем коренным этносам России, которые традиционно исповедуют ислам.³⁶⁵

В 2015 г. среди российских ИБТ число боевиков-джихадистов непосредственно из Чечни могло составлять от 150, по экспертным данным,³⁶⁶ до 484 человек, по данным главы Чечни Рамзана Кадырова на ноябрь 2015 г.³⁶⁷ ИГИЛ нуждалось в северокавказских боевиках, прежде всего, благодаря их навыкам и опыту в области вооруженной борьбы. Вдобавок их относительная автономность от местных кланов и интересов, свойственная также другим иностранным джихадистам, повышала оперативную мобильность и гибкость формирований с их участием. В свою очередь, боевиков с Северного Кавказа привлекала в ИГИЛ перспектива борьбы на переднем

³⁶¹ EU TESAT 2019. P. 41.

³⁶² Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Федеральная служба безопасности. 31.08.2020. <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

³⁶³ Патрушев назвал число воюющих в Сирии и Ираке жителей Северного Кавказа // Lenta.ru. 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/nortcaucasus>.

³⁶⁴ Из доклада директора ФСБ А.Бортникова на заседании НАК 15 декабря 2015 г. Цит. по: Солопов М. Спецслужбы России вычислили сотни вернувшихся из Сирии и Ирака боевиков // РБК. 25.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2015/567bfd9a7947a3b3bc7387>.

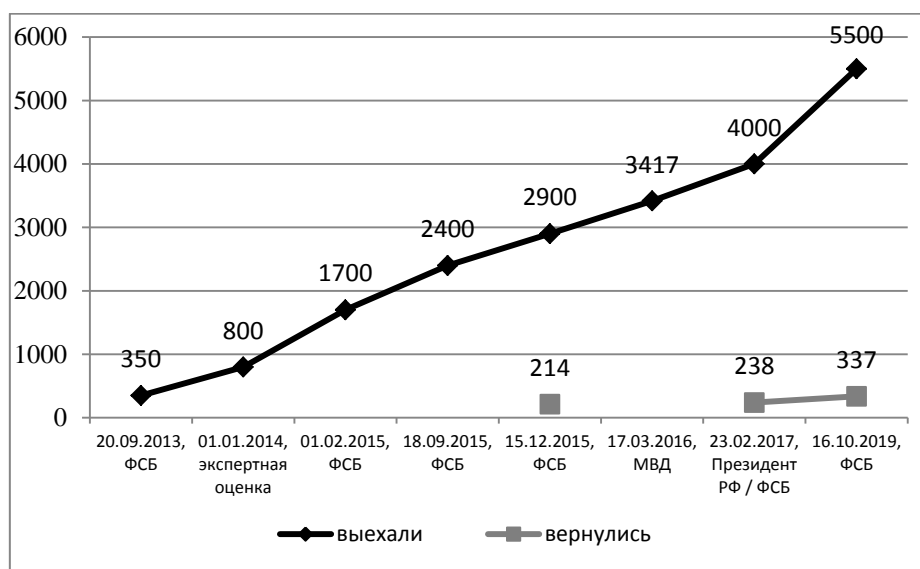
³⁶⁵ По данным заместителя начальника главного управления по противодействию экстремизму МВД РФ В.Макарова. Цит. по: Петров И. За террористов в Сирии и Ираке воюют до 3,5 тысяч россиян // Российская газета. 17.03.2016.

³⁶⁶ Из около 1500 ИБТ – этнических чеченцев. Малашенко А. От ИГИЛа до Донбасса // Независимая газета. 06.03.2015.

³⁶⁷ Цит. по: Артемьев А. Ук. соч.

крае «глобального джихада» во имя самопровозглашенного «халифата», создавшего обширную территориальную и солидную финансовую базу и успешно противостоявшего сразу двум ослабленным национальным государствам в ключевом мусульманском регионе мира. Это составляло резкий контраст с существованием северокавказских радикалов в 2010-е годы в качестве маргинального подполья на родине – под жестким прессингом со стороны сил безопасности, на периферии крупного, функционального и многоконфессионального государства с коренными мусульманскими меньшинствами – Российской Федерации.

Рис. 11. Число ИБТ, выехавших из России в Сирию и Ирак и вернувшихся в Россию, (чел.), 2013–2019 гг.

Источники: открытые данные ФСБ РФ, администрации Президента РФ, МВД РФ и экспертные оценки

Образ ИГИЛ стал привлекательным не только для боевиков-джихадистов. Помимо того, что ИГИЛ, хотя и на сравнительно короткий период, стало самым смертоносным негосударственным вооруженным актором и террористической организацией в мире, это движение еще и начало беспрецедентный эксперимент по строительству государства и общества радикально-исламистского типа. ИГИЛ не только пыталось осуществлять функции базового административного управления «по шариату», но и стало крупным транснациональным миграционно-переселенческим проектом. «Халифат» рекламировал себя как «землю обетованную» для всех мусульман и в особенности для «недовольных» и «униженных». Особо приветствовался приток строителей, нефтяников, врачей, инженеров и других специалистов, создававших «инфраструктуру» ИГИЛ, а также членов семей боевиков – женщин и детей. По некоторым подсчетам, в 2015 г. до 15% всех выходцев с Северного Кавказа на территориях, контролируемых радикальными исламистами в Сирии и Ираке, могли составлять женщины,³⁶⁸ что в целом соответствовало среднему показателю для ИГИЛ.³⁶⁹ По данным уполномоченного по правам ребенка Анны Кузнецовой на сентябрь 2017 г., из России было вывезено на Ближний Восток или

³⁶⁸ Арифмезова Г. Совсем не идеальный исламский мир // Независимая газета. 02.06.2015.

³⁶⁹ Женщины составляли около 13% всех ИБТ и иностранных переселенцев на контролируемых ИГИЛ территориях. Cook J., Vale G. Op. cit. P. 4.

родилось у выходцев из России уже в зоне боевых действий в Сирии и Ираке 445 детей.³⁷⁰

В середине 2010-х годов численность боевиков-террористов из России (2900 человек на декабрь 2015 г.) и в целом из всех стран бывшего СССР (4700 ИБТ) в рядах ИГИЛ и других радикально-исламистских группировок в Сирии и Ираке еще отставала от числа ИБТ из стран ЕС (около 5000) и значительно уступала общему числу ИБТ из стран Ближнего Востока (8240).³⁷¹ Тем не менее среди отдельных стран происхождения ИБТ Россия уже в 2015 г. вышла на третье место, уступив только Тунису и Саудовской Аравии, но обогнав, например, Турцию.³⁷² Однако, как уже упоминалось, в относительном измерении – по числу ИБТ на 1 млн населения страны исхода – Россия заняла лишь 25-е место, уступив той же Турции, а из евразийских стран, например, Казахстану.³⁷³

Важнее, что за три с половиной года (с ноября 2013 г. по февраль 2017 г.) число ИБТ из России в Сирии и Ираке выросло многократно – более чем в десять раз (!). По данным ФСБ, озвученным президентом В.Путиным в феврале 2017 г., число боевиков-террористов из стран Евразии достигло 8500–9000 человек, включая до 4000 ИБТ российского происхождения.³⁷⁴ Около 2700 из них, по оценкам ФСБ на апрель 2017 г., составляли выходцы с Северного Кавказа.³⁷⁵ По некоторым зарубежным данным, Россия по абсолютному числу ИБТ могла выйти на первое место среди всех стран происхождения ИБТ в Сирии и Ираке.³⁷⁶ При этом наивысшая оценка абсолютного числа ИБТ российского происхождения (5500 человек) все же предоставлена российским источником – директором ФСБ А.Бортниковым в октябре 2019 г.³⁷⁷ Как всегда, следует учитывать, что в относительном измерении, из расчета числа уехавших ИБТ на 1 млн населения страны в целом или ее мусульманского населения, в частности, российские показатели оставались не слишком высокими.

Усиление силового давления на позиции ИГИЛ в Сирии и Ираке со стороны внешних сил (параллельно действовавших коалиций во главе с Россией и США, соответственно), а также правительственных сил Сирии и Ирака и иных местных формирований (курдов, шиитских милиций) – за несколько лет привело не только к потере ИГИЛ контроля над ранее подконтрольными ему территорией и населением к концу 2010-х годов, но и к снижению его привлекательности для иностранных боевиков-террористов как «истории успеха» и «непобедимого халифата». Это вновь активизировало циркуляцию потоков ИБТ, в т. ч. российского происхождения, между странами и регионами и повысило риск их возвращения домой или передислокации в третьи страны. Особую озабоченность – как на национальном, так и на международном уровне – вызывала перспектива массового возвращения ИБТ, воевавших в рядах джихадистов, в страны своего происхождения. На этом фоне следует обратить внимание на существенную специфику России и Евразии, где эволюция феномена ИБТ

³⁷⁰ Кузнецова назвала число находящихся в Ираке и Сирии российских детей // Russia Today. 18.09.2017. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/431358-kuznecova-irak-siriya-deti>.

³⁷¹ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 5, 7–10.

³⁷² Ibid. P. 5.

³⁷³ Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 19. Table 4. См. также раздел 3.1.1.

³⁷⁴ Владимир Путин: в Сирии до 9000 боевиков из бывшего СССР; Путин: в Сирии находятся до 9000 боевиков из бывшего СССР.

³⁷⁵ Патрушев назвал число воюющих в Сирии и Ираке жителей Северного Кавказа.

³⁷⁶ На этом, например, настаивает американский Центр «Суфан», в 2017 г. поставивший на первое место по общему числу ИБТ в Сирии и Ираке из стран их исхода Россию (насчитав более 3400 ИБТ российского происхождения), а из основных регионов исхода – постсоветскую Евразию (оценив число ИБТ евразийского происхождения в более чем 8700 человек). Barrett R. Op. cit. P. 10.

³⁷⁷ ФСБ: установлены 5,5 тысячи россиян, выехавших воевать в рядах террористов // РИА-Новости. 16.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191016/1559839880.html>.

на этом новом этапе демонстрировала как некоторое сходство, так и значительные отличия от циркуляции ИБТ из других стран и регионов их исхода, прошедших Сирию и Ирак.

4.4.2. Замедление оттока ИБТ

При всем повышенном и даже утрированном фокусе на проблеме ожидавшегося в конце 2010-х годов массового наплыва ИБТ в обратном направлении, в страны исхода, более явными тенденциями начиная с 2016 г. стали, скорее, постепенное замедление и сокращение масштабов оттока боевиков в Сирию и Ирак. Эти тенденции были наиболее характерны для динамики движения ИБТ, происходивших из двух из трех основных регионов их исхода – Большого Ближнего Востока и Европы. Спад притока иностранных боевиков-террористов в ряды джихадистов в Сирии и Ираке объяснялся как постепенным ухудшением военного положения самого ИГИЛ и сокращением территории под контролем ИГИЛ и других джихадистских группировок в Сирии и Ираке, так и усложнением передвижения ИБТ через транзитные страны (прежде всего, Турцию) и наращиванием превентивных контртеррористических усилий в странах их происхождения. Показательно, что, несмотря на постепенное ослабление своего военно-территориально-административного ядра, ИГИЛ достаточно оперативно реагировало на неизбежное сокращение пополнения своих рядов извне. Руководство ИГИЛ гибко адаптировало идеологическую пропаганду к этой тенденции, перейдя от призывов приезжать на землю «халифата» к призывам к потенциальным ИБТ оставаться в своих странах и продвигать «глобальный джихад» на местах.³⁷⁸ В целом сокращение оттока ИБТ в конфликтные зоны в Сирии и Ираке вплоть до конца десятилетия оставалось более выраженной и устойчивой тенденцией в международном масштабе, чем их сколько-нибудь массовый возврат домой.

На этом фоне динамика перемещения ИБТ из России и Евразии имела свою специфику. Так, если верить данным российских спецслужб, число ИБТ из России, в отличие от большинства других стран мира, продолжало расти вплоть до 2019 г. (см. *Рис. 11*). Однако эта тенденция нуждается в ряде уточнений и оговорок.

Во-первых, изменение оценки числа ИБТ из России с 4000 человек в начале 2017 г. до 5500 в конце 2019 г., т. е. уже на этапе отступления, ослабления и распада ядра ИГИЛ, отчасти отражало расширение возможностей российских спецслужб по более точному выявлению и учету ИБТ в результате оперативно-агентурной и иной разведывательной работы. Условия для такой работы улучшились, в т. ч. в результате прямого военного участия России в антитеррористической деятельности в Сирии с 2015 г.

Во-вторых, оценка в 5500 ИБТ, данная главой ФСБ А.Бортниковым в октябре 2019 г., относилась к общему числу боевиков-террористов российского происхождения, воевавших на тот момент в рядах вооруженных, в т. ч. террористических, организаций за рубежом. Хотя большинство ИБТ из России в 2010-е годы уехали именно в Сирию и Ирак, часть отправилась и в другие «горячие точки».

Наконец, в-третьих, такая высокая оценка числа ИБТ российского происхождения, несмотря на значительные людские потери среди них (большинство боевиков-выходцев из России, особенно в Сирии, активно участвовали именно в боевых и иных вооруженных операциях на стороне джихадистов), могла объясняться

³⁷⁸ Al-Adnani al-Shami A.M. “That They Live By Proof”; Al-Baghdadi A.B. “Bashair as-sabirin”; Al-Baghdadi A.B. “In the hospitality of amir al-mu’minin”.

гораздо более низкой, по сравнению со странами других регионов, долей ИБТ, возвратившихся домой (см. раздел 4.4.3).

С учетом этих оговорок динамика передвижения российских ИБТ не так сильно контрастировала с потоками из остальных стран и регионов на этапе ослабления ИГИЛ, как это может показаться на первый взгляд. В любом случае, хотя отток боевиков-террористов из России на Ближний Восток снизился и не так сильно, как отток из других стран и регионов, он все же существенно замедлился в 2017–2019 годах, по сравнению с периодом расцвета ИГИЛ в 2014–2016 годах, когда число ИБТ, уехавших из России в Сирию и Ирак, выросло в пять раз.

4.4.3. Возвращение ИБТ

Характер и динамику возвращения ИБТ в Россию отличают две особенности, составляющие значительный контраст с ходом этих процессов как в Европе, так и на Ближнем Востоке.

Во-первых, доля боевиков, вернувшихся из Сирии и Ирака в Россию (а также в страны Центральной Азии) оставалась значительно ниже, чем доля возвращенцев в два других основных региона исхода ИБТ – в Европу и на Ближний Восток. К 2018 г. в эти два региона вернулось практически равное число ИБТ (чуть более 3000 человек в каждый); в совокупности на оба региона пришелся 81% всех вернувшихся.³⁷⁹ Из общего числа ИБТ, уехавших в Сирию и Ирак с апреля 2013 г. (41490 человек), к середине 2018 г. домой вернулись 7366 человек, или 17,7%.³⁸⁰ В то же время из 8500–9000 ИБТ в Сирии и Ираке, происходивших из всех стран постсоветской Евразии, домой вернулось менее 1000 (менее 11,1–11,7%), т. е. уже на тот период налицо было двукратное отставание ИБТ евразийского происхождения по доле вернувшихся на родину от среднемирового уровня. Более того, непосредственно на территорию России тогда вернулось менее 300 ИБТ. Не удивительно, что в условиях высокого риска выявления и ареста ИБТ, сравнительно жесткого полицейско-силового контроля, уголовного преследования и противодействия насильственному экстремизму в России в целом и на Северном Кавказе, в частности, доля возвратившихся на родину из Сирии и Ирака джихадистов из числа российских граждан оставалась одной из самых низких среди основных стран происхождения ИБТ.

Во-вторых, судя по доступным данным, доля вернувшихся от общего числа ИБТ, уехавших из России, даже несколько снизилась со временем: например, в 2019 г. она была ниже, чем в 2015 г. Если к концу 2015 г. из Сирии и Ирака в Россию вернулись 214 из 2900 уехавших боевиков-террористов российского происхождения (7,4%), то в 2017 г. доля вернувшихся (238 из около 4000) снизилась до 5,9% и с тех пор вплоть до конца десятилетия оставалась практически неизменной. Из 5500 ИБТ из России, по данным ФСБ на октябрь 2019 г., на родину вернулось лишь 337 человек, или 6%.³⁸¹ Этот уровень существенно контрастировал с процентными показателями вернувшихся из ИГИЛ джихадистов в европейских странах их исхода.

Отчасти тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что и так низкий процент вернувшихся в Россию ИБТ был даже несколько выше в середине 2010-х годов (в период расцвета ИГИЛ), чем в конце десятилетия (на этапе ослабления и развала его ядра), можно объяснить волновым характером оттока боевиков-террористов и прочих adeptов ИГИЛ из России в Сирию и Ирак и в обратном направлении. Как и в Европе,

³⁷⁹ Global Terrorism Index 2018. P. 63.

³⁸⁰ Cook J., Vale G. Op. cit. P. 15.

³⁸¹ ФСБ: установлены 5,5 тысячи россиян, выехавших воевать в рядах террористов.

отток (и возврат) джихадистов из/в РФ пережил две основных волны, хотя он происходил в иных контекстных условиях.

Большинство вернувшихся в Россию ИБТ относились к первой волне оттока боевиков в Сирию и Ирак, в основном с Северного Кавказа. Как отмечалось выше, эта волна берет свое начало с рубежа 2000-х и 2010-х годов. Она состояла почти исключительно из боевиков северокавказского подполья поколения «Имарата Кавказ», а также из выходцев из мигрантских и диаспорных общин северокавказского происхождения, отправившихся воевать на стороне вооруженной оппозиции в Сирии еще до расцвета ИГИЛ. Не все из них автоматически вступили в ряды ИГИЛ после того, как это движение стало главной джихадистской силой в Сирии: некоторые оставались или перешли в другие вооруженные группировки или вообще уехали, в основном в Турцию, но и в ряд других стран. Наивысший процент возврата ИБТ в Россию за десятилетие (по данным ФСБ, 7,4% на декабрь 2015 г.) пришелся как раз на две с лишним сотни возвращенцев этой, в основном доигиловской, волны. Если верить тем же данным, число вернувшихся ИБТ (214 человек) лишь немного превышало число убитых (198). При этом 80 из вернувшихся ИБТ на тот момент уже были осуждены, а еще 41 арестован.³⁸² Для сравнения: в Великобританию к началу 2016 г. уже вернулось почти 50% джихадистов, ранее уехавших воевать в Сирию и Ирак.³⁸³

Вторая и, судя по всему, более многочисленная волна оттока российских джихадистов на Ближний Восток уже была связана непосредственно с феноменом ИГИЛ и стала лавинообразно нарастать после провозглашения «халифата». Хотя в ней присутствовал и северокавказский сегмент, она была гораздо более разнородной по составу и включала мусульманскую и новообращенную в ислам молодежь разной этнической принадлежности, но уже в основном городскую, образованную и со всей России. Эта молодежь была хуже подготовлена к ведению вооруженной борьбы, но в то же время была более радикально настроена идеологически и стремилась попасть именно в ряды ИГИЛ.

С одной стороны, многочисленность примкнувших к ИГИЛ россиян этой волны отчасти должна была компенсироваться и более высокими потерями среди них (составившими, только по официальным данным, 619 человек убитыми на май 2018 г., не считая раненных),³⁸⁴ чем среди ИБТ первой волны (198 человек убитыми к концу 2015 г.). Более высокий уровень потерь объяснялся как возросшим с середины 2010-х годов военным давлением и ужесточением операций против ИГИЛ непосредственно в Сирии и Ираке, так и более слабой военно-подрывной-террористической подготовкой ИБТ второй волны. С другой стороны, процесс ослабления ядра ИГИЛ на Ближнем Востоке теоретически должен был стимулировать возвращение на родину части его сторонников второй волны – как боевиков, так и переселенцев – и повысить его вероятность. Тем не менее ИБТ второй волны российского происхождения этот процесс затронул в (наи)меньшей степени. В конце 2010-х годов большинство вернувшихся в Россию участников этой волны составили не столько сами джихадисты, сколько члены их семей – женщины и дети.

³⁸² Спецслужбы России вычислили сотни вернувшихся из Сирии и Ирака боевиков // РБК. 25.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2015/567bfd9a7947a3b3bc7387>.

³⁸³ CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism: Annual Report for 2015 Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department. CM9310. – L.: Williams Lea Group on behalf of the Controller of Her Majesty's Stationery Office, 2016. P. 7.

³⁸⁴ Замглавы администрации президента: более 600 боевиков из России уничтожены за рубежом.

4.4.4. Релокация ИБТ в третьи страны

Не меньшей, а, возможно, и более серьезной и острой проблемой, чем ограниченный возврат боевиков-террористов из районов активности джихадистов в Сирии и Ираке обратно в Россию и Евразию, стал их переезд (перемещение, или релокация) *в третьи страны*.

В целом в конце 2010-х годов упрощенная, традиционная для циркуляции ИБТ схема «*страна происхождения – транзитная страна – страна назначения – назад в страну происхождения*» для многих выживших боевиков, особенно из России и Евразии, потеряла свою актуальность. К началу 2020-х годов большинство выживших русскоязычных ИБТ и иных джихадистов из стран Евразии *не вернулись домой*, и вероятность, что значительное их число еще вернется, не очень велика. Вместо этого немало таких ИБТ переместились, бежали или находились в процессе передислокации в третьи страны, особенно Ближнего Востока (в Турцию, Египет, Иорданию и т. п.), а также Европы и Азии.

Стремление многих выживших в ходе вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке ИБТ с российскими, в т. ч. северокавказскими, корнями перебазируться в третьи страны было обусловлено рядом факторов. Наличие жестких барьеров и перспектива сурового преследования и наказания на родине, особенно в России и в странах Центральной Азии, подталкивали многих боевиков к передислокации в те страны, где ограничений и рисков для них было меньше.

Еще одним немаловажным фактором стало наличие к тому времени значительных северокавказских и центральноазиатских диаспор за пределами Евразии, особенно на Ближнем Востоке и в Европе. Они включали не только исторические, складывавшиеся веками, но и новые диаспоры, сформированные относительно недавними переселенцами, бежавшими с территории бывшего СССР в конце XX – начале XXI века от вооруженных конфликтов и экономических неурядиц, а в случае фундаменталистов-салафитов – и от преследования или как минимум повышенного внимания к ним со стороны правоохранительных органов и силовых структур в России и других странах СНГ. Среди фундаменталистов в таких зарубежных общинах, в т. ч. салафитских, и среди их лидеров и духовных авторитетов не обязательно преобладали сторонники ИГИЛ и «глобального джихада».³⁸⁵ Однако само наличие среды бывших соотечественников и возможность задействования земляческих, родственных и иных контактов с ними за рубежом облегчали для ИБТ и иных переселенцев – резидентов бывшего «халифата» задачу передислокации в соответствующие третьи страны.

К тому же часть боевиков северокавказского происхождения, воевавших в рядах ИГИЛ и иных джихадистских группировок в Сирии и Ираке, изначально приехала не из России, а происходила из различных эмигрантских общин и диаспор выходцев с Северного Кавказа в странах Ближнего Востока, Южного Кавказа и Европы. Они уехали туда еще до резкого обострения проблемы джихадизма в контексте вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии и еще до расцвета феномена ИГИЛ в середине 2010-х, и не с исторической родины, а уже из третьих стран. В эти же страны те из них, кто выжил, в основном и пытались – или рано или поздно попытаются – вернуться.

³⁸⁵ Среди влиятельных русскоязычных салафитских проповедников за рубежом, не поддерживавших ИГИЛ, но активно продвигавших «Имарат Кавказ», можно выделить, например, Абдуллу Костекского, базирующегося в Турции. Ряд его интервью включен в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ: URL: <http://pravo.minjust.ru/extremist-materials?combine=&page=480>.

4.5. Угрозы, связанные с ИБТ

4.5.1. Угрозы со стороны ИБТ внутри России

В самой России ИБТ, прошедшие Сирию или Ирак и вернувшиеся на родину, за период вплоть до конца 2020 г. не приняли прямого участия в терактах.³⁸⁶ С учетом того, что таких ИБТ почти поголовно ждал арест и осуждение на те или иные сроки заключения, это неудивительно. В целом во второй половине 2010-х годов теракты в России носили преимущественно внутренний (доморощенный) характер, в ряде случаев сочетавшийся с транснациональными связями и влиянием.

За этот период атакой с наиболее явным транснациональным аспектом не только в России, но и пределах СНГ, стал теракт в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г. Если интенсивность теракта измерять как его летальность, т. е. по людским потерям, понесенным непосредственно в результате теракта (в данном случае, 16 убитых, включая террориста, и 67 раненых), то, по российским меркам, его можно квалифицировать как теракт средней тяжести. 22-летний террорист-смертник Акбарджон Джалилов (уроженец Киргизии, но к тому времени натурализованный гражданин РФ) привел в действие самодельное взрывное устройство в вагоне поезда метро между станциями «Технологический институт» и «Сенная площадь», а до этого оставил сумку с другим взрывным устройством на станции «Площадь восстания» (оно не взорвалось в силу технической неисправности). В данном случае все 11 подозреваемых, арестованных по горячим следам в Санкт-Петербурге и Москве (в т. ч. в петербургской квартире, где нашли третье взрывное устройство, идентичное двум первым) были выходцами из Центральной Азии. По данным следствия, они были организованы как сетевая структура, в рамках которой большинство участников не знали друг друга, а коммуникация велась в основном дистанционно, через современные средства связи. В декабре 2019 г. все 11 были осуждены: основной организатор Абдор Азимов получил пожизненный приговор, а остальные были приговорены к длительным срокам заключения (от 19 до 28 лет). Следствие исследовало и возможные транснациональные связи за пределами СНГ – они свелись к выходцу из Киргизии Сирожуддину Мухтарову, главе группировки «Катиба Таухид валь-Джихад» (Отряд единобожия и джихада)³⁸⁷ в Сирии, которого киргизские власти считали причастным к организации нескольких терактов на родине. По версии следствия, Мухтаров и его сообщник узбек Бобиржон Махбузов (оба арестованы заочно) планировали теракт в Санкт-Петербурге еще с 2013 г. (летом 2017 г. это дело было выделено в отдельное производство).³⁸⁸

Парадоксальным образом самая тесная связь с ИГИЛ отличала несколько терактов иного типа – атак со стороны доморощенных террористов-одиночек с использованием примитивных средств и с минимальным уровнем организации, по крайней мере, на первый взгляд. Например, 19 августа 2017 г. 19-летний выходец из Дагестана Артур Гаджиев после дистанционной присяги на верность ИГИЛ надел на себя муляж пояса смертника, вооружился холодным оружием (ножом и топором),

³⁸⁶ Хотя среди участников терактов в РФ и были террористы, намеревавшиеся отправиться воевать на стороне джихадистов на Ближнем Востоке (т. е. потенциальные ИБТ).

³⁸⁷ «Катиба Таухид валь-Джихад» – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Московского окружного военного суда от 05.06.2019 № 2-63/2019, вступившего в силу 05.07.2019.

³⁸⁸ Дело о теракте в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 года // РИА-Новости. 10.12.2019; Организатору теракта в метро Санкт-Петербурга дали пожизненное // Коммерсантъ. 10.12.2019. См. альтернативную интерпретацию: Леонов М. Забывчивые эксперты и свидетели в масках // Новая газета. 10.12.2019.

напал на прохожих в сибирском городе Сургуте и в итоге был застрелен правоохранителями. В тот же день ИГИЛ взяло на себя ответственность за этот теракт через твиттер-аккаунт своего информационного агентства «Амак».³⁸⁹ Через несколько дней на центральном медиа-портале ИГИЛ «Фурат» было опубликовано «последнее видео смертника» с клятвой верности Гаджиева «Исламскому государству». Среди нападений того же типа – совершенная десять дней спустя ножевая атака на полицейских на автозаправочную станцию в г. Каспийске (Дагестан), в результате которой погиб один полицейский и еще один был ранен, а двое террористов были убиты и ответственность за которую также взяла ИГИЛ через один из своих медиа-рупоров.³⁹⁰

Несмотря на то, что в конце 2010-х годов в России теракты, связанные, пусть и посредством медийно-пропагандистских контактов, с ядром ИГИЛ, в основном совершались доморощенными террористами-одиночками, а не ветеранами джихада в Сирии и Ираке, возможность участия ИБТ российского происхождения в насилии на российской территории нельзя сбрасывать со счетов. Не следует недооценивать и потенциальную роль таких ИБТ в радикализации будущих экстремистов. По инерции в СМИ, экспертных и околоэкспертных кругах распространено мнение о том, что главным центром притяжения для тех возвратившихся или планирующих вернуться ИБТ, которые не оставили намерений вести подрывную деятельность, должен стать именно Северный Кавказ,³⁹¹ где они попытаются реактивировать сильно разрозненное и ослабленное подполье, состоящее из локальных мини-джамаатов. Тем не менее федеральная стратегия сдерживания тлеющих остатков вооруженного насилия в этом регионе на минимальном уровне и неослабевающее давление на них со стороны местных силовиков жестко ограничили возможности возвращения ИБТ северокавказского происхождения в родной регион и возобновления ими вооруженной активности. Однако даже если немногим ИБТ каким-то образом удалось или удастся нелегально вернуться на Северный Кавказ, это вряд ли способно коренным образом повлиять на ситуацию в регионе, а, скорее, может служить лишь осложняющим фактором и проблемой обеспечения безопасности.

Не меньшую, а, пожалуй, даже бóльшую опасность представляет перспектива возвращения даже очень небольшого числа ИБТ в другие регионы России, особенно в крупные города, где легче затеряться. Именно там спрос на опыт, навыки и авторитет джихадистов-ИБТ может быть не ниже, а выше, чем на Северном Кавказе. Этот риск особенно актуален в контексте особенностей исламистской радикализации в России конца 2010-х годов, которая уже не (обязательно) была связана с северокавказским регионом и все чаще изначально носила гибридный, транснационально-доморощенный характер. Речь идет о рассмотренных выше процессах самогенерации и распространения в разных регионах России мелких, автономных радикально-исламистских мини-ячеек, состоящих из российских мусульман и мигрантов и вдохновленных, а т. ч. онлайн, посылом, пропагандой и идеологией ИГИЛ и иных транснациональных террористических сетей. Подобно своим «собратям» на Западе (и в отличие от вооруженного северокавказского подполья), ячейки этого относительно нового типа в России демонстрируют значительный разрыв между своими завышенными амбициями и целями (вплоть до «глобального джихада») – и зачастую

³⁸⁹ Breaking: Amaq News Agency reported #ISIS responsibility for knife attack in #Surgut #Russia // SITE Intel Group twitter account. 19.08.2017. URL: <https://twitter.com/siteintelgroup/status/898897225266462721>.

³⁹⁰ Amaq News Agency reported that the executors of the knife attack in #Kaspiysk #Dagestan #Russia are 'soldiers' of #ISIS // SITE Intel Group twitter account. 28.08.2017. URL: <https://twitter.com/siteintelgroup/status/902177618727985152>.

³⁹¹ Ibid.

отсутствием или слабым уровнем подготовки к ведению террористической деятельности. Именно этот разрыв им могли бы помочь преодолеть вернувшиеся с Ближнего Востока боевики-джихадисты, если их вовремя не отследить, не остановить и не обезвредить. Даже если лишь очень небольшому числу таких «профессионалов джихада» удастся преодолеть все барьеры и нелегально вернуться в Россию (и даже если лишь часть из них продолжит вооруженно-экстремистскую активность внутри РФ), их будет достаточно для того, чтобы передать свой опыт отдельным местным доморожденным ячейкам, обучить и морально-идеологически вдохновить их на ведение более систематической и смертоносной террористической деятельности на годы вперед.

4.5.2. Угрозы со стороны ИБТ в третьих странах

С точки зрения реальных угроз международной безопасности, во второй половине – конце 2010-х годов перемещенные ИБТ евразийского происхождения уже представляли большую проблему в третьих странах – как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане, чем возвращение ИБТ в РФ и соседние с ней страны. Наиболее громкие теракты с участием ИБТ российского и центральноазиатского происхождения в этот период были совершены именно в третьих странах.

Так, уже в 2016–2017 годах две из пяти террористических атак на счету выходцев с Северного Кавказа и из Центральной Азии за пределами своих регионов были совершены с участием ИБТ, до этого либо побывавших в рядах ИГИЛ в Сирии, либо тесно связанных с ИГИЛ. Оба этих теракта были наиболее смертоносными из пяти и оба были осуществлены в третьей стране – Турции.

28 июня 2016 г. в аэропорту им. Ататюрка в Стамбуле трое террористов-смертников устроили перестрелку и серию взрывов, в результате чего погибли 45 человек (почти половина из них – иностранцы) и 163 получили ранения. Согласно заявлению президента Турции Реджепа Эрдогана, террористы были гражданами России, Кыргызстана и Таджикистана.³⁹² По разным данным, как минимум один, а как максимум – двое из смертников³⁹³ имели российские паспорта, возможно, поддельные. По информации турецкой стороны, заказчиком теракта был ветеран войны в Чечне Ахмед Чатаев (по кличке «однорукий»)³⁹⁴. Из Чечни он бежал в Грузию и с тех пор активно перемещался по странам Европы (получив в Австрии статус беженца), постсоветского пространства и Турции. Чатаева неоднократно задерживали – в Швеции, на Украине,³⁹⁵ в Болгарии и Грузии, но всегда отпускали. Чатаев неоднократно бывал и в Сирии, а в середине 2010-х годов стал одним из командиров ИГИЛ и вербовщиком российских граждан в его ряды.³⁹⁶

³⁹² Эрдоган заявил о причастности уроженцев бывшего СССР к теракту в Стамбуле // РБК. 05.07.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/07/2016/577b60c29a79470441432103>.

³⁹³ Среди них в прессе назывались выходец из Дагестана Вадим Османов, уехавший в феврале 2016 г. в Турцию, а оттуда в Сирию, а также выходец из Карачаево-Черкесии Рахим Булгаров. Террорист уехал, но обещал вернуться // Коммерсантъ. 05.07.2016.; Обнародовано фото паспорта предполагаемого дагестанского смертника в Стамбуле // Кавказский узел. 01.07.2016. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/285051/>.

³⁹⁴ С 2008 г. находился в федеральном розыске.

³⁹⁵ После ареста Чатаева в январе 2010 г. на Украине Европейский суд по правам человека призвал Украину не выдавать его России.

³⁹⁶ Erdogan announces Istanbul airport attack terrorists' nationalities // Sputnik. 5 July 2016. URL: <https://sputniknews.com/world/201607051042443819-turkey-istanbul-airport-terrorism>; Karimi F., Almsy S. Istanbul airport attacks: planner, 2 members identified, report says // CNN News. 2 July 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/07/01/europe/turkey-istanbul-ataturk-airport-attack/index.html>. В ноябре

Через полгода, в новогоднюю ночь 1 января 2017 г., связанный с ИГИЛ узбекский радикал из Кыргызстана Абдулгадир Машарипов³⁹⁷ расстрелял из автомата посетителей ночного клуба «Рейна» в Стамбуле, убив 39 и ранив около 70 человек – граждан 18 стран, включая РФ. Этим терактом в режиме реального времени управлял (по мессенджеру «Телеграм») эмир ИГИЛ в Ракке Абу Шухада, отвечавший за операции в Турции.³⁹⁸ По заявлению ИГИЛ, эта атака со стороны «геройского солдата халифата» стала мстью за турецкое военное присутствие в Сирии.³⁹⁹

В то же время джихадисты, когда-то выехавшие из РФ и других постсоветских стран в Сирию и Ирак, но в итоге оказавшиеся или застрявшие в третьих странах, сохраняют и сохраняют опасность и непосредственно для России и Евразии, *даже находясь за рубежом*. Хотя не все они продолжают вооруженную и экстремистскую активность, те, кто продолжают – сразу или со временем, так сказать «передохнув», могут и будут:

(а) способствовать росту террористических угроз российским гражданам и объектам за рубежом, в т. ч. непосредственно в третьих странах базирования ИБТ на Ближнем Востоке, в Европе и других регионах;

(б) в условиях единого информационно-коммуникационного пространства поддерживать, восстанавливать и устанавливать контакты на родине – не только с радикалами, но и с другими людьми (родными, близкими, друзьями, коллегами или вновь обретенными онлайн-контактами) и оказывать на них идеологическое влияние, способствуя их радикализации.

Это неизбежно в том случае, если такие ИБТ не будут либо дерадикализованы, либо задержаны или нейтрализованы в третьих странах. Такая задача остро требует, среди прочего, активизации международного сотрудничества по проблеме ИБТ.

Кроме того, перемещенные ИБТ евразийского происхождения представляют потенциальную угрозу безопасности РФ и ее союзников и соседей, по крайней мере, еще в двух контекстах: (а) на севере Афганистана и в трансграничном афгано-центральноазиатском контексте и (б) в случае превращения самой России в транзитную (третью) страну – прежде всего, для ИБТ из стран Центральной Азии, которые возвращению на родину или релокации в другие регионы могут предпочесть попытку затеряться в потоках трудовых мигрантов в РФ.

4.5.3. ИБТ и фактор ИГИЛ на севере Афганистана

Отдельную проблему представляет собой угроза передислокации иностранных боевиков-террористов, прежде всего, центральноазиатского происхождения, из Сирии и Ирака в Афганистан, особенно на север этой страны. Хотя из государств региона эта проблема острее всего стоит перед странами Центральной Азии, она касается и России, хотя и более опосредованно.

Так называемый Большой Север, т. е. север и северо-восток, Афганистана – это своеобразная «серая зона». Она не только граничит с родным для центральноазиатских ИБТ регионом и населена преимущественно их этническими собратьями (афганскими

2017 г. Чатаев, перебравшийся из Турции в Грузию, взорвал себя в ходе спецоперации грузинских структур безопасности в Тбилиси.

³⁹⁷ Машарипов (Абу Мухаммед Хорасани) прибыл с семьей из Узбекистана в Конию (Турция) в начале 2016 г.

³⁹⁸ “I don’t regret attacking Istanbul’s Reina”: ISIL militant Masharipov // Hurriyet Daily News. 20 January 2017.

³⁹⁹ Istanbul: ISIL claims responsibility for Reina attack // Al Jazeera. 2 January 2017.

URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/01/isil-claims-responsibility-turkey-nightclub-attack-170102082008171.html>.

таджиками, узбеками и туркменами), но и кишит мелкими, разрозненными группировками боевиков, в основном исламистов разных национальностей и степени радикализма – как афганцами, так и иностранцами. В масштабах всего Афганистана абсолютное большинство иностранных боевиков традиционно, десятилетиями составляют пакистанские граждане. По оценкам ООН, в середине 2019 г. из 8000–10000 иностранных боевиков на афганской территории абсолютное большинство было из непосредственно окружающего Афганистан региона, в основном из Пакистана.⁴⁰⁰ Лишь на севере страны в этой категории преобладали выходцы из стран Центральной Азии. В разное время на протяжении постсоветского периода, бежав от преследований властей своих стран, они находили прибежище на севере Афганистана – и так там и оставались, а если и перемещались, то в основном в пределах того же региона, в афгано-центральноазиатском и/или афгано-пакистанском ареалах.

Потенциальный переток ИБТ, связанных с ИГИЛ и иными джихадистскими группировками, с Ближнего Востока в Афганистан не следует путать с уже сложившимся до этого присутствием, или фактором, ИГИЛ в стране. Во второй половине 2010-х годов фактор ИГИЛ в Афганистане включал как полноценный и официально признанный ядром ИГИЛ местный филиал (так называемый вилайат Хорасан), так и некоторое число самопровозглашенных сторонников ИГИЛ и отдельные группировки, присягнувшие на верность «Исламскому государству», но не вошедшие в состав его «официального» филиала. К началу 2020-х годов угроза передислокации части евразийских ИБТ с Ближнего Востока на север Афганистана сильно уступала по масштабу другим составляющим феномена ИГИЛ в этой стране, не говоря уже обо всем комплексе исходящих из Афганистана угроз безопасности для более широкого региона.

ИГИЛ в Афганистане

В середине 2010-х годов традиционные опасения, связанные с угрозой выплескивания нестабильности и насилия за пределы Афганистана в соседние страны, дополнительно подогрело появление афганской версии «Исламского государства». В регионе и среди заинтересованных игроков, граничащих с ним (в т.ч. в России) стала расти обеспокоенность тем, что ИГИЛ удастся не только прочно обосноваться в Афганистане, но и создать оттуда прямую угрозу странам Центральной Азии. Эти опасения не безосновательны, хотя и несколько преувеличены.

ИГИЛ впервые проявило себя в Афганистане в приграничной провинции Нангархар на востоке страны. Этот район оставался основным центром присутствия ИГИЛ в Афганистане и к началу 2020-х годов. Туда через границу из Северного Вазиристана (Пакистан), под силовым давлением со стороны пакистанских властей, начавших летом 2014 г. очередную контртеррористическую операцию «Зарб-э-азб» в своей пограничной с Афганистаном племенной зоне, устремились боевики разных мастей – пакистанские талибы и члены других вооруженных группировок, включая тех, кто уже на тот момент заявил о лояльности ИГИЛ. На этом фоне в октябре 2014 г. от пакистанской группировки «Техрик-э-Талибан Пакистан» откололась группа полевых командиров, базировавшихся на юго-востоке афганской провинции Нангархар. Они присягнули на верность ИГИЛ и лидеру движения Абу Бакру аль-Багдади – самопровозглашенному «халифу Ибрагиму». За месяц до этого на верность ИГИЛ присягнули Абдул Рахим Муслим Дост и ряд других командиров, отколовшихся уже от

⁴⁰⁰ Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2255 (2015) Concerning the Taliban and Other Associated Individuals and Entities Constituting a Threat to Peace, Stability and Security of Afghanistan. UN Doc. S/2019/481. 13 June 2019. P. 4.

афганских талибов в ходе внутренней борьбы за лидерство в движении Талибан, последовавшей после гибели его основателя и многолетнего лидера Муллы Мохаммада Омара.⁴⁰¹

В январе 2015 г. «пресс-секретарь» центрального ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани объявил о создании в регионе «вилаята Хорасан» как провинции ИГИЛ⁴⁰² во главе с эмиром Хафизом Сайедом Ханом,⁴⁰³ бывшим командиром «Техрик-э-Талибан Пакистан» из пакистанского Оракзая.⁴⁰⁴ Название «Хорасан»⁴⁰⁵ восходит к обозначению исторической области, известной со времен сасанидского Ирана и включавшей в себя, в разных интерпретациях, части современного Ирана, Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Пакистана. Ядро первоначальных отрядов ИГИЛ в районах вдоль афгано-пакистанской границы и на востоке Афганистана составили местные афганские и пакистанские боевики, включая бывших талибов, разочаровавшихся в движении, исключенных из его рядов или ушедших в знак протеста против нового руководства Талибана после смерти Муллы Омара, в т. ч. в условиях межплеменных разборок. Постепенно к филиалу ИГИЛ в Афганистане примкнули выходцы из других афганских группировок исламистского толка и часть местной молодежи, проникнувшаяся агрессивной пропагандой «Исламского государства». В ряды ИГИЛ влилось и некоторое число иностранцев, включая выходцев из стран Центральной Азии, к тому времени уже годами находившихся в приграничных районах по обе стороны от афгано-пакистанской границы и не имевших отношения к оттоку ИБТ в ряды ИГИЛ на Ближнем Востоке.

С одной стороны, с тех пор присутствие и влияние ИГИЛ в Афганистане оставалось относительно ограниченным, а его более организованное ядро, признанное центральным ИГИЛ и теснее всего связанное с ним – «вилаят Хорасан» – было в основном сосредоточено в восточных районах страны. В целом в Афганистане ИГИЛ было в принципе трудно конкурировать с автохтонным повстанческим движением Талибан, к тому времени активным в общенациональном масштабе. В отличие от ИГИЛ с его ближневосточными арабо-салафитскими корнями, движение Талибан выросло в афгано-пакистанском трансграничном контексте, в буквальном смысле вышло из лагерей афганских беженцев и с самого своего формирования в начале 1990-х годов пользовалось разной степенью поддержки среди местного, в основном пуштунского, населения. Среди объективных культурно-религиозных препятствий широкому распространению в Афганистане идеологии крайнего салафизма джихадистского типа, происходящей из региона Ближнего Востока и разделяемой ИГИЛ, – и приверженность большинства афганских суннитов ханафитскому *мазхабу* (религиозно-правовому течению) в исламе, а талибов – фундаменталистской версии ханафизма, религиозной школе Деобанди, на базе и в религиозных училищах (*медресе*)

⁴⁰¹ Annex B to the Prosecution Response to the Second Order to the Prosecutor to Provide Additional Information. ICC-02/17-26-AnxB. 9 February 2018. Office of the Prosecutor, International Criminal Court, The Hague. Case: Situation in the Islamic Republic of Afghanistan. URL: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2018_00961.PDF.

⁴⁰² Al-Adnānī al-Shāmī A.M. “Die in Your Rage” [«Умрите в своем гневе»]. Audio-record // Al-Furqan. 26 January 2015.

⁴⁰³ В отличие от афганских талибов и большинства командиров «Тахрик-э Талибан Пакистан», Хан, по некоторым данным, был не ханафитом, а (как и игиловцы) салафитом, закончившим салафитское медресе, содержавшееся саудовцами. Osman B. The Islamic State in “Khorasan”: How it began and where it stands now in Nangarhar // Afghan Analysts Network (AAN). 27 July 2016. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-islamic-state-in-khorasan-how-it-began-and-where-it-stands-now-in-nangarhar/>.

⁴⁰⁴ Оракзай – одно из 7 агентств, входящих в Территории племен федерального управления (Пакистан).

⁴⁰⁵ «Хорасан» – буквально: «там, где встает солнце» (перс.).

которой, собственно, и сформировалось их движение. Деобандисты отличаются от салафитов в религиозно-идеологическом плане и оспаривают ортодоксальность (правоверность) салафизма.

В декабре 2014 г. в Нангархаре начались трения между игиловцами и талибами, а в 2015 г. они уже вылились в полномасштабные столкновения. Эмир «вилаята Хорасан» Сайед Хан требовал от афганских талибов самораспуститься и присягнуть на верность ИГИЛ, а призыв тогдашнего лидера афганских талибов Ахтара Мансура⁴⁰⁶ к «халифу» «Исламского государства» аль-Багдади прекратить противостояние движению Талибан (июнь 2015 г.) был публично отвергнут ИГИЛ. Характерно, что вооруженные действия между «вилаятом» ИГИЛ и правительственными силами Афганистана начались позднее – лишь с июля 2015 г.⁴⁰⁷ и только после начала американских авиаударов по позициям боевиков ИГИЛ в Нангархаре.⁴⁰⁸

Вооруженное противостояние «на два фронта» было изначально не по силам афганскому филиалу ИГИЛ. Находясь под давлением со стороны как авиаударов США и действий правительственных сил, так и операций талибов, «вилаят» так и не смог расширить зону своего контроля на востоке Афганистана, хотя ему и удалось удержаться в ряде восточных районов страны. Судьба первого эмира «вилаята Хорасан» Сайеда Хана, убитого в июле 2016 г. в результате атаки с американского беспилотника, ждала и череду его преемников: Абдул Хасиб был убит в апреле 2017 г., Абу Сайед в июле того же года, Абу Сайед Баджаури Оракзай – в августе 2018 г.,⁴⁰⁹ а Кари Риаз – в декабре того же года. При этом численность боевиков «вилаята» колебалась довольно динамично, но в определенных рамках. Так, если в 2016 г. она составляла до 3000 человек,⁴¹⁰ то к 2018 г., по данным командования США и

⁴⁰⁶ В мае 2016 г. убит в результате ракетного удара с беспилотника США. В середине 2016 г. новым лидером движения Талибан был избран Хайбатулла Ахунзада.

⁴⁰⁷ В конце 2014 г. – начале 2015 г. афганские силы безопасности не спешили ввязываться в конфликт со сторонниками ИГИЛ, а затем и с его филиалом на востоке страны. На локальном уровне причиной такой неторопливости мог быть расчет на возможное использование ряда бежавших из Пакистана радикалов, в т. ч. уже примкнувших к ИГИЛ, против местных талибов. Перед афганским центральным правительством встал практически непреодолимый соблазн, напротив, как можно сильнее раздуть угрозу ИГИЛ в Афганистане – с тем, чтобы в условиях вывода большей части иностранного военного контингента из Афганистана к концу 2014 г. и переориентации США на борьбу с ИГИЛ как минимум предотвратить дальнейшее сокращение американского присутствия. Как заметил тогда посол США в Афганистане Р.Ньюманн, «у афганцев есть все причины раздуть эту угрозу [со стороны ИГИЛ – Е.С.], чтобы заставить нас остаться». Цит. по: Hodge N., Stancati M. *Afghans sound alarm over Islamic State recruitment* // Wall Street Journal. 13 October 2014.

⁴⁰⁸ Еще в феврале 2015 г. США провели первую операцию против ИГИЛ в Афганистане, уничтожив заместителя главы «вилаята Хорасан» Абдул Рауфа Хадема в южной провинции Гильменд в результате атаки с беспилотника.

⁴⁰⁹ Statement by Deputy Press Secretary Gordon Trowbridge on Strike Targeting an ISIL Leader in Afghanistan. U.S. Department of Defense Press Release. Washington D.C., 12 August 2016. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/913820/statement-by-deputy-press-secretary-gordon-trowbridge-on-strike-targeting-an-isil-leader-in-afghanistan>; U.S. Forces in Afghanistan Strike Islamic State Leader; Maintain Pressure on Terror Network. NATO Resolute Support Press Release. Bagram (Afg.), 2 September 2018. URL: <https://rs.nato.int/news-center/press-releases/2018-press-releases/us-forces-in-afghanistan-strike-islamic-state-leader-maintain-pressure-on-terror-network.aspx>.

⁴¹⁰ Максимальная оценка принадлежит командующему коалиционными силами в Афганистане генералу Дж.Кэмпбеллу, цит. по: Aman F. *Peace with Taliban Could Stem ISIS Growth in Afghanistan*. Middle East Institute (MEI). 2 March 2016. – Washington D.C.: MEI, 2016. URL: <http://www.mei.edu/content/article/peace-taliban-couldstem-isis-growth-afghanistan>. Авторитетные независимые эксперты оценивали численность боевиков ИГИЛ в Афганистане в том же 2016 г. максимум в 2000 чел.: ISIS in Afghanistan: “Their peak is over, but they are not finished” // The Guardian. 18 November 2016.

афганского правительства, она сократилась до 700–1500.⁴¹¹ Однако победные реляции были преждевременны: если число боевиков ИГИЛ на востоке Афганистана тогда и сократилось, то несильно и ненадолго. К середине 2019 г. в Афганистане, по оценкам ООН, все еще насчитывалось от 2500 до 4000 боевиков ИГИЛ,⁴¹² причем большинство из них были сосредоточено именно в двух восточных провинциях – Нангархаре и Кунаре.

С другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов эффект и резонанс транснациональной пропаганды ИГИЛ, в т. ч. в Афганистане и окружающем его регионе. Как подробно рассмотрено в разделе 2.4.1, она не просто транслировала некий утопический идеал «исламского порядка», а подавала реальный пример его реализации «здесь и сейчас». Широко разрекламированный «халифат» ИГИЛ стал не просто заразной идеей, а реальным экспериментом построения «исламского государства» на конкретной территории в Ираке и Сирии, подкрепленным, вплоть до 2016 г., почти безостановочной серией военных побед.

В свою очередь, для самого ИГИЛ «вилаят Хорасан» имел особое значение, в т. ч. с религиозно-идеологической точки зрения. Во-первых, в идеологии ИГИЛ особенно сильны апокалиптические мотивы, согласно которым именно с территории Хорасана в эпоху «последнего халифа» на Ближний Восток явится антимессия для финальной схватки «добра со злом». Во-вторых, с историческим опытом предыдущей радикально-исламистской мобилизации в Афганистане связан важный этап формирования идеологии «глобального джихада». Как уже упоминалось, именно в ходе антисоветского джихада в Афганистане 1980-х годов один из его наиболее популярных лидеров Абдулла Аззам впервые обосновал тезис о необходимости перейти от делегирования джихада правителям и воинству к его переосмыслению как индивидуального обязательства – «личного долга каждого мусульманина».⁴¹³ Без этого постулата невозможно представить ни современную «аль-Каиду», ни особенно ИГИЛ, в т. ч. феномен связанных с ним ИБТ. В-третьих, в геополитическом и военном плане для ИГИЛ, выросшей из наиболее радикальной части суннитского сопротивления американской оккупации Ирака, Афганистан был особо важен как зона активного вооруженного противостояния исламской оппозиции непосредственно американским войскам и связанному с ними правительству. При этом по интенсивности боестолкновений в середине 2010-х годов конфликт в Афганистане уступал только районам основной вооруженной активности ИГИЛ – конфликтам в Ираке и Сирии. О повышенном внимании ИГИЛ к Афганистану и окружающему его региону свидетельствовало и провозглашение им в январе 2015 г. «вилаята Хорасан» своим первым формально признанным филиалом за пределами арабского мира.⁴¹⁴

Со свертыванием территориального ядра «халифата» в Сирии и Ираке в конце 2010-х годов внимание ИГИЛ к Афганистану не ослабло, а возросло. Приспосабливаясь к усиливающемуся военному давлению на джихадистов в Сирии и Ираке и сужению своей основной, ближневосточной базы, ИГИЛ адаптировало свою пропаганду к новым условиям. Был пересмотрен традиционный главный призыв ИГИЛ к его сторонникам по всему миру – приезжать и вступать в ряды «халифата» непосредственно в Сирии и Ираке. Вместо этого руководство ИГИЛ, во-первых, обратилось к проигиловским боевикам и сочувствующим, в т. ч. из Азии и Евразии, с

⁴¹¹ От 700 боевиков ИГИЛ, по данным США, до 1500, по данным афганских властей. 2 U.S. soldiers killed while fighting ISIS militants in Afghanistan // Time. 27 April 2017.

⁴¹² Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 35. С. 9.

⁴¹³ Azzam A. Defence of the Muslim Lands.

⁴¹⁴ Al-Adnānī al-Shāmī A.M. “Die in Your Rage” [«Умрите в своем гневе»].

призывом оставаться и продолжать вооруженную борьбу в своих странах и регионах, а во-вторых, перенесло основной акцент на свои региональные филиалы.⁴¹⁵ На этом этапе именно эти филиалы, включая «вилаят Хорасан», стали главным центром притяжения и уровнем движения «глобального джихада».

Наконец, по мере роста военного давления на «вилаят» ИГИЛ на востоке Афганистана, влияние ИГИЛ стало распространяться на другие части страны. Этот процесс сильнее всего затронул северные провинции страны, граничащие со странами Центральной Азии.

Фактор ИГИЛ на севере Афганистана

В конце 2010-х – начале 2020-х годов масштаб и характер присутствия и потенциала ИГИЛ на севере и северо-востоке Афганистана и передислокации туда части боевиков из основной зоны базирования «вилаята Хорасан» на востоке страны оставались предметом экспертных дискуссий и политических спекуляций. Пожалуй, только два параметра фактора ИГИЛ на севере страны не вызывали сомнений или серьезных разногласий среди экспертов: основные центры концентрации боевиков и группировок – сторонников ИГИЛ, сосредоточенные в отдельных районах провинций Фарьяб, Джаузджан, Сари-Пуль и Бадахшан, а также заметное присутствие в их рядах выходцев из Центральной Азии.⁴¹⁶

Все остальные аспекты активности ИГИЛ на севере Афганистана, включая ее масштаб, характер и степень угрозы как центральноазиатским странам, так и региональной безопасности в целом продолжали вызывать вопросы. Сколько-нибудь точных данных об общей численности вооруженных сторонников ИГИЛ в этой части страны не было и нет. Еще в мае 2015 г. российские эксперты, обычно склонные к некоторому завышению потенциала ИГИЛ в регионе, оценивали численность боевиков ИГИЛ на севере Афганистана примерно в 500 человек (по сравнению с 5000–10000 боевиков Талибана и примкнувших к талибам группировок в этой части страны).⁴¹⁷ По разным данным, за три последующих года численность игиловцев на севере страны продолжала расти. По информации Главного разведывательного управления Генерального штаба РФ на апрель 2017 г., из общего числа боевиков ИГИЛ в Афганистане в 3500 человек их численность в северных районах приближалась к 1000 человек (по сравнению с около 1500 боевиков на востоке страны в провинциях Нангархар и Кунар и еще до 1000 игиловцев в других районах).⁴¹⁸ По максимальным оценкам, озвученным Министерством иностранных дел (МИД) РФ в 2018 г., число игиловцев на севере Афганистана уже составляло от 2000 до 5000 боевиков, или до половины всего вооруженного потенциала ИГИЛ в стране.⁴¹⁹ Для сравнения, летом 2019 г., т. е. спустя год после разгрома талибами мини-анклава ИГИЛ в северной

⁴¹⁵ Al-Baghdadi A.B. “Bashair as-sabirin” ; Al-Baghdadi A.B. “In the hospitality of amir al-mu’minin”.

⁴¹⁶ Experts note growing numbers of IS militants from Central Asia in Afghanistan // Sputnik Tajikistan. 13.02.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/world/20180213/1024733934/eksperty-otmechayut-rost-afganistan-boevikov-ig-sentral-asia.html>.

⁴¹⁷ Мухин В. Войска ОДКБ готовятся дать отпор исламистам // Независимая газета. 20.05.2015; Серенко А. Будущее халифата – под вопросом: перспективы и сложности продвижения проекта «Исламское государство» на восток // Независимое военное обозрение. 22.05.2015.

⁴¹⁸ По данным начальника Главного разведывательного управления генерал-полковника И.Коробова, цит. по: В рядах ИГ в Афганистане насчитали 3,5 тыс. человек // Интерфакс. 26.04.2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/560146>.

⁴¹⁹ Заместитель министра иностранных дел РФ О.Сыромолотов цит. по: Север Афганистана превращается в опорную базу террористов // РИА-Новости. 04.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180504/1519906689.html>.

провинции Джаузджан, по данным ООН, *весь* потенциал ИГИЛ в Афганистане составлял 2500–4000 человек.⁴²⁰ Отметим, что с конца 2019 г. и Совет Безопасности РФ стал придерживаться этой умеренной и, по всей вероятности, близкой к реальности оценки общего числа вооруженных сторонников ИГИЛ в Афганистане.⁴²¹ Однако в оценках распределения игиловцев по регионам Афганистана между Советом Безопасности РФ и экспертами ООН сохранялись различия. Если, по данным секретаря Совета Безопасности Николая Патрушева, к концу 2019 г. их число на севере Афганистана составило более 2000 человек, превысив численность контингента ИГИЛ в восточных провинциях (около 1500 боевиков),⁴²² то, по оценке специальной комиссии ООН, вооруженный потенциал ИГИЛ как был, так в основном и остался сосредоточен на востоке страны.⁴²³

В любом случае в конце 2010-х годов главной повстанческой силой даже на севере Афганистана, т. е. в основном непущтунском регионе, как и на общенациональном уровне, оставалось движение Талибан, включая его различные фракции и примкнувшие к нему группировки. По оценкам российских военных специалистов, в 2017 г. в рядах талибов насчитывалось до 40000 боевиков.⁴²⁴ В целом же вооруженная оппозиция на севере страны – это пестрая мозаика, состоявшая из множества разрозненных антиправительственных элементов – мелких групп из числа как местных боевиков, так и иностранцев, в основном выходцев из Центральной Азии. Эти группировки часто сливались или вступали во взаимодействие как друг с другом, так и с талибами, но нередко и конфликтовали как между собой, так и с Талибаном. При этом далеко не все из тех, кто поднял черное знамя, были сторонниками ИГИЛ. Например, под черным знаменем на севере Афганистана и не только там много лет и задолго до ИГИЛ действовало Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и ряд более мелких, отколовшихся от него группировок; черное знамя, схожее по виду с игиловским, входило и в атрибутику идеологически радикальной, но в основном ненасильственной «Хизб ут-Тахрир», имевшей ячейки в ряде афганских городов.

В ситуации раздробленности и междоусобиц среди мелких, разнородных группировок местных и пришлых исламистов на фоне продолжавшегося вооруженного противостояния их отслеживание и мониторинг были затруднены, а профессиональные полевые исследования трудно осуществимы. В этих условиях непросто определить, действительно ли та или иная группировка искренне разделяла идеологию ИГИЛ (активно продвигая игиловский проект «халифата» и напрямую, буквально следуя ультрарадикальной интерпретации ислама, практикуемой ИГИЛ во всех сферах жизни, включая методы насилия) – или же она попросту использовала бренд ИГИЛ в оппортунистических целях, ограничившись формальной клятвой верности (*байат*) «халифу Ибрагиму», подняв черные знамена и обвешавшись соответствующей атрибутикой. Попытки многих комментаторов и политиков автоматически наклеить ярлык ИГИЛ на всех вооруженных исламистов без разбора, в данном случае на севере Афганистана, упрощали и искажали реальную картину угроз и вызовов безопасности и искусственно, непропорционально завышали масштаб, вес и влияние ряда вооруженных элементов и группировок в этой части страны.

⁴²⁰ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 35. С. 9.

⁴²¹ Цит. по: Егоров И. Боевики готовят плацдарм: Патрушев пригласил Афганистан и Иран в банк данных ФСБ // Российская газета. 18.12.2019.

⁴²² Там же.

⁴²³ Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. п. 35. С. 9.

⁴²⁴ По данным начальника Главного разведывательного управления Генштаба РФ И.Коробова, цит. по: В рядах ИГ в Афганистане насчитали 3,5 тыс. человек.

С учетом всех этих оговорок, в сухом остатке можно, тем не менее, выделить три составляющих реального присутствия ИГИЛ на севере Афганистана.

(1) Появление вооруженных сторонников ИГИЛ в ряде северных афганских провинций лишь отчасти произошло в результате передислокации некоторого числа боевиков «вилаята Хорасан» из восточных провинций Афганистана, прежде всего, Нангархара. Этот процесс шел по мере усиления давления на группировку в основном районе ее базирования на востоке страны, а также противоречий и разногласий внутри «вилаята».⁴²⁵ По некоторым данным, среди боевиков, передислоцировавшихся из афгано-пакистанского приграничья на север Афганистана, было много выходцев из Центральной Азии, которые ранее в разные годы уже проделали этот путь в обратном направлении: когда-то бежав из своих стран, они сначала оказались на севере Афганистана, а затем перебрались в район афгано-пакистанской границы, по обе ее стороны. Тем не менее это новое перемещение части боевиков – на этот раз аффилированных уже с ИГИЛ – с востока на север не тянуло на создание полноценного аналога, или клона, «вилаята» в северных провинциях. По численности они сильно уступали движению Талибан даже в этом, далеко не самом дружественном по отношению к талибам регионе.

(2) Вторая составляющая фактора ИГИЛ на севере – это распространение местных ячеек и сторонников, самостоятельно присягнувших ИГИЛ и автономных от «вилаята Хорасан» на востоке страны. Оно в основном наблюдалось в провинциях Джаузджан, Гор и Сари-Пуль. Для обозначения вооруженных радикалов этого типа Миссия ООН по поддержке в Афганистане ввела специальный термин: «боевики, самоидентифицирующие себя с Даиш» (“self-identified Daesh militants”).

(3) Наконец, лишь третий, самый поздний и наименее явный компонент фактора ИГИЛ на севере Афганистана был связан с обратным оттоком иностранных боевиков-террористов из Сирии и Ирака, в т. ч. в регион на перекрестье Евразии и Южной Азии. Одним из районов локализации этого оттока стал север Афганистана.⁴²⁶

Во второй половине 2010-х годов наибольший медийный шум вызывал первый из трех перечисленных аспектов проблемы. Однако на деле наибольшую угрозу представлял второй аспект, т. е. самогенерирующиеся местные элементы ИГИЛ. Наиболее ярким примером стал мини-анклав ИГИЛ под руководством Кари Хекмата, или Хекматуллы, на севере провинции Джаузджан, граничащей с Туркменистаном. Сам Кари Хекмат – этнический узбек,⁴²⁷ ранее воевавший в рядах ИДУ, а потом талибов. В 2015 г. Хекмат, бывший тогда теневым районным главой талибов в уезде Дарьяб провинции Джаузджан, порвал с движением Талибан (судя по всему, в силу банальных локальных разногласий по поводу налогообложения и земельных вопросов). Вскоре вместе со своими бойцами он присягнул на верность «Исламскому государству» и основал автономный анклав ИГИЛ. В апреле 2018 г. Хекмат был убит (как водится, в

⁴²⁵ Например, после гибели второго по счету лидера «вилаята Хорасан» Абдула Хасиба в апреле 2017 г., входившие в состав «вилаята» центральноазиатские боевики, по некоторым данным, выразили недоверие пакистанцу – предполагаемому преемнику Хасиба, под предлогом его связей с пакистанскими спецслужбами. Obaid A. Precarious consolidation: Qari Hekmat's IS-affiliated "island" survives another Taleban onslaught // AAN. 04.03.2018. Footnote 1. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/ precarious-consolidation-qari-hekmats-is-affiliated-island-survives-another-taleban-onslaught/>.

⁴²⁶ Подробнее см. Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): спецвыпуск. С. 213–237; Stepanova E., Ahmad J. Militant-terrorist groups in, and connected to, Afghanistan // Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment. U.S.-Russia Working Group on Counterterrorism in Afghanistan Report. – N.Y.: East-West Institute, 2020. P. 24–40.

⁴²⁷ Как и его преемник Хабиб Рахман (узбек из провинции Балх).

результате авиаудара с беспилотника США),⁴²⁸ а просуществовавший к тому времени почти два года мини-анклав ИГИЛ в Джаузджане был разгромлен в июле-августе 2018 г., и не американскими или правительственными силами, а талибами.⁴²⁹ Этот пример может служить индикатором как характера и типа наиболее вероятных угроз со стороны ИГИЛ на севере Афганистана в конце 2010-х годов, так и объективных пределов этих угроз.

С одной стороны, впервые местному, самостоятельно возникшему межэтническому анклаву, провозгласившему себя частью ИГИЛ, удалось поставить под свой контроль как минимум два административных района (Дарьяб и Куш Тепе в Джаузджане), иметь под ружьем не менее 450 боевиков⁴³⁰ и успешно отразить несколько наступательных операций талибов вплоть до 2018 г. Возглавляемый Хекматом анклав был не просто типичной для афганского севера оппортунистической затеей, обычно сводившейся к смене символики и лозунгов, – он стал именно реальным «островком ИГИЛ», попыткой буквального воспроизводства на местном уровне ее идеологии и практик. Они включали упрощенную копию квазиадминистративной системы ИГИЛ с использованием арабских названий для основных органов управления; применение особо жестоких, средневековых практик и варварских форм насилия, ставших фирменным знаком ближневосточного ядра ИГИЛ (рабства, обезглавливания, поджога местных мусульманских (несалафитских) святынь и гробниц и т. п.); предоставление на территории анклава убежища вооруженным радикалам, прежде всего, салафитского толка, из других районов и провинций. Среди сторонников Хекмата было и небольшое число выходцев из Центральной Азии, в т. ч. из остатков группировки «Джундулла», в свое время отколовшейся от ИДУ и разгромленной талибами.⁴³¹

С другой стороны, даже этот мини-анклав, наиболее идеологически упертый и реально пытавшийся копировать игиловские практики:

(а) распространил свой контроль лишь на несколько удаленных и труднодоступных районов и остался изолированным сегментом ИГИЛ, окруженным силами талибов;

(б) сформировался и смог просуществовать некоторое время во многом благодаря разрозненности сил талибов в этом районе и слабой координации между ними;

(в) не имел связей с центральным ядром ИГИЛ на Ближнем Востоке, а до марта 2018 г. – и пропагандистских связей⁴³² с филиалом ИГИЛ на востоке Афганистане;

(г) располагал недостаточной военной силой для того, чтобы отбить у афганских правительственных сил районные центры, не имел своего медийно-пропагандистского подразделения, а летом 2018 г. был, наконец, разбит талибами.

⁴²⁸ Top IS-K Commander Killed in Northern Afghanistan. NATO Resolute Support Press Release. 9 April 2018. URL: <https://rs.nato.int/news-center/press-releases/2018-press-releases/top-isk-commander-killed-in-northern-afghanistan.aspx>.

⁴²⁹ Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2255 (2015). P. 3.

⁴³⁰ В ходе разгрома талибами джаузджанского анклава ИГИЛ летом 2018 г. было убито около 200 игиловцев. Еще около 250 боевиков с семьями во главе с их лидером Х.Рахманом сдались афганским силам безопасности, чтобы избежать попадания в руки талибов. Ibid. P. 15.

⁴³¹ Obaid A. Precarious consolidation. Op. cit.; Obaid A. Still under the IS's black flag // AAN. 15.05.2018. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/still-under-the-iss-black-flag-qari-hekmats-iskp-island-in-jawzjan-after-his-death-by-drone>.

⁴³² В марте 2018 г. появилось первое видео, одновременно содержащее кадры, показывающие узбеков-сторонников ИГИЛ в Джаузджане, и обращение одного из командиров «вилаята» на востоке страны в Нангархаре. Obaid A. Still under the IS's black flag.

В целом по масштабу и влиянию мини-анклава ИГИЛ на севере Джауджана не шел в сравнение с базой «вилаята Хорасан» в Нангархаре и не оказал заметного влияния на стратегический баланс сил на севере страны и в афгано-центральноазиатском приграничье. По оценкам ООН, ИГИЛ после потери летом 2018 г. самопровозглашенного мини-анклава в Джаузджане более не имело района компактного, концентрированного присутствия на севере страны.⁴³³ В то же время эксперты ООН отмечали возможные симпатии к ИГИЛ среди боевиков – выходцев из Центральной Азии (в т. ч. среди тех из них, кто был формально лоялен талибам) и, хотя и подчеркивая ограниченную свободу действий таких боевиков, указывали на то, что некоторые из них могли лелеять планы подготовки атак в Центральной Азии.⁴³⁴

ИБТ на севере Афганистана: масштаб угрозы?

Когда в 2017 г. активизировался отток иностранных боевиков из ИГИЛ и других джихадистских группировок, воевавших в Сирии и Ираке, на востоке Афганистана уже существовал небольшой местный филиал ИГИЛ, признанный его центральным ядром, а на севере уже присутствовали и местные элементы ИГИЛ, и часть его вооруженных сторонников, передислоцировавшихся туда с востока страны. Большинство этих игиловцев никогда не покидали свой регион, а многие – и афгано-центральноазиатское и/или афгано-пакистанское приграничье.

В этих условиях определить число ИБТ, направившихся после разгрома центрального ИГИЛ из Сирии и Ирака в Афганистан, включая тех, кто оказался на севере страны у границ государств Центральной Азии, непросто. Многие озвученные в СМИ оценки не имели отношения к реальности и не делали различий между разными категориями сторонников ИГИЛ в Афганистане, подавляющее большинство которых не покидало пределы региона. Более перспективны попытки хотя бы примерно обозначить соотношение ИБТ, имевших опыт вооруженной активности в Сирии и Ираке, и общего числа игиловцев в Афганистане. По оценкам специальной Мониторинговой группы ООН, основанным на сопоставлении данных, предоставленных странами соответствующих регионов и другими государствами-членами ООН, в 2019 г. доля ИБТ, прошедших Сирию или Ирак, не могла превышать 10% всех боевиков ИГИЛ в Афганистане.⁴³⁵ Если руководствоваться умеренной оценкой их общей численности (2500–4000 человек), то на рубеже 2010-х – 2020-х годов во всем Афганистане ИБТ, вернувшихся туда с Ближнего Востока или использовавших эту страну в качестве транзитной после пребывания в Сирии или Ираке, было максимум *несколько сотен человек*.

На этом фоне алармизм по поводу чуть ли полной передислокации остатков ИГИЛ с Ближнего Востока на север Афганистана к границам Центральной Азии (а соответственно, к границам Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и СНГ) и вообще по поводу какого-то массового возвращения в Афганистан боевиков, происходивших из стран Центральной или Южной Азии, неуместен. Скорее, имеет смысл говорить об исходящем из Афганистана комплексе вызовов со стороны ИГИЛ и иных вооруженных экстремистов для стран региона (причем пока в основном в потенциале) и о том, насколько эту проблему может дополнительно усложнить возвращение в регион ограниченного числа ИБТ с Ближнего Востока и их локализация на севере Афганистана.

⁴³³ Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2255 (2015). P. 4.

⁴³⁴ Ibid. P. 4, 18.

⁴³⁵ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 19.

Во-первых, одна из особенностей раздробленной вооруженной среды на севере Афганистана состоит в том, что большинство иностранных боевиков в этой части страны происходят из Центральной Азии. При этом относительно организованные группировки центральноазиатских боевиков на севере страны в разное время присягали на верность «аль-Каиде», а на рубеже 2010-х – 2020-х годов большинство из них были либо лояльно талибам (иногда периодически, время от времени), либо находились под их контролем. На севере сохранялись остатки Исламского движения Узбекистана, присутствовавшего в Афганистане на протяжении более двух предыдущих десятилетий (не более 100 человек в провинциях Фарьяб и Джаузджан, включая членов семей боевиков). Афганское ядро группировки «Катиба Имама аль-Бухари» (до 50 боевиков) ранее отправило несколько десятков ИБТ в Сирию. Группа «Исламский джихад» к концу десятилетия имела около 50 боевиков в провинциях Тахар и Бадахшан. Там же в Бадахшане многие годы действовало Исламское движение Восточного Туркестана, насчитывавшее 350–400 боевиков. Из группировок, состоявших из таджикских радикалов из Центральной Азии (всего около 100 человек), можно выделить небольшую «Джамаат Ансарулла» во главе с Аслиддином Давлатовым в составе до 30 человек.⁴³⁶

На этом фоне можно сказать точно: если на север Афганистана и вернулось (и еще вернется) некоторое число ИБТ с Ближнего Востока, среди них, как и в целом среди иностранных боевиков в этой части страны, продолжат преобладать *выходцы из стран Центральной Азии*. Выходцы с Ближнего Востока и из Европы составляли мизерную долю ИБТ этого типа на севере Афганистана и в целом иностранных боевиков в этой стране.⁴³⁷ С 2017 г. стали появляться редкие, отрывочные сообщения, в основном в СМИ, о том, что среди боевиков в разных районах афганского севера были замечены внерегиональные иностранцы. Например, в декабре 2017 г. сообщалось о нескольких французах, в т. ч. женщинах, и алжирцах, прибывших в Джаузджан (в общей сложности менее 20 человек). Интересно, что, по некоторым данным, одну из таких групп сопровождал переводчик из Таджикистана, и именно оттуда они могли прибыть на север Афганистана.⁴³⁸ Крайне низкую долю ИБТ из регионов за пределами соседних с Афганистаном стран хорошо иллюстрирует следующий факт. Летом 2018 г. после разгрома талибами мини-анклава ИГИЛ на севере Джаузджана, наряду с 250 местными игиловцами, сдавшимися афганским правительственным силам, сложили оружие и 25–30 иностранных боевиков (они предпочли сдаться талибам), из которых лишь четверо (два француза и два индонезийца) были не из Центральной Азии.⁴³⁹

Во-вторых, серьезной уязвимостью для центральноазиатских стран остается тот факт, что Центральная Азия была регионом происхождения значительного числа боевиков-джихадистов, уехавших воевать на Ближний Восток, причем не обязательно в рядах ИГИЛ. Так, в ходе гражданской войны в Сирии (еще до образования ИГИЛ) в районе г. Алеппо действовала группа узбекских боевиков, аффилированная с «Джабхат ан-Нусрой» и «аль-Каидой», на базе которой сложилась группировка «Катиба Имам аль-Бухари». Показательно, что узбеки в составе «Катиба Имам аль-Бухари», а также

⁴³⁶ Ibid.; Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 18–19.

⁴³⁷ Taylor M. Assessment of the death of Qari Hekmat and implications of IS-KP in the region // Intelligence Fusion. 9 April 2018. URL: <https://www.intelligencefusion.co.uk/blog/assessment-of-the-death-of-qari-hekmat-and-implications-for-is-kp-in-the-region>.

⁴³⁸ French, Algerian fighters join ISIS in Afghanistan // Ashark Al-Awsat. 11 December 2017. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/1109826/french-algerian-fighters-join-isis-afghanistan>. МИД Франции не смог ни подтвердить, ни опровергнуть эти сообщения. В июле 2017 г. в Таджикистане был арестован нелегально проникший на территорию страны гражданин Франции, который пытался таким образом добраться до Афганистана, чтобы там вступить в ряды ИГИЛ.

⁴³⁹ Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 15.

группировки «Исламский Джихад» прибыли в Сирию именно через Афганистан,⁴⁴⁰ где до этого уже существовали одноименные группировки. Впоследствии, несмотря на нарастающие противоречия между сторонниками «аль-Каиды» и ИГИЛ в Сирии, узбеки присутствовали и в рядах ИГИЛ – как в виде отдельного подразделения, так и в составе смешанных по этнонациональному составу подразделений выходцев из стран СНГ/Евразии. В любом случае, однако, переезд на Ближний Восток автоматически означал дальнейшую транснационализацию таких боевиков, а для тех из них, кто выжил, подразумевал возможность транзита в третьи страны и/или попытку вернуться домой. Общая численность ИБТ центральноазиатского происхождения в Сирии и Ираке (от 2000–4000 человек в 2015 г.⁴⁴¹ до 6000 в 2018 г.)⁴⁴² была сравнима с числом ИБТ из России и даже превосходила его. Конечно, все познается в сравнении: например, по отношению к общему числу мусульманского населения в странах Центральной Азии, доля ИБТ, уехавших воевать оттуда на Ближний Восток, на самом деле крайне низка, особенно по сравнению с Европой.⁴⁴³

В Сирии выходцы из Центральной Азии входили в состав джихадистских группировок, которые продолжали действовать и после разгрома основных сил ИГИЛ. Это, прежде всего, «Катиба Таухид валь-Джихад», в 2019 г. насчитывавшая до 500 боевиков и действовавшая в провинциях Хама, Идлиб и Латакия.⁴⁴⁴ Из других относительно организованных групп можно отметить уже упоминавшуюся группировку «Катиба Имам аль-Бухари», к тому времени приобретшую многоэтнический характер⁴⁴⁵ и перешедшую, как и ряд более мелких групп,⁴⁴⁶ под эгиду зонтично-сетевое объединение «Хайят Тахрир аш-Шам» в провинции Идлиб, где к тому времени сосредоточились большинство оставшихся в Сирии джихадистов.

По числу боевиков-террористов в Сирии и Ираке из центральноазиатских стран происхождения ИБТ лидировал Таджикистан: в 2019 г. из 1500 ИБТ – граждан Таджикистана в живых оставалось около 600.⁴⁴⁷ Их лидером в Идлибе был уже упоминавшийся Г.Халимов, потерявший свой пост «военного министра» ИГИЛ. По некоторым данным, таджики также лидировали по числу актов смертников среди всех иностранных боевиков в Сирии и Ираке.⁴⁴⁸ Однако таджикские ИБТ прибывали в Сирию уже в основном не через Афганистан, а через Турцию. При этом значительная их часть первоначально становилась объектами пропаганды со стороны ИГИЛ и его сторонниками не столько в самом Таджикистане или в афгано-таджикском приграничье, сколько находясь в качестве трудовых мигрантов в России.⁴⁴⁹

⁴⁴⁰ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 14.

⁴⁴¹ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 15; Syria Calling: Radicalisation in Central Asia. ICG Europe and Central Asia Briefing no. 72. – Brussels: ICG, 2015. P. 3.

⁴⁴² 5954 человек, по данным Центра изучения радикализации и политического насилия (Лондон), ведущего статистику ИБТ по всем регионам. Cook J., Vale G. Op. cit. P. 4, 14–15.

⁴⁴³ В 2015 г. по этому показателю ни одна центральноазиатская страна не входила даже в первую тридцатку стран исхода ИБТ в Сирию и Ирак. Benmelech E., Klor E. Op. cit. P. 20. Table 5.

⁴⁴⁴ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 53–54. P. 14.

⁴⁴⁵ После смерти лидера, Акмала Джурабаева, группировка раскололась на три части под руководством выходцев из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, соответственно.

⁴⁴⁶ Например, «Исламский джихад» в составе 30–40 узбеков и некоторого числа граждан Турции. Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 54. P. 14.

⁴⁴⁷ Ibid. Para. 55. P. 14.

⁴⁴⁸ Winter C. War by Suicide: A Statistical Analysis of the Islamic State's Martyrdom Industry. International Centre for Counter-Terrorism (ICCT) Research Paper. February 2017. – The Hague: ICCT, 2017.

⁴⁴⁹ Например, 80% из 120 таджикских ИБТ в составе ИГИЛ из подборки данных, собранных специалистом по Центральной Азии Э.Лемоном, радикализировались и завербовались в ИГИЛ на территории России. Lemon E.J. Daesh and Tajikistan: the regime's (in)security policy // RUSI Journal. V. 160.

Наконец, в-третьих, несмотря на значительное число ИБТ центральноазиатского происхождения в рядах джихадистских группировок на Ближнем Востоке, Центральная Азия – это один из регионов, куда массовое возвращение ИБТ, пожалуй, *наименее вероятно*. По данным на июнь 2018 г., из 5954 ИБТ из Центральной Азии домой вернулись не более 338, или 5,7%.⁴⁵⁰ Этот показатель был даже ниже, чем для России (5,9–6% в 2017–2019 годах)⁴⁵¹ и сильно уступал среднемировому (17,7%).⁴⁵² Главная причина – это, прежде всего, жесткие меры противодействия терроризму и полицейского контроля над проявлениями исламизма, преследование со стороны спецслужб и репрессии даже против многих умеренных исламистов, не говоря уже о радикалах, в большинстве центральноазиатских государств. Показательно, что за первые два десятилетия XXI века те вооруженно-экстремистские группировки, которые в прошлом были вынуждены передислоцироваться из Центральной Азии в соседние Афганистан и Пакистан (страны, расположенные к ней гораздо ближе, чем Сирия и Ирак) – например, Исламское движение Узбекистана или Союз исламского джихада – так и не смогли вернуться домой ни полностью, ни частично. В частности, несмотря на предпринятый боевиками ИДУ ряд трансграничных рейдов в Центральную Азию на рубеже 1990-х и 2000-х годов, их основными районами базирования так и остались пакистанская зона племен и север/северо-восток Афганистана.

В целом значительное число ИБТ центральноазиатского происхождения, ранее уехавших воевать в рядах джихадистов в Сирии и Ираке (не только тех, кто связан с ИГИЛ, но и тех, кто сохранил лояльность «аль-Каиде» или периодически менял аффилиацию от одной группировки джихадистов к другой), сочеталось с крайне низкой долей вернувшихся на родину и затрудненностью для них этой опции. Это сочетание, во-первых, объясняет, почему многие выходцы из Центральной Азии предпочли остаться воевать в рядах джихадистов в Сирии, в частности, в Идлибе, и после разгрома основных сил ИГИЛ. Во-вторых, это объясняет, почему в конце 2010-х годов ИБТ центральноазиатского происхождения, в т. ч. передислоцировавшиеся из Сирии и Ирака, стали источником большей террористической опасности и нанесли больше вреда в третьих странах, чем на родине. В-третьих, эти факторы в сочетании с нестабильностью, фрагментированным насилием и уже традиционным преобладанием выходцев из Центральной Азии среди иностранных боевиков на севере Афганистана создали благоприятные условия для перемещения части ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, в данный регион.

Передислокация ограниченного числа ИБТ из Сирии и Ирака в северные провинции Афганистана на рубеже 2010-х – 2020-х годов сама по себе вряд ли представляла масштабную угрозу даже в масштабах афганского севера. К концу десятилетия на севере уже не было компактных территориальных анклавов ИГИЛ после того, как небольшой, но наиболее заметный из них в Джаузджане был разбит талибами. Большинство вооруженных группировок, в составе которых были или преобладали исламисты – выходцы из Центральной Азии, сохраняли формальную лояльность движению Талибан, хотя и в комплекте со свойственной им (как и большинству мелких, раздробленных вооруженных игроков на севере) высокой степенью оппортунизма.

No. 5. 2015. P. 70–71. См. также Lemon E. Pathways to Violent Extremism: Evidence from Tajik Recruits to Islamic State. – N.Y.: Harriman Institute, Columbia University, 2018. P. 7.

⁴⁵⁰ Cook J., Vale G. Op. cit. P. 4, 14–15.

⁴⁵¹ См. раздел 4.4.3.

⁴⁵² Cook J., Vale G. Op. cit. P. 15.

Сдерживающее влияние талибов на поползновения со стороны части боевиков центральноазиатского происхождения к ИГИЛ и транснациональному джихадизму не вызывало сомнений. Впрочем, определенное беспокойство вызывала и возможность учащения расколов в этой вооруженной среде на севере в случае, если процесс замирения и национального примирения с талибами будет набирать силу. В целом и в долгосрочном плане этот процесс будет, несомненно, способствовать стабилизации ситуации в Афганистане, в т. ч. на севере, и снижению связанных с ней рисков и угроз для соседних стран. Однако этот же процесс, как это часто бывает, либо заставит непримиримых радикалов, среди которых на севере страны достаточно выходцев из Центральной Азии, разорвать аффилиацию с движением Талибан, т. е. выведет их из-под прямого или формального контроля и сдерживающего эффекта со стороны талибов, либо приведет к очередной серии расколов внутри вооруженных исламистских группировок, включая отдельные подразделения самих талибов.

В этих условиях отколовшиеся вооруженные экстремисты, не говоря уже о части боевиков-исламистов на афганском севере, особенно из стран Центральной Азии, годами сохранявшей симпатии к ИГИЛ или «аль-Каиде», в любом случае будут вынуждены искать или активировать транснациональные связи и в очередной раз заявят о лояльности – либо ИГИЛ, либо условной «аль-Каиде», либо любому другому их последующему транснациональному аналогу. Это произошло бы и в отсутствие ограниченного притока ветеранов глобального джихада с Ближнего Востока. На этом фоне даже ограниченный приток ИБТ с опытом жизни и борьбы в составе «халифата» или в рядах иных ближневосточных джихадистов пришелся бы весьма кстати местным радикалам. Он подстегнул бы череду расколов и обеспечил непрерывность существования на севере Афганистана разнородного пула вооруженных экстремистов радикально-исламистского толка, пусть и в меньших масштабах, чем в условиях предшествующих десятилетий хронической нестабильности и полномасштабной войны с талибами на национальном уровне. Наряду с этим, приток даже небольшого числа ветеранов-ИБТ из Сирии и Ирака мог бы, например, способствовать усилению пока слабой медийно-пропагандистской составляющей в активности местных элементов ИГИЛ на севере страны. Но не более того.

На этом фоне велика ли угроза от фактора возвращения ИБТ с Ближнего Востока на север Афганистана для *центральноазиатских государств*, не говоря уже о граничащей со странами Центральной Азии *России*? Можно заключить, что она невелика, хотя и актуальна как один из элементов, причем не доминирующий, в контексте более широкой озабоченности стран региона соседством с Афганистаном как с постоянным очагом нестабильности, конфликтов и вооруженного экстремизма. Понятно, что такое соседство в первую очередь нервирует власти центральноазиатских стран, включая тех из них, кто не имеет непосредственной границы с Афганистаном. Однако в более широком плане вызовы, связанные с афганским очагом нестабильности, конфликтов и терроризма, касаются и РФ. Россия – макрорегиональная евразийская держава, имеющая прямое присутствие в сфере безопасности в регионе, являющаяся военно-политическим союзником трех из пяти центральноазиатских стран и жизненно заинтересованная в сохранении стабильности в Центральной Азии.

С одной стороны, основные угрозы насильственного экстремизма для стран Центральной Азии связаны не столько с инфильтрацией боевиков-джихадистов извне, из сопредельных стран и регионов, сколько с внутренними условиями, источниками и движущими силами, периодически ведущими к вспышкам насилия – от спонтанных, неорганизованных массовых волнений до инспирированных этнических погромов, межобщинного и другого насилия. Среди форм и методов такого насилия в странах

Центральной Азии терроризм как таковой не только не лидирует, но и в целом находится на низком уровне и распространен гораздо меньше, чем во многих других регионах.⁴⁵³ Из внешних для региона угроз экстремистско-террористического типа наиболее реальная, хотя и ограниченная по масштабу угроза десятилетиями (т. е. задолго до ИГИЛ) исходила от базирующихся на севере Афганистана сравнительно мелких, вооруженных группировок, особенно тех из них, где доминируют выходцы из самой Центральной Азии. Однако связанные с ними риски не следует переоценивать. Прямые трансграничные рейды вооруженных исламистов с афганской территории в страны Центральной Азии (и в обратном направлении) представляли наибольшую угрозу в 1990-е – начале 2000-х годов, тогда как в последующие годы основные трансграничные вызовы безопасности, в т. ч. насильственного толка, были, скорее, связаны с криминальным трафиком и контрабандными сетями. Характер и масштаб угрозы выплеска нестабильности и вооруженного экстремизма с севера афганской территории в Центральную Азию также сильно варьировались от одной центральноазиатской страны к другой и даже от одного района к другому, а соотношение этих угроз странам региона менялось со временем. Если в конце 1990-х – 2000-е годы угроза переноса нестабильности из приграничных районов Афганистана острее всего стояла для Таджикистана и Узбекистана, а наиболее проблемной была ситуация на таджикско-афганской границе, то во второй половине 2010-х годов основные вызовы такого рода стояли перед Туркменистаном и Таджикистаном, тогда как для Узбекистана эта угроза снизилась, а для Кыргызстана так и оставалась невысокой.⁴⁵⁴

Многолетнее присутствие раздробленных вооруженных антиправительственных элементов на севере Афганистана, включая трансграничных боевиков, изгнанных или переехавших туда из стран Центральной Азии, во второй половине 2010-х годов дополнительно усложнил фактор ИГИЛ. Проблема и присутствие ИГИЛ на севере Афганистана включала местных, самопровозглашенных сторонников ИГИЛ, ряд боевиков более организованного «вилаята Хорасан», передислоцировавшихся на север с востока страны, и, в последнюю очередь, сравнительно небольшое число ИБТ с опытом борьбы в Сирии и Ираке, в основном происходивших из Центральной Азии. Взятые по отдельности, эти вызовы носили ограниченный характер и исходили от небольшого числа вооруженных экстремистов. Однако для стран Центральной Азии, на фоне общей ситуации с безопасностью в Афганистане (продолжающегося вооруженного противостояния и высокого уровня террористической активности в условиях низкой дееспособности государственной власти, слабого контроля над границами и т. п.), пересечение и совокупность этих вызовов на рубеже 2010-х – 2020-х годов представляли реальную и прямую, хотя и не фатальную и не слишком масштабную угрозу.

⁴⁵³ Согласно статистике по терроризму, на протяжении первых двух десятилетий XXI века уровень террористической активности в Центральной Азии оставался низким. Даже несмотря на некоторый рост в конце 2010-х годов показателей терроризма в Таджикистане (стране с наиболее высокими показателями террористической активности из всех государств Центральной Азии), он все равно занимал лишь 50-е место в Глобальном индексе терроризма 2019 г. (по сравнению, например, с 37-м местом у России). Казахстан и Кыргызстан по степени террористических угроз находились в девятом десятке, Узбекистан и Туркменистан – в четырнадцатом. *Global Terrorism Index 2019*. P. 8–9.

⁴⁵⁴ Подробнее о комплексе связанных с Афганистаном трансграничных вызовов для центральноазиатских стран в динамике их развития см. Казанцев А.А. *Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан*. – М.: МГИМО-Университет, 2019; Kazantsev A., Lynch T. F., *Afghanistan in the regional security interplay context // Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment*. P. 41–66. Stepanova E. *Russia's policy on Afghanistan // The Central Asia – Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives*. Ed. M.Laruelle. – N.Y.: Lexington Books/Rowman & Littlefield, 2017. P. 89–114.

Для России переток части ИБТ, в основном центральноазиатского происхождения, из Сирии и Ирака в Афганистан, особенно в приграничные со странами Центральной Азии северные и северо-восточные провинции и районы, также следует рассматривать лишь как один элемент более комплексной серии вызовов, исходящих из Афганистана. Предотвращение перелива вооруженного экстремизма и нестабильности из Афганистана в страны Центральной Азии было и остается одним из двух главных приоритетов российской политики безопасности на афганском направлении (вторым приоритетом является противодействие наркотрафику и сокращение масштабов опийной экономики в Афганистане). Следуя этой задаче, российская стратегия состоит в развитии сотрудничества в области безопасности со своими партнерами по ОДКБ – Таджикистаном и Кыргызстаном – и в поддержке стабильности двух крупных центральноазиатских соседей Афганистана и партнеров РФ – нейтральных Туркменистана и Узбекистана. Особо пристальное внимание России к процессу мирного урегулирования в Афганистане с участием движения Талибан и ее активное участие в качестве посредника в мирном процессе также в значительной мере продиктованы заинтересованностью РФ в стабилизации Афганистана, укреплении государственного контроля и сокращения свободы маневра для вооруженных негосударственных игроков на афганском севере и в стране в целом, в т. ч. со стороны ИГИЛ во всех его проявлениях, включая фактор возвращения и передислокации ИБТ с Ближнего Востока в этот регион.

4.5.4. Россия как место релокации для ИБТ из других стран Евразии?

До сих пор речь шла о рисках для России как (а) страны *происхождения* большого числа ИБТ, уехавших в Сирию и Ирак под знамена ИГИЛ и иных джихадистских группировок, (б) страны *возвращения* части таких ветеранов-ИБТ и (в) страны, *внешние* террористические угрозы для которой могут быть усугублены возвращением ИБТ в соседние страны Евразии или их релокацией в третьи страны, например, на север Афганистана. Однако еще одну потенциальную проблему представляет собой возможность перемещения части прошедших Сирию или Ирак ИБТ евразийского происхождения, прежде всего, из центральноазиатских стран, не обратно на родину и не куда-либо еще, а на территорию РФ – т. е. превращения самой России в *транзитную зону*, или «*третью страну*», в процессе международной циркуляции ИБТ. Проще говоря, часть евразийских, особенно центральноазиатских боевиков, воевавших за ИГИЛ или в рядах других джихадистов на Ближнем Востоке, может в итоге оказаться на российской территории.

Подчеркнем, что на начало 2020-х годов в России этот риск официально не озвучивался и не признавался. Он также практически не затрагивался в комментариях и литературе по проблематике ИБТ. Конечно, проще всего было бы объяснить такое невнимание к нему отсутствием или малой значимостью проблемы как таковой, по крайней мере, на тот момент. Однако в условиях, когда этот риск нельзя отвергать как минимум *в потенциале*, такой недосмотр может объясняться и иными причинами. Во-первых, выявлять таких перемещенных лиц вдвойне сложнее, так как это, среди прочего, требует систематической агентурной, учетно-профилактической и иной профессиональной работы в многомиллионной среде выходцев из Центральной Азии, уже находящихся на территории РФ, в т. ч. нелегально, часто в интересах российских же бизнес-кругов и при попустительстве российских же властей разного уровня. Есть серьезные сомнения в том, что эта работа ведется на сколько-нибудь систематическом уровне. Во-вторых, такая постановка проблемы носит политически чувствительный характер. В широком смысле она затрагивает вопросы слабо регулируемой массовой

миграции в Россию из сопредельных стран и регионов и слабый контроль над мигрантскими общинами, а более конкретно, проблемы радикализации мигрантов не где-нибудь, а непосредственно в РФ и, в частности, происхождения немалой доли центральноазиатских ИБТ, добравшихся до Сирии и Ирака, из числа трудовых мигрантов в России.

В 2010-е годы основным объектом целенаправленной пропаганды ИГИЛ в отношении центральноазиатских аудиторий стали именно мигранты из стран Центральной Азии в России, и она в основном велась на русском, а не на центральноазиатских языках.⁴⁵⁵ В частности, в мае 2015 г. бывший полковник вооруженных сил Таджикистана Г.Халимов, примкнувший к ИГИЛ и впоследствии дослужившийся там до поста «министра обороны», призывал, в первую очередь, таджикских мигрантов в России к вступлению в ряды «Исламского государства».⁴⁵⁶

Конечно, в том, что касается радикализации центральноазиатских мигрантов в России, любые огульные обобщения нежелательны и даже вредны. Как отмечалось выше, в 2010-е годы радикализация еще затрагивала подавляющее меньшинство мигрантов-мусульман в РФ, хотя в более отдаленной перспективе, на стадии второго поколения мигрантов, ситуация может измениться в худшую сторону, как это уже случилось, например, в Европе. Кроме того, процесс радикализации вплоть до вступления или вербовки в ИГИЛ сильно варьировался от одной группы или сегмента мигрантских общин в России к другой и, в зависимости от этого, имел существенные особенности. Так, по наблюдениям полевых исследователей, из всех выходцев из Центральной Азии таджикские и узбекские мигранты в России были наиболее подвержены джихадистской пропаганде и радикализации, а, например, киргизские – гораздо менее.⁴⁵⁷

Однако это не меняет сути проблемы. По разным данным, включая материалы ООН, таджикские ИБТ в составе ИГИЛ в основном радикализировались не на родине, а в мигрантской среде в России и уже затем попадали на Ближний Восток через Турцию, Украину или страны Закавказья. Напомним, что в Сирии именно таджики составляли наиболее крупный центральноазиатский контингент в составе ИГИЛ и других джихадистских сил, входили в число ИБТ, которые наиболее активно проявили себя в террористической деятельности и, по некоторым оценкам, лидировали среди других ИБТ в Сирии по числу атак террористов-смертников.⁴⁵⁸

На этом фоне нельзя исключать вероятность того, что часть выживших центральноазиатских ИБТ, кому удалось или удастся покинуть Сирию и Ирак, через те же Турцию, Украину или Закавказье попытаются добраться до России. Такие ИБТ могут использовать российскую территорию для временного пребывания с целью последующего транзита на родину или в третьи страны, но могут рассматривать Россию и как *альтернативу* возврата домой и планировать обосноваться в РФ. Это тем более вероятно в силу двух факторов. Во-первых, как уже отмечалось, для немалого числа таких ИБТ именно Россия и была страной если не изначального происхождения и гражданства, то первоначальной радикализации – и в этом смысле страной исхода,

⁴⁵⁵ Подробнее см., например, Tucker N. Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. The Central Eurasia – Religion in International Affairs Brief no. 6. February 2015. – Washington D.C.: Central Asia Program, George Washington University, February 2015.

⁴⁵⁶ См. фрагменты видеозаписи Г.Халимова в материале «Подробно! О проступке командира таджикского ОМОНа» на канале «Новости Центральной Азии CATV NEWS» на Youtube, 29 мая 2015 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MaUyp6-sn_8.

⁴⁵⁷ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. Para. 52. P. 14; Lemon E. Pathways to Violent Extremism. P. 7.

⁴⁵⁸ По данным за период с 1 декабря 2015 г. по 30 ноября 2016 г. Winter C. War by Suicide: A Statistical Analysis of the Islamic State's Martyrdom Industry.

отправной точкой маршрута по пути в ИГИЛ. Нетрудно предположить, что, если речь идет о релокации центральноазиатских ИБТ, вышедших из мигрантских общин и радикализовавшихся в РФ, то как минимум некоторые из них в качестве конечной страны возврата рассматривают именно Россию, а не давно покинутые ими родные страны. Во-вторых, наличие в России огромной массы и слабо регулируемых потоков мигрантов (включая нелегальных), среди которых преобладают выходцы из Центральной Азии, крайне облегчает для центральноазиатских ИБТ задачу затеряться в этой многомиллионной среде и смешаться с ней – как только и в случае, если им удастся пересечь российскую границу, либо минуя пограничный контроль, либо используя фальшивые документы, добыть которые в Турции, на Украине и в иных транзитных странах не составляет труда. Этому же способствуют и отсутствие жесткого языкового барьера, и перспектива найти в РФ какую-то работу, чтобы содержать себя. Допустим, что по тем или иным политическим причинам или в силу каких-то довлеющих корпоративных или ведомственных интересов России непросто, неудобно и неприятно признавать эти реалии – и в особенности тот факт, что немалая часть центральноазиатских ИБТ в составе центрального ядра ИГИЛ изначально радикализировалась в среде мигрантов на российской территории. Однако это не означает, что Россия не должна отдавать себе отчет в проблеме возможного превращения в транзитную страну или конечный пункт назначения для ИБТ евразийского происхождения и что на этот риск можно закрывать глаза.

Конечно, даже несмотря на ряд благоприятных сопутствующих условий, возврат в Россию для таких ИБТ – это непростая задача, по тем же причинам, что и для ИБТ российского происхождения (хотя последним даже сложнее затеряться у себя на родине, чем выходцам из Центральной Азии – в массе мигрантов-земляков на территории РФ). Кстати, именно поэтому многие центральноазиатские ИБТ, скорее, предпочтут, по возможности, задержаться в других транзитных странах. Это страны, где либо контроль со стороны полицейских структур и специальных служб менее жесткий и ситуация в сфере безопасности менее стабильная, чем в России (например, Украина),⁴⁵⁹ либо сохраняется элемент попустительства ИБТ и недостаточного внимания к этой проблеме (например, Турция).

Тем не менее риск возврата части ИБТ евразийского, прежде всего, центральноазиатского, происхождения *не в ту страну Евразии, откуда они родом*, особенно в Россию (и на Украину), где много мигрантов-выходцев из Центральной Азии и Закавказья, существует. Если таких транзитников или возвращенцев не удастся вовремя выявить, а при необходимости, в случае продолжения их участия в экстремистской деятельности – и нейтрализовать, они будут представлять дополнительную угрозу, наряду с возвращением домой ограниченного числа ИБТ российского происхождения. В частности, они могут способствовать развитию в России и выходу на качественно иной уровень исламистского экстремизма нового типа, связанного не столько с традиционным вооруженным подпольем на Северном Кавказе, сколько с появлением саморадикализирующихся мини-ячеек джихадистского толка (в т. ч. с участием экстремистов из числа мигрантов) по всей территории страны, вдохновленных транснациональной джихадистской идеологией. Более того, можно предположить, что непосредственно для России этот недооцененный риск, связанный с возможной релокацией на ее территорию ИБТ евразийского происхождения, в перспективе не менее, если не более вероятен и представляет более прямую угрозу, чем, например, угроза передислокации части ИБТ из Сирии и Ирака на север Афганистана.

⁴⁵⁹ См., например, How Former 'Islamic State' Militants Wind up in Ukraine // Hromadske International. 8 August 2017. URL: <https://en.hromadske.ua/posts/how-former-islamic-state-militants-wind-up-in-ukraine>.

4.6. Уголовное преследование, репатриация, реабилитация и реинтеграция ИБТ: российский опыт

4.6.1. Уголовное преследование боевиков-террористов российского происхождения

Для РФ проблема боевиков-террористов российского происхождения на Ближнем Востоке началась далеко не с ИГИЛ, а задача их судебнo-правового и, прежде всего, уголовного преследования стала серьезной проблемой уже в первой половине 2010-х годов. В 2013 г., т. е. еще до признания в РФ террористическими основных джихадистских организаций в Сирии, в российское законодательство были внесены изменения, позволившие осуждать российских граждан, воевавших против интересов Российской Федерации за рубежом. Часть 2 статьи 208 Уголовного кодекса (УК) РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) предполагала наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет.⁴⁶⁰ 29 декабря 2014 г. на закрытом заседании Верховный суд РФ признал террористическими обе ведущие джихадистские организации в Сирии – «Исламское государство» и группировку «Джабхат ан-Нусра».⁴⁶¹ По мере роста масштабов проблемы неоднократно ужесточалось и предусмотренное частью 2 статьи 208 УК РФ наказание за участие «на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации» – вплоть до лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (с 2016 г.).⁴⁶²

Судебно-правовое преследование ИБТ со стороны РФ сосредоточилось на трех основных направлениях:

- (а) недопущение выезда потенциальных ИБТ с российской территории;
- (б) уголовное преследование уехавших ИБТ и объявление их в розыск, в т. ч. международный;
- (в) уголовное преследование вернувшихся ИБТ.

Наиболее проблемным оказалось первое из этих трех направлений – пресечение выезда ИБТ из России на Ближний Восток. Официальные данные свидетельствуют о пятикратном росте числа ИБТ – российских граждан, уехавших в Сирию и Ирак, за период с 2014 по 2016 г.⁴⁶³ Более того, численность ИБТ российского происхождения, по тем же данным, продолжала расти, хотя и не такими быстрыми темпами, даже на этапе ослабления и распада ядра ИГИЛ на Ближнем Востоке, т. е. вплоть до конца 2010-х годов. Тот факт, что такому большому числу граждан РФ удалось покинуть страну для участия в вооруженной активности на стороне джихадистских группировок на Ближнем Востоке, включая ИГИЛ, отчасти объясняется спецификой ситуации с терроризмом и вооруженным экстремизмом в России. В отличие от западных стран, Россия десятилетиями имела на своей территории конфликт с участием вооруженных исламистов (исламистов-сепаратистов), которые, наряду с военными операциями, систематически применяли террористические методы. По мере усиления давления на эти силы со стороны региональных и федеральных властей и структур безопасности и сужения пространства для маневра и физического выживания вооруженного подполья

⁴⁶⁰ Часть 2 в редакции Федерального закона от 02.11.2013 № 302-ФЗ.

⁴⁶¹ Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С признать международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы) террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html>.

⁴⁶² В редакции Федеральных законов от 05.05.2014 № 130-ФЗ, от 06.07.2016 № 375-ФЗ.

⁴⁶³ Подробнее см. раздел 4.4.2.

на Северном Кавказе, объективно усиливался и импульс к отъезду боевиков за рубеж. Это явление неоднократно наблюдалось и ранее, но приобрело особенно широкий размах в начале – середине 2010-х годов. Тем не менее этот объективный импульс, выталкивавший боевиков с Северного Кавказа, не снимает вопроса о возможной, по крайней мере на первых порах, недооценке в РФ проблемы иностранных боевиков-террористов российского происхождения в Сирии и Ираке, а также о недостаточно эффективном пресечении таких потоков со стороны правоохранительных органов.

Тем не менее меры по пресечению попыток граждан РФ отправиться в Сирию и Ирак для участия в вооруженной и террористической деятельности постепенно ужесточались как на федеральном, так и на республиканском уровне. По данным прокурора Чеченской республики Ш.Абдул-Кадырова, по состоянию на ноябрь 2015 г. за решеткой оказались уже не только вернувшиеся, но и почти все выявленные радикалы, только планировавшие уехать на Ближний Восток.⁴⁶⁴ Не вызывает сомнений и тот факт, что с 2017 г. выезд за пределы РФ с целью участия в террористических организациях в Сирии и Ираке постепенно сокращался.⁴⁶⁵

Свою роль в сокращении этого оттока сыграли целенаправленные превентивные, профилактические и иные усилия спецслужб и других правоохранителей внутри РФ. Однако представляется, что решающую роль здесь все же сыграло снижение привлекательности самого центрального ядра ИГИЛ в результате серии его военных поражений в Сирии и Ираке и его последующего развала. Это ослабило ИГИЛ не только в военном плане, не только физически, но и идеологически, подорвав его религиозно-политическую пропагандистскую подачу и привлекательность для своих сторонников в других странах и регионах в качестве «истории успеха», военных побед, территориальной экспансии и квазигосударственного «халифата». Подчеркнем, что в этом смысле российская военная кампания в Сирии, которая помогла предотвратить развал сирийской государственности и, наряду с усилиями других региональных и внерегиональных игроков, способствовала разгрому центрального ИГИЛ и иных джихадистских сил, судя по всему, внесла бóльший вклад в решение задачи сокращения оттока боевиков из России на Ближний Восток, чем соответствующие правоохранительные и превентивные усилия внутри страны. Наконец, в конце 2010-х годов определенную роль в сокращении оттока ИБТ, в т. ч. из России и других стран Евразии, на «земли халифата» могла сыграть и адаптация идеологии и пропаганды ИГИЛ к новым условиям. Руководство ИГИЛ оперативно переключилось на призывы к своим сторонникам вместо того, чтобы отправиться в Сирию и Ирак, вести или продолжать вооруженную активность на местах, у себя на родине.

В плане объявления уехавших боевиков в розыск и их *уголовного преследования* структуры безопасности РФ уже проявили значительную оперативность. В частности, по данным прокуратуры Чечни на сентябрь 2017 г., из 786 установленных жителей республики, воевавших на тот момент в Сирии в рядах джихадистов, 607 были объявлены в международный розыск, а с осени 2013 г. против ИБТ – выходцев из Чечни было возбуждено 644 уголовных дела.⁴⁶⁶ На федеральном уровне, по данным директора ФСБ А.Бортникова, из почти 5500 российских граждан, примкнувшим к

⁴⁶⁴ Около 300 уголовных дел возбуждено в Чечне против лиц, перешедших в ряды ИГ - прокурор республики // Интерфакс-АВН (Агентство военных новостей). 22.11.2015. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=396082&lang=RU>.

⁴⁶⁵ Подробнее см. раздел 4.4.2.

⁴⁶⁶ Цит. по: Прокуратура насчитала почти 800 жителей Чечни в рядах сирийских боевиков // Кавказский узел. 23.10.2017. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/310015/>.

террористическим организациям за рубежом, к концу 2019 г. уже более 4000 стали фигурантами уголовных дел.⁴⁶⁷

Как уже отмечалось, к началу 2020-х годов общее число вернувшихся в Россию джихадистов оставалось небольшим. По мере возвращения ИБТ набирало силу их уголовное преследование – от выявления и заключения под стражу до предъявления обвинения, суда и приговора. По данным ФСБ, если в конце 2015 г. из 214 вернувшихся в Россию ИБТ были осуждены 80 человек, а еще 41 арестован,⁴⁶⁸ то к октябрю 2019 г. из вернувшихся на родину 337 боевиков были осуждены уже 224 человека и еще 32 находились под арестом.⁴⁶⁹ В абсолютном измерении, число вернувшихся в Россию ИБТ с 2015 по 2019 г. выросло в 1,6 раз, а тех из них, кто был осужден – в 2,8 раз. При этом доля осужденных ИБТ по делам, доведенным до суда, выросла на 30% (с 37,4% до 66,5%), т. е. пропорционально росту общего числа ИБТ, вернувшихся в Россию (на 36,5%).

В целом, с учетом национально-государственной специфики РФ, в т.ч. российской модели обеспечения национальной безопасности, правоохранительной и судебной систем, активность России в плане выявления и уголовного преследования ИБТ российского происхождения, связанных с ИГИЛ и другими джихадистскими организациями в Сирии и Ираке, не сильно контрастировала с общемировым опытом и практиками в этой сфере и в целом укладывалась в их достаточно широкие рамки. Основная особенность российского ответа на эту проблему на стадии пресечения, оперативно-следственной разработки и уголовного преследования ИБТ заключалась в сочетании меньшего числа судебных приговоров и лиц, уже отбывающих срок по соответствующим делам (прежде всего, из-за сравнительно небольшого числа вернувшихся боевиков), с более длительными сроками их заключения.

Иная ситуация наблюдалась в сфере *реабилитации и реинтеграции ИБТ*. Подчеркнем, что в западных странах, а под их влиянием – и на уровне ООН этот аспект проблемы ИБТ к концу 2010-х годов стал рассматриваться чуть ли не как основной. По крайней мере, такое впечатление складывается на основе просмотра западных экспертно-аналитических материалов или, например, публичных изданий и материалов внутреннего пользования Исполнительного директората Контртеррористического комитета (ИД КТК) ООН. Может создаться впечатление, что на рубеже 2010-х – 2020-х годов в западных источниках этому аспекту проблемы уделялось чуть ли не большее внимание, чем даже, например, жертвам терроризма джихадистского толка или вопросам идеологической радикализации ИБТ и противодействия ей. Такое повышенное внимание к данному аспекту проблемы отчасти объяснялось объективной спецификой ситуации в этой сфере в западных странах, и в какой-то степени – в отдельных ближневосточных странах. Эта специфика заключалась в относительно более высокой доли вернувшихся ИБТ, часть которых была осуждена и отбывала наказание, но при этом относительно небольших сроках их заключения (ситуация, обратная российской). Это сочетание, действительно, довольно остро ставило для таких стран вопрос о том, что делать с бывшими ИБТ после их выхода из мест заключения.

К сожалению, такой перекосяк в подходе к проблеме ИБТ, продиктованный спецификой ситуации в западных и отдельных других странах, выразился в непропорционально большом внимании, уделяемом в антитеррористической повестке ООН вопросам выхода из тюрьмы отсидевших ИБТ и их последующих реабилитации и

⁴⁶⁷ Цит. по: Фахрудинов Р. Пресекли 39 терактов: в ФСБ рассказали о подготовке нападений // Газета.ру. 16.10.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/16/12758864.shtml>.

⁴⁶⁸ Спецслужбы России вычислили сотни вернувшихся из Сирии и Ирака боевиков.

⁴⁶⁹ Цит. по: Фахрудинов Р. Ук. соч.

реинтеграции. Так, например, проблемы реабилитации и реинтеграции ИБТ были выделены составителями ежегодного опроса экспертов Глобальной исследовательской сети при Исполнительном директорате КТК ООН в качестве основного (!) аспекта проблемы ИБТ в 2019 г.⁴⁷⁰ Повторим, что, хотя такая постановка вопроса и злободневна для ряда стран, в основном западных, и отражает их приоритеты и понимание проблемы, она вряд ли может претендовать на универсальность и гораздо менее актуальна для других стран, в т. ч. России и ряда других стран Евразии, откуда происходит значительное число ИБТ, воевавших в Сирии и Ираке.

В России проблема реинтеграции и реабилитации вернувшихся боевиков ИГИЛ и других джихадистов не вошла в число наиболее острых или приоритетных в кратко- и среднесрочной перспективе по двум основным причинам:

(1) ограниченное число и значительно более низкий процент ИБТ, вернувшихся в РФ, по сравнению как с общемировым уровнем, так и с показателями, характерными для стран Европы и ряда государств Ближнего Востока;

(2) значительно более длительные сроки заключения для вернувшихся на родину и осужденных ИБТ российского происхождения.

Это не значит, что актуальность данной проблемы для России не возрастет со временем. Это также совершенно не означает отсутствия у России интереса к реинтеграции и реабилитации применительно к отдельным категориям российских граждан, которые в свое время по тем или иным причинам оказались на территориях, подконтрольных «халифату» и иным джихадистским силам в Сирии и Ираке, например, к членам семей ИБТ. Однако прежде, чем говорить об этих аспектах, следует вкратце рассмотреть российский подход к более широкой проблеме реинтеграции бывших боевиков (боевиков-террористов).

4.6.2. Подход России к проблеме реинтеграции боевиков

Опыт реинтеграции боевиков на Северном Кавказе

Имеющийся у России опыт реинтеграции бывших боевиков в основном накоплен республиканскими властями отдельных субъектов РФ, а на федеральном уровне – Национальным антитеррористическим комитетом (НАК) – и относится к вооруженному противостоянию более традиционного типа с исламистско-сепаратистским движением на Северном Кавказе.

Следует отметить, что в рамках международного дискурса проблематика демобилизации и реинтеграции бывших боевиков рассматривается в основном или почти исключительно в контексте и на стадии мирного процесса – процесса урегулирования конфликта путем переговоров с целью заключения мирного соглашения с вооруженной оппозицией. Однако такой подход упускает из виду те контексты, в которых относительно массовая демобилизация и реинтеграция боевиков осуществлялась в отсутствие мирного процесса или соглашений как таковых. К ним как раз относится случай Чечни, где конфликт был урегулирован не с помощью мирных переговоров с вооруженной оппозицией, а иным путем. Отсутствие с конца 1990-х годов мирного процесса по Чечне не означало опоры, в рамках политики и практики чеченизации конфликта, исключительно на силовые методы, особенно в отношении людей, сложивших оружие (по данным на 2015 г., таких только в Чечне могло быть до 7000 человек).⁴⁷¹ Двумя основными несиловыми механизмами по реинтеграции

⁴⁷⁰ Автор книги принимала участие в этом опросе.

⁴⁷¹ Кадыров готов амнистировать боевиков, сложивших оружие // Вестник Кавказа. 05.03.2015.
URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Kadyrov-gotov-amnistirovat-boevikov-slozhivshikh-oruzhie.html>.

бывших боевиков на Северном Кавказе были амнистии и так называемые адаптационные комиссии.

Чеченские власти, лояльные федеральному центру, и руководство ряда других северокавказских республик (Дагестана, Ингушетии) на определенном этапе задействовали механизм амнистий для бывших боевиков. В Чечне на протяжении 2000-х годов было проведено несколько таких амнистий.⁴⁷² Амнистия, объявленная 6 июня 2003 г., была приурочена к избранию президентом Чечни Ахмата Кадырова, и в основном касалась его сторонников, большинство из которых в 1990-е годы воевали против федерального центра. Амнистия содействовала их реинтеграции, в т. ч. в силовые структуры Чеченской республики и, таким образом, курсу на урегулирование конфликта путем его чеченизации с опорой на кадыровцев. В результате амнистии, объявленной по инициативе НАК в связи с гибелью «террориста № 1» в России Шамиля Басаева и продолжавшейся с июля 2006 г. по январь 2007 г., по данным Н.Патрушева, занимавшего тогда пост директора ФСБ, оружие сложили 546 бывших боевиков,⁴⁷³ причем часть из них потом перешла на службу в силовые структуры Чечни.

В 2010-е годы в качестве метода реинтеграции использовались так называемые комиссии по адаптации боевиков к мирной жизни, созданные в Дагестане и Ингушетии. Комиссии, в состав которых входили представители силовых структур, чиновники, правозащитники и религиозные деятели, получили право просить и о смягчении наказания или освобождении от уголовной ответственности людей, покинувших ряды вооруженного подполья. Например, в 2011–2015 годах адаптационная комиссия в Ингушетии рассмотрела 68 обращений, в т. ч. дела троих ИБТ, вернувшихся из Сирии.⁴⁷⁴ Среди других методов, применявшихся в Дагестане и Ингушетии, можно отметить использование кланово-родственных связей и религиозного (суфийско-салафитского) диалога. Несмотря на критику работы адаптационных комиссий и иных методов реинтеграции и адаптации бывших боевиков с разных сторон, применение этих мер, наряду с традиционными правоохранительными методами, способствовало тому, что, например, число жертв вооруженного противостояния в Ингушетии снизилось с 326 в 2010 г. до 37 в 2014 г.⁴⁷⁵

В рамках ужесточения силовой составляющей антитеррористических усилий в преддверии и в ходе Олимпиады в Сочи 2014 г. применение указанных методов, включая работу комиссий по адаптации, было свернуто, и после Олимпийских игр они возобновили свою работу лишь в Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Однако одно дело – реинтеграция российских граждан, участвовавших во внутреннем вооруженном противостоянии федеральным силам, а другое дело – вопрос о реинтеграции вернувшихся на родину боевиков-террористов из состава ИГИЛ или других группировок джихадистского толка на Ближнем Востоке, в большинстве своем осужденных на длительные сроки по «террористическим» статьям.

⁴⁷² Амнистии 2000-х годов, при всей их критике с разных сторон (от либеральных правозащитников до части российских силовиков) были относительно успешными в рамках общего курса на чеченизацию, в отличие от предыдущих двух амнистий, объявленных в марте 1997 г. (по итогам Хасав-Юртовских соглашений, на которые федеральный центр пошел в т. ч. в результате прямого шантажа в виде крупных терактов с захватом заложников в Буденновске и Кизляре) и в декабре 1999 г.

⁴⁷³ Цит. по: ФСБ: во время объявленной в 2006 г. амнистии с повинной по всей России явились 546 человек // NewsRU.com. 13.02.2007. URL: <https://www.newsru.com/russia/13feb2007/4e4nya.html>.

⁴⁷⁴ Которые впоследствии, в т. ч. после отбывания срока заключения, реинтегрировались в мирную жизнь. Пахоменко В. Из Сирии в Россию: что делать с теми, кто возвращается из ИГИЛ // РБК. 14.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/14/12/2015/566e98ed9a7947c7a87b807e>.

⁴⁷⁵ Там же.

Проблема дерадикализации и реинтеграции осужденных исламистских экстремистов и террористов нового типа

В России проблема бывших вооруженных экстремистов, уже осужденных и находившихся в местах заключения, становилась все более актуальной по мере роста числа обвинительных приговоров по делам об экстремизме – в 2,2 раза за пятилетний период с 2013 по 2017 г. включительно, не говоря уже о девятикратном росте числа осужденных по террористическим статьям за тот же период.⁴⁷⁶

Подчеркнем, что в России в правовом смысле проводится разграничение между «терроризмом» и «экстремизмом», но, в отличие от терминологии, принятой в ООН и в большинстве западных стран, отсутствует понятие «насильственного экстремизма», т. е. идеологического или религиозного экстремизма с применением насилия. Это понятие иногда используется вне судебно-правовой сферы и за рамками официального дискурса, например, в российских СМИ и аналитике, обычно как синоним «терроризма». При этом категория «экстремизма» в российском законодательстве носит довольно общий и размытый характер. Она включает любую внутреннюю и внешнюю активность, как с применением, так и без применения насилия, направленную на «нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации» и «дестабилизацию внутривластной и социальной обстановки в стране».⁴⁷⁷ Таким образом, то, что в лексиконе ООН обозначается как «насильственный экстремизм», в России частично подпадает под категорию «преступления террористической направленности»,⁴⁷⁸ а частично входит в число тех преступлений из категории «экстремистских», которые связаны с применением насилия.⁴⁷⁹

Российские подходы конца 2010-х годов к проблеме и судьбе граждан, уже осужденных за экстремизм и терроризм и отбывавшим или отсидевшим свои сроки, наглядно иллюстрируют два примера. В обоих случаях стимулом к ужесточению политики в отношении таких лиц послужил насильственный экстремизм уже нового типа, связанный не столько с северокавказским контекстом, сколько с ИГИЛ и иными транснациональными организациями радикально-исламистского толка.

Так, после терактов в Санкт-Петербургском метро в апреле 2017 г., запланированных и осуществленных радикалами из числа мигрантов и натурализованных граждан РФ, связанных с транснациональными джихадистскими сетями, были внесены поправки в закон «О гражданстве Российской Федерации». Новая редакция статьи 22 закона позволяла, на основании вступившего в силу приговора суда по делам о терроризме и экстремизме,⁴⁸⁰ отменять решение о вступлении в российское гражданство для натурализованных лиц, получивших гражданство РФ не по рождению, а путем подачи заявления.⁴⁸¹ К составу преступлений

⁴⁷⁶ Данные Верховного Суда РФ цит. по: Третей осужденных за коррупцию оказалось людьми без определенных занятий.

⁴⁷⁷ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014, Пр-2753). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/>.

⁴⁷⁸ Большинство осужденных по террористическим статьям в РФ осуждены не за прямое участие в терактах, а за участие в террористических организациях (например, в 2017 г. – более 100 из 262 человек, по сравнению с лишь 30 осужденных за теракты).

⁴⁷⁹ Большинство приговоров по делам об экстремизме в РФ не связано с обвинениями в применении насилия.

⁴⁸⁰ Для осужденных за совершение преступлений, приготовление или покушение на преступления, предусмотренные статьями 205 и 205.1, части 2 статьи 205.2, статьи 205.3–205.5, 206, 208, части 4 статьи 211, статьями 281, 282.1–282.3 и 361 УК РФ, а также, в случае, если совершение преступлений сопряжено с осуществлением террористической деятельности, статьями 277–279 и 360 УК РФ.

⁴⁸¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в

по таким делам были отнесены террористический акт, содействие террористической деятельности, призывы к терроризму, его оправдание, обучение терроризму, организация террористического сообщества и его деятельности, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования, угон судна с целью терроризма, финансирование экстремистской деятельности, организация экстремистского сообщества и участие в деятельности экстремистской организации. При этом основой для лишения российского гражданства становилось «сообщение заведомо ложных сведений» о своей непричастности к такой деятельности на момент принятия соответствующей присяги. Эта формулировка не охватывала всей полноты проблемы, так как не затрагивала возможность радикализации натурализованного мигранта уже после получения им российского гражданства. Однако она ясно давала понять, что в России даже в отношении тех экстремистов из числа бывших мигрантов, которые успели натурализоваться и получили российское гражданство, проблема в принципе не рассматривалась в контексте какой-либо «(ре)интеграции».

В конце 2010-х годов в подходах России к радикальным исламистам из числа российских граждан, уже осужденных по делам о терроризме и экстремизме, также не уделялось внимание вопросам их дерадикализации, посттюремной реабилитации и реинтеграции. Определенное внимание, по крайней мере со стороны спецслужб и законодателей, стало уделяться противодействию радикализации и предотвращению насильственного экстремизма *в местах заключения*, что косвенно свидетельствовало о возникновении или обострении такой проблемы на фоне роста числа осужденных по террористическим и экстремистским статьям. В качестве основной задачи рассматривалась нейтрализация роли отбывающих свой срок террористов и экстремистов в идеологической радикализации и вербовке остальных заключенных, осужденных по другим статьям. Во внесенном на рассмотрение Государственной Думы в ноябре 2018 г.⁴⁸² и подписанном Президентом РФ 27 декабря того же года пакете из трех законопроектов о предотвращении распространения экстремистской идеологии в тюрьмах, среди прочего, предусматривалось: (а) физическое отделение осужденных по террористическим статьям от остальных заключенных путем перевода их из исправительных колоний общего, строгого и особого режима в тюрьмы⁴⁸³ с более изолированным режимом и (б) наделение Федеральной службы исполнения наказаний правом перевода любых заключенных, которые были замечены в пропаганде и ином деструктивном воздействии, связанном с изучением или распространением экстремистской идеологии, в другие исправительные учреждения того же типа (например, в других регионах страны).⁴⁸⁴

Российские подходы в этой сфере отчасти контрастировали с ситуацией в некоторых других евразийских странах, которая, однако, оставалась, скорее, исключением, чем правилом. Например, Кыргызстан с его несколько более либеральной политической и правоохранительной системой (на фоне других государств Центральной Азии) начал экспериментировать с реабилитацией и реинтеграцией осужденных по экстремистским статьям. Работа в этом направлении в

Российской Федерации?». 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221210/. См. также URL: <https://refugee.ru/news/izmeneniya-v-zakon-o-grazhdanstve-rf-vstupili-v-silu/>.

⁴⁸² Об истории принятия пакета см.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/592561-7>.

⁴⁸³ В конце 2010-х годов в России было 8 тюрем, в которых, по данным Федеральной службы исполнения наказаний, содержались менее 1300 человек, по сравнению с 467000 человек в колониях общего режима и чуть более 2000 в колониях особого режима. Редичкина К. В России появятся тюрьмы для террористов // Парламентская газета. 04.12.2018.

⁴⁸⁴ Федеральный закон от 27.12.2018 № 548-ФЗ «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812280015?index=0&rangeSize=1>.

основном велась в рамках программ, составленных и финансируемых зарубежными донорами и международными организациями. Примерами могут служить пилотный проект по социальной реабилитации отсидевших по делам об экстремизме в рамках более широкой программы Управления по наркотикам и преступности (УНП) ООН совместно с Государственной службой исполнения наказаний Кыргызстана по предотвращению радикализации и распространения экстремизма среди заключенных⁴⁸⁵ или программы британской неправительственной организации (НПО) “Penal Reform International”, активной и в других центральноазиатских странах.⁴⁸⁶

Однако в целом программы социальной реабилитации и реинтеграции бывших боевиков из числа собственных граждан, включая радикальных исламистов, не входили в число приоритетов России или других стран Евразии. Это тем более относится к такой пока немногочисленной и считающейся одной из самых опасных категории боевиков, как вернувшиеся на родину ИБТ российского и евразийского происхождения, прошедшие Сирию и Ирак в рядах ИГИЛ и иных джихадистских формирований. Со временем для России и ее соседей вопросы реинтеграции в общество вернувшихся ИБТ после отбывания ими наказания могут стать более актуальными – как в случае возможного роста числа вернувшихся и осужденных ИБТ, так и по мере истечения длительных сроков их заключения. В этом случае для России не лишним будет обратить критическое, но конструктивное внимание на международный опыт в этой сфере, в т. ч. на то, какие меры, от мониторинга до социальной адаптации и интеграции, применялись в отношении вышедших из тюрьмы лиц из основной массы ИБТ евразийского происхождения, застрявших в третьих странах.

В целом, если вплоть до начала 2020-х годов вопросы реабилитации и реинтеграции вернувшихся ИБТ и были хоть как-то применимы к России, то, скорее, в отношении не столько самих боевиков-террористов российского происхождения, сколько лиц, осужденных за содействие ИБТ непосредственно на территории РФ. Среди них, например, граждане, осужденные за участие в процессе вербовки ИБТ на относительно более короткие сроки (порой не превышавшие два–три года), чем за прямое участие в вооруженных группировках и насилии за рубежом. К началу 2020-х годов некоторые из них уже вышли на свободу или должны были покинуть места заключения в ближайшие годы. Соответственно, уже тогда встал вопрос о дальнейшей работе с этими людьми, от мониторинга их последующей активности до содействия их социальной адаптации и реинтеграции в общество.

Для центральноазиатских стран – прежде всего, Казахстана и Таджикистана – проблема реинтеграции и адаптации ИБТ стала актуальной уже в конце 2010-х годов в отношении хотя бы тех (немногих) вернувшихся из Сирии и Ирака граждан мужского пола, кто получил помилование со стороны властей и не подвергся уголовному преследованию – как правило, при условии их доказанного неучастия в вооруженном насилии, публичного осуждения ими такого насилия и их отречения от ИГИЛ и других террористических организаций.

⁴⁸⁵ Country Reports on Terrorism 2017. – Washington D.C.: U.S. Department of State Bureau on Counterterrorism, 2018. P. 179. Мероприятия в этой сфере финансировались в рамках Программы Управления по наркотикам и преступности (УНП) ООН для государств Центральной Азии на 2015–2019 годы (доноры которой включали ЕС и 10 западных стран, а также Россию, Казахстан, Турцию, Японию и Катар) и совместного проекта УНП ООН и программы развития ООН «Профилактика радикализации к насилию в органах и учреждениях уголовно исполнительной системы Кыргызской Республики», при финансовой поддержке Фонда миростроительства ООН. Подробнее см. URL: <https://www.unodc.org/centralasia/en/>.

⁴⁸⁶ Сайт “Penal Reform International”: URL: <https://www.penalreform.org/where-we-work/africa/central-african-republic/central-asia/>.

На этом фоне наиболее острая проблема этого плана, которая действительно встала перед Россией и ее центральноазиатскими соседями уже в конце 2010-х – начале 2020-х годов, была связана с организованной репатриацией и последующей реинтеграцией и социальной реабилитацией своих граждан – членов семей ИБТ, т. е. жен и вдов боевиков ИГИЛ, а также их детей.

4.6.3. Репатриация, социальная реабилитация и реинтеграция членов семей ИБТ

На этапах формирования и расцвета ИГИЛ особый упор в его идеологии и пропаганде делался не только на привлечении в ряды армии «халифата» боевиков, но и на стимулировании миграции на земли «халифата» членов семей ИБТ, а также разного рода гражданских специалистов.⁴⁸⁷ Начиная уже с 2016 г. и особенно с 2017 г., в условиях распада квазигосударственного образования ИГИЛ на Ближнем Востоке эти категории людей, прежде всего, женщины и дети, оказались в особо тяжелом положении. Соответственно, перед странами исхода таких категорий «населения ИГИЛ» встала проблема и задача массового возврата женщин и детей из зон зарубежных конфликтов. Для многих из этих стран, включая Россию и другие страны Евразии, подобная задача в таком масштабе вообще встала впервые.

Как отмечалось ранее, во второй половине 2010-х годов возвращение в Россию ИБТ шло в весьма ограниченных масштабах, общее число вернувшихся не превышало несколько сотен, и почти все они были арестованы, а большинство – и осуждены. Возможности вернуться для российских граждан, добровольно отказавшихся от участия в боевых действиях и/или террористической активности на стороне джихадистов, или гражданских специалистов, отрекшихся от ИГИЛ, также практически отсутствовали. Переговоры, которые их семьи в некоторых случаях вели с местными властями и силовыми структурами на родине, в т. ч. в случае наличия каких-то предварительных договоренностей, как правило, все равно заканчивались возбуждением уголовных дел и длительными сроками заключения для вернувшихся.⁴⁸⁸ В условиях, когда тюремный срок грозил даже планировавшим уехать воевать на Ближний Восток, подавляющее большинство мужчин – ИБТ российского происхождения (особенно ИБТ «второй волны», уехавших именно с целью попасть в ИГИЛ) и не пытались вернуться, справедливо опасаясь жесткого преследования. Соответственно, как отмечал в начале 2019 г. представитель Общественной палаты Чечни и эксперт по антитерроризму Ислам Сайдаев, «мужчин-боевиков среди репатриантов практически нет», а единственными репатриантами из ИГИЛ оставались женщины и дети.⁴⁸⁹

Масштаб и характер проблемы

Самый большой приток женщин и детей на территории, контролируемые ИГИЛ, пришелся на 2015 г.,⁴⁹⁰ а гражданских лиц и семей боевиков из России – на 2015–2016

⁴⁸⁷ Подробнее см. разделы 2 и 3.

⁴⁸⁸ Например, Ислам Гугов (первый житель Кабардино-Балкарии, добровольно вернувшийся из Сирии, куда он в конце 2014 г. 19-летним студентом под влиянием знакомых уехал на территорию ИГИЛ и откуда через полгода сбежал в Турцию), несмотря на предварительные переговоры его семьи с мэром г. Баксана и начальником городского отдела УФСБ по Кабардино-Балкарской республике, был осужден на родине на 16 лет. За полгода в Сирии – 16 лет в России // Коммерсантъ. 06.02.2019.

⁴⁸⁹ Цит. по: В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России // Независимая газета. 16.04.2019.

⁴⁹⁰ Barrett R. Op. cit. P. 5.

годы.⁴⁹¹ Вывоз семей в Сирию и Ирак или выезд туда уже с семьей, как правило, означал, что сторонники ИГИЛ – по крайней мере, на момент отъезда – не собирались возвращаться на историческую родину. В случае выезда семьями речь не всегда шла о семье боевика или гражданского специалиста, выехавшего на территорию, контролируемую ИГИЛ по «целевому призыву». Например, в середине 2010-х годов из Дагестана (наиболее исламизированной республики в составе РФ, с самой высокой долей фундаменталистов-салафитов среди российских мусульман), в условиях ужесточения мер против салафитов – закрытия мечетей,⁴⁹² уголовного преследования имамов и введения системы профилактического учета – потянулся поток салафитских семей, поверивших обещаниям ИГИЛ и направившихся в «халифат» с надеждой, что там они смогут жить по шариату.⁴⁹³

Масса уехавших в халифат лиц, не принадлежащих к категории боевиков-мужчин, была крайне неоднородна. Так как большинство из них не участвовало в боевых действиях, процент выживших среди них на этапе распада «халифата» был выше, чем у мужчин-ИБТ. Тем не менее известны случаи, когда «на последнем рубеже» (например, в марте 2019 г. в г. Багузе – последнем оплоте ИГИЛ на юго-востоке Сирии в провинции Дейр-эз-Зор) отступающие или блокированные отряды джихадистов, включая ИБТ, использовали собственные семьи в качестве «живого щита» от бомбардировок коалиционных сил.⁴⁹⁴

В целом на рубеже 2010-х – 2020-х годов проблема оставалась острой. По данным ООН на июль 2019 г., только на северо-востоке Сирии в заключении по подозрению в участии в джихадистских группировках или связи с ИБТ одних лишь граждан стран СНГ, включая женщин и детей, насчитывалось около 2000 человек.⁴⁹⁵ Это не противоречит данным ФСБ РФ на ноябрь 2019 г., согласно которым число российских женщин и детей, прошедших через ближневосточные «горячие точки», составляло не менее 2000 человек.⁴⁹⁶ Ряд чеченских правозащитников оценивают численность членов семей ИБТ из России на освобожденной от ИГИЛ территории выше: в марте 2019 г. в списках члена Совета по правам человека Чечни Хеды Саратовой, занимавшейся сбором информации об уехавших в ИГИЛ женщинах и детях с 2014 г., только на территории, контролируемой курдскими силами в Сирии, значились 2325 женщин и детей из России.⁴⁹⁷

Из женщин, оказавшихся на территориях, контролируемых джихадистами в Сирии и Ираке, большинство последовали за своими мужьями, порой не имея другого выбора или даже рискуя в противном случае потерять детей. Однако были среди них и женщины, сами крайне радикально настроенные и даже втянувшие в джихад свои семьи или сагитированные онлайн посредником-вербовщиком или потенциальным/будущим мужем-боевиком и по собственной воле отправившиеся в ИГИЛ.

⁴⁹¹ В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России.

⁴⁹² Туровский Д. Мечети, в которые опасно ходить // Meduza.io. 24.02.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/02/24/mechetei-v-kotorye-opasno-hodit>.

⁴⁹³ В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России.

⁴⁹⁴ Sommerwyl K. Ненужные семьи “Исламского государства”: что ждет жен и детей боевиков ИГ // Би-би-си Русская служба. 16.04.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47916420>.

⁴⁹⁵ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 15.

⁴⁹⁶ По информации, озвученной директором ФСБ А.Бортниковым на 47-й сессии Совета руководителей органов безопасности и спецслужб стран СНГ в Ташкенте. Цит. по: Апулеев Р. Прикрываясь женами и детьми: как террористы проникают в Россию // Газета.ru. 07.11.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/07/12799892.shtml>.

⁴⁹⁷ Цит. по: Женская история террористического государства: как складываются судьбы россиянок, уехавших в ИГ // Сноб. 19.03.2019. URL: <https://snob.ru/entry/174085>.

Первая база данных с информацией о детях российских граждан, оказавшихся в Сирии и Ираке, была составлена в августе 2017 г. Федеральной комиссией по возвращению детей из зон боевых действий по инициативе уполномоченной по правам ребенка в России А.Кузнецовой.⁴⁹⁸ Из 445 детей, числившихся в этой базе на сентябрь 2017 г., более половины (54%) составляли дети в возрасте от четырех до девяти лет, т. е. родившиеся еще в России. Однако уже чуть более четверти детей (27,5%) были в возрасте до трех лет, т. е. многие из них родились в Сирии и Ираке, а часть, возможно, и в транзитных странах.

Усилия по возвращению и гуманитарная эвакуация членов семей боевиков

Таким образом, если в конце 2010-х годов для России и встала проблема репатриации, реинтеграции и реабилитации своих граждан, возвращающихся из конфликтных зон в Сирии и Ираке, то она в основном свелась к работе с членами семей ИБТ, т. е. с женщинами и особенно с детьми. Члены семей боевиков составили основную массу вернувшихся россиян из «второй волны» отъезда – более молодого поколения, уехавшего уже в провозглашенный ИГИЛ «халифат». Процесс их возвращения носил более транспарентный характер, чем репатриация ИБТ, и по нему больше данных. Подчеркнем, что организованный процесс возвращения членов семей боевиков на родину представляет собой сложную и затратную задачу, которую в полной мере могли себе позволить далеко не все страны происхождения ИБТ. Из стран СНГ наладить эту работу на систематической основе было по силам лишь России и Казахстану.

В России работа по эвакуации и репатриации женщин и детей, ранее находившихся на подконтрольных джихадистам территориях в Сирии и Ираке, шла с 2017 г. До середины 2017 г. лишь несколько женщин с детьми, при помощи родственников и неформальных посредников, смогли вернуться в Россию, в основном на Северный Кавказ. С осени 2017 г. этот процесс приобрел организованные формы, и к концу года на родину самолетом через аэропорт г. Грозного (Чечня) было доставлено 90 женщин и детей.⁴⁹⁹

На начальном этапе, в 2017–2018 годах, главным двигателем усилий по возвращению семей боевиков домой стало руководство Чечни во главе с Рамзаном Кадыровым. В практическом плане ключевую посредническую роль сыграл представитель главы Чечни в странах Ближнего Востока и Северной Африки, член Совета Федерации РФ от Чеченской республики в 2008–2019 годах Зияд Сабсаби, который вел переговоры с властями Ирака, Сирии и другими сторонами. Свою роль сыграло и духовенство Чечни, а финансовые расходы по возвращению российских граждан взял на себя Фонд им. Ахмата Кадырова. На федеральном уровне в процессе участвовали уполномоченная по правам ребенка, Федеральная комиссия по возвращению детей из зон боевых зон и российский МИД. Для сбора информации о российских детях в Ираке и Сирии была открыта горячая линия: 8 (495) 221-70-65. Наконец, определенную помощь в этой работе оказали представители Дагестана, послы Сирии и Ирака в Москве, а также представители чеченской диаспоры в Иордании, Сирии и Ираке, в т. ч. в сотрудничестве с представительством Красного Полумесяца.⁵⁰⁰

⁴⁹⁸ Кузнецова рассказала, из каких регионов России везут детей в Сирию и Ирак // РИА Новости. 15.08.2017. URL: <https://ria.ru/20170815/1500407482.html>; В России запустили горячую линию по возвращению детей из Ирака и Сирии // НТВ. 18.10.2017. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1930489>.

⁴⁹⁹ В Россию просят семь тысяч вдов // Коммерсантъ. 14.11.2018.

⁵⁰⁰ Восемь детей и четыре женщины доставлены из Ирака и Сирии в Грозный // ТАСС. 01.09.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4526093>; Установлена личность найденной в Ираке чеченской девочки // Кавказский узел. 02.08.2017. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/307063>.

Предварительные итоги первого этапа работы по вывозу российских детей и женщин из Сирии и Ирака получили высокую оценку руководства РФ. 14 декабря 2017 г. на очередной большой пресс-конференции президент В.Путин заявил: «Дети, когда их вывозили в зоны конфликтов, не принимали решение туда ехать, и мы не имеем права их там бросить».⁵⁰¹

В 2018 г. процесс возвращения женщин застопорился, особенно из Ирака. По новым требованиям, принятым в этой стране, любая иностранка (начиная с 14 лет), так или иначе связанная с ИБТ или находившая в районах, подконтрольных ИГИЛ, должна была сначала предстать перед судом в Ираке. Для жен и вдов боевиков ИГИЛ, задержанных правительственными силами, вводился жесткий режим фильтрации. Все такие иностранки, находящиеся в иракских тюрьмах, включая россиянок, обвинялись по двум статьям иракского законодательства: «терроризм» и «незаконное пересечение границы страны».⁵⁰² Малейшие подозрения в пособничестве боевикам означали длительные сроки заключения, вплоть до пожизненного, и передачу детей в детские дома. Только в 2018 г. в Ираке к длительным срокам заключения за пособничество боевикам были приговорены 34 гражданки РФ.⁵⁰³ Серьезным препятствием для возвращения детей, особенно из Ирака, стало отсутствие у многих из них документов, подтверждающих российское гражданство – в таком случае для вывоза ребенка требовалось судебное решение, подтверждающее, что он является гражданином России.⁵⁰⁴ Кроме того, за возможность вывезти детей из Ирака пришлось платить: по данным уполномоченной по правам ребенка А.Кузнецовой, вывозная пошлина на каждого репатриированного из Ирака ребенка (как для России, так и для других стран) составляла не менее 300 долларов США.⁵⁰⁵

Несмотря на эти и другие трудности, проволочки и ограничения, 30 декабря 2018 г. после долгих переговоров в Россию из Ирака удалось эвакуировать 30 детей, в основном родом из Дагестана, а также из Чечни, Москвы и Пензы. Специальный рейс доставил их в аэропорт Грозного, откуда они были отправлены по домам.⁵⁰⁶

С 2019 г. основная активность по репатриации российских женщин и детей как из Ирака, так и из Сирии уже была сосредоточена в руках федерального центра. В 2019 г. власти продолжали работать над возвращением в Россию еще 115 детей (включая 55 детей моложе четырех лет) из 16 российских регионов.⁵⁰⁷ В июле 2019 г. уже в Москву и рейсом Министерства по чрезвычайным ситуациям из Багдада было доставлено еще 33 ребенка,⁵⁰⁸ а в ноябре – еще 32. Всего, по данным на ноябрь 2019 г., из Ирака общими усилиями удалось вывезти 122 российских детей.⁵⁰⁹

⁵⁰¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн. 14 декабря 2017 г. // ТАСС. 14.12.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4811155>.

⁵⁰² По информации З.Сабсаби, цит. по: Суд над россиянками в Ираке перенесли на март // РИА Новости. 14.02.2018. URL: <https://ria.ru/20180214/1514647672.html>.

⁵⁰³ Степанов А. Опасные жены // Российская газета. 23.05.2019.

⁵⁰⁴ Семь женщин и 14 детей доставили в Грозный спецрейсом из Сирии // ТАСС. 21.10.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4666339>.

⁵⁰⁵ По информации российских и чеченских правозащитников и посредников – гораздо больше. А.Кузнецова и Х.Саратова цит. по: В Россию просят семь тысяч вдов.

⁵⁰⁶ 30 российских детей, содержащихся в иракских тюрьмах, вылетели в Москву // Интерфакс. 30.12.2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/644692>.

⁵⁰⁷ В Россию просят семь тысяч вдов.

⁵⁰⁸ Борт с находившимися в тюрьме Ирака детьми вылетел в Москву // РБК. 10.07.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d2607f29a794710737d24c9>.

⁵⁰⁹ По данным пресс-службы уполномоченной при президенте РФ по правам ребенка А.Кузнецовой. Цит. по: Спецборт МЧС доставит более 30 российских детей из Ирака в Москву // Интерфакс. 18.11.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/684608>.

Данные об отношении к связанным с ИБТ россиянкам в Сирии, где Россия располагала бóльшим влиянием на власти страны и военным контингентом, разнятся. С одной стороны, в плане взаимодействия с местными властями, ситуация в этой сфере в Сирии обстояла лучше, чем в Ираке. Например, проблема отсутствия документов решалась проще благодаря разрешению президента Сирии Б.Асада вывозить российских граждан без решения суда.⁵¹⁰ Есть информация о том, что женщины и дети возвращались домой и через российский военный контингент в Сирии, в т. ч. через входившие в его состав подразделения из Чечни.⁵¹¹ С другой стороны, по некоторым свидетельствам, и сирийские власти неохотно выдавали жен и детей боевиков из России.⁵¹² Кроме того, репатриация российских женщин и детей была особенно затруднена в случаях, когда они попадали в руки (а) сил международной коалиции во главе с США (как в Сирии, так и в Ираке) и помещались в специальные лагеря как члены семей и пособники террористов, (б) шиитских милиций и группировок и (в) оказывались на территории, освобожденной формированиями сирийских курдов, как правило, в лагерях беженцев в очень тяжелых условиях (курдские власти не рассматривали членов семей иностранных боевиков ИГИЛ как свою проблему и не считали своей обязанностью их содержать). На федеральном уровне работа по возвращению российских детей, включая сирот, из Сирии, стала возможной лишь после переговоров МИД РФ с официальными властями страны летом–осенью 2019 г., позволивших федеральным структурам вернуть первых четырех детей, а также начать забор ДНК у детей и работу в лагерях.⁵¹³

Такая же работа довольно успешно велась Казахстаном. По данным Комитета национальной безопасности этой страны, озвученным на очередном раунде астанинских переговоров по Сирии в ноябре 2017 г., число детей из Казахстана моложе 16 лет из семей ИБТ, оставшихся на тот момент на территории Сирии и Ирака, оценивалось в 390 человек.⁵¹⁴ К концу 2018 г. властям удалось организовать возвращение 39 семей, включая 91 ребенка. В 2019 г. работа казахстанских властей в этом направлении достигла пика: в рамках гуманитарной операции «Жусан» при координации Комитета национальной безопасности из Сирии на родину было доставлено 595 человек, включая 156 женщин и 406 детей, в т. ч. около 30 круглых сирот.⁵¹⁵ В первой половине 2019 г. 156 человек было также репатрировано в Узбекистан и 84 – в Таджикистан.⁵¹⁶

Что потом? Контроль, профилактика радикализации, реинтеграция и реабилитация

Подход со стороны российских властей к вернувшимся и возвращенным по гуманитарным каналам членам семей боевиков, особенно к женщинам, носил преимущественно правоохранный характер. Он варьировался от уголовного наказания до регулярного контроля и мониторинга со стороны силовых структур и, в

⁵¹⁰ Семь женщин и 14 детей доставили в Грозный спецрейсом из Сирии.

⁵¹¹ В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Самолет с российскими детьми из Сирии прибыл в Москву // Интерфакс. 07.09.2019.

URL: <https://www.interfax.ru/russia/675572>.

⁵¹⁴ Цит. по: Богатик А. Дети погибших в Сирии боевиков вернутся в Казахстан // Каравансарай. 27.12.2017. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/27/feature-01.

⁵¹⁵ Более 100 казахстанцев остаются в зонах конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане – КНБ Казахстана // Интерфакс-Казахстан. 06.02.2020. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=526649&lang=RU/>.

⁵¹⁶ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 15.

меньшей степени, профилактики радикализации. Еще в ноябре 2018 г. на возможные проблемы безопасности, связанные с возвращающимися по гуманитарным каналам женщинами и детьми – членами семей ИБТ, указал директор ФСБ А.Бортников, заявивший (в международном контексте, без конкретной привязки к России), что они «могут использоваться главарями террористов в качестве вербовщиков, террористов-смертников, а также связников».⁵¹⁷ Через год, уже в привязке к евразийскому контексту, Бортников конкретизировал, что «"возвращенцы" нередко выступают носителями религиозно-экстремистской идеологии и рассматриваются главарями международных террористических организаций в качестве смертников, пропагандистов, вербовщиков и связных».⁵¹⁸ Некоторые из уехавших из России женщин, связанных с ИБТ, были объявлены в розыск еще до их возвращения. Для остальных вероятность попасть под уголовное преследование на родине за участие в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранного государства также оставалась довольно высокой.

При общем доминировании в России – на уровнях от регионального до федерального – правоохранительно-силовой составляющей, можно, однако, выделить три подхода к работе с возвращающимися членами семей ИБТ в РФ, каждый из которых имел свои нюансы. Наиболее сильный упор на потенциальную угрозу со стороны как минимум части членов семей ИБТ, прежде всего, их жен и вдов, ассоциировался с федеральными силовыми структурами и некоторыми региональными властями (наиболее явно – в Дагестане). Относительно более «щадящий» подход был избран властями отдельных северокавказских республик (Чечни и Ингушетии), отчасти учитывавшими позицию местных правозащитников. Промежуточную позицию заняли федеральные омбудсмены по правам ребенка и правам человека. Они, с одной стороны, обратили внимание на проблему позже, чем, например, чеченские власти, и демонстрировали более настороженный подход, в большей степени учитывавший озабоченность федеральных силовиков и спецслужб, а с другой стороны, постепенно активизировали работу по возвращению российских женщин и особенно детей из конфликтных зон и стали проявлять интерес к их последующей реабилитации.

Нюансы в подходах к этой проблеме особенно ярко прослеживаются на примере северокавказских республик, в каждой из которых сложился свой режим взаимодействия правоохранительных органов с вернувшимися членами семей ИБТ.

По данным из разных источников, включая материалы СМИ и доклады правозащитников, в Чечне практически все возвращенные из Сирии и Ирака женщины уголовному преследованию не подвергались, хотя и давали расписки о согласии на него. Как правило, после подписания ими явки с повинной,⁵¹⁹ обычно еще до прилета на родину или сразу в аэропорту после прибытия, они передавались на попечение родственников и их в целом оставляли в покое.⁵²⁰ Однако эта практика, по-видимому, относилась только к чеченкам, эвакуированным в рамках соответствующей программы под эгидой чеченских властей. Умеренный подход доминировал и в Ингушетии, где под руководством главы региона в 2008–2019 годах Юнус-Бека Евкурова была

⁵¹⁷ Из выступления на 17-м совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России. Цит. по: Глава ФСБ предупредил о перемещении террористов в благополучные регионы мира // ТАСС. 07.11.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5763642>.

⁵¹⁸ Цит. по: Апулеев Р. Ук. соч.

⁵¹⁹ В соответствии со статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

⁵²⁰ Женская история террористического государства; Вернувшиеся из Сирии женщины готовы предстать перед законом // РИА Новости. 13.11.2017. URL: <https://ria.ru/20171113/1508735781.html>; Согласие на уголовное преследование стало условием возвращения чеченок из Сирии // Кавказский узел. 14.11.2017. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/312463/>.

проведена успешная, по оценкам экспертов, «адаптация профилактики [радикализации] под национальные особенности». В рамках этих усилий, среди прочего, были созданы общественные советы для работы с семьями боевиков (не только ИБТ), проблеме в целом уделялось значительное внимание, а допросы и следственные действия велись в рамках закона.⁵²¹

С такими подходами контрастировала ситуация в Дагестане, где с 2015 г. значительно ужесточились политика и практика противодействия экстремизму. В 2015–2017 годах в республике официально (а позднее неформально) действовал так называемый профилактический учет⁵²² для полутора десятка тысяч фундаменталистов – не только салафитов (все еще часто именуемых «ваххабитами»), но и лиц, подозреваемых в салафизме или выглядевших как религиозные фундаменталисты. Еще 21 октября 2017 г. две ранее находившиеся в розыске жительницы Дагестана из небольшой группы из семи женщин и 14 детей, доставленных на родину из сирийского Хмеймима, были арестованы⁵²³ (что стало первым случаем привлечения к ответственности вернувшихся с Ближнего Востока жен и вдов ИБТ). С тех пор жительниц республики, репатриированных из Сирии и Ирака, как правило, задерживали уже в аэропорту, а некоторых потом этапировали в Москву. Многие вернувшиеся в Дагестан жены и вдовы ИБТ были осуждены на сроки от шести до восьми лет.⁵²⁴ При этом, однако, для них предусматривалась отсрочка наказания на срок до достижения младшим из детей возраста 14 лет (а, учитывая возможные амнистии, многим, вероятно, в итоге не придется отбывать свой срок или он будет заменен на условный).

За рамками административного и уголовного преследования и правоохранительного контроля работа с вернувшимися членами семей ИБТ практически не велась, по крайней мере, на государственном уровне. Если какая-то реабилитация и осуществлялась, то она носила неформальный характер. Например, в северокавказских республиках в тех случаях, когда жены и вдовы ИБТ освобождались от уголовной ответственности или она была отложена на длительный срок, они передавались родственникам, и именно семьи играли центральную роль в первичной физической и психологической реабилитации таких женщин и их детей. При этом речь об их полноценной социальной реинтеграции, как правило, не шла: нередко не только соседи и односельчане, но и не все члены даже одной семьи, включая близких родственников, были готовы общаться с женами когда-то покинувших страну игиловцев; во многих случаях такие женщины были обречены на социальную изоляцию.

Как уже отмечалось, ряд условно неправительственных организаций, т. е. НПО, тесно связанных с властями, особенно Чеченской республики, сыграли заметную роль в содействии возвращению на родину женщин, добровольно или принудительно уехавших в Сирию или Ирак, а также их детей. Наиболее известным примером в этой области служит активность агентства «Объектив», возглавляемого Х.Саратовой. Несмотря на критику таких «(около)правительственных» НПО со стороны части правозащитного сообщества и медиа в России и за рубежом (прежде всего, за близость к властям Чечни), вклад этих организаций, активистов и посредников в усилия по

⁵²¹ Уверенный шаг в будущее. Исследование социально-психологических и адаптационных потребностей жен, вдов и детей убитых или осужденных боевиков на Северном Кавказе. Доклад Центра анализа и предотвращения конфликтов. Май 2020. URL: <http://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee>.

⁵²² В народе также известный как «вах-учет», т. е. учет ваххабитов.

⁵²³ Вернувшиеся из Сирии женщины готовы предстать перед законом.

⁵²⁴ Там же; В Россию просятся семь тысяч вдов.

гуманизации соответствующей повестки и придание ей «человеческого лица» бесспорен, а добиться этого, не сотрудничая с местными властями – а тем более противопоставляя себя им – было бы невозможно.

Однако в сфере дальнейшей реабилитации и реинтеграции вернувшихся членов семей боевиков роль правозащитников и НПО на уровнях от локально-регионального до общероссийского в основном сводилась к озвучиванию этой проблемы и попыткам привлечь к ней внимание общественности и властей. Изредка встречались и попытки применения инновационных методов и приемов профилактики и противодействия радикализации, в т. ч. с привлечением самих вернувшихся и раскаявшихся жен и вдов ИБТ, однако они остались, скорее, исключением. Среди таких примеров – организация публичных мероприятий (пресс-конференций, выступлений в вузах), в ходе которых вернувшиеся жены и вдовы боевиков, в т. ч. привлеченные к ответственности с отсрочкой исполнения наказания, делились с общественностью и молодежью своим разочарованием и драматическим опытом жизни в «халифате» и выступали против насилия и идеологического экстремизма.⁵²⁵

В целом к началу 2020-х годов в России задачи психологической и физической реабилитации, социальной адаптации и реинтеграции репатриированных членов семей ИБТ не рассматривались в качестве первоочередных или важных и не решались. Между тем потребность в такой реабилитации и в содействии ей со стороны государства росла. В частности, чеченские власти и правозащитники неоднократно обращались к федеральному центру с просьбой о создании в этих целях системы специальных центров реабилитации.

При этом задачи реабилитации и социальной адаптации вернувшихся женщин и детей боевиков существенно отличаются, например, от особенностей реинтеграции бывших участников вооруженных действий на стороне антиправительственных группировок, амнистированных или вышедших из мест заключения после отбывания наказания. Особенно сильная специфика наблюдалась у детей, эвакуированных из зон боевых действий, постконфликтных зон, фильтрационных центров или лагерей беженцев. По данным чеченских и других российских правозащитников, среди этих детей было немало сирот, многие имели тяжелые психологические травмы (более тяжелые, чем у взрослых), некоторые были ранены и тяжело болели, у большинства были серьезные проблемы со здоровьем и адаптацией, младшие дети слабо владели или вообще не владели русским языком, а дети школьного возраста испытывали большие сложности с учебой в связи с длительными перерывами в обучении.⁵²⁶

По сравнению с Россией, в Казахстане, где из всех остальных стран Евразии осуществлялась наиболее масштабная и организованная программа по вывозу женщин и детей из Сирии и Ирака, последующая работа с этими категориями репатриантов велась более щадящими методами и носила более комплексный характер, включая меры по их реабилитации и реинтеграции в общество. Если из репатриированных в 2019 г. трех десятков мужчин-граждан Казахстана были осуждены почти все, то из 156 вернувшихся женщин за сотрудничество с боевиками были осуждены 12 человек, или менее 10%.⁵²⁷ Основной формой работы с вернувшимися женщинами и детьми из

⁵²⁵ Например, пресс-конференция с участием З.Абакаровой и З.Габибуллаевой, репатриированных вместе с детьми из Сирии в 2017 г. и приговоренных к разным срокам заключения с его отсрочкой до достижения младшими из детей 14 лет: «Российские женщины и дети в тюрьмах и лагерях стран Ближнего Востока: их положение и пути спасения». РИА-Новости, 13 ноября 2018 г. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20181113/952137079.html>.

⁵²⁶ Уверенный шаг в будущее; В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России.

⁵²⁷ Более 100 казахстанцев остаются в зонах конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане – КНБ Казахстана.

семей ИБТ стало создание сети центров социальной реабилитации (в России, как упоминалось выше, с просьбами о создании такой сети к федеральным властям неоднократно обращались чеченские власти и общественники). В конце 2018 г. в Казахстане работало 13 таких центров – в Карагандинской, Жамбылской и Актюбинской областях и в городах Кокшетау, Атырау, Жезказган и Каскелен. Центр объединял функции семейной гостиницы и юридического офиса: в его задачи входило предоставление семьям, которые находились там от полугода до года, социально-бытовой, медицинской и правовой помощи (по восстановлению и оформлению документов, включая пособие по потере кормильца, назначению геномных экспертиз для детей без документов), а также помощи в трудоустройстве матерей, обучении детей младшего возраста казахскому и русскому языкам и т. п.⁵²⁸

В целом России удалось организовать более эффективную и масштабную программу вывоза своих граждан – членов семей ИБТ из (пост)конфликтных зон в Сирии и Ираке, чем многим другим, в т. ч. западным, странам происхождения ИБТ. Во многом это произошло благодаря повышенной заинтересованности в этом вопросе региональных властей мусульманских республик Северного Кавказа. Именно чеченским властям принадлежала инициатива в деле репатриации женщин и детей, а также главная роль в осуществлении этой деятельности на ее начальных стадиях (в 2017–2018 годах). Постепенно эта деятельность, как и в случае других гуманитарных кампаний в России и со стороны РФ, приобретала все более централизованный характер и в итоге практически полностью перешла под контроль федеральных структур. Тот факт, что к концу 2010-х годов она в основном свелась к репатриации детей, объяснялся преимущественно внешними ограничениями в странах, откуда происходила репатриация, прежде всего, ужесточением подходов иракских и сирийских властей к проблеме жен и вдов иностранных боевиков-террористов. Репатриация женщин возобновилась лишь в 2020 г., хотя и в ограниченных масштабах.

Если репатриация членов семей ИБТ в России была поставлена лучше, чем во многих других странах, то российская практика и подходы к социальной адаптации, реабилитации и реинтеграции вернувшихся на родину женщин и детей к началу 2020-х годов еще не были выработаны (в отличие, например, от соседнего Казахстана), а наличие такой проблемы не получило признания на государственном уровне. Реабилитация и социальная адаптация этой категории лиц могла бы стать для России перспективной сферой международного сотрудничества (а для ряда центральноазиатских стран – продолжения и укрепления такого сотрудничества) как по государственным каналам на уровнях от межгосударственного диалога до обмена опытом между региональными властями и муниципалитетами, так и на неправительственном уровне. Однако возможности сотрудничества в этой сфере с крупными международными, особенно западными, неправительственными организациями – по крайней мере, для их российских коллег – были сильно ограничены стремлением западных НПО к максимальному дистанцированию от любых структур, лиц или активности, которые каким-либо образом ассоциированы с руководством Чечни или властями других северокавказских республик, а также с российскими федеральными властями. В этих условиях для российских неправительственных

⁵²⁸ 39 семей возвращено из Сирии в Казахстан // BaigeNews.kz [Нур-Султан]. 19.12.2018. URL: https://baigenews.kz/news/39_semei_vozvrashcheno_iz_sirii_v_kazahstan; Бондал К. Казахстан реабилитирует детей, недавно вернувшихся из Сирии и Ирака // Каравансарай. 01.08.2019. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/08/feature-01.

организаций, активных и имеющих возможность работать в этой сфере, особенно на Северном Кавказе, перспективным может быть сотрудничество в этой сфере с западными НПО, в т. ч. из стран Центральной Азии, других стран Азии и Ближнего Востока, ассоциацией Международного комитета Красного Полумесяца и т. п.

4.7. Выводы

На протяжении первых двух постсоветских десятилетий перед Россией в основном стояла террористическая угроза исламистско-сепаратистского типа, связанная с внутренним вооруженным конфликтом на Северном Кавказе. В 2010-е годы России в целом удалось если не полностью нивелировать, то существенно, качественно снизить степень этой угрозы и перевести ее с уровня первостепенных вызовов в разряд периферийных угроз для национальной безопасности страны.

Однако параллельно назревали, росли и развивались вызовы, связанные с усиливающейся транснационализацией терроризма. На фоне снижения угрозы внутреннего терроризма – и несмотря на это – в России стала нарастать озабоченность процессами и рисками, связанными с радикализацией, экстремизмом и терроризмом более транснационализированных типов. Рост новых, транснациональных экстремистских и террористических угроз безопасности российского общества и государства проявлялся в разных формах.

Среди наиболее распространенных – *транснационализация уже существовавших террористических угроз* более традиционного типа, носивших преимущественно внутренний характер и стоявших перед РФ и ранее – годами и десятилетиями. Примеры включают присяги на верность ИГИЛ и другим транснациональным террористическим сетям со стороны осколков вооруженного подполья на Северном Кавказе или, например, все более отчетливую антимигрантскую ориентацию правоэкстремистских сил. На фоне общей тенденции к транснационализации терроризма и в условиях роста российского присутствия в различных регионах мира и активизации внешней политики РФ, для России усилились и чисто *внешние террористические угрозы* – в частности, российским гражданам и объектам за рубежом. Однако наиболее опасными, в т. ч. на длительную перспективу, стали *угрозы смешанного, гибридного типа* – и прежде всего, возникновение и распространение мини-ячеек радикально-исламистского и откровенно джихадистского толка в разных регионах РФ, в основном состоявших из российских граждан, а также растущего числа мигрантов-мусульман из постсоветских стран Евразии, преимущественно Центральной Азии, но находившихся под сильным влиянием идеологии и движения ИГИЛ («глобального джихада»).

Феномен ИГИЛ имел прямое отношение к угрозам всех этих трех типов и послужил их катализатором, причем не только в идеологическом, информационно-пропагандистском или символическом смысле, но и в более конкретном, физическом выражении. Его обеспечила не столько засылка иностранных эмиссаров непосредственно на территорию РФ (которая в российских условиях, по крайней мере в 2010-е годы, была затруднена), сколько перемещение значительного числа боевиков-террористов российского и в целом евразийского происхождения в Сирию и Ирак для участия в боевой и террористической активности ИГИЛ и других группировок джихадистского толка. Они влились в более широкие транснациональные потоки ИБТ, которые, как кровь по жилам, стекались к «сердцу» самопровозглашенного «халифата». ИБТ не просто сыграли прикладную роль в качестве важного источника вооруженного потенциала ИГИЛ и главного реального канала связи его ядра с обширной транснациональной «периферией», но и сами стали одним из условий и путей выхода

ИГИЛ за внутрирегиональные рамки и обретения им глобального характера. Более того, феномен ИБТ, прошедших Сирию и Ирак под знаменами ИГИЛ и других джихадистских группировок, значительно пережил само территориальное ядро ИГИЛ. Циркуляция выживших из числа таких ИБТ, включая боевиков-террористов российского и евразийского происхождения, между странами транзита, происхождения или релокации не прекратилась и после ослабления и распада в конце 2010-х годов «халифата» ИГИЛ.

Хотя присутствие русскоговорящих ИБТ, в т. ч. российского (в основном северокавказского) происхождения, стало заметным в Ираке и Сирии еще в конце 2000-х – начале 2010-х годов, качественный скачок в масштабе, составе и характере этого потока произошел именно с провозглашением ИГИЛ «исламского халифата» летом 2014 г. Численность ИБТ из одной только России, особенно в рядах ИГИЛ, в Сирии и Ираке стала измеряться не сотнями, а тысячами. Темпы ее роста в 2014–2015 годах превзошли соответствующие показатели для многих других стран исхода ИБТ: уже в 2015 г. Россия вошла в тройку стран исхода по абсолютному числу ИБТ, а в 2017 г., по некоторым данным, могла даже лидировать по этому показателю.

По ряду параметров приток ИБТ из России и других стран Евразии на службу «халифату» принципиально не отличался от общего потока ИБТ. Например, как и в случае с ИБТ из других основных стран их исхода, приток боевиков-террористов в Сирию и Ирак из России шел волнами. Первая волна наблюдалась еще до трансформации ИГИЛ в ИГ путем провозглашения «халифата», а вторая уже в основном состояла из боевиков и переселенцев, направлявшихся именно в «халифат». Хотя радикализация ИБТ шла различными путями и имела как свои национальные и иные контекстные особенности, так и свои нюансы для каждой из «волн», особую роль в этом процессе, в т. ч. для боевиков-террористов из России, сыграла не просто идеология «глобального джихада», но и успешная, вплоть до начала второй половины 2010-х годов, практика ее реализации в Ираке и Сирии. Она транслировалась и масштабировалась путем пропаганды, которая осуществлялась уже на новом уровне, с использованием наиболее современных информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей и т. п. Как и для волн ИБТ из других регионов, часть прибывающих из России на подконтрольные джихадистам территории, особенно в ИГИЛ, составляли не боевики, а гражданские специалисты, а также жены и дети ИБТ, семьи религиозно-фундаменталистской ориентации и т. д.

Тем не менее, по сравнению с ИБТ из регионов за рамками евразийского, потоки боевиков-террористов российского происхождения в ряды ИГИЛ в Сирию и Ирак отличали и *существенные особенности*.

Вопрос о том, почему в Сирии и Ираке оказалось так много ИБТ российского происхождения, оправдан лишь в абсолютном измерении, т. е. применительно к общему числу ИБТ из России, по сравнению с другими странами исхода ИБТ, а не к их числу относительно численности населения РФ в целом или российских мусульман, в частности. По этим показателям Россия как раз уступала большинству не только ближневосточных, но и западноевропейских стран исхода ИБТ. Высокая абсолютная численность российских ИБТ в значительной мере объяснялась тем, что Россия была единственной страной не только в Европе, но и в постсоветской Евразии, где на протяжении всего начала XXI века продолжался внутренний вооруженный конфликт исламистко-сепаратистского типа с использованием террористических методов. На момент провозглашения «халифата» ИГИЛ на Ближнем Востоке летом 2014 г. все бо́льшая маргинализация вооруженного исламистского подполья на Северном Кавказе, особенно в Чечне, и усиление давления на него в масштабах северокавказского региона вкупе с разочарованием многих боевиков, особенно из числа молодежи, в местной

повестке и перспективах вооруженной борьбы и их усталостью от жизни в подполье (в «ближнем лесу») достигли своей кульминации. Это сочетание как нельзя больше способствовало оттоку за рубеж, особенно в новоявленный «халифат», активных, непримиримых, но все сильнее оттесняемых «на обочину» в своем региональном контексте элементов. Условием, облегчавшим такое перемещение, была относительная географическая близость и физическая доступность региона назначения, а также то, что тогда оно не встречало особых проблем в транзитных странах, прежде всего, в Турции. Именно этот комплекс факторов объясняет не только большой масштаб притока ИБТ из России на Ближний Восток, но и его особенно резкий рост за сравнительно короткий период – пятикратный рост в 2014–2016 годах.

Для менее идеологизированных, в меру оппортунистических элементов из числа российских ИБТ игиловский «халифат» стал своеобразным «дальним лесом». Убежденные же радикальные исламисты воспринимали его в буквальном смысле как «землю обетованную», как уникальный шанс оказаться на острие вооруженной борьбы в целях «глобального джихада». Также, по сравнению с иностранными боевиками из других регионов, особенно из Европы, на ИБТ из России со стороны джихадистских группировок в Сирии и Ираке наблюдался повышенный спрос, так как считалось, что большинство из них уже имели опыт вооруженной борьбы.

С ослаблением ИГИЛ под напором со стороны как внерегиональных сил, включая Россию и США, так и региональных государств (правительственных сил Сирии, Ирака, Ирана) и негосударственных игроков (от курдских формирований до шиитских милиций) циркуляция потоков ИБТ приобрела новые импульс и вектор. Она варьировалась от движения в обратном направлении (не всегда, правда, достигавшего в итоге исходной страны) до полноценного круговорота нового поколения джихадистов между странами и регионами. Именно на этой стадии динамика потоков ИБТ из России демонстрировала *особенно явную специфику*.

Во-первых, число ИБТ из России в рядах джихадистов в Сирии и Ираке, по крайней мере, по оценке официальных российских источников, продолжало расти дольше, чем из других стран.

Во-вторых, замедление оттока ИБТ из России также стало наблюдаться несколько позднее (в 2017–2019 годах), чем из других стран исхода.

В-третьих, наиболее разительный контраст с динамикой движения иностранных боевиков-террористов как с Ближнего Востока, так и из Европы, составили показатели возвращения ИБТ российского происхождения на родину. Эти показатели были даже ниже, чем весьма невысокая доля вернувшихся ИБТ в центральноазиатских странах. В конце 2010-х – начале 2020-х годов доля вернувшихся от числа всех ИБТ, уехавших из России в Сирию и Ирак, оставалась одной из самых низких среди основных стран исхода ИБТ, составив 6% в 2019 г. Более того, эта доля не росла, а даже несколько снижалась со временем. Если в 2015 г., когда в основном возвращались ИБТ доигиловской волны, она составляла 7,4% (для сравнения, в Великобританию тогда уже вернулось более 50% ИБТ из Сирии и Ирака), то в 2019 г. она снизилась до 6%. Иными словами, при и так низком проценте вернувшихся на родину из числа ИБТ российского происхождения, чем дальше, тем их становилось еще меньше. Вообще, если в Россию в конце 2010-х годов и вернулся кто-то из отправившихся уже напрямую в ИГИЛ участников второй волны ИБТ (более разнородной, урбанистической и молодежной по составу и включавшей adeptов из разных регионов РФ, более идеологически радикальных и одновременно слабее подготовленных к вооруженно-террористической активности, чем первая волна поколения «Имарата Кавказ»), то это уже в основном были не самостоятельно вернувшиеся и/или сдавшиеся боевики, а репатриированные члены семей джихадистов – женщины и особенно дети. В общей сложности за вычетом

боевиков-террористов, убитых в зонах конфликтов в Сирии и Ираке, из оставшихся в живых ИБТ российского происхождения в Россию к 2020 г. вернулось менее 350 человек.

Такое низкое число и процент вернувшихся в РФ ИБТ объяснялись, прежде всего, жестким характером их преследования и длительными сроками заключения, ожидавшими их на родине. Свою роль здесь сыграли и некоторые сопутствующие факторы, включая уже имевшийся у ряда ИБТ российского происхождения опыт проживания, иногда длительный, в транзитных и других третьих странах, а также наличие в этих странах более или менее широких национально-религиозных диаспор, включавших общины фундаменталистов разной степени радикализма.

В-четвертых, некоторое число ИБТ из России и других стран Евразии, по всей видимости, осталось воевать в рядах остатков джихадистских формирований и после разгрома ИГИЛ, «до последнего» (в частности, в сирийской провинции Идлиб). Однако большинство выживших ИБТ – граждан РФ, судя по всему, сделали выбор в пользу передислокации в третьи страны (прежде всего, Ближнего Востока, но, по возможности, и Европы, и других регионов) в попытке затеряться и временно или постоянно осесть в этих странах. По сравнению с ИБТ из других стран, эта категория ИБТ российского происхождения особенно многочисленна и в процентном соотношении к началу 2020-х годов преобладала над остальными их категориями – убитыми или оставшимися воевать на стороне джихадистов в Сирии, не говоря уже о нескольких сотнях вернувшихся на родину.

5. Заключение

Если на рубеже XX и XXI веков наиболее явным выражением идеологии и движения «глобального джихада» была «аль-Каида», то в 2010-е годы роль его однозначного лидера перешла к ИГИЛ. Феномен ИГИЛ как наиболее сильного в начале XXI века – хотя, вероятно, и не последнего в этом веке – катализатора транснационального джихадистского движения проявился в трех основных измерениях:

– в территориальном, военно-административном и религиозно-идеологическом выражении (в виде самопровозглашенного исламского квазигосударства – ядра глобального «халифата» – на значительной части территории Ирака и Сирии);

– в форме несколько кругов внешней периферии с разной степенью связи с центральным ядром – от прямых филиалов в разных регионах мира (например, «вилаята Хорасан» в Афганистане и Пакистане) до автономных присяг на верность «халифату» со стороны более мелких вооруженных исламистских группировок в ряде конфликтных зон и более широкой массы идеологических сторонников, адептов и сочувствующих;

– в виде активизации, беспрецедентного роста масштаба и степени идеологизации и организации транснациональных потоков боевиков-террористов и их циркуляции между странами происхождения, ядром «халифата» в Сирии и Ираке и транзитными (третьими) странами.

Важной спецификой ИГИЛ стало не просто наличие у него, как у экстерриториальной «аль-Каиды», глобальных амбиций, символических лидеров и универсалистского религиозно-идеологического дискурса, оставлявшего большинство практических действий на усмотрение адептов в тех или иных конкретных локально-региональных контекстах. В случае ИГИЛ речь шла, скорее, о взаимодополнении и взаимном усилении регионального и глобального начал: физического территориального ядра («халифата») в конкретном и особо значимом для исламских фундаменталистов регионе, активно вовлеченного сразу в два крупных вооруженных конфликта в Сирии и Ираке в 2010-е годы, и глобальной пропаганды, охвата, амбиций и круга сторонников. Ключевым каналом этой взаимосвязи и важным фактором транснационализации и глобализации ИГИЛ стали приток и циркуляция десятков тысяч иностранных боевиков-террористов джихадистского толка из разных регионов мира. Большинство таких ИБТ в середине – второй половине десятилетия было связано именно с ИГИЛ.

Преыдущие мобилизационные волны транснационального джихадистского движения в те или иные конфликтные зоны (в 1980-е – 2000-е годы) фокусировались почти исключительно на самом вооруженном конфликте. Очередной приток ИБТ в Ирак в 2000-е годы в период американской оккупации и в Сирию в первые годы гражданской войны (в начале 2010-х годов, на этапе до формирования ИГИЛ и провозглашения им «исламского халифата») отличались от предыдущих мобилизаций лишь количественно, но не качественно. В отличие от них, приток иностранных боевиков-террористов в ряды ИГИЛ – включавший как целевые потоки, направлявшиеся именно в ИГИЛ, так и переток в его ряды многих уже находившихся в Сирии и Ираке ИБТ – стал качественно новым витком спирали джихадистского движения. Его главным фокусом и магнитом стал, в первую очередь, сам «халифат» – не просто как отзвук мифологизированного прошлого или абстрактная конструкция отдаленного будущего, а как синтез идеи и ее конкретного военно-территориально-религиозного выражения «здесь и сейчас» в Сирии и Ираке.

Беспрецедентному характеру новой джихадистской волны в направлении и под эгидой ИГИЛ способствовали разные контекстные причины и условия, в т. ч. в странах

и регионах исхода большинства ИБТ. Однако именно непосредственная связь этой волны с центральной для исламских фундаменталистов категорией и фактором «халифата» – это главное, что объясняет ее основные отличия от предыдущих и, возможно, последующих транснациональных джихадистских мобилизаций. Мощный мобилизационный, символический, религиозно-идеологический фактор «халифата» был подкреплен практической деятельностью ИГИЛ – в первую очередь, вплоть до 2016 г., серией его военных успехов и расширением его территориального контроля на значительную часть территории Сирии и Ирака. Этот эффект был многократно усилен современной, агрессивной медийно-пропагандистской подачей ИГИЛ, в т. ч. с использованием новейших средств информации и коммуникации.

Хотя новую волну джихадистских ИБТ, катализатором которой стало ИГИЛ, и нельзя рассматривать в отрыве от предыдущих, она разительно отличалась от них по масштабу, составу, национально-географическому охвату и степени мобилизации. Никогда ранее джихадистская мобилизация не была такой массовой и не достигала общей численности в 40000 и более ИБТ. Ни одна предыдущая волна ИБТ не составляла такую значительную часть от местных вооруженных джихадистов, как в рядах ИГИЛ (до 30–40% всех «солдат халифата»). Никогда еще ИБТ не играли столь заметной роли в самой конфликтной зоне, особенно непосредственно в вооруженном насилии – от боевых операций до терактов и прочих зверств. В то же время на этот раз специфика конечного целеполагания – особенно для ИБТ, уже целенаправленно ехавших в ИГИЛ – состояла в том, что многие, если не большинство из них отправлялись туда не просто на временной, сравнительно краткосрочной основе «набраться опыта» и «повоевать и вернуться», а воевать и умирать за «халифат», но и одновременно строить и населять его, в буквальном смысле слова жить в нем. Именно эта фундаменталистская утопия, подаваемая и воспринимаемая как «обязанность» мусульманина находиться на территории «возрожденного халифата» и жить по его законам, предопределила и более широкий и разнообразный состав новой джихадистской волны, связанной с ИГИЛ: хотя в нем преобладали боевики, она включала и немало женщин, детей и других переселенцев, в т. ч. гражданских специалистов разного функционала и религиозно-фундаменталистские семьи.

Ни одна более ранняя волна ИБТ джихадистского толка не носила и столь широко транснационализированного характера и не демонстрировала такой разнородности состава по странам и регионам происхождения боевиков и прочих переселенцев. Макрорегион Ближнего Востока и Северной Африки, выходцы из которого с большим отрывом преобладали в составе мобилизационных волн на предыдущих джихадистских «фронтах», для ИГИЛ стал источником уже менее половины иностранных боевиков-террористов и переселенцев и лишь одним из трех основных регионов их происхождения. При этом другой многочисленный региональный контингент ИБТ в ИГИЛ уже происходил из числа мусульманских диаспор и мигрантов в странах ЕС, а третий – из постсоветской Евразии – наполовину состоял из выходцев из стран с преимущественно немусульманским населением, прежде всего, России, хотя и в основном из коренных мусульманских общин. Несмотря на все национально-культурные, социально-политические и иные контекстные различия и специфику радикализации и мобилизации таких ИБТ в странах исхода и транзита, эти процессы теперь шли быстрее и носили более направленный, целевой, пассионарный и идеологически заточенный характер.

С одной стороны, если с военным разгромом ядра ИГИЛ в Сирии и Ираке террористическая и иная экстремистская активность его остатков и сторонников по всему миру и не прекратилась, то претензии ИГИЛ на строительство «халифата» на части его «исторических земель» были окончательно подорваны. В этих условиях

игиловская волна ИБТ лишилась своего главного магнита и катализатора. Это не просто привело к обратному оттоку выживших ИБТ, но и для многих из них лишило сам процесс и «вооруженный джихад» его первоначального смысла и цели – жить и/или умереть в «халифате» и «за халифат» здесь и сейчас. Это не могло не оказать деморализующего влияния на часть выживших ИБТ этой волны и не сказаться на их умонастроениях и планах на жизнь в пользу отказа от джихада.

С другой стороны, с учетом того, что эта мобилизационная волна ИБТ была гораздо более масштабной, сложной и многообразной по составу, сильнее идеологизированной и поистине глобальной, высока вероятность дальнейшей транснационализации части ее сегментов и участников и уже есть первые признаки этой тенденции. Такая транснационализация все чаще носит нелинейный характер (т. е. идет не по схеме «страна исхода – страна назначения – назад в точку исхода») и не обязательно повторяет исторические паттерны. Несмотря на все военные, контртеррористические, международно-политические и международно-правовые усилия по противодействию ИГИЛ и разгром ее территориального ядра в Сирии и Ираке, впервые судьба такого значительного числа ИБТ не ясна, а их местонахождение не идентифицировано и не подтверждено. Впервые для ряда стран и регионов исхода боевиков-террористов доля вернувшихся ИБТ от числа ранее выехавших несоразмерно мала, даже с учетом оценки возможных людских потерь среди них в конфликтной зоне. Впервые вероятность участия ИБТ этой волны в терактах в третьих странах может быть выше, чем по возвращении домой. Все это дает веские основания предполагать, что роль ИБТ игиловской волны в стимулировании транснационального круговорота джихадистов будет выше, а новый импульс, которые они придадут этому проявлению движения «глобального джихада», возможно, на поколения вперед – сильнее и устойчивей, чем раньше.

ИБТ из России и Евразии: масштаб и степень угрозы

В сравнительном международном контексте проблема ИБТ из России и из макрорегиона, ядром которого она является (Евразии) – это немаловажный аспект транснационализации ИГИЛ. Россия стала одним из лидеров среди стран происхождения ИБТ по общему числу боевиков, уехавших на Ближний Восток, а Евразия, также в абсолютном измерении, стала вторым по значению регионом происхождения ИБТ в Сирии и Ираке, уступая лишь Ближнему Востоку. Проблема евразийских ИБТ сохранила транснациональный характер и после разгрома и распада ИГИЛ, когда, в условиях значительного сокращения потенциала вооруженного джихадизма в Сирии и Ираке, большинство выживших боевиков-террористов российского и евразийского происхождения направились не домой, а в третьи страны.

На этом фоне *во внутрироссийском контексте*, по крайней мере, в конце 2010-х – начале 2020-х годов, ограниченное число (не более 350) вернувшихся ИБТ из числа российских граждан, прошедших Сирию и Ирак, оставались далеко не главным источником или аспектом угроз и рисков, связанных с исламистской радикализацией и транснациональным джихадизмом. Внутри России наиболее тесная связь терроризма с ближневосточным «халифатом» и «глобальным джихадом» носила, скорее, виртуальный характер, и просматривалась в терактах со стороны «домашних» джихадистов-одиночек, вдохновленных примером и идеологией ИГИЛ. Используя достаточно примитивные средства, ножи и стрелковое оружие, они при этом умудрялись записывать «завещания», публиковавшиеся в центральных органах информации и пропаганды ИГИЛ.

Хотя во второй половине 2010-х годов вернувшиеся в Россию боевики-террористы из числа российских граждан напрямую не были вовлечены в теракты на ее территории, это, однако, не означает, что с ИБТ не связаны потенциальные риски. Из этих рисков наиболее опасный – это та роль, которую даже очень небольшое число ветеранов-джихадистов, в случае, если им удастся нелегально вернуться и затеряться в России,⁵²⁹ способны сыграть не только в дальнейшей идеологической радикализации, но и в практической подготовке местных экстремистов к ведению или переходу к террористической деятельности. Потребность в таком опыте, наставничестве и инструктаже со стороны ветеранов ИГИЛ наиболее остра даже не столько для остатков вооруженного подполья на Северном Кавказе, сколько для радикализирующихся мини-ячеек, вдохновленных идеологией «глобального джихада», разбросанных по всей территории РФ и состоящих как из коренных мусульман и россиян – новообращенцев в ислам, так и из мусульман из числа мигрантов.

К началу 2020-х годов большинство выживших боевиков-террористов из России – за вычетом убитых и некоторого числа еще оставшихся в Сирии и Ираке, а также нескольких сотен ИБТ, вернувшихся домой – по всей видимости, перебазировалось в *третьи страны*. Это же относилось и к ИБТ из центральноазиатских стран. Это не значит, что все евразийские ИБТ в третьих странах автоматически продолжали или продолжают вести экстремистскую и террористическую деятельность. Однако если во второй половине 2010-х годов теракты с участием ИБТ российского и центральноазиатского происхождения и имели место, то пока именно там. Это также не означает, что, переместившись в третьи страны, ИБТ евразийского, в т. ч. российского, происхождения стали предметом для беспокойства лишь с точки зрения безопасности этих стран (и регионов) и перестали угрожать России и ее соседям. Из рисков, которые для безопасности России представляет транснациональный круговорот прошедших через ИГИЛ иностранных боевиков-террористов, частью которого являются несколько тысяч ИБТ евразийского происхождения, можно выделить следующие четыре.

(1) ИБТ российского происхождения, которые предпочли остаться за рубежом, становятся дополнительным источником террористических угроз российским гражданам и объектам за границей.

(2) Ничто не мешает наиболее упертым и убежденным джихадистам среди базирующихся за рубежом русскоязычных ИБТ из числа (бывших) граждан России и других стран СНГ, в условиях общего транснационального информационно-коммуникационного пространства, восстановить и сохранить связи со сторонниками радикального исламизма на родине, а также, на правах ветеранов «глобального джихада», способствовать идеологической радикализации потенциальных адептов, оставшихся в России и других странах Евразии.

(3) Особую проблему уже в евразийско-центральноазиатском и в трансграничном афгано-центральноазиатском контекстах, в т. ч. для России, составил растущий во второй половине 2010-х годов пул вооруженных радикальных исламистов на севере Афганистана. Теперь он включал и разнообразных сторонников ИГИЛ – от боевиков афгано-пакистанского ответвления ИГИЛ и автономных местных «халифатиков» до нескольких сотен ИБТ, в основном центральноазиатского происхождения, вернувшихся и возвращающихся в регион с Ближнего Востока.

(4) Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и риск превращения самой России в «третью страну» для циркулирующих ИБТ, прежде всего, из стран Центральной Азии. Часть таких ИБТ и уехала-то воевать на стороне ИГИЛ не непосредственно из своих стран, а из мигрантской среды в России, где они, как правило, и радикализировались.

⁵²⁹ Даже если оно составит мизерный процент от общего числа вернувшихся ИБТ, почти поголовно подвергшихся уголовному преследованию.

Туда же некоторые из них могут попытаться вернуться в надежде затеряться в миллионных потоках трудовых мигрантов-мусульман в РФ.

Из всех четырех перечисленных рисков третий, связанный с ролью ИБТ в контексте фактора ИГИЛ на севере Афганистана, несколько переоценен, в т. ч. в российских экспертно-политических и медийных кругах. В то же время последний в этом списке, четвертый риск возможного использования российской территории ИБТ-нелегалами евразийского, особенно центральноазиатского, происхождения в качестве страны для обратного транзита или долгосрочного убежища наиболее недооценен.

В целом, как видно из проведенного в книге анализа, как минимум две проблемы, связанные с транснациональным экстремизмом и терроризмом джихадистского толка, представляют собой более серьезную угрозу непосредственно для России и окружающего ее региона, а также для международной безопасности, чем ограниченная по масштабу угроза возвращения на родину ИБТ российского происхождения, прошедших Сирию и Ирак.

Во-первых, для России, как и для ее евразийских соседей и партнеров, довольно остро стоит проблема *радикализации и экстремизма нового, смешанного, или гибридного, типа* – со стороны местных, но сложившихся под влиянием транснационального джихадизма и идеологии «глобального джихада» мини-ячеек, даже в отсутствие фактора вернувшихся ветеранов-ИБТ (которые, конечно, могут дополнительно усугубить эту проблему).

Во-вторых, пока наиболее серьезные вызовы, которые исходят от ИБТ евразийского происхождения, имеющих опыт вооруженной активности в Сирии и Ираке до, в ходе и после подъема ИГИЛ, связаны с их активностью *в третьих/транзитных странах*. Пока это в основном государства за пределами евразийского региона (страны Ближнего Востока, Афганистан, страны Европы и т. д.), однако эту роль могут играть и страны самой Евразии (Украина, государства Южного Кавказа, а в перспективе – даже сама Россия как возможная третья/транзитная страна, особенно для ИБТ центральноазиатского происхождения). Это совершенно не исключает возможности взаимодействия таких транзитных ИБТ с местными и транснациональными экстремистами как в этих странах, так и на родине.

Сравнительные характеристики проблемы ИБТ и подходы к ее решению в странах Ближнего Востока, Европы и Евразии

При всем многообразии и специфике истоков и движущих сил новой транснациональной мобилизационной волны боевиков-джихадистов, пришедшейся на сирийско-иракский «фронт» в 2010-е годы, из всех трех основных регионов их происхождения, рассматриваемых в этой книге, в Сирию и Ирак хлынули значительные, а по меркам джихадистских волн прошлого – даже массовые, потоки ИБТ. При этом большинство (до 80%) таких ИБТ либо перешло под контроль ИГИЛ уже на месте в Сирии или Ираке, либо уже целевым образом направлялось именно в ИГИЛ, особенно на стадии после провозглашения «халифата» в конце июня – начале июля 2014 г. При этом для всех трех регионов в той или иной мере было характерно совмещение нескольких функций и стадий движения ИБТ. Во всех регионах были и страны исхода, и страны транзита ИБТ, а некоторые страны совмещали эти функции (например, ряд североафриканских и ближневосточных стран, особенно Турция, но также, например, Ливия, район Синайского п-ва в Египте и т. п.).

Естественно, связанные с ИБТ риски и угрозы безопасности, особенно на этапе их оттока из ИГИЛ во второй половине 2010-х годов, по-разному накладывались на общий контекст террористических и экстремистских вызовов и угроз для той или иной страны

и региона их исхода и/или транзита и не могут рассматриваться в отрыве от этого контекста. Далеко не для всех стран из рассматриваемых в книге регионов именно ИГИЛ или связанные с ним ИБТ в Сирии и Ираке составляли основную террористическую угрозу. Если в Европе и, например, России именно фактор ИГИЛ стал главным за десятилетие импульсом радикально-исламистского терроризма и экстремизма, то для ряда ближневосточных государств, а тем более мусульманских стран или стран со значительным мусульманским населением в других регионах мира (например, в Южной Азии и Африке) – этот фактор либо не был доминирующим, либо преобладал не так очевидно, либо недооценивался как угроза. В плане интенсивности и смертоносности вооруженного насилия в разных частях этих регионов могли действовать и более значимые и опасные, по местным региональным меркам, повстанческо-террористические организации (такие, как Талибан, «Боко Харам» или «аш-Шабаб»). По возвращении выживших ИБТ в свои страны или их релокации в третьи страны те их них, кто не отказался от насилия и не дерадикализовался, также могут по-разному соотноситься и взаимодействовать как с местными экстремистами, так и с транснациональными террористическими и экстремистскими сетями.

Например, для Европы проблема вернувшихся боевиков-террористов и связанные с ними риски, пожалуй, наиболее актуальны, учитывая самый высокий к концу 2010-х годов уровень возвращения туда ИБТ, ранее уехавших в Сирию и Ирак (35% и выше). При этом возвращались они в целом в более радикализированную, преимущественно диаспорную/мигрантскую среду, судя по *значительно более высокой* доле, которую европейские ИБТ в Сирии и Ираке составляли от численности мусульманских общин в странах ЕС (по сравнению с долей ближневосточных или евразийских ИБТ от мусульманского населения своих стран). Парадокс в том, что хотя в Европе в начале XXI века отсутствовали конфликты с участием вооруженных исламистов, а общий уровень террористической активности, в т. ч. терроризма исламистского толка, оставался *несравнимо более низким*, чем на Ближнем Востоке (а также в Южной Азии, Африке и Юго-Восточной Азии), в странах ЕС именно фактор джихадистских ИБТ играл бóльшую роль на фоне остальных угроз со стороны радикальных исламистов, чем в других регионах.

Несмотря на более высокую абсолютную численность ближневосточных ИБТ в составе ИГИЛ в Сирии и Ираке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке с проблемой ИБТ на всех ее стадиях от мобилизации до возвращения/релокации дело обстоит, если так можно выразиться, *тривиальнее* – несмотря на более укорененную традицию транснационального джихадизма в этом регионе или, напротив, отчасти благодаря ей. В отличие от участия ближневосточных ИБТ в антисоветском джихаде в Афганистане в 1980-е и их роли на нескольких более мелких джихадистских «фронтах» (от Боснии до Чечни), на этот раз, как и в случае с мобилизационной волной, связанной с американской интервенцией в Ираке в 2000-е годы, мобилизация, передвижение, концентрация и последующие отток и циркуляция ближневосточных и североафриканских ИБТ в целом *не вышли за региональные рамки*, по крайней мере, пока. Основные страны исхода ИБТ в этом макрорегионе по доле боевиков-террористов, вернувшихся домой к концу 2010-х годов, занимали промежуточное положение между странами Европы (где процент возвращения ИБТ в среднем был самым высоким) и Евразии (где он оставался самым низким). Однако тем из выживших ближневосточных ИБТ, кто после Сирии и Ирака еще не потерял желание повоевать, было куда передислоцироваться и внутри региона, не покидая его пределов (в частности, в Ливию). Для многих ближневосточных стран риски со стороны ИБТ, возвращающихся, вернувшихся или засевших в другой стране региона, были немалыми, но буквально тонули в более широком спектре вызовов и угроз, связанных с

вооруженными и невооруженными радикальными исламистами, прежде всего, местными, и зачастую даже не выделялись в какую-то отдельную категорию. Для правящих исламистов в такой крупной стране исхода и транзита ИБТ, как Турция, риски со стороны ИГИЛ и ИБТ, связанных с ИГИЛ, вообще уступали по значению угрозам со стороны курдских националистов.

Наконец, на фоне ситуации с ИБТ в Европе и на Большом Ближнем Востоке особенно наглядна специфика проблемы ИБТ и связанных с ней рисков и угроз для России и Евразии, приведенная выше. Суммируя ее, можно сказать, что ситуацию в России отличает свой парадокс. С одной стороны, специфика мобилизации большинства российских ИБТ, среди которых преобладали выходцы с Северного Кавказа, – в том, что она проходила в условиях завершения многолетнего конфликта в этом субрегионе. Постепенная маргинализация вооруженного подполья под сильным давлением со стороны властей совпала по времени с активизацией не столь географически отдаленного сирийско-иракского джихадистского фронта, а затем и подъемом ИГИЛ, ставшего для многих северокавказских ИБТ в буквальном смысле слова «дальним лесом». С другой стороны, представляется, что каким бы ограниченным ни было число вернувшихся в Россию ИБТ (и даже если лишь мизерному проценту из них каким-то образом удалось бы проникнуть в страну нелегально и избежать уголовного преследования), проблема ветеранов-ИБТ несет в себе наибольший риск безопасности уже не столько для северокавказского региона, сколько с точки зрения их потенциальной роли в дальнейшей радикализации мелких джихадистских ячеек нового, доморощенно-транснационального типа из числа российских граждан и мигрантов, рассеянных по территории страны. В этом смысле главный риск состоит в том, что именно ветераны транснационального джихада могут помочь преодолеть пока значительный для многих таких ячеек разрыв между завышенными религиозно-экстремистскими амбициями и отсутствием или слабым уровнем террористической подготовки.

Кроме того, при характерном для России и центральноазиатских стран более низком уровне возвращения ИБТ на родину особую проблему представляет релокация большинства выживших ИБТ из стран Евразии в третьи страны, в основном Ближнего Востока, Южной Азии и Европы. В этом смысле для России и ее центральноазиатских соседей и партнеров (в отличие, например, от стран ЕС) проблема ИБТ имеет и вполне конкретный внерегиональный аспект, связанный с ситуацией на севере Афганистана. Потенциально эта проблема имеет и специфический внутривосточный аспект, связанный с возможным использованием частью центральноазиатских ИБТ, прошедших Сирию и Ирак, территории самой России как «третьей страны» для релокации или транзита.

Основных выводов в этой части два. Первый состоит в том, что, при всех контекстных различиях и специфике вызовов, связанных с проблемой ИБТ для каждого из трех рассмотренных регионов, по совокупности этих вызовов мы имеем дело со *сравнимым общим уровнем угрозы*, связанной с проблемой ИБТ, для всех трех основных регионов их исхода. Этот вывод важен тем, что не просто декларирует, а доказывает и наглядно иллюстрирует, что, по крайней мере, в этом отношении страны всех трех регионов (Ближнего Востока, Европы и Евразии) находятся в равных условиях. Второй вывод состоит в том, что проблема ИБТ, хотя и не по всем азимутам, имеет отчетливое *трансрегиональное измерение*. Наиболее выражены его двусторонние формы: движение ИБТ в обоих направлениях по линиям «Европа – Ближний Восток» и «Евразия – Ближний Восток». Однако впервые возникло и трехстороннее измерение, т. е. хотя и ограниченная, но и более не аномальная циркуляция ИБТ одной и той же мобилизационной волны в рамках треугольника «Евразия – Ближний Восток – Европа».

Это трансрегиональное измерение проблемы, не говоря уже о необходимости замедлить, сократить и предотвратить полноценный «круговорот джихадистов в природе», создает хорошую основу для международного, в т. ч. трансрегионального сотрудничества, повышения координации и взаимодействия в этой сфере и поиска и нахождения международного консенсуса, по крайней мере, по ключевым транснациональным аспектам проблемы ИБТ.⁵³⁰ Однако оно не отменяет широкого многообразия подходов и разброса методов решения этой проблемы как на страновом уровне внутри тех или иных регионов, так и на региональном уровне. Это многообразие наглядно иллюстрирует сравнительный анализ подходов к проблеме ИБТ в сирийско-иракском контексте в трех основных регионах их исхода.

Главной спецификой, общей для подходов *стран ЕС* и в целом большинства европейских стран к проблеме ИБТ, является определенный паритет между (а) правоохранными методами, с сильным креном в сторону легалистского подхода, а также мониторинга, рассматриваемого как средства, равнозначного уголовному преследованию ИБТ и часто заменяющего его, и (б) методами дерадикализации, социальной реабилитации и реинтеграции бывших ИБТ. Они сочетаются с нередкими попытками переложить проблему ИБТ на третьи, особенно ближневосточные и североафриканские, страны (например, в отношении европейских ИБТ, имеющих двойное гражданство с такими странами). Такой подход порой граничит с самоустранением европейских стран от ее решения – например, в вопросе репатриации граждан стран ЕС, подозреваемые в сотрудничестве с ИГИЛ в качестве ИБТ, а также членов их семей, задержанных на территории Турции и некоторых других транзитных стран или непосредственно в Сирии и Ираке.

Общими для *ближневосточных подходов* к проблеме ИБТ в Сирии и Ираке являются неразвитая информационно-эмпирическая, а часто и техническая база, преобладание в большинстве стран репрессивно-силовой составляющей и низкий уровень внутрирегионального сотрудничества в сфере безопасности и противодействия терроризму (включая отсутствие на Ближнем Востоке региональных организаций в области безопасности). Однако все далеко не так однозначно. Во-первых, для многих государств этого региона была особенно характерна некоторая двойственность в подходах к проблеме ИБТ. Она связана не просто с недосмотром или недостаточным вниманием с их стороны к ИБТ на стадии их исхода (как, например, во многих европейских странах), а с потворством, особенно в периоды правления исламистов, оттоку радикально настроенных граждан или подданных, прежде всего, в Сирию в ряды вооруженной оппозиции режиму Б.Асада. Во-вторых, из всех основных регионов происхождения ИБТ именно Ближний Восток и Северная Африка демонстрируют самое широкое многообразие подходов к этой проблеме во всех смыслах: от наименее до более эффективных, от крайне жесткого реагирования (Египет, Иордания) до промежуточных моделей (Тунис, Турция) или более мягких вариантов (Саудовская Аравия). Более того, в регионе есть примеры стран, ставших одними из лидеров в применении и отработке *отдельных* направлений и подходов к проблеме (например, Саудовская Аравия в вопросах дерадикализации, реабилитации и реинтеграции экстремистов, включая ИБТ) и даже сумевших сформировать *комплексную* и относительно *сбалансированную* модель ее решения. Примером может служить марокканская модель, которая, на взгляд автора книги, приближается к оптимальной

⁵³⁰ Помимо ряда резолюций СБ ООН по проблеме ИБТ, см. другие документы ООН, в которых отражено формирование такого консенсуса: Madrid Guiding Principles: A Practical Tool for Member States to Stem the Flow of Foreign Terrorist Fighters. UN Doc. S/2015/939. UN Counter-Terrorism Committee, 23 December 2015; 2018 Addendum to the 2015 Madrid Guiding Principles. UN Doc. S/2018/1177. UN Counter-Terrorism Committee, 28 December 2018 etc.

для своих условий, с точки зрения искусства возможного. Подчеркнем, что, в отличие, например, от большинства европейских и ряда ближневосточных стран, марокканские власти не пустили на самотек религиозно-идеологическую составляющую проблемы радикализации, в т. ч. ИБТ, а избрали курс на проактивную антиэкстремистскую религиозную политику.

Если и есть что-то общее в европейских и ближневосточных подходах к проблеме ИБТ, вернувшихся из Сирии и Ирака, так это то, что, за некоторыми исключениями, и там, и там большинство таких ИБТ, хотя и по разным причинам, не подверглись уголовному преследованию – по крайней мере, к началу 2020-х годов.

Это составило существенный контраст с преобладающими подходами к проблеме ИБТ в постсоветской Евразии, прежде всего, в *России* и странах *Центральной Азии*. Одна из особенностей подхода РФ к проблеме российских ИБТ состояла в особо жестком – для вернувшихся ИБТ практически поголовном – уголовном преследовании и присуждении их к более длительным срокам заключения. Это отчасти объясняет низкий уровень возвращения в Россию ИБТ, прошедших Сирию и Ирак. В первой половине 2010-х годов, особенно в доигиловский период, еще наблюдались примеры самостоятельного или добровольного возвращения ИБТ, в т. ч. на Северный Кавказ, но впоследствии, если они и случались, то в основном носили характер принудительной репатриации. Эта силовая, специальная и правоохранительная составляющая сочеталась со слабым интересом в РФ к дерадикализации и реабилитации ИБТ, но одновременно с неплохо организованной и на общем фоне достаточно успешной репатриацией членов семей ИБТ – женщин и особенно детей. Понятно, что в условиях, когда большинство российских ИБТ не вернулись и вряд ли вернуться домой, а либо были убиты, задержаны или пропали без вести в Сирии и Ираке, либо оказались в третьих странах, включая конфликтные зоны, напрямую граничащие с евразийским регионом (Афганистан), для России особо важным императивом становится международное сотрудничество по этой проблеме по всем линиям (разведывательной, правоохранительной, политико-дипломатической, международно-правовой) и на всех уровнях – от ведомственного до межгосударственного, в т. ч. в рамках международных организаций от Интерпола до ООН.

В целом сравнительный анализ преобладающих подходов к феномену ИБТ, связанных с ИГИЛ и другими джихадистскими силами в Сирии и Ираке, в трех основных регионах их происхождения и радикализации позволяет высветить ряд *общих для них проблем*. Среди них:

- основное внимание к проблеме ИБТ не столько «на выходе» (на этапе оттока ИБТ из этих стран в Сирию и Ирак), сколько «на входе» обратно, т. е. к ИБТ, вернувшимся или возвращающимся в страны исхода;

- за некоторыми исключениями (Марокко, в определенной степени Великобритании и России), недостаточное внимание к религиозно-идеологической подоплеке и императиву радикализации ИБТ, по сравнению с другими факторами;

- на «постконфликтном» этапе часто нелинейного, рассеянного, или диффузного, оттока ИБТ приоритетный упор на проблему вернувшихся домой боевиков, при недостаточном внимании к проблеме релокации ИБТ в третьи страны; острая неурегулированность (международно-)правовых вопросов, связанных с пребыванием, преследованием, содержанием под стражей ИБТ в третьих странах, их репатриацией и т. п.;

- приоритет количественных показателей над качественными в оценке степени угрозы и спектра рисков, связанных с ИБТ;

- в целом недостаточная эффективность программ дерадикализации, реабилитации и интеграции ИБТ даже там, где они актуальны и где они есть.

Уроки и рекомендации

Из более конкретных рекомендаций, которые можно сделать на базе сравнительного анализа подходов к проблеме ИБТ в странах трех основных регионов их происхождения, наиболее актуальными представляются три.

Во-первых, в подходах к такому настолько сильно транснационализированному феномену, как джихадистские ИБТ, прошедшие Сирию и Ирак, трудно представить себе что-либо более недалновидное, чем попытки тех или иных государств переложить проблему ИБТ, прежде всего, из числа собственных граждан, на кого-то другого – например, в виде промедления с их принудительной репатриацией из стран назначения и третьих/транзитных стран или ее саботажа, стремления любым путем «сбыть с рук» ИБТ с двойным гражданством и т. п. Тем более контрпродуктивны попытки стран одного региона решать проблему за счет стран другого – особенно за счет государств с меньшими или сильно ограниченными финансовыми и техническими ресурсами и возможностями, не говоря уже о странах с и без того слабой функциональностью государственной власти.

Во-вторых, общая численность и масштаб потоков ИБТ, конечно, имеют значение, особенно на стадии их непосредственного пребывания в конфликтной зоне. Однако когда дело доходит до связанных с ИБТ рисков и угроз для стран их происхождения, транзита или релокации, не лишним будет подчеркнуть, что *дело не в количестве, а в качестве*. Даже небольшой процент, даже дюжина вернувшихся на родину или передислоцировавшихся в третью страну подготовленных и мотивированных ИБТ-ветеранов, сохранивших верность своим религиозно-экстремистским убеждениям и целям, может создать большую проблему с точки зрения противодействия терроризму и (религиозно-)идеологическому экстремизму, причем в долгосрочном плане – в случае, если они не будут выявлены, идентифицированы, задержаны и остановлены, а желательно и дерадикализованы.

В-третьих, как бы банально это не звучало, проблема ИБТ как наиболее заметного, мобильного и пассионарного, но лишь одного из сегментов радикально-экстремистской среды эффективнее и адекватнее всего решается там, где удастся найти оптимальный для конкретных национально-политических условий *баланс* между силовыми, специальными, правоохранительными и коррекционными мерами, с одной стороны, и политическими, религиозно-политическими, идеологическими, правовыми и иными мерами по профилактике экстремистского насилия и дерадикализации, с другой. Конечно, добиться такого баланса можно только при условии наличия и сочетания базовой функциональности и легитимности государственной власти. Именно это сочетание и способность максимально приблизиться к такому балансу объясняют, почему, например, Марокко, в отличие от большинства европейских и ближневосточных стран, смогло самостоятельно репатриировать значительную часть ИБТ из числа своих граждан, содержащихся в курдских лагерях в Сирии.

Сравнительный анализ разного регионального опыта и подходов к проблеме ИБТ в Сирии и Ираке также позволяет извлечь из него как минимум три более общих урока, с точки зрения международного противодействия терроризму и международного сотрудничества в этой сфере.

Первый урок связан с тем, что на протяжении первой четверти XXI века даже на уровне ООН международная антитеррористическая повестка продолжала отражать острую диспропорцию между, с одной стороны, степенью реальной террористической угрозы, в основном сосредоточенной в конфликтных зонах в странах мусульманского мира, а с другой стороны, гораздо более сильным медийно-политическим эффектом и воздействием на международную политику несравнимо более ограниченных

проявлений терроризма в развитых странах «расширенного Запада». Эта базовая диспропорция наблюдалась как в доигиловский период, так и на этапе подъема и упадка ИГИЛ. Она влияла и продолжает влиять на формирование глобальной антитеррористической повестки, в которой зачастую непропорционально большое место занимают специфические вызовы, свойственные в основном развитым постиндустриальным странам (от проблем радикализации второго поколения мигрантов-мусульман до феномена доморощенных мини-ячеек и террористов-одиночек джихадистского толка или приоритетного внимания к реабилитации и реинтеграции вернувшихся на родину ИБТ). Этим вопросам, в т. ч. на уровне ООН, уделяется повышенное внимание, невзирая на то, что они не только не приоритетны, но зачастую вообще мало актуальны для тех стран Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, где сосредоточена львиная доля террористической активности в мире. На этом фоне назрела острая потребность в том, чтобы в рамках международного антитеррористического сотрудничества как минимум смягчить, если не нивелировать, эту острую диспропорцию. В этом смысле проблема ИБТ в Сирии и Ираке, в основном связанных с ИГИЛ вне зависимости от региона своего происхождения, стала как раз оптимальным поводом и средством для того, чтобы хотя бы начать решать эту задачу. Этому способствовал поистине транснациональный и относительно равномерно распределенный характер данной угрозы. Она связана со сравнимыми по масштабу потоками и циркуляцией ИБТ из трех разных регионов мира, включая один западный (Европу) и два незападных (Ближний Восток и Евразию). Эта циркуляция нелинейна, а потоки частично пересекаются и накладываются друг на друга. Последствия игиловской мобилизационной волны джихадистских ИБТ в равной степени касаются всех этих трех регионов, а вектор других связанных с ИГИЛ угроз в начале 2020-х годов сдвигался в направлении еще нескольких регионов (Центральной и Западной Африки, Южной Азии и Юго-Восточной Азии).

Второй урок состоит в том, что катализаторами наиболее масштабного притока и циркуляции ИБТ стали конфликты вполне определенного типа. Это интенсивные региональные конфликты в виде максимально широко интернационализированных гражданских войн в одной или нескольких соседних странах с ослабленной государственной властью. Конфликтов такого уровня и типа в мире в начале XXI века было не больше, чем пальцев на руке, но именно на них пришлась львиная доля как реальных проявлений и ущерба от терроризма, так и потерь убитыми в результате боевых действий, причем ИБТ приложили руку и к тому, и к другому. Это еще раз подчеркивает острую необходимость не просто наращивания, а вывода на *качественно новый уровень* многосторонних усилий по урегулированию и предотвращению (недопущению) конфликтов этого типа – особенно с учетом того, что в ряде таких конфликтов (Ирак, Афганистан, Ливия) именно внешняя военная интервенция в их ход резко обострила ситуацию и послужила стимулом для притока ИБТ в конфликтную зону. Предотвращение таких сценариев в будущем – одна из наиболее эффективных долгосрочных стратегий противодействия терроризму в целом и решения проблемы ИБТ, в частности.

Наконец, единственный из трех уроков в плане противодействия ИГИЛ, относительно усвоенный международным сообществом, – это необходимость если не полного объединения, то по крайней мере, координации параллельных военных и антитеррористических усилий в зоне наибольшей *концентрации* вооруженно-террористической активности в мире и *сосредоточения* усилий на тех джихадистских акторах, на которых пришлась львиная доля этой активности (прежде всего, ИГИЛ, а также «Джабхат ан-Нусра»). Эта во многом вынужденная концентрация международных усилий на уничтожении ядра ИГИЛ, среди прочего, лишила связанные

с ним контингенты и потоки ИБТ главного импульса, вектора, а для многих и главного смысла, *raison d'être*, как артерии – сердца. Хотя военно-территориальное ядро провозглашенного ИГИЛ «халифата» само по себе сыграло важную, самостоятельную мобилизационную роль, настолько сильную, чтобы привлечь десятки тысяч ИБТ из разных регионов мира, отчасти именно такая высокая концентрация ИБТ – то, что они собрались вместе в рамках одного конфликтного ареала, хотя и трансграничного и равного по территории многим странам – в итоге облегчило их уничтожение. В результате ослабления под силовым давлением и последующего военного разгрома ядра ИГИЛ приток ИБТ прекратился, а многие из них были физически уничтожены. В условиях возвращения и релокации ИБТ угрозы и риски с их стороны видоизменились и приобрели более рассредоточенный, диффузный характер. Таким образом, конец подъему этой исторически беспрецедентной мобилизационной волны джихадистов положили не столько специальные мероприятия по выявлению, отлову или затруднению и блокированию перемещения ИБТ, сколько международные усилия по силовому разгрому военно-административно-территориального ядра ИГИЛ.

В то же время международное противодействие феномену ИБТ в Сирии и Ираке на мобилизационном этапе (на стадии радикализации, вербовки и по пути в конфликтную зону) и на постконфликтной стадии (на этапе оттока, возвращения или дальнейшей релокации ИБТ) показывает, насколько еще ограничены возможности противостоять действительно транснациональным угрозам безопасности на национальном, региональном и трансрегиональном уровнях мировой политики. При этом в данном случае речь идет далеко не о самом сложном из таких транснациональных вызовов, а об относительно кристаллизованном феномене в виде конкретных людских потоков – исчисляемых и в принципе поддающихся выявлению, при всей своей относительной массовости все же ограниченных по численности, да еще и, по крайней мере на стадии мобилизации, носивших направленный, целевой характер и стекавшихся к одному не просто идейному, но и территориально и материально выраженному ядру ИГИЛ. И все это – в условиях сравнимых по численности потоков из трех примыкающих друг к другу крупных регионов мира и, при всей контекстной специфике, сравнимого для них общего уровня угроз и вызовов, связанных с феноменом иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке.

6. Библиография

Официальные материалы государственных органов и международных организаций, законодательные акты, выступления официальных лиц и общественных деятелей, другие документы

- Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, представленный на 59-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Док. ООН A/59/565. 2 декабря 2004 г. 121 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565>.
- Большая пресс-конференция Владимира Путина. Онлайн. 14 декабря 2017 г. // ТАСС. 14.12.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4811155>.
- Вестник Национального антитеррористического комитета. № 1–20. 2010–2018.
- Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям. Док. ООН S/2018/14/Rev.1. 27 февраля 2018 г. 29 с. URL: <https://undocs.org/ru/S/2018/14/Rev.1>.
- Девятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. Док. ООН S/2019/612. 31 июля 2019 г. 23 с. URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/612>.
- Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Федеральная служба безопасности. 31.08.2020. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.
- Осуществление резолюции 2178 (2014) государствами, затронутыми деятельностью иностранных боевиков-террористов. Приложение к письму председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1373 (2001) о борьбе с терроризмом, от 13 мая 2015 года на имя председателя Совета Безопасности. Док. ООН S/2015/338. 14 мая 2015 г. 38 с. URL: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2015/06/N1514131_RU.pdf
- Подробно! О проступке командира таджикского ОМОНа // Новости Центральной Азии SATV NEWS. 29.05.2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MaUyp6-sn_8.
- Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года. Док. ООН S/RES/2178 (2014). URL: [https://www.undocs.org/ru/S/RES/2178%20\(2014\)](https://www.undocs.org/ru/S/RES/2178%20(2014)).
- Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании 21 декабря 2017 года. Док. ООН S/RES/2396 (2017). URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2396(2017)).
- Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С признать международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы) террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html> (сохраненная копия: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:B2DapcJl3ioJ:nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>).
- «Российские женщины и дети в тюрьмах и лагерях стран Ближнего Востока: их положение и пути спасения». Пресс-конференция РИА-Новости, 13 ноября 2018 г. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20181113/952137079.html>.
- Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014, Пр-2753). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document/130>.
- Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ (посл. редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153916.

- Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162576/.
- Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/.
- Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 548-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812280015?index=0&rangeSize=1>.
- Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221210; URL: <https://refugee.ru/news/izmeneniya-v-zakon-o-grazhdanstve-izmeneniya-v-zakone>.
- Федеральный список экстремистских материалов (по состоянию на 23 июня 2020 г.). Министерство юстиции РФ. URL: [http://minjust.gov.ru/sites/default/files/fsem_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_1_1_0.docx](http://minjust.gov.ru/sites/default/files/fsem_0_0_0_0_0_0_0_0_0_0_1_1_0.docx); URL: <http://pravo.minjust.ru/extremist-materials?combine=&page=480>.
- Action against Threat of Foreign Terrorist Fighters Must Be Ramped Up, Security Council Urges in High-Level Meeting. UN Press Release, 29 May 2015. URL: <https://www.un.org/press/en/2015/sc11912.doc.htm>.
- Al-Adnānī al-Shāmī A.M. Declaration of the reestablishment of the “Caliphate” by ISIS spokesman: “This is the Promise of Allah” // Al-I’tisam Media Foundation twitter account. 29 June 2014 (аккаунт заблокирован «Твиттером»).
- Al-Adnānī al-Shāmī A.M. “Die in Your Rage” [«Умрите в своем гневе»]: Audio-record // Al-Furqan Media Foundation. 26 January 2015.
- Al-Adnānī al-Shāmī A.M. Indeed Your Lord is Ever Watchful // ISIL twitter account. 22 September 2014 (аккаунт заблокирован «Твиттером»).
- Al-Adnani al-Shami A.M. “That They Live By Proof”, 21 May 2016. In: Defining success or failure (2016) // Ingram H., Whiteside C., Winter Ch. The ISIS Reader: Milestone Texts of the Islamic State Movement. – L.: Hurst Publishers, 2020. P. 249–262.
- Amaq News Agency reported that the executors of the knife attack in #Kaspiysk #Dagestan #Russia are “soldiers” of #ISIS // SITE Intel Group official twitter account. 28.08.2017. URL: <https://twitter.com/siteintelgroup/status/902177618727985152>.
- Annex B to the Prosecution Response to the Second Order to the Prosecutor to Provide Additional Information. ICC-02/17-26-AnxB. 9 February 2018. Office of the Prosecutor, International Criminal Code, The Hague. Case: Situation in the Islamic Republic of Afghanistan. URL: https://www.icc-cpi.int/RelatedRecords/CR2018_00961.PDF.
- Azzam A. Defence of the Muslim Lands: The First Obligation after Iman: transl. from Arabic; 1st publ. in 1984 // Religioscope. February 2002. URL: <https://english.religion.info/2002/02/01/document-defence-of-the-muslim-lands>.
- Al-Baghdadi Amirul Mu’Minin Abu Bakr al-Husayni al-Qurashi. A Message to the Mujahidin and the Muslim Ummah in the Month of Ramadan // Al-Hayat Media Center. 1 July 2014.
- Al-Baghdadi A.B. “Bashair as-sabirin” [«Благие вести для стойких»]: Audio speech. 22 August 2018. На англ. яз.: Patience (2018) // Ingram H., Whiteside C., Winter Ch. The ISIS Reader: Milestone Texts of the Islamic State Movement. – L.: Hurst Publishers, 2020. P. 263–278.
- Al-Baghdadi A.B. “In the hospitality of amir al-mu’minin” [«В гостях у эмира правоверных»]: Video // Al-Furqan Media Foundation. 29 April 2019.
- Al-Baghdadi A.B. “March forth whether light or heavy”: Transcript of an audio speech // Al-Furqan Media Foundation. 14 May 2015. Reprint: In new audio speech, Islamic State (ISIS) leader Al-Baghdadi issues call to arms to all Muslims // Middle East Media Research Institute (MEMRI) Jihad and Terrorism Threat Monitor. 14 May 2015.

- Al-Baghdadi A.B. “Wa-bashshir al-mu’minīn” [«И обрадуй правоверных»]: Audio speech // Mu’assasat al-Furqān (Al-Furqan Media Foundation). 9 April 2013.
- Al-Suri A.M. The Call to Global Islamic Resistance. CENTRA Technology, Inc.; trans. from Arabic. – Washington D.C.: DCIA Counterterrorism Center, Office of Terrorism Analysis, 2004. P. 1367–1368.
- Baker J., Hamilton L. The Iraq Study Group Report. – Washington D.C.: Vintage, 2006. 84 p.
URL: <https://www.bakerinstitute.org/files/1044/>.
- Bin Laden O. World Islamic Front for jihad against Jews and crusaders: initial “fatwa” statement // Al-Quds al-Arabi. 23 February 1998. P. 3. URL: <http://www.library.cornell.edu/colldev/mideast/fatw2.htm> (на араб. яз.); URL: http://www.pbs.org/newshour/terrorism/international/fatwa_1998.html (в переводе на англ. яз.).
- Breaking: Amaq News Agency reported #ISIS responsibility for knife attack in #Surgut #Russia // SITE Intel Group twitter account. 19.08.2017. URL: <https://twitter.com/siteintelgroup/status/898897225266462721>.
- The Challenge of Returning and Relocating Foreign Terrorist Fighters: Research Perspectives. United Nations Security Council Counterterrorist Committee Executive Directorate (UN CTED) Trends Report. – N.Y.: UN CTED, 2018. 20 p. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/04/CTED-Trends-Report-March-2018.pdf>.
- CONTEST: The United Kingdom’s Strategy for Countering Terrorism: Annual Report for 2015 Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department. CM9310. – L.: Williams Lea Group on behalf of the Controller of Her Majesty’s Stationery Office, July 2016. 25 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/539683/55469_Cm_9310_Web_Accessible_v0.11.pdf.
- Counter-Daesh Update. Statement by the Secretary of State for Defence Ben Wallace. House of Commons Hansard. V. 678. 22 July 2020. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2020-07-22/debates/1A7E55CB-3AAC-4CDA-B62C-AE7C1B129A5E/Counter-DaeshUpdate>.
- Country Reports on Terrorism 2017. – Washington D.C.: U.S. Department of State Bureau on Counterterrorism, 2018. 340 p.
- Dabiq. No. 1: “The Return of Khilafah”. 5 July 2014.
- Dabiq. No. 2: “The Flood”. 27 July 2014.
- Dabiq. No. 3: “A Call to Hijrah”. 10 September 2014.
- European Union Terrorism Situation and Trends Report 2018. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) Report. – The Hague: Europol, 2018. 68 p.
DOI: 10.2813/00041.
- European Union Terrorism Situation and Trends Report 2019. – The Hague: Europol, 2019. 80 p.
DOI: 10.2813/788404.
- European Union Terrorism Situation and Trends Report 2020. – The Hague: Europol, 2020. 97 p.
- “Exclusive coverage of the Friday khutbah and prayer in the Grand Masjid of Mosul”: Video document // Al-Furqan Media Foundation twitter account. 5 July 2014 (аккаунт удален «Твиттером»).
- Ingram H., Whiteside C., Winter Ch. The ISIS Reader: Milestone Texts of the Islamic State Movement. – L.: Hurst Publishers, 2020. 326 p.
- Investigation, Prosecution and Adjudication of Foreign Terrorist Fighter Cases for South and Southeast Asia. UN Office on Drugs and Crime (UNODC) Report. – Vienna: United Nations, 2018. 116 p. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FTF%20SSEA/Foreign_Terrorist_Fighters_Asia_Ebook.pdf
- Madrid Guiding Principles: A Practical Tool for Member States to Stem the Flow of Foreign Terrorist Fighters. UN Doc. S/2015/939. UN Counter-Terrorism Committee, 23 December 2015. 19 p.
- Maududi S.A.A. Jihad in Islam. Lecture given in Lahore (13 Apr. 1939) // Voices of Terror: Manifestos, Writing and Manuals of Al-Qaeda, Hamas, and Other Terrorists from around the World and throughout the Ages. Ed. W.Laqueur. – N.Y.: Reed Press, 2004. P. 398–400.
- Nineteenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2253 (2015) Concerning ISIL (Da’esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2017/35. 13 January 2017. 29 p. URL: <https://www.undocs.org/S/2017/35>.

- Qutb S. *Milestones*. Transl. Ma‘ālim fī al-ṭarīq. – Cedar Rapids (IA): The Mother Mosque Foundation, 1980. 149 p.
- Qutb S. *War, peace and Islamic Jihad // Contemporary Debates in Islam: An Anthology of Modernist and Fundamentalist Thought*. Eds. M.Moaddel and K.Talattof. – Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 223–245.
- Resolution 2170 (2014) Adopted by the Security Council at its 7242nd meeting, on 15 August 2014. UN Doc. S/RES/2170 (2014). URL: https://digitallibrary.un.org/record/777420/files/S_RES_2170%282014%29-EN.pdf
- Resolution 2178 (2014) Adopted by the Security Council at its 7272nd Meeting, on 24 September 2014. UN Doc. S/RES/2178 (2014). URL: [https://www.undocs.org/en/S/RES/2178%20\(2014\)](https://www.undocs.org/en/S/RES/2178%20(2014)).
- Resolution 2253 (2015) Adopted by the Security Council at its 7587th Meeting, on 17 December 2015. UN Doc. S/RES/2253 (2015). URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2253.pdf.
- Resolution 2396 (2017) Adopted by the Security Council at its 8148th Meeting, on 21 December 2017. UN Doc. S/RES/2396(2017). URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2396\(2017\)](https://undocs.org/en/S/RES/2396(2017)).
- The Return of Foreign Fighters to the EU Soil. European Parliament Research Service (EPRS), Ex-Post Evaluation Unit. PE 621.811. May 2018. – Brussels: EPRS, 2018. 102 p. DOI: 10.2861/205. URL: https://wb-iisg.com/wp-content/uploads/bp-attachments/5634/EPRS_STU2018621811_EN-1.pdf.
- Simonelli C. *The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004–2014*. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) Fact Sheet. June 2014. – College Park (Maryland): University of Maryland, 2014. 4 p. URL: https://start.umd.edu/pubs/START_EvolutionofISILRelationships_FactSheet_June2014.pdf.
- Sixth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da‘esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Doc. S/2018/80. 31 January 2018. 18 p. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/80&referer=/english/&Lang=E.
- Statement by Deputy Press Secretary Gordon Trowbridge on Strike Targeting an ISIL Leader in Afghanistan. U.S. Department of Defense Press Release. Washington D.C., 12 August 2016. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/913820/statement-by-deputy-press-secretary-gordon-trowbridge-on-strike-targeting-an-is/>.
- Syria Emergency. UN High Commissioner on Refugees (UNHCR) Information Note. 2020. URL: <https://www.unhcr.org/en-us/syria-emergency.html>.
- Tenth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2255 (2015) Concerning the Taliban and Other Associated Individuals and Entities Constituting a Threat to Peace, Stability and Security of Afghanistan. UN Doc. S/2019/481. 13 June 2019. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2019_481.pdf.
- Terrorism: British Nationals Abroad. Written Question HL8065. Asked on 28 April 2016, answered on 11 May 2016. URL: <https://www.parliament.uk/business/publications/written-questions-answers-statements/written-question/Lords/2016-04-28/HL8065>.
- Testimony by W.Braniff, Executive Director, START, University of Maryland, before the U.S. House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. Washington, DC: United States House of Representatives, 4 February 2014. 14 p. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/STARTCongressionalTestimony_StateofAQandAffiliates_WilliamBraniff.pdf.
- Top IS-K Commander Killed in Northern Afghanistan. NATO Resolute Support Press Release. 9 April 2018. URL: <https://rs.nato.int/news-center/press-releases/2018-press-releases/top-isk-commander-killed-in-northern-afghanistan.aspx>.
- Twentieth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2253 (2015) Concerning ISIL (Da‘esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2017/573. 7 August 2017. 24 p. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2017_573.pdf.
- Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2368 (2017) Concerning ISIL (Da‘esh), Al-Qaida and Associated Individuals and

- Entities. UN Doc. S/2019/570, 15 July 2019. 24 p. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3813209/files/S_2019_570-EN.pdf.
- Twenty-Second Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Submitted Pursuant to Resolution 2368 (2017) Concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and Associated Individuals and Entities. UN Doc. S/2018/705. 27 July 2018. 25 p. URL: <http://undocs.org/en/S/2018/705>.
- 2018 Addendum to the 2015 Madrid Guiding Principles. UN Doc. S/2018/1177. UN Counter-Terrorism Committee, 28 December 2018. 26 p. URL: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/12/2018-Addendum-to-the-2015-Madrid-Guiding-Principles_as_adopted.pdf.
- UN Data: Jordan. URL: <http://data.un.org/en/iso/jo.html>.
- U.S. Forces in Afghanistan Strike Islamic State Leader; Maintain Pressure on Terror Network. NATO Resolute Support Press Release. Bagram (Afg.), 2 September 2018. URL: <https://rs.nato.int/news-center/press-releases/2018-press-releases/us-forces-in-afghanistan-strike-islamic-state-leader-maintain-pressure-on-terror-network.aspx>.

Статистика, базы данных

- Global Terrorism Database. Version 2019. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd>.
- Global Terrorism Index 2012: Capturing the Impact of Terrorism from 2002–2011. – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2012. 55 p.
- Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2014. 91 p.
- Global Terrorism Index 2015: Measuring the Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2015. 107 p.
- Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2016. 104 p.
- Global Terrorism Index 2017: Measuring the Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2017. 116 p.
- Global Terrorism Index 2018: Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2018. 86 p.
- Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute for Economics and Peace, 2019. 97 p.
- UCDP Armed Conflicts/Conflict Dyad Data: Government of Syria – IS. Uppsala Conflict Data Program (UCDP), Uppsala University, Sweden. URL: <https://ucdp.uu.se/additionalinfo/14620/4>.
- UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Version 19.1. 1946–2018. Uppsala Conflict Data Program (UCDP); Peace Research Institute, Oslo (PRIO). URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict>.

Научная литература и аналитика

- Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. В.В.Наумкин, В.В.Попов, В.А.Кузнецов. Ин-т востоковедения РАН; Фак-т мировой политики и Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012. 595 с.
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В.Г.Барановский, В.В.Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. 556 с.
- Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 272–306.
- Вебер М. Социология религии // Избранное: Образ общества. – М.: Юрист, 1994. С. 78–309.
- Верховский А.М. Динамика преступлений ненависти и деятельности ультраправых групп и движений в России в 2010-е гг. // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). С. 116–124. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-116-124.

- Надеин-Раевский В.А. Экстремизм и терроризм в современной Турции // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): Спецвыпуск. С. 182–204. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-182-204.
- Насреддинов Э., Урманбетова З., Мурзахалилов К., Мырзабаев М. Уязвимость и устойчивость молодых людей в Кыргызстане к радикализации и экстремизму: анализ в пяти сферах жизни. Научно-исследовательский институт исламоведения (Бишкек) и Центральноазиатская программа Университета Дж.Вашингтона. Аналитическая записка № 213. Январь 2019.
- Информационные потоки и радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Центральной Азии. Доклад в рамках проекта “Internews” и “Search for Common Ground” «Содействие стабильности и миру в Центральной Азии посредством повышения медиаграмотности, эффективного освещения и регионального сотрудничества», финансируемого ЕС. 2019. 86 с. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2019/08/Information_flows_public_rus.pdf.
- Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан. – М.: МГИМО-Университет, 2019. 256 с.
- Кудрявцев А.В. «Арабские афганцы» (к вопросу о механизмах радикализации исламистских движений) // Ислам на современном Востоке. Ред. В.Я.Белокриницкий и А.З. Егорин. – М.: Крафт+, 2004. С. 258–273.
- Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы религиозного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): Спецвыпуск. С. 138–154. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-138-154.
- Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006. 221 с.
- Малашенко А., Тренин Д. Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. 267 с.
- Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. – М.: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2008. 164 с.
- Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. – М.: КомКнига, 2005. 64 с.
- Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). Ред. Е.А.Степанова. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 262 с. [Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): Спецвыпуск]. DOI: 10.20542/978-5-9535-0502-4.
- Степанова Е. Ат-татаруф ад-диний ва аль-каумийя ар-радикалийя айдиолоджийатан лиль-унф аль-мусаллийя аль-лемутаназир [Религиозный экстремизм и радикальный национализм как идеологии асимметричного вооруженного насилия] // Аль-хевар аль-каумий – аль-ислями [Диалог между национализмом и исламом]. – Бейрут: Центр исследований арабского единства, 2008. С. 679–689.
- Степанова Е.А. Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 39–52. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/01/05_Stepanova.pdf.
- Степанова Е. «Исламское государство» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы. Аналитическая записка ПОНАРС Евразия. 2015. № 393. URL: http://www.ponars-eurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm393_rus_Stepanova_Dec2015_0.pdf.
- Степанова Е. Россия и «Исламское государство». Российский совет по международным делам: Аналитика и комментарии. 03.07.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/spastis-i-ograditsya-rossiya-i-islamskoe-gosudarstvo>.
- Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. ИМЭМО РАН. — М.: Научная книга, 2010. 288 с.
- Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23–32
- Степанова Е.А. Транснациональный терроризм спустя 10 лет после терактов 11 сентября: спад, подъем или трансформация? // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 4–34.

- Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52): спецвыпуск. С. 213–237. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-213-237.
- Степанова Е., Крагин К. Борьба с терроризмом // Дорожная карта российско-американских отношений. Доклад № 30/2017. Гл. ред. И.С.Иванов, А.В.Кортунов, О.Оликер; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: РСМД, 2017. С. 96–105.
- Уверенный шаг в будущее. Исследование социально-психологических и адаптационных потребностей жен, вдов и детей убитых или осужденных боевиков на Северном Кавказе. Доклад Центра анализа и предотвращения конфликтов. Май 2020. URL: <http://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee>.
- Aman F. Peace with Taliban Could Stem ISIS Growth in Afghanistan. Middle East Institute (MEI). 2 March 2016. – Washington D.C.: MEI, 2016. URL: <http://www.mei.edu/content/article/peace-taliban-couldstem-isis-growth-afghanistan>.
- Arasli J.E. Archipelago SYRAQ. Jihadist Foreign Fighters from A to Z. 200 Essential Facts You Need to Know about Jihadist Expeditionary Warfare in the Middle East. – Baku: Teknur, 2015. 366 p.
- Arnell P. The legality of the citizenship deprivation of UK foreign fighters // ERA Forum: Journal of the Academy of European Law. 25 June 2020. P. 1–18. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12027-020-00615-9.pdf>. DOI: 10.1007/s12027-020-00615-9.
- Atwan A.B. Islamic State: the Digital Caliphate. – L.: Saqi Books, 2015. 256 p.
- Barrett R. Beyond The Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. – N.Y.: The Soufan Center, 2017. 40 p.
- Bibliography: terrorism in, or originating from the Caucasus, Central Asia, and Russia (part 1). Comp. by J.Tinnes // Perspectives on Terrorism. V. 9. No. 1. 2015. P. 122–156.
- Bin Khaled al-Saud A. Saudi Foreign Fighters: Analysis of Leaked Islamic State Documents. – L.: International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), Department of War Studies, King's College, University of London, 2019. 36 p.
- Ben Arab E. Returning foreign fighters: understanding the new threat landscape in Tunisia // Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia. Ed. T.Renard. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019. P. 36–49.
- Benmelech E., Klor E. What Explains the Flow of Foreign Fighters to ISIS? National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper Series. No. 22190. – Cambridge (Mass.): NBER, 2016. 25 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w22190>.
- Bergen P. After the war in Iraq: what will the foreign fighters do? // Bombers, Bank Accounts and Bleedout: Al-Qa'ida's Road In and Out of Iraq. Harmony Project Report. Ed. B.Fishman. – West Point (N.Y.): Combating Terrorism Center at West Point, 2008. P. 98–122.
- Berrada K.K. Morocco's response to foreign terrorist fighters: tighter security and deradicalisation // Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia. – Brussels: Egmont Institute, 2019. P. 24–35.
- Brown V. Foreign fighters in historical perspective: the case of Afghanistan // Bombers, Bank Accounts and Bleedout. – West Point: Combating Terrorism Center at West Point, 2008. P. 16–31.
- Bruce J. Arab veterans of the Afghan war // Jane's Intelligence Review. V. 1. No. 7. 1 April 1995. P. 175–179.
- Calibrating the Response: Turkey's ISIS Returnees. International Crisis Group (ICG) Europe Report no. 258. – Istanbul; Ankara; Brussels: ICG, 2020. 34 p.
- Carmon Y., Yehoshua Y., Leone A. Understanding Abu Bakr Al-Baghdadi and the Phenomenon of the Islamic Caliphate State. MEMRI Inquiry and Analysis Series Report no. 1117. 14 September 2014. URL: <http://www.memri.org/reports/understanding-abu-bakr-al-baghdadi-and-phenomenon-islamic-caliphate-state>.
- Cook J., Vale G. From Daesh to "Diaspora": Tracing the Women and Minors of the Islamic State. ICSR Report. – L.: ICSR, 2018. 72 p.
- Coolsaet R., Renard T. New Figures on European Nationals Detained in Syria and Iraq. Egmont Institute Research Brief. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019. 2 p. URL: <http://www.egmontinstitute.be/new-figures-on-european-nationals-detained-in-syria-and-iraq>.

- Cordesman A. Iraq and Foreign Volunteers. – Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2005. 9 p. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/051117_iraqforeignvol.pdf.
- Cragin K. The global ISIS threat in historical context // Pathways to Peace and Security [Пути к миру и безопасности]. 2017. № 1(52): Special Issue. P. 77–90. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-77-90. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2017/01/04Cragin.pdf.
- Cragin K. Foreign fighter “hot potato” // Lawfare. 26 November 2017. URL: <https://www.lawfareblog.com/foreign-fighter-hot-potato>.
- Cragin K. The November 2015 Paris attacks: the impact of foreign fighter returnees // Orbis. V. 61. No. 2. 2017. P. 212–226. DOI: 10.1016/j.orbis.2017.02.005.
- Cruikshank P. A view from the CT foxhole: an interview with Alain Grignard, Brussels Federal Police // CTC Sentinel. V. 8. No. 14. 2015. P. 7–8.
- Davis A. Foreign combatants in Afghanistan // Jane’s Intelligence Review. V. 5. No. 7. 1993. P. 327–331.
- Duyvesteyn I., Peeters B. Fickle Foreign Fighters? A Cross-Case Analysis of Seven Muslim Foreign Fighter Mobilizations (1980–2015). – The Hague: International Centre for Counter-Terrorism (ICCT), 2015. 35 p. URL: <https://www.icct.nl/wp-content/uploads/2015/10/ICCT-Duyvesteyn-Peeters-Fickle-Foreign-Fighters-October2015.pdf>.
- Elshimi M.S., Pantucci R., Lain S., Salman N.L. Understanding the Factors Contributing to Radicalization among Central Asia Labour Migrants in Russia. Royal United Services Institute (RUSI) Occasional Paper. – L.: RUSI, 2018. 76 p. URL: <https://rusi.org/publication/occasional-papers/understanding-factors-contributing-radicalisation-among-central-asian>.
- Esposito J. Unholy War: Terror in the Name of Islam. – Oxford: Oxford University Press, 2002. 196 p.
- Felter J., Fishman B. Becoming a foreign fighter: a second look at the Sinjar records // Bombers, Bank Accounts and Bleedout. – West Point: Combating Terrorism Center, 2008. P. 32–65.
- Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. – N.Y.: The Soufan Center, 2015. 25 p.
- The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union: Profiles, Threats and Policies. Eds. B. Van Ginkel and E. Entenmann. ICCT Research Report. – The Hague: ICCT, 2016. 69 p. DOI: 10.19165/2016.1.02. URL: http://icct.nl/wp-content/uploads/2016/03/ICCT-Report_Foreign-Fighters-Phenomenon-in-the-EU_1-April-2016_including-AnnexesLinks.pdf.
- Franco J. Detecting future “Marawis”: considering alternative indicators for assessing the potential for new manifestations of violent extremism in Mindanao // Perspectives on Terrorism. V. 14. No. 1. 2020. P. 3–12.
- Galperin Donnelly M., Sanderson T., Fellman Z. Foreign Fighters in History. – Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2016. 31 p.
- Gates S., Podder S. Social media, recruitment, allegiance and the Islamic State // Perspectives on Terrorism. V. 9. No. 4. 2015. P. 107–116.
- Gerges F. The Far Enemy: Why Jihad Went Global. – N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 345 p.
- Haddad F. Sectarianism in Iraq: Antagonistic Visions of Unity. – N.Y.: Columbia University Press, 2011. 256 p.
- Haddad F. Shia-Centered State-Building and Sunni Rejection in Post-2003 Iraq. Carnegie Endowment for International Peace (CEIP) Paper. 7 January 2016. – Washington D.C.: CEIP, 2016. 27 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP261_Haddad_Shia_Final.pdf.
- Hafez M. Jihad after Iraq: lessons from the Arab Afghans // Studies in Conflict & Terrorism. V. 32. No. 2. 2009. P. 73–94. DOI: 10.1080/10576100802639600.
- Haykel B. ISIS: a Primer // Princeton Alumni Weekly. 3 June 2015. URL: <https://paw.princeton.edu/article/isis-primer>.
- Hegghammer T. Saudis in Iraq: Patterns of Radicalization and Recruitment // Cultures & Conflicts. 12 June 2008. P. 1–14. URL: <https://journals.openedition.org/conflicts/10042>.
- Hegghammer T. Should I stay or should I go? Explaining variation in Western jihadists’ choice between domestic and foreign fighting // American Political Science Review. V. 107. No. 1. 2013. P. 1–15. DOI: 10.1017/S0003055412000615.
- Hegghammer T. The rise of Muslim foreign fighters: Islam and the globalization of jihad // International Security. V. 35. No. 3. 2010/2011. P. 53–94.

- Hyman A. Arab involvement in the Afghan War // *The Beirut Review*. No. 7. 1994. P. 73–89.
- The Islamic State (IS) Establishes Itself in Iraq and Syria. MEMRI Inquiry and Analysis Series Report no. 1126. 22 October 2014. URL: <https://www.memri.org/reports/islamic-state-establishes-itself-iraq-and-syria>.
- James P., Jensen M., Tinsley H. Understanding the Threat: What Data Tell Us about U.S. Foreign Fighters. START Analytical Brief. – College Park (Maryland): University of Maryland, 2015. 4 p. URL: https://start.umd.edu/pubs/START_PIRUS_WhatDataTellUsAboutForeignFighters_AnalyticalBrief_Sept2015.pdf.
- Jones S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Martini J., Robinson E., Chandler N. Rolling Back the Islamic State. – Santa Monica: RAND Corporation, 2017. 272 p. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1912/RAND_RR1912.pdf.
- Kazantsev A., Lynch T. F., Afghanistan in the regional security interplay context // *Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment*. U.S.-Russia Working Group on Counterterrorism in Afghanistan Report. – N.Y.: East-West Institute, 2020. P. 41–66.
- Kohlmann E. Al-Qaeda's Jihad in Europe: The Afghan-Bosnian Network. – Oxford: Berg, 2004. 239 p.
- LaFree G. Using open source data to track worldwide terrorism patterns // *Pathways to Peace and Security [Пути к миру и безопасности]*. 2017. № 1(52): Special Issue. P. 64–76. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-64-76.
- Lemon E.J. Daesh and Tajikistan: the regime's (in)security policy // *RUSI Journal*. V. 160. No. 5. 2015. P. 68–76. DOI: 10.1080/03071847.2015.1102550. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/03071847.2015.1102550?needAccess=true>.
- Lemon E. Pathways to Violent Extremism: Evidence from Tajik Recruits to Islamic State. – N.Y.: Harriman Institute, Columbia University, 2018. 9 p. URL: http://www.columbia.edu/cu/creative/epub/harriman/2018/summer/Pathways_to_Violent_Extremism.pdf.
- Malet D. Foreign Fighters: Transnational Identity in Civil Conflicts. – N.Y.: Oxford University Press, 2013. 256 p.
- Malet D. The European experience with foreign fighters and returnees // *Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them?* Eds. T.Renard, R.Coolsaet. – Brussels: Egmont Institute, 2018. P. 6–18.
- Mansour R. The Sunni Predicament in Iraq. Carnegie Middle East Center Brief. 3 March 2016. – Beirut: Carnegie Middle East Center, 2016. 28 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/CMEC_59_Mansour_Sunni_Final.pdf.
- McManus A. Egypt's foreign terrorist fighters: cycles of violence // *Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia*. – Brussels: Egmont Institute, 2019. P. 9–23.
- Meines M., Molenkamp M., Ranstorp M. Responses to Returnees: Foreign Terrorist Fighters and Their Families. EU Radicalization Awareness Network (RAN) Manual. – Brussels: RAN, 2017. 98 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/ran_br_a4_m10_en.pdf.
- Meleagrou-Hitchens A., Hughes S., Clifford B. The Travellers: American Jihadists in Syria and Iraq. – Washington D.C.: The George Washington University Program on Extremism, 2018. 116 p.
- Moore C., Tumelty P. Foreign fighters and the case of Chechnya // *Studies in Conflict and Terrorism*. V. 31. No. 5. 2008. P. 412–433. DOI: 10.1080/10576100801993347.
- Moore C., Youngman M. “Russian-Speaking” Fighters in Syria, Iraq and at Home: Consequences and Context. – Lancaster: Centre for Research and Evidence on Security Threats, Lancaster University, 2017. 46 p.
- Shin D. Al Shabaab's foreign threat to Somalia // *Orbis*. V. 55. No. 2. 2011. P. 203–215. DOI: 10.1016/j.orbis.2011.01.003.
- Syria's Metastising Conflicts. ICG Middle East Report no. 143. – Brussels: ICG, 2013. 41 p.
- Obaid A. Precarious consolidation: Qari Hekmat's IS-affiliated “island” survives another Taleban onslaught // *Afghan Analysts Network (AAN)*. 04.03.2018. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/precarious-consolidation-qari-hekmats-is-affiliated-island-survives-another-taleban-onslaught>.

- Obaid A. Still under the IS's black flag // AAN. 15.05.2018. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/still-under-the-iss-black-flag-qari-hekmats-iskp-island-in-jawzjan-after-his-death-by-drone>.
- Osman B. The Islamic State in “Khorasan”: How it began and where it stands now in Nangarhar // AAN. 27 July 2016. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/the-islamic-state-in-khorasan-how-it-began-and-where-it-stands-now-in-nangarhar>.
- Pettersson T., Öberg M. Organized violence, 1989–2019 // *Journal of Peace Research*. V. 57. No. 4. 2020. P. 597–613. DOI: 10.1177/0022343320934986. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022343320934986>.
- Postings R. Islamic State recognizes new Central Africa Province, deepening ties with DR Congo militants // *The Defense Post*. 30 April 2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2019/04/30/islamic-state-new-central-africa-province>.
- Postings R. Misinformation and intelligence failures: how the Philippines underestimates ISIS // *The Defense Post*. 22 October 2018. URL: <https://www.thedefensepost.com/2018/10/22/how-the-philippines-underestimates-isis>.
- Postings R. Passport to jihad: European foreign fighters joining ISIS in the Philippines // *The Defense Post*. 12 September 2018. URL: <https://www.thedefensepost.com/2018/09/12/philippines-isis-foreign-fighters-europe>.
- Renard T. Jihadi veterans in the Maghreb: lessons from the past and challenges for tomorrow // *Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia*. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019. P. 50–58.
- Returnees in the Maghreb: Comparing Policies on Returning Foreign Terrorist Fighters in Egypt, Morocco and Tunisia*. Egmont Paper no. 107. Ed. T.Renard. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2019. 58 p.
- Returnees: Who Are They, Why Are They (Not) Coming Back and How Should We Deal With Them?* Eds. T.Renard, R.Coolsaet. Egmont Paper no. 101. – Brussels: Egmont – Royal Institute for International Relations, 2018. 76 p.
- Sageman M. *Leaderless Jihad: Understanding Terror Networks in the Twenty-First Century*. – Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008. 208 p.
- Schmid A.P. *Foreign (Terrorist) Fighter Estimates: Conceptual and Data Issues*. ICCT Policy Brief. – The Hague: ICCT, 2015. 21 p. URL: <https://icct.nl/app/uploads/2015/10/ICCT-Schmid-Foreign-Terrorist-Fighter-Estimates-Conceptual-and-Data-Issues-October20152.pdf>.
- Shanahan R., Khalil L. *Foreign Fighters in Syria and Iraq: The Day After*. – Sydney: Lowy Institute for International Policy Analysis, 2016. 28 p. URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/khalil_and_shanahan_foreign_fighters_in_syria_and_iraq_final_web_120916_0.pdf
- Al-Sharafat S. *How Jordan Can Deal with Jordanian ISIS Fighters Still in Syria*. The Washington Institute for Near East Policy Fikra Forum. 9 August 2019. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/How-Jordan-Can-Deal-with-Jordanian-ISIS-Fighters-Still-in-Syria>.
- Speckhard A. *The Jihad in Jordan: Drivers of Radicalization into Violent Extremism in Jordan*. International Center for the Study of Violent Extremism. 25 March 2017. URL: <http://www.icsve.org/research-reports/the-jihad-in-jordan-drivers-of-radicalization-into-violent-extremism-in-jordan>.
- Stepanova E. *Islamist terrorism as a threat to Europe: the scope and limits of the challenge* // *Political Violence, Organized Crime, Terrorism and Youth*. Ed. M.D.Ulusoy. – Amsterdam: IOS Press, 2008. P. 141–158.
- Stepanova E. *Lone wolves and network agents in leaderless jihad: the case of the Boston Marathon bombing cell* // *Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders*. Eds. K.Rekawek and M.Milosevic. – Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63. DOI: 10.3233/978-1-61499-387-2-50.
- Stepanova E. *The evolution of the al-Qaeda-type terrorism: networks and beyond* // *Dynamics of Political Violence. A Process-Oriented Perspective on Radicalization and the Escalation of Political Conflict*. Eds. L.Bossi, C.Demetriou and S.Malthaner. – Farnham, VA: Ashgate, 2014. P. 288–305.
- Stepanova E. *Radicalization of Muslim Immigrants in Europe and Russia: Beyond Terrorism* // PONARS Eurasia Policy Conference, 12 September 2008. – Washington D.C.: Georgetown

- University Eurasia Strategy Project, 2008. P. 111–115. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_029.pdf.
- Stepanova E. Regionalization of violent jihadism and beyond: the case of Daesh // *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society* [Vienna University, Austria]. V. 2. No. 2: Religious Fundamentalism. 2016. P. 30–55. DOI: 10.14220/jrat.2016.2.2.30.
- Stepanova E. Russia's policy on Afghanistan // *The Central Asia – Afghanistan Relationship: From Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives*. Ed. M.Laruelle. – N.Y.: Lexington Books/Rowman & Littlefield, 2017. P. 89–114.
- Stepanova E. Russia's response to terrorism in the twenty-first century // *Non-Western Responses to Terrorism*. Ed. M.Boyle. – Manchester: Manchester University Press, 2019. P. 23–54.
- Stepanova E. *Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. 198 p.
- Stepanova E. Transnational Islamist terrorism: network fragmentation and bottom-up regionalization // *Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. – Sydney etc.: Institute of Economics and Peace, 2014. P. 74–78.
- Stepanova E., Ahmad J. Militant-terrorist groups in, and connected to, Afghanistan // *Terrorism in Afghanistan: A Joint Threat Assessment*. U.S.-Russia Working Group on Counterterrorism in Afghanistan Report. – N.Y.: East-West Institute, 2020. P. 24–40.
- Syria Calling: Radicalisation in Central Asia. ICG Europe and Central Asia Briefing no. 72. – Brussels: ICG, 2015. 15 p.
- Taylor M. Assessment of the death of Qari Hekmat and implications of IS-KP in the region // *Intelligence Fusion*. 9 April 2018. URL: <https://www.intelligencefusion.co.uk/blog/assessment-of-the-death-of-qari-hekmat-and-implications-for-is-kp-in-the-region>.
- Tentative Jihad: Syria's Fundamentalist Opposition. ICG Middle East Report no. 131. – Brussels: ICG, 2012. 37 p.
- Tucker N. Islamic State Messaging to Central Asian Migrant Workers in Russia. The Central Eurasia – Religion in International Affairs Brief no. 6. February 2015. – Washington D.C.: Central Asia Program, George Washington University, 2015. 8 p. URL: <https://app.box.com/s/realh5419q4qqh3pp5vjdi7ev84e07oi>.
- Vidino L., Marone F., Entenmann E. Fear Thy Neighbour: Radicalization and Jihadist Attacks in the West. Program on Extremism, George Washington University; Italian Institute for International Political Studies; International Centre for Counter-Terrorism. – Milan: Ledizioni LediPublishing, 2017. 109 p. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/radicalization_web.pdf.
- Weiss C. Islamic State claims first attack in Mozambique // *Long War Journal*. 3 June 2019. URL: <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/06/islamic-state-claims-firstattack-in-mozambique.php>.
- Williams R. Religion as political resource: culture or ideology // *Journal for the Scientific Study of Religion*. V. 35. No. 4. 1996. P. 368–378.
- Winter C. Signs of a nascent Islamic State province in the Philippines // *War on the Rocks*. 15 May 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/05/signs-of-a-nascent-islamic-state-province-in-the-philippines>.
- Winter C. War by Suicide: A Statistical Analysis of the Islamic State's Martyrdom Industry. ICCT Research Paper. February 2017. – The Hague: ICCT, 2017. 34 p. DOI: 10.19165/2017.1.03. URL: <https://icct.nl/wp-content/uploads/2017/02/ICCT-Winter-War-by-Suicide-Feb2017.pdf>.
- Wood G. What ISIS really wants // *The Atlantic*. March 2015. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980/Wood2015>.
- Yayla A.S. Turkish ISIS and AQ foreign fighters: reconciling the numbers and perception of the terrorism threat // *Studies in Conflict and Terrorism*. V. 42. 2019. DOI: 10.1080/1057610X.2019/1628613.
- Zelin A.Y. The Others: Foreign Fighters in Libya. The Washington Institute for Near East Policy. Policy Notes no. 45. – Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2018. 46 p. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/PolicyNote45-Zelin.pdf>.
- Zelin A.Y. Tunisian Foreign Fighters in Iraq and Syria. The Washington Institute for Near East Policy. Policy Notes no. 55. – Washington D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2018.

33 p. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/tunisian-foreign-fighters-in-iraq-and-syria>.

Материалы СМИ

- Апулеев Р. Прикрываясь женами и детьми: как террористы проникают в Россию // Газета.ru. 07.11.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/07/12799892.shtml>.
- Арифмезова Г. Совсем не идеальный исламский мир // Независимая газета. 02.06.2015. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-06-02/14_islam.html.
- Артемьев А. Число воюющих за «Исламское государство» россиян увеличилось в три раза // Росбизнесконсалтинг (РБК). 08.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2015/5666dd9e9a79477634196207>.
- Богатик А. Дети погибших в Сирии боевиков вернутся в Казахстан // Каравансарай. 27.12.2017. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/12/27/feature-01.
- Более 100 казахстанцев остаются в зонах конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане – КНБ Казахстана // Интерфакс-Казахстан. 06.02.2020. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=526649&lang=RU>.
- Бондал К. Казахстан реабилитирует детей, недавно вернувшихся из Сирии и Ирака // Каравансарай. 01.08.2019. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/01/08/feature-01.
- Борт с находившимися в тюрьме Ирака детьми вылетел в Москву // РБК. 10.07.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d2607f29a794710737d24c9>.
- Вернувшиеся из Сирии женщины готовы предстать перед законом // РИА Новости. 13.11.2017. URL: <https://ria.ru/20171113/1508735781.html>.
- Владимир Путин: в Сирии до 9000 боевиков из бывшего СССР // Коммерсантъ. 23.02.2017.
- В МИДе заявили об установлении личностей всех уехавших воевать в Сирию россиян // Известия. 07.12.2018.
- Восемь детей и четыре женщины доставлены из Ирака и Сирии в Грозный // ТАСС. 01.09.2017.
- В России запустили горячую линию по возвращению детей из Ирака и Сирии // НТВ. 18.10.2017.
- В Россию просятся семь тысяч вдов // Коммерсантъ. 14.11.2018.
- В руках у антитеррористической коалиции – тысячи женщин и детей боевиков из России // Независимая газета. 16.04.2019.
- В рядах ИГ в Афганистане насчитали 3,5 тыс. человек // Интерфакс. 26.04.2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/560146>.
- Глава ФСБ предупредил о перемещении террористов в благополучные регионы мира // ТАСС. 07.11.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5763642>.
- Дело о теракте в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 года // РИА-Новости. 10.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191210/1562147292.html>.
- Егоров И. Боевики готовят плацдарм: Патрушев пригласил Афганистан и Иран в банк данных ФСБ // Российская газета. 18.12.2019.
- Егоров И. Боевики на экспорт // Российская газета. 15.12.2015.
- Женская история террористического государства: как складываются судьбы россиянок, уехавших в ИГ // Сноб. 19.03.2019. URL: <https://snob.ru/entry/174085>.
- Зайцев В. Наемники в Чечне: досье // Огонек. № 11. 21.03.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1604045>.
- Замглавы администрации президента: более 600 боевиков из России уничтожены за рубежом // ТАСС. 16.05.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5205471>.
- За полгода в Сирии – 16 лет в России // Коммерсантъ. 06.02.2019.
- Кадыров готов амнистировать боевиков, сложивших оружие // Вестник Кавказа. 05.03.2015. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Kadyrov-gotov-amnistirovat-bojevikov-slozhivshikh-oruzhie.html>.
- Кузнецова назвала число находящихся в Ираке и Сирии российских детей // Russia Today. 18.09.2017. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/431358-kuznecova-irak-siriya-deti>.

Кузнецова рассказала, из каких регионов России везут детей в Сирию и Ирак // РИА Новости. 15.08.2017. URL: <https://ria.ru/20170815/1500407482.html>.

Леонов М. Забывчивые эксперты и свидетели в масках // Новая газета. 10.12.2019.

Малашенко А. От ИГИЛа до Донбасса // Независимая газета. 06.03.2015.

Мухин В. Боевиков лишили золотовалютных резервов // Независимая газета.

Мухин В. Войска ОДКБ готовятся дать отпор исламистам // Независимая газета. 20.05.2015.

Обнародовано фото паспорта предполагаемого дагестанского смертника в Стамбуле // Кавказский узел. 01.07.2016. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/285051/>.

Около 300 уголовных дел возбуждено в Чечне против лиц, перешедших в ряды ИГ – прокурор республики // Интерфакс-АВН (Агентство военных новостей). 22.11.2015. URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=396082&lang=RU>.

Организатору теракта в метро Санкт-Петербурга дали пожизненное // Коммерсантъ. 10.12.2019.

Пахоменко В. Из Сирии в Россию: что делать с теми, кто возвращается из ИГИЛ // РБК. 14.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/14/12/2015/566e98ed9a7947c7a87b807e>.

Патрушев назвал число воюющих в Сирии и Ираке жителей Северного Кавказа // Lenta.ru. 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/19/nortcaucasus>.

Петров И. За террористов в Сирии и Ираке воюют до 3,5 тысяч россиян // Российская газета. 17.03.2016.

Прокуратура насчитала почти 800 жителей Чечни в рядах сирийских боевиков // Кавказский узел. 23.10.2017. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/310015/>.

Порядка 200 выходцев из России воюют на стороне боевиков в Сирии // РИА-Новости. 06.06.2013. URL: <https://ria.ru/20130606/941922358.html>.

Путин: в Сирии находятся до 9000 боевиков из бывшего СССР // Известия. 23.02.2017.

Разуваев В. Путин призвал силовиков к порядку // Независимая газета. 25.03.2015.

Редичкина К. В России появятся тюрьмы для террористов // Парламентская газета. 04.12.2018. URL: <https://www.pnp.ru/top/site/v-rossii-royavyatsya-tyurmy-dlya-terroristov.html>.

Российских наемников пересчитали // Интерфакс. 20.09.2013. URL: <https://www.interfax.ru/world/330118>.

Самолет с российскими детьми из Сирии прибыл в Москву // Интерфакс. 07.09.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/675572>.

Север Афганистана превращается в опорную базу террористов // РИА-Новости. 04.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180504/1519906689.html>.

Семь женщин и 14 детей доставили в Грозный спецрейсом из Сирии // ТАСС. 21.10.2017. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4666339>.

Серенко А. Будущее халифата – под вопросом: перспективы и сложности продвижения проекта «Исламское государство» на восток // Независимое военное обозрение. 22.05.2015.

Согласие на уголовное преследование стало условием возвращения чеченок из Сирии // Кавказский узел. 14.11.2017. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/312463/>.

Соколов А. Как мигранты выживают в кризис // Ведомости. 16.07.2020.

Солопов М. Спецслужбы России вычислили сотни вернувшихся из Сирии и Ирака боевиков // РБК. 25.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2015/567bfd9a7947a3b3bc7387>.

Соммервиль К. Ненужные семьи «Исламского государства»: что ждет жен и детей боевиков ИГ // Би-би-си Русская служба. 16.04.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47916420>.

Спецборт МЧС доставит более 30 российских детей из Ирака в Москву // Интерфакс. 18.11.2019. URL: <https://www.interfax.ru/world/684608>.

Спецслужбы России вычислили сотни вернувшихся из Сирии и Ирака боевиков // РБК. 25.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/12/2015/567bfd9a7947a3b3bc7387>.

Степанов А. Опасные жены // Российская газета. 23.05.2019. URL: <https://rg.ru/2019/05/23/reg-skfo/mvd-podschitalo-skolko-rossiian-nahoditsia-v-lageriah-boevikov.html>.

Суд над россиянками в Ираке перенесли на март // РИА Новости. 14.02.2018. URL: <https://ria.ru/20180214/1514647672.html>.

Террорист уехал, но обещал вернуться // Коммерсантъ. 05.07.2016.

Третий осужденный за коррупцию оказался людьми без определенных занятий // РБК. 28.04.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/04/2018/5ae1a24c9a7947031454275f>.

30 российских детей, содержащихся в иракских тюрьмах, вылетели в Москву // Интерфакс. 30.12.2018. URL: <https://www.interfax.ru/russia/644692>.

39 семей возвращено из Сирии в Казахстан // BaigeNews.kz [Нур-Султан]. 19.12.2018. URL: https://baigenews.kz/news/39_semei_vozvrashcheno_iz_sirii_v_kazahstan.

Туровский Д. Мечети, в которые опасно ходить // Meduza.io. 24.02.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/02/24/mecheti-v-kotorye-opasno-hodit>.

Установлена личность найденной в Ираке чеченской девочки // Кавказский узел. 02.08.2017.

Фахрулдинов Р. Пресекли 39 терактов: в ФСБ рассказали о подготовке нападений // Газета.ru. 16.10.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/16/12758864.shtml>.

ФСБ: во время объявленной в 2006 г. амнистии с повинной по всей России явились 546 человек // NewsRU.com. 13.02.2007. URL: <https://www.newsru.com/russia/13feb2007/4e4nya.html>.

ФСБ: установлены 5,5 тысячи россиян, выехавших воевать в рядах террористов // РИА-Новости. 16.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191016/1559839880.html>.

Эрдоган заявил о причастности уроженцев бывшего СССР к теракту в Стамбуле // РБК. 05.07.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/07/2016/577b60c29a79470441432103>.

Bayoumi A., Harding L. Mapping Iraq's fighting groups // Al-Jazeera. 27 June 2014

Bremmer I. The top 5 countries where ISIS gets its foreign recruits // Time. 14 April 2017.

Corera G. MI5 boss Andrew Parker warns of 'intense' terror threat // BBC News. 17 October 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-41655488>.

Ercan R. Turkey continues to fight terrorist group Daesh // Anadolu Agency. 11 October 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-continues-to-fight-terrorist-group-daesh/1610855>.

Erdogan announces Istanbul airport attack terrorists' nationalities // Sputnik. 5 July 2016. URL: <https://sputniknews.com/world/201607051042443819-turkey-istanbul-airport-terrorism/>.

Experts note growing numbers of IS militants from Central Asia in Afghanistan // Sputnik Tajikistan. 13.02.2018. URL: <https://tj.sputniknews.ru/world/20180213/1024733934/eksperty-otmechayut-rost-afganistan-boevikov-ig-sentral-asia.html>.

French, Algerian fighters join ISIS in Afghanistan // Ashark Al-Awsat. 11 December 2017. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/1109826/french-algerian-fighters-join-isis-afghanistan>.

Help from the holy warriors // Newsweek. 10 April 1992.

Hodge N., Stancati M. Afghans sound alarm over Islamic State recruitment // Wall Street Journal. 13 October 2014.

Hubbard B., Schmitt E. Military skill and terrorist technique fuel success of ISIS // New York Times. 27 August 2014.

"I don't regret attacking Istanbul's Reina": ISIL militant Masharipov // Hurriyet Daily News. 20 January 2017.

ISIS in Afghanistan: "Their peak is over, but they are not finished" // The Guardian. 18 November 2016.

ISIS leader al-Baghdadi appears in first video since declaring caliphate in 2014 // The Defense Post. 29 April 2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2019/04/29/isis-leader-baghdadi-video>.

ISIS targets South-east Asia radicals in latest recruitment video; "propaganda", says Philippines // Straits Times. 23 June 2016.

Islamic State and the crisis in Iraq and Syria in maps // BBC News. 21 December 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27838034>.

Istanbul: ISIL claims responsibility for Reina attack // Al Jazeera. 2 January 2017. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/01/isil-claims-responsibility-turkey-nightclub-attack-170102082008171.html>.

Karimi F., Almasry S. Istanbul airport attacks: planner, 2 members identified, report says // CNN News. 2 July 2016. URL: <https://ria.ru/20160702/1456435229.html>.

Nakhoul S. Saddam's former army is secret of Baghdadi's success // Reuters. 16 June 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-baghdadi-insight-idUSKBN0OW1VN20150616>.

Oweis K.Y. Insight: Saudi Arabia boosts Salafist rivals to al Qaeda in Syria // Reuters. 1 October 2013. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-jihadists-insight/insight-saudi-arabia-boosts-salafist-rivals-to-al-qaeda-in-syria-idUSBRE9900RO20131001?irpc=932>.

Rayner G. Half of UK's Isis jihadists unaccounted for, minister admits // The Daily Telegraph. 6 January 2018.

Siffert J. Terror in Wien: Was wir wissen - und was nicht // Kurier. 3 November 2020. URL: <https://kurier.at/chronik/oesterreich/anschlag-in-wien-was-wir-wissen-und-was-nicht/401085240>.

2 U.S. soldiers killed while fighting ISIS militants in Afghanistan // Time. 27 April 2017.

Sharma S. The Islamic State was dumped by al-Qaeda a year ago: look where it is now // The Washington Post. 3 February 2014.

Turkiye'nin detaylı ISiD raporu // Cumhuriyet. 1 July 2016. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/turkiye/561203/Turkiye_nin_detayli_ISiD_raporu.html.

Vidino L. How real is the threat of returning IS fighters? // BBC. 23 October 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/world-41679377>.

Witte G., Raghavan S., McAuley G. Flow of foreign fighters plummets as Islamic State loses its edge // The Washington Post. 9 September 2016.

Об авторе

Степанова Екатерина Андреевна – ведущий научный сотрудник и руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), доктор политических наук, профессор РАН. Основные темы исследований – вооруженные конфликты, терроризм, радикализация, идеологический экстремизм, сетевые структуры, регулирование конфликтов и восстановление мира, безопасность человека и общества, политэкономия конфликтов. Среди авторских монографий – «Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты» (Научная книга, 2010), “*Terrorism in Asymmetrical Conflict*” (Oxford University Press, 2008) и «Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма» (Весь мир, 2005; медаль РАН для молодых ученых). Редактор коллективных монографий и сборников, включая «Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы)» (ИМЭМО РАН, 2017) и “*Terrorism: Patterns of Internationalization*” (Sage, 2009). Главный редактор академического журнала по проблемам мира и конфликтов «Пути к миру и безопасности». Контактное лицо в ИМЭМО Глобальной исследовательской сети при Исполнительном директорате Контртеррористического комитета ООН. В 2007–2009 годах – руководитель Программы по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов в Стокгольмском международном институте проблем мира.

About the author

Dr Ekaterina Stepanova is a lead researcher and head of Peace and Conflict Studies Unit at Primakov National Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow. She holds a Dr.Habil. in Political Science and is a Russian Academy of Sciences Professor. Her research and publications focus on armed conflicts, terrorism, extremist ideologies, radicalization, violent networks, peace processes, peace-building, human security, and political economy of conflicts. Her several monographs include “*Terrorism in Asymmetrical Conflict*” (Oxford University Press, 2008) and “*The Role of Illicit Drug Business in the Political Economy of Conflicts and Terrorism*” (Ves’ Mir, 2005). Her edited volumes include “*Addressing Terrorism, Violent Extremism and Radicalization: Perspectives from Russia and the United States*” (IMEMO, 2017) and “*Terrorism: Patterns of Internationalization*” (Sage, 2009). She edits Russia’s specialized academic journal on peace and conflict studies “*Pathways to Peace and Security*”. Dr Stepanova is the IMEMO contact point for the UN Counterterrorism Committee Executive Directorate’s Global Research Network. In 2007–2009, she was on leave from IMEMO to lead the Armed Conflicts and Conflict Management Program at Stockholm International Peace Research Institute.

Научное издание

Степанова Екатерина Андреевна

ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке

Монография

ISBN 978-5-9535-0583-3

9 785953 505833

Подписано в печать 23.11.2020.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 24,75 п. л., 17,2 а. л. Тираж 300 экз. Заказ № 30 /2020

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23